

ЛЕСЯ ОРБАК

ЗАКОН ОБРАТНОГО ОТСЧЕТА

Порой спасти жизнь человеку может только чудо. И то, если успеет долететь до места преступления на паре «Нортон Коммандо» семьдесят третьего.

Джа и Джен продают подержанные мотоциклы. И спасают людей. Они не играют в супергероев, просто один способен предвидеть убийства, а второй — останавливать их.

И Джа всегда считал свои видения даром, но маховик убийств набрал обороты, проявив неожиданную связь между ними.

Сумеют ли герои остановить скрытую силу? Или новые законы природы навсегда изменят привычный мир? И на чьей стороне оказались пророк с инквизитором — добра или зла? Ответ на последний вопрос найти сложнее всего. Особенно, если методы борьбы — спорные.

Смрад нагретой солнцем крови невыносим. На окнах ни штор, ни рам. Что уж говорить о стеклах? Этот дом старше полотна дороги, раскатанного от Икстерска прямой лентой на двадцать три километра вплоть до развилки на мелкие деревушки. И никакого подъезда к утопленной в сосновом пролеске лачуге. Как шины не пробили по ухабам? Чудо. Мистическое ли, техники ли — чудо.

В доме всюду песок. Хрустит под кедами, укрывает разохшиеся подоконники. За годы заброшенности его нанесло столько, что трехногий стол, разбитая тумбочка без дверей, как и остатки другой мебели, кажутся вековыми песчаными насыпями. Только тело на полу — свежее. Если дотронуться без перчаток, скорее всего, окажется еще теплым. Но Джен не идиот лапать убитых, копам хватит и мотоциклетных следов на подъезде к лачуге. Опять менять покрышки.

Они так спешили, что Джен не успел как следует пристегнуть свои многоножны (как их называет Джа). Два ремня болтаются, шлепают по ногам, благо ножи закреплены на совесть, не выскользнут из пазов. Не удобно работать за городом. И парень мертвый лежит совсем не удобно. Джа говорил про кольцо в левом ухе. Беда в том, что на левый бок несчастный и завален. Джелу приходится извернуться, проверить себя на гибкость, вынимая серебряную серьгу из мочки, только бы не нарушить положение тела. Помочь жертве он уже не сможет, так хоть следакам не помешать.

Порог дома просел на один бок и скрипит-трещит, как картон в велосипедных спицах. Редкие хилые сосны сдаются под натиском солнца, пропускают лучи жарить траву, но в древесных джунглях все равно дышится легче, чем в каменных. И выйдя из дому, Джен дышит в полные легкие.

Мотоциклы заметны не сразу. Нужно сделать несколько шагов на восток, чтобы увидеть черные бока и никелированный блеск рам. Джа рядом. Сидит на траве, поджав колени к груди, больше чем когда-либо похожий на мальчишку. В свои-то тридцать два. Он никогда не заходит в дома, ему и без вида убийств хватает кошмаров.

— Не успели, — Джа сдирает с головы клетчатую бандану, рассыпая отросшие почти до плеч смоляные пряди.

— Слишком далеко.

Джен садится рядом. Спина к спине. Затылок к затылку. Если и чувствовать вину, то одну на двоих. За первый в этом июле промах, за не спасенную жизнь.

Он передает через плечо серебряное кольцо в тонкие, вечно холодные пальцы.

— Джа, мы ведь не можем успеть везде, — оправдание кажется правильным, но почему-то не приносит легкости. Так, глянец на совести. — Это просто случайность.

— Случайностей не бывает, — отвечает пророк, и Джен чувствует его глубокий вдох позвоночником. — Наш мир подчиняется строгим законам. Просто мы не все эти законы знаем. Мы их не знаем...

Часть 1. ПРОРОК / ИНКВИЗИТОР. Глава 1

Хоть искупай руки в глицерине, все равно кожа трескается от ввевшегося машинного масла. Перчатки не спасают, нет-нет, да схватишься отмытыми пальцами за нечищеную гайку, если заметил не на месте. Не оставлять же ее где попало, потом хер найдешь.

В мастерской Джена на стеллажах каждый ящик подписан черным маркером: наименование деталей, марка мотоцикла. Картонными перегородками отделены дешевые аналоги запчастей, которые Джен хранит лишь для экстренных случаев. Например, если оригинальную деталь приходится ждать пару месяцев, а хозяин без мотоцикла, как без души. Джен и платы за них не берет — все равно вернутся, как аренду считать что ли?

Инструменты развешены по специальной подставке на колесиках, ее Джен сколотил из купленного на местной барахолке кресла и выброшенной соседом тумбы. Раньше, пока хранил ключи да плоскогубцы в металлическом ящике, приходилось отвлекаться, чтобы выудить нужный, или просить помощи Джа при срочном ремонте. Теперь достаточно протянуть руку, пальцы помнят, что где.

— Покупаааатель! — доносится снаружи сквозь рев «Юрай Хип» из подвешенной над верстаком магнитолы. Джа умудряется переорать даже Яна Гилана, Байрон для него вообще — так, петух простуженный.

Придется сцеплению отлежаться. Джен стягивает рабочие перчатки и с сожалением бросает вверх троса. Ему бы еще минут пятнадцать, разобраться с ведущим барабаном, но покупателя нельзя задерживать, иначе скоро вернется с поломкой. Так говорит Джа. Может, он и сочинил примету, чтобы не развлекать клиентов подолгу, Джену все равно. Джа очень редко выдумывает или приукрашивает, и никогда — попусту.

Кстати, идею сделать мастерскую и гараж одним сквозным боксом Джа подал. Так оказалось удобнее. Ворота на узкую улицу городской окраины гордо окрестили «клиентскими», ворота во двор — «своими». И закрывались на три замка с коваными засовами только первые.

Ноги затекли. Джен тяжело поднимается с бетонного пола, выгибается, разминая спину. От разобранного байка до «своих» ворот дюжина шагов, Джен на ходу переодевает футболку, переобувается, причесывает пятерней отросший ежик на голове. И в калитку к гостям Джен выходит совсем другим человеком: не зарывшимся в промасленный металл механиком — продавцом мечты. Не меньше.

Какие мотоциклы предложить новым клиентам Джен понимает с первого взгляда на сухонькую женщину и седого мужчину с барсеткой в пухлых пальцах. Они сидят на лавочке перед наглухо закрытыми воротами гаража и готовятся торговаться. Им интересна только цена вопроса. Байк не для них.

Щуплый парнишка, видимо — сын, переминается с ноги на ногу рядом и бросает нетерпеливые взгляды на Джа. Мальчишка прячет руки в карманах, сутулится так, что лямки майки норовят сползти с плеч. Джен, прикинув рост и вес парня, готов спорить на деньги, какой байк перекочет из гаража в кузов припаркованного у бордюра пикапа, но, поздоровавшись с клиентами, уточняет по правилам:

— Для каких целей вам нужен мотоцикл?

Он намеренно задает вопрос родителям-кошельку, и только когда отец семейства кивает в сторону сына: «Предлагали ему машину, а он отказывается», Джен спрашивает

мальчишку в лоб:

— Первый, недорогой, покладистый? Возможно — спорт?

Парень смущается переполняющей радости, от того кивает молча, но размашисто.

— Есть что-то, чего ты НЕ хочешь видеть в своем мотоцикле? Предпочтение японцам или европейцам? Нет? Отлично. У меня есть несколько подходящих, — Джен хлопает мальчишку по плечу и, игнорируя растерянность родителей, идет к дому. — Выберешь свой по голосу.

Джа развалился на лавочке, закинув руки на высокую дощатую спинку, и наблюдает с улыбкой за нехитрым фокусом Джена.

Несколько лет назад он точно так же пришел за мотоциклом. И точно так же выбрал «по голосу» свой любимый бессменный Нортон Коммандо семьдесят третьего года.

«Клиентские» ворота сейчас заперты изнутри, поэтому Джен возвращается в мастерскую-гараж через внутренний двор. Как всегда из-за угла, перехватывает ветку разросшейся сирени, которая норовит садануть по лицу. Джен давно бы спилил куст, но Джа противится: что выросло — уничтожить нельзя, природа гораздо умнее. Правда, этот постулат не мешает ему с ожесточением выдергивать сорняки из цинний.

Ну и пусть. Чем бы пророк не тешился, лишь бы не предсказывал.

Открывать «клиентские» ворота гаража Джен не торопится. Оглядывает с гордостью мотопарк, намечая взглядом тех, у кого, возможно, начнется новая жизнь. Мотоциклы стоят вдоль стен по обе руки. Гордая классика, хищные спортбайки, вальяжные чопперы, среди которых затесалась пара угловатых эндуро, опираются на подножки, подставляются под ладони, и Джен гладит обеими руками цветные баки, касается пальцами ручек тормоза и обтекателей.

Ключи свисают с зеркал на тонких черных шнурках. Джен останавливается у неприхотливого темно-синего Судзуки Бандита и вставляет ключ в замок зажигания. Байк молчит, выжидает. Джен не против оседлать старого покладистого железного коня, но следующим на сидении должен оказаться новый хозяин. Щелкает электростартер, Бандит рычит озлобленной собакой, а Джен отсчитывает пять секунд и глушит мотор. Этот байк остается пока в мотопарке.

Следом оживают и глохнут старенькие Хонда с Ямахой, совсем новый, но уже побывавший в кювете Кавасаки Балиус. Джен снимает очередной ключ и с тревогой оглядывает мотопарк — если клиенту не подойдет эта Априлиа, то останется последний, не самый лучший вариант. Двигатель добротного байка подает голос, Джен мысленно ведет обратный отсчет и останавливается на «двойке». Его прервали короткие удары по железу «клиентских» ворот снаружи. Это сигнал от Джа — у байка появился новый хозяин.

Только теперь, не заглушая мотор, Джен отпирает вторые ворота и впускает мальчишку. Сначала парень заглядывает в полумрак гаража (после полуденного солнца две лампы — скудное освещение), затем оборачивается к родителям, и, получив в ответ покровительственные вздохи, делает шаг. Он смотрит под ноги, чтобы не споткнуться от волнения, ладони елозят в задних карманах джинсов — вспотели.

— И долго будем на холостом бензин жечь? — подтрунивает Джен.

В два прыжка парень оказывается у Априлии. Седлает уверенно, проворачивает ручку газа, медленно увеличивая обороты.

— Вижу, права не в Интернете купил, — уважительно кивает Джен, подходя ближе. —

Или покататься давали?

— У друга Хонда, — сияет парень, и тут же скороговоркой оправдывается. — Но я права не покупал, учился в автошколе, все по правилам.

— Надеюсь, — Джен для виду хмурит брови. — Я не люблю, когда разбивают мои байки. И когда в них всякие недоучки копаются. Поэтому, если что случится — гони сюда. Захочешь учиться, вместе разберем и починим. Сам не суйся. Все понял?

— Ага, — кивает парнишка, наглаживая теплый бок бензобака.

Цена таким обещаниям — ржавый гвоздь. Из всех клиентов «учеников» у Джена набралось не больше десятка, но предложить-то стоило.

— Слезай, оформлять будем.

Для родителей Джен расписывает особенности байка и демонстрирует его боеготовность. Мотор урчит ровно, цепь в порядке, ни ржавчины в баке, ни масляных следов на вилке. А ведь эту Априлию Джен восстанавливал из трех разбитых. Красавица тех трудов стоит.

Мальчишке технические мелочи по барабану, он уже влюбился. Поэтому Джелю на особо важных в обслуживании мотоцикла моментах приходится шлепком по плечу возвращать парня из нирваны.

Все документы на байк висят в пакете на правой ручке руля, уложенные в папку с файлами. Остается только заполнить бланки продажи и выписать чек.

— Джа снаружи? — спрашивает Джен у мнующихся в воротах родителей.

Отец семейства вытягивает шею, рассматривая улицу, будто так увидит больше.

— Нет, наверное, в доме.

— Ну и ладно, — улыбается Джен. — Тогда я сам все вам оформлю.

Конечно, у него есть запасной ключ от сейфа с портативным кассовым аппаратом. В бланки требуется вписать только паспортные данные покупателей и дату — ничего сложного. Джен легко справляется с обязанностями напарника, рассказывает, какие документы еще предстоит получить и где зарегистрироваться. Клиентам он запомнится обходительным молодым человеком, хотя под шорох отсчитываемых банкнот в висках Джена барабанит тревога.

Джа бросил клиентов.

Джа спрятался в доме.

Джа снова в агонии.

Вопреки обычаю, Джен не помогает погрузить Априлию в кузов пикапа, а предложенный раскладной трап разрешает оставить у забора. Гаражные ворота запирает всего на один засов, оставляет включенным свет. И несется в дом.

Джа лежит на пороге у парадной двери — не успел доползти до дивана, хотя их специально поставили в гостиной три штуки. Его еще трясет. Он прижимает к талии острые локти и елозит лбом по грязному резиновому коврику, собирая двухдневную пыль волосами. От Джена до него целая комната, в которой слишком много стульев и лезут под ноги упавшие с дивана подушки.

— Потерпи, — просит Джен, подхватив друга на руки, и тащит к дивану. Джа кажется совсем легким, будто скрученным из проволоки. Не человек — скелет-каркас со стеклянными глазами. В такие моменты отчаяние Джена доходит до точки кипения, до той отметки гнева, когда на себя уже наплевать. Он стоит на коленях, упираясь кулаками в потертую обивку дивана, и шепчет, зная, что Джа все равно не услышит. — Это когда-нибудь

кончится. Наверное, когда мы перебьем всех. Или когда грохнут нас, Джа, но это должно закончиться. И почему тебе? Почему, блядь, все это дерьмо — тебе? Ты ведь сам ну нихера сделать не сможешь.

— Зато ты сможешь, — сипло и совсем тихо.

Джен поднимается, помогает другу сесть, подтыкает подушки под спину.

— Ну? Что видел?

Джа облизывает пересохшие губы и морщит лоб, трет переносицу костяшками пальцев.

— Стройка, — наконец, произносит он твердо. — Брошенная стройка, даже первый этаж не закончен, одни стены. Рядом какая-то вышка. Похоже на район Октябрьских улиц, то ли первая улица, то ли вторая, я в той части города не ориентируюсь.

— Там есть несколько брошенных высоток, — вспоминает Джен. — Возле частного сектора. Видел дома рядом?

— Нет, но черт его знает.

— Ладно. Дальше.

— У него нож, отвертка, огнестрела нет, — взгляд Джа застывает на одной точке, будто картинка ускользнула из памяти, но тут же возвращается. — У него нога правая болит. Девчонка отбивалась, пнула под колено.

— Девчонка?

— Да. Высокая такая блондинка, с короткой стрижкой. У нее кулон на шнурке, она его под кофту прячет. Дракон. С такими крыльями, — Джа вскидывает руки с растопыренными пальцами. — И камни в глазах. В смысле, у дракона камни. Блестят. Джен... мы успеем?

— Успеем, — обещает Джен.

Должны успеть. До Октябрьских улиц минут пятнадцать езды. А бензобаки заполнены и экипировка всегда наготове.

Для центральной улицы такая скорость непростительна. Два Нортон торпедами летят по средней полосе главной артерии города, поймав «зеленую волну» — контроль скорости между светофорами доведен до автоматизма.

От ветра шумит в ушах, и шлем не спасает.

Иногда отвлекают сигналы возмущенных черепах на четырех колесах, мало кто любит резвые обгоны. Но недовольные могут идти лесом. Менты — тоже, даже если догонят. Джен ради наклеек «Неприкасаемых» несколько суток возился с Харлеем сына начальника полиции, так пусть коррупция и взяточничество хоть раз сработают на благое дело.

У моста через реку Энку солидная пробка. Джен лавирует между машинами, и настигает обтянутую черной кожей спину Джа возле светофора. Пророк нервничает. Порывается выпрямиться в седле, но не рискует отпустить руль. Вертит по сторонам головой, которая из-за мотоциклетного шлема над щуплыми плечами кажется огромной. Раньше Джена забавляла эта картина, теперь ему не смешно — дико.

Дикость — лететь пусть на окраину, пусть застойного, но все же — города среди бела дня. Совсем озверели сволочи.

Джа срывается с места резко, колеса описывают зигзаг по горячему асфальту. Подрезанный Опель истерично визжит сигналом. Прости, чувак, но вдруг там, на стройке твоя дочь? Нельзя опаздывать.

Этот район собирались отстроить для переселенцев, когда Икстерску заслугами двух

выходцев-художников присвоили статус кузницы талантов. Думали, понаедут туристы, подтянется богема из соседних провинций. Нихрена. Икстерск так и остался неуклюжим «мертвым» миллионником, раздробленным на бывшие когда-то пригородами районы. Сомнительные красоты типовых домов и воды Энки цвета кваса похоронили инвесторские мечты. А особый дух свободы, действительно витающий над Икстерском, пришлым не открылся.

Строительство свернули. Среди густо наклепленных жилых многоэтажек брошены бесхозные теперь остовы. На радость молодежи и маньякам.

Джа сбавляет ход, перестраивается на крайнюю полосу. Джен тормозит рядом.

— Потерял, — зло рычит Джа сквозь гул мотора, вглядывается в бетонные заросли по обе стороны развилки, чтобы сориентироваться. Сейчас он похож на овчарку, берущую след по запаху. — Там. Точно, там.

Поворот налево. Вдоль пыльного ковра высохшей травы до скучковавшихся монолитов метров двести. Солнце палит в спину так, что чувствуется запах нагретой кожи байкерской куртки. Хрен знает откуда взявшиеся кузнечики разбиваются о шлем, хоть выдумывай мини-дворники.

Только бы успеть.

Возле вышки стройки по обе стороны, но Джа уверенно указывает на одну из них и, развернувшись, заезжает на вторую. Здесь есть, где спрятаться вместе с мотоциклами. У дома не отстроено даже первый этаж. Рядом стопками сложены бетонные блоки, ржавеет строительный кран. И кажется, будто гигантский ребенок просто не успел собрать конструктор.

Ни крика, ни грохота возни с соседнего остова. Даже ветра нет, хотя на открытом пространстве должен шуровать, раскачивая крановую стрелу до противного то ли скрипа, то ли воя. У Джена легкое дежавю от панорамы, по таким же стройкам в детстве его искали родители. Ему было весело, им — вряд ли.

Добегался. Теперь он на их месте. Джа называет такие моменты Законом кармических люлей, он любит давать определения выкрутасам жизни.

— Будь осторожен, — просит Джа напоследок, хотя в глазах горит: «Поторопись».

Джен опускает балаклаву как забрало и сдержанно кивает. Между ними не принято обниматься или разводить сопли на тему «а вдруг уже не вернешься». Почему-то Джа уверен, что случись с Дженем смерть, он ее обязательно увидит. Другим ведь пророчит. А Джен — это Джен. Его беду Джа обязан почувствовать.

Распахнута куртка. Заточки, кинжалы, звездочки-сюрикены — целая батарея металлолома закреплена на груди ремнями. Джен крадется по высокой траве, и стебли шуршат под рифлеными подошвами. Трава так разрослась, что кое-где высовывает макушки в оконные дыры. Из-за них приходится вглядываться внутрь стройки тщательнее, но зато — дополнительная маскировка.

Сдавленный, задушенный крик совсем близко сжимает рефлекс пружины. Теперь Джелу проще, он знает расстояние, направление и главное — уверен, что успел.

Рукоять зажатого в кулаке ножа сухо царапает по бетону, когда Джен, подтянувшись, запрыгивает в оконный проем. Под ноги лезет ржавый хлам и приходится смотреть не только по сторонам, но и куда ступаешь. Хоть бы трава не мешалась.

Комната. Вторая. Снова хрип, слава Богу, без примеси боли. Только испуг-истерика-

паника.

Подонок за углом. Фирменные джинсы, футболка без нити синтетики, обувь дорогая — странно видеть такого наперевес с грубо заточенным тесаком посреди мертвого района. Такие если и пачкают руки, то по дебильной случайности, «в состоянии аффекта», как потом заливают адвокаты. Широкая спина заслоняет девчонку — оно и к лучшему, можно попытаться обойтись без крови. Джен перехватывает поудобнее нож, шагает через россыпь кирпичей в проходе и с размаху прикладывается кулаком по русому затылку.

Утяжеленный рукоятью удар рассчитан точно, мужик валится как подкошенный в заросли проросшей полыни, но все еще дышит. В отличие от зажатой в угол девчонки.

Замерла. Уставилась огромными глазищами и не моргает, только пятка в белом кроссовке медленно съезжает с лежащего под наклоном кирпича. Руки заведены за спину, связаны каким-то тряпичным бабским поясом. Кожа возле узлов стерта до крови, саднить будет неделю, как минимум.

— Идти можешь? — спрашивает Джен, освободив девочке запястья.

Она в ответ кивает уверенно, но при первом же шаге на кирпичах подворачивает ногу. Откуда их здесь столько? И как не растащили? Джен подхватывает девчонку на руки, ему не удобно из-за шелковой кофточки — та скользит по латексным перчаткам, кажется, ноша вот-вот выпадет, и приходится прижимать ее сильнее, перехватывать ладонью под самой грудью. Хоть бы за шею схватилась что ли. Да, вот так.

От мотоциклетного рыка девчонка вздрагивает, ей Джа из-за укрытия плит не виден.

— Это свои, — неловко объясняет Джен. — Сейчас увезем тебя отсюда. Подальше. Где люди.

Она не против, и прижимается сильнее. Если будет так же цепляться на мотоцикле, можно не бояться, что слетит.

Джен сворачивает за угол стройки, ускоряет шаг, приближаясь к байкам. Джа уже оседлал Нортон и даже шлем напялил, но его радость от Джена не скрыть никакими забралами. Еще бы — они успели.

— Сейчас прижимайся ко мне всем телом и держись крепко, — инструктирует Джен, застегивая на девчонке свой шлем. — погоди, сначала я сяду, потом ты. Сумеешь? Вот так.

Гравий из-под колес летит пулеметной очередью, песок бьет в лицо Джена, но это такие мелочи. Глаза прикрыты запасными очками, сзади вжимается в кожу куртки живой человек. Живой — это самое важное. А стройка, поганый район и, наверное, уже пришедший в себя, подонок пусть остаются за спиной, в прошлом.

Чтобы не светиться, останавливаются в уютном дворике гражданского квартала.

— Нам дальше нельзя, и видеть ты нас никогда не видела, договорились? — Джен нахлобучивает освободившийся шлем, стараясь не задирать подбородок, не светить лицо перед случайными взглядами с окон.

— Ладно, — впервые подает голос девчонка и смолкает. Не садится — падает на лавочку у подъезда с обреченным видом. Все вопросы, застрявшие поперек ее горла в борьбе за первенство, давно парням знакомы.

— Как тебя зовут? — Джа сходит с мотоцикла и садится перед девчонкой на корточки.

— Александра, — отвечает она твердо. Молодец, уже взяла себя в руки.

— Алекс... Можно, я буду звать тебя Алекс? — Джа откидывает очки шлема, сжимает ее ладони в своих, и Джен невольно отворачивается, зная, почему девчонка смотрит на пророка так заморожено. Чтобы убедить, успокоить или морально убить человека Джа

достаточно поймать его взглядом. Как сейчас. — Алекс, мы уедем, а ты с мобильного вызовешь такси и полицию. Расскажешь, что произошло. Как тебя притащили на стройку, что он собирался с тобой сделать, и как его остановили. Не надо врать, рассказывай, как было. Всю правду. Но когда тебя попросят описать нас, придумай нас другими. Хорошо? Просто придумай, представь, что я, например, толстый, а он волосатый, как Чубака. И без мотоциклов. Договорились? Алекс, мы не должны были там появляться. Ты понимаешь? Если нас найдут, у нас будут большие проблемы. И мы не сможем помочь другим. Обещаешь не выдавать нас?

— Скажу, что вы были в костюмах Бэтмена и Супермена.

— Годится, — смеется Джа. Заразительно, ободряюще. Девчонка тоже улыбается отражением. Грустнеет, только когда он отпускает ее руки, закидывает ногу на байк и прощается, как всегда придумав сиропно-милое прозвище. — Пока, птенчик.

Возможно, этой странной, да что уж там — дурацкой манерой — Джа пытается скрасить кошмар хоть каплей неуклюжей романтики. Возможно, он рассчитывает на чудесный эффект последнего слова, Джен никогда не спрашивал, и не спросит. Тонкости людских душ — прерогатива пророка. У инквизитора другие, приземленные задачи: подготовить амуницию для следующего «забега», снять фальш-номера байков и избавиться от покрышек. Больше они ничем не наследили.

Вернувшись домой, Джа стягивает кеды нога об ногу, сует ступни в драные домашние тапки, которые не позволяет выбросить уже два года, и шлепает на кухню. Звенит бутылками, открываясь, дверца холодильника. На верхней полке штабелями лежат литрушки с питьевой водой. Джа с щелчком сворачивает новую крышку, присасывается и жадно глотает ледяную воду, остужая горло, угробляя связки, призывая ангину в гости. Лишь напившись до холодного комка в груди, Джа отставляет бутылку.

Джен доволен и спокоен, вернувшись домой. Захотелось горячего чая, он поджег огонь под пузатым чайником, отсыпал в ситечко пуэра с вишневыми ягодами.

— Еще одну жизнь спасли, — эти слова для Джена как зарубки на воздушной стене с удачными днями.

— Ну да, — отвечает пророк сипло и безрадостно. — Не зря день прожит. Не зря. Я пойду, пошумлю немного.

Он выходит из кухни.

Шаги прошлепали по линолеуму в гостиной, старчески скрипнула сначала вторая ступенька на лестнице, затем седьмая. Как открылась и захлопнулась наверху дверь, Джен уже не услышал — петли он недавно смазал на совесть, а защелку замка убрали еще в прошлом марте, когда приступ Джа случился за закрытой дверью и Джелу пришлось ее выбивать.

Надо бы и со ступеньками разобраться, но все руки не доходят.

Солнце, закатываясь на бок, лезет в окна рыжими лапами. Джен заваривает чай и включает телевизор. Каналы транслируют домохозяйечную муть — на ток-шоу спорят о геополитике, реклама соблазняет купить новый хэтчбэк и стирать только «Лаской», в новостях хвалятся освоением нанотехнологий и спасением села дотациями пятьсот рублей на человека. Спустя пару десятков каналов Джен понял, что выбирать придется между сериалом про ментов и историей доярки в столичном бизнесе — так себе перспектива.

Копаться в байках нет вдохновения. Да и сил после подвига остались крохи. Всякий раз

выезды опустошают Джена как мотор Нортон — бензобак. Каким бы ни случился исход, энергетическая батарея инквизитора разряжается до нуля. С Джа все наоборот, его адреналин еще долго рвет на части, требует выхода. А Джен сдувается. Поэтому ночью проще: вернулся, в душ и спать, отключиться, чтобы завтра с новыми силами жить, суесться, работать, ничего не успевать конечно же, откладывать что-то на потом с чистой совестью.

Сегодня спать еще рано. Можно принять душ, поваляться в кровати со смартфоном, посмотреть ролики на Ютубе или поискать в соцсетях симпатичных девчонок для несерьезных отношений, а часа через два-три завалиться на ужин в бар к Косе через дорогу. Да, так Джен и поступит.

На втором этаже дома — санузел, две спальни и два места силы: спортзал Джена и студия Джа, которую пророк называет «палатой для буйных» из-за мягких стен, обшитых звукоизоляцией (совершенно бесполезной при постоянно открытых дверях). По полу здесь разбросаны подушки, на сколоченном из необработанных досок столе выстроена пирамида из микшерного пульта, ноутбука, миди-клавиатуры. У дальней от двери стены — ударная установка. Вдоль самой длинной, на стойке, которую прислали по почте откуда-то из северной Европы, в ряд стоят гитары: пара акустических, Стратокастер, Эпифон, Ибанез, четырех- и шестиструнная бас-гитары. Рядом на полу — россыпь педалей, которые тянутся разноцветными кабелями как щупальцами к Маршалловскому комбоусилителю. В палате Джа может пропадать часами.

Чем пророк занят, слышно уже в гостиной. Дребезжат тарелки, мрачно ухают барабаны, колотушки неистово метелят обе бочки. Джа выпускает пар на свой манер, для него установка сродни боксерской груше, на которой можно выместить все — и отчаяние, и бессилие, и ярость. Сегодня Джа передает Вселенной-суке привет с посланием «я тебя переиграл, выкуси». И Джена радостно, что он приложил к этому руку.

Глава 2

У Джа с утра раскалывается голова, и Джен перепрятывает обезболивающее по самым тайным уголкам дома и сада. Но куда там, разве утаишь что-то от ходячего рентгена? И передозировкой не запугивается, у него, видите ли, организм по-другому устроен.

Только к полудню стихли партизанские бои.

— Послушай, Джен, а давай...

Он валяется на излюбленном диване в гостиной, свесив ноги в драных тапках через подлокотник, чтобы не разуваться. Этот диван задвинут прямо под лестницу на второй этаж, и к самой лестнице снизу прикручен телевизор, у которого во вселенной Джа существует всего два режима: либо он орет на весь дом, либо включен без звука, ради мельгешащих перед глазами картинок, не мешающих внутреннему монологу или читающему на соседнем диване Джелу.

— Давай свалим куда-нибудь хотя б на неделю, а? — Джа швыряет мелкой подушкой через всю комнату, и Джен вынужден отвлечься от «Источника» Рэнд. — Так, чтобы на самолете.

— В Африку что ли?

— Да хоть в Африку, хоть в Индию! Забурился к какому-нибудь племени, слона приручим.

— За неделю не приручится, — прикидывает Джен с серьезным видом. — И нафиг тебе слон? Будет тут ходить по дому, хоботом махать. Может, не стоит?

— И правда, у нас же ты есть, — Джа ловит брошенную в ответ подушку и зажимает ее между коленей. — Просто... Так все осточертело. Сидим как на поводке. Мне как-то...

— Тесно, — догадывается Джен. — Сколько мы здесь торчим безвылазно? Года два есть, да? А тебе и в голове собственной тесно, раз болит. Кстати, как? Отпустило хоть немного?

— Отпустило.

Свернув с темы, они замолкают на долгие минуты. Джа пялится в немой экран, Джен смотрит сквозь громадную, припаркованную в углу вазу из расписной глины, и оба не видят ни того, ни другого.

— Ты ведь знаешь, нам нельзя уезжать, — Джен акцентирует «нам», без слабины в голосе, жестко и категорично. — Твои приступы участились. Вот затянется перерыв хотя бы на месяц, как раньше, обещаю, смотаемся куда-нибудь. Может, даже через океан, раз тебя так на просторы тянет.

— А если передышки больше не будет? — Джа раздраженно сбрасывает с дивана ноги. Глаза — как два прицела, пальцы вот-вот проделают дырки в диванной обивке. — Мы столько городов сменили, везде одно и то же. Где-то реже, где-то чаще. Мне что теперь всю жизнь ныкать, чтобы обратно в психушку не загреметь? Ты понимаешь, что куда бы я ни сунулся, эта дрянь мне все портит.

Джен понимает и молча ждет, пока Джа выговорится. Вспомнит, как в шестнадцать, отключившись, разбил свою первую машину, в девятнадцать — упал прямо на сцене, как в двадцать три загремел в наручники возле трупа мальчика, которого надеялся спасти. Джен знает, куда бы Джа ни пошел, его дар-проклятье болтается толстой удавкой на тощей шее пророка. Ему, действительно, должно быть тесно и душно. Поэтому Джен дожидается

финала тирады, чтобы сказать:

— Ты прав, Джа. Но разве ты себе простишь?

Смерч стихает.

— Нет, конечно, — вздыхает пророк. Усмехается. — Совесть не позволит. Рыжая, кривоногая такая совесть, чтоб тебя.

— Я не рыжий.

— Хоть с кривоногим смирился, — бурчит Джа, снова складывая ноги на подлокотник.

Джен вытягивается на диване и демонстративно утыкается в книгу. Он перечитывает абзацы по несколько раз, потому что между ровными строчками вальяжно шествуют слоны со сморщенными, толстокожими ногами, а в комнате будто становится по-африкански жарко и душно.

Ближе к вечеру, когда солнечный свет растягивается красной полосой на горизонте, появляется работа. Помятый грузовик подкатывает к гаражу и нетерпеливо орет гулким, протяжным сигналом. У водителя, нанятого для перевозки, нет ни трапа, ни досок. Припоздай Джен на минуточку, старенький Днепр попросту скинули бы с кузова. А мотоцикл хороший, добротный, притом — ухоженный, с первого взгляда видно. Для хозяек — двух женщин лет тридцати и пятидесяти на вид — этот байк не просто груда железа, их коробит от небрежности мужлана и стыдно перед Дженем за хамское обращение.

— Вот и звони по объявлениям, — расстроено жалуется младшая стоящему рядом Джа, пока ее мать расплачивается с грузчиком. — Надо было давно самой научиться ездить, да все никак.

— Отцовский байк? — спрашивает Джа, догадавшись.

— Да. Вроде как наследство. С детства меня на нем возил. Пару раз садил за руль, когда еще была маленькой, так у меня потом руки скрючивало. Попробуй, удержи такую тушу.

— Тяжелый мальчик, — соглашается Джа. Улыбается хозяйке так, что морщинка меж ее бровей разглаживается. — Сколько хотите за него?

— Нам знакомый говорил, — вмешивается старшая, — что его можно продать за сто тысяч. Он в машинах разбирается и в мотоциклах тоже.

Соврал знакомый, если он вообще существует. Дороже пятидесяти они не продали бы, даже будь мотоцикл в масле. Джен пока не готов ответить, он только сверил номера рамы и двигателя с указанными в документах, но в начальной оценке, вроде, не ошибся — состояние байка на самом деле великолепное.

«Заботливый у тебя был хозяин», — шепчет Джен мотоциклу, дергая кикстартер. Байк отвечает ровным гулом и на поворот ручки газа откликается моментально. Бодро мигает светотехникой. — Давай теперь прокатимся.

Джен садится на мотоцикл, и старик Днепр бодро рвет с места под растерянное хозяйское «куда?!». Ничего, Джа объяснит им и про коробку передач, и про подвеску, которые непременно нужно проверить, потому что этот байк Джен пускать на запчасти не намерен, эти колеса свое еще не откатали.

— Сорок, — называет Джен, подъезжая к хозяйкам, и глушит мотор. — Только за отличное состояние даю такие деньги. Мотоцикл старый, вы его больше чем за тридцать тысяч не продадите. По крайней мере тем, кто разбирается.

— Вот говорила тебе, что машину отпускать не надо! — заводится старшая. — За сорок! Ну ничего себе! Мне говорили, ему цена не меньше сотки. Вот как теперь назад повезем.

спрашивается? — негодует она, глядя на дочь. — Ну что смотришь? Звони опять этому, может, недалеко уехал. За тридцать я лучше Храпову продам. Он спрашивал.

— Он его угробит, — жалеет дочь. Морщинка снова между бровей, пальцы дергают туда-сюда замок сумки. — Давайте за пятьдесят, — просит она не Джена — Джа, который в торг никогда не вмешивается.

— Мы не можем, — отвечает он. — Но зато мы сделаем из вашего мотоцикла такую конфетку, что байкеры с руками оторвут. Подлатаем, распишем агрессивно. У байка вторая жизнь начнется. Этот парень достоин большего, чем просто возить в прицепе навоз по какой-нибудь ферме. Если захотите, можем показать, что получилось, чтобы на улице узнавали.

Дочка впервые переводит взгляд на Джена, и он, сидя на байке, разводит руками — все верно. Мать хочет возмутиться, но дочь пресекает:

— Ма, это все-таки мое наследство, правда же? Оформляйте.

С ней больше не спорят.

Джа исчезает в доме, чтобы распахнуть запертые изнутри ворота гаража, и появляется уже с документами наперевес и деньгами в кармане.

— Не жалейте, он в хороших руках, — доносится до Джена сквозь гул мотора, когда колеса Днепра пересекают порог мотопарка. Он пристраивает байк между собратями по литражу и запирает ворота.

Вернувшись в дом, Джен застаёт клиентов гостиной, озадаченных договором. Заметно, что сидеть на стульях в комнате, уставленной тремя диванами, им неудобно, но стол всего один и выдвинут в центр.

— Да, это мы берем на себя, — поясняет что-то Джа. — Вам надо только расписаться здесь, здесь, здесь и вот здесь. Все. Поздравляю! Вы передали мотоцикл в надежные руки. Правда, Джен?

Джену ничего не остается, как кивнуть дочери и ее недовольной матери. Он уселся на излюбленный — свой — диван у окна, чтобы быть подальше от бюрократической возни и уткнулся в книгу, пока Джа играет в заботливого парня.

— Если вы хотите, здесь, напротив есть классный бар, — Джа стучит бумагами по столу, выравнивая стопку. — Можно отметить сделку.

Смущенная дочка бросает взгляд на насупленную мать, пока синеглазое чудовище прожигает ее улыбкой Орфея. Насквозь, не отрываясь.

— Нет, спасибо, — отказывается она с явным сожалением. И наскоро собирает документы, шурша бумагой.

Запах ее духов остается в комнате, даже когда за прикрытой снаружи дверью смолкает голос.

— Клеить клиентов низко, — подтрунивает Джен. Но шутка не зашла, веселость и радушие Джа выдуло из дома вместе с гостями.

Все существо пророка хмурится и рокочет внутренней грозой.

— Вообще-то у девушки горе, — огрызается Джа, раскладывая бумаги по папкам. — У нее отец умер, ей поговорить с кем-то нужно. И ты отлично знаешь, что об *этом* я думал в последнюю очередь.

— Зато она — в первую.

— Я ж не виноват, что меня хотят, — раздражается Джа. Но тут же меняется. Будто

стекленеет, теряет фокусировку.

— Джа? — инквизитор вскакивает с дивана, на подлете цепляется за ножку выставленного стула и, едва не растянувшись на ковролине, подхватывает друга за плечи. — Джа, опять?

Тот еще стоит на ногах, но уже теряется между картинами перед глазами. Это пугает. Слишком резко, непривычно быстро кошмар заволакивает сознание пророка — он не успел даже опуститься на пол, замер неустойчивым соляным столбом. И Джен снова доносит пророка до дивана, полыхая от ярости. Ярости не на пророка, а на тех, кого Джа видит сейчас, глядя остекленевшими глазами Джелу в лицо.

Жми, жми, жми!

Нахрен ровные магистрали, если по квартальному бездорожью ближе. Адрес знакомый. Не часто Джа удается засечь название улицы и номер дома. Такой масляный шанс. И подвальное окно помечено выбитой крестовиной, иначе можно ошибиться подъездом, тогда все — пиздец. Полный, кровавый в этот раз. Блядь, какая же баба выродила такого изверга? Который скальпелем поперек вен, чтобы мучилась. «Господи, совсем еще девчонка», — кричал Джа. Он редко кричит. Значит, совсем страшно и нужно совсем быстро.

Ебанные бордюры.

Джа идет следом. Ему можно опоздать, Джелу — нет.

Время будто скрупулезно рассчитано — уже темно, но фонари пока не включились. Байки пытаются уйти из-под ног, спотыкаясь на булыжниках, не замеченных из-за скорости. Лишь бы никто не выскочил наперерез. Хотя... ор раздраконенных мотоциклов летит впереди паровоза.

Нужная улица. Первый дом, третий, пятый, седьмой. По тормозам с облаком пыли. Мотоцикл разворачивает в заносе, но Нортон никогда не подводит.

Джен бросает байк, не выставя подножку — Джа позаботится. И хорошо, что с торца дома тоже насажены деревья, есть где спрятаться. Джен сворачивает за угол, несется мимо низких балконов к меченому окну подвала.

Здесь.

Осторожно — ради незаметности, а не ради самосохранения — внутрь. Молчание. Стук капель конденсата с какой-то трубы в унисон сердцу. Джа говорил, она будет кричать. Вокруг тишина, значит, либо совсем опоздал, и ее, привязанную к хромоногому офисному креслу, уже душат, либо еще не порезали.

Вопль проходит иглой по артерии. Джен перескакивает наросты труб, летит по подвалу к кладовкам, выхватив из многоножен три сюрикена. Три — на случай подножки, преграды или попытки удрать. Ублюдку со скальпелем в руке хватает одного. По горлу.

Несколько секунд подонок стоит, зажав ладонями мокрую от крови шею, глядя пустыми глазами Джелу в закрытое балаклавой лицо, наконец, делает шаг назад, оступается и валится на спину гулко, с хрустом попавшихся под тело старых досок.

Крик девчонки взлетает на визг и срывается в глухие рыдания. Кричит — значит, живая. Успел.

— Отпустите... меня... пожалуйста... отпустите...

Угловатые подростковые плечи вздрагивают с каждым всхлипом. Спутанные длинные волосы крупными кудряшками как ширмой закрывают лицо. Она могла бы обернуться, но боится настолько, что не смеет поднять голову, может даже — открыть глаза.

— Погоди. Минуту, — неуклюже просит Джен. В таком состоянии жертвы непредсказуемы, а Джелу нужно за собой прибраться прежде, чем в подвал ввалится полиция — кто-нибудь из соседей должен был слышать крики.

Звездочка срикошетила от стены напротив, что чуть более хреново, чем Джен рассчитывал. Пусти он ее с центра проема, почти под прямым углом, застряла б в бетоне, сейчас же — попробуй, просчитай траекторию.

Девчонка молчит и всхлипывает, ерзает по шаткому стулу. Джен отвлекается от раскопок в куче прогнивших коробок и разворачивается, не вставая с корточек. Ей в самом деле очень неудобно. Локти вывернуты, кресло опущено слишком низко, и ступни привязаны к ножке кресла так, что колени торчат вверх.

— Давай я тебе ноги развяжу.

— Спасибо, — выдавливают девчонка. Задыхается на последнем слоге, когда Джен касается голой лодыжки, перерезая веревки, и ее ужас пересекает ту незримую черту, за которой уже не думаешь о том, что будет, а на то, что есть, смотришь, как в экран телевизора, и все будто не с тобой, боль будто не твоя. — Вы меня убьете?

— Нет, конечно, — Джен доходит до угла и разворачивается, двигается вдоль смежной стены, высвечивая на полу маленьким желтым кругом фонарика битые стекла и окурки. А вот и он. Диск, зарытый затупившимися зазубринами в пыли. Теперь вычислить Джелу ументов гораздо меньше шансов.

— Тогда почему не отпускаете?

С виду ей и двадцати нет, для такого возраста воображение — жутчайший из врагов. Оно не ограничится парой версий, и каждая последующая будет извращеннее предыдущей, под стать закаленному мужеству. Как с фильмами ужасов, чем больше их смотришь, тем витиеватей сюжет нужен для испуга.

Она никогда не перестанет бояться. Даже повзрослев.

— Сейчас я закончу и помогу тебе выбраться.

Джен откапывает из-под сопрелой травы консервную банку, поднимается, отряхивает испачканные на коленях штаны.

— Лучше не смотри.

Девчонка всхлипывает, жмурится, но молчит, пока Джен, вернувшись к трупам, проводит зазубренными краями по линии пореза и бросает новое орудие убийства туда, где нашел свою звездочку.

— Сейчас я тебя развяжу и помогу выбраться из подвала так, чтобы никто не видел. Ты завернешь за угол и только потом позвонишь в полицию. Договорились?

Девчонка яростно кивает, по-прежнему не глядя на своего спасителя. Пока Джен перерезает веревки на руках, ее бьет дрожь.

— Послушай, — Джен разворачивает ее на кресле к себе лицом. — К тебе я успел, но если меня заберет полиция, другим таким же девчонкам я помочь не смогу. Поэтому, когда тебя попросят меня описать, придумай что-нибудь, на меня совсем не похожее. Хорошо? И когда будешь рассказывать, всегда смотри влево и вверх.

Девчонка впервые поднимает на него растерянный взгляд.

— Повтори, — мягко требует Джен.

— Влево... и вверх?

— Да, правильно. Ты ведь правша, да? Значит, влево и вверх. Так смотрят, когда вспоминают что-то, и тебе поверят. Хорошо? Ты сделаешь как я прошу?

Она кивает.

— Отлично. Теперь давай выбирать.

Джен помогает ей встать, затекшие ноги плохо слушаются, каблуки подворачиваются при каждом шаге до маленького окошка с разошедшей рамой. Джелу сказочно везет — на узкой дороге за домом ни машины, ни пешеходов, только из соседнего двора доносится бой расстроенной гитары. Подсадив девчонку, он помогает ей вылезти в окно и, подтянувшись, выбирается следом.

— Что ж ты стоишь? Беги домой!

Девчонка медлит, шепчет одними губами: «Спасибо» и пятится, словно боится повернуться к подвалу спиной.

— Беги, — торопит Джен. И она, неловко махнув рукой, наконец, отворачивается, прихрамывая, бежит к дороге. Джен дожидается, пока она минует полпути, и бегом возвращается к мотоциклам.

— Наконец-то, — встречает его Джа.

— Стрелять пришлось. — Джелу не обязательно вдаваться в подробности.

Они синхронно подпрыгивают на кикстартерах, синхронно срываются с места. Вой полицейских сирен настигает их на соседней улице, и приходится свернуть с асфальтированной дороги во дворы, чтобы не попасться ментам на глаза. Мало ли — запомнят.

В доме совсем темно и тихо. Душно.

Как ни старался Джен сдержать аномальную жару за стенами дома, духота все равно просочилась сквозь прогретый июлем кирпич и расплзлась по белым обоям, пропекла старую мебель, разве что стекла окон не расплавил. Два напольных вентилятора в углах гостиной бессильно мелют лопастями, стонут жалобно от круглосуточной работы.

От перегрева опускаются руки, нет ни сил, ни воли даже подняться на второй этаж, чтобы принять душ после поездки. Джен распластался на своем диване в чем был, в бок упёрлась рукоять финки, лезвие метательного прижалось к бедру, хорошо, что кожа многоножен достаточно крепкая, чтобы не пропустить сквозь себя острую сталь.

Джа включил телек, выставил звук на полную и поплелся в кухню. Похоже, и у него вся агрессия вышла с потом.

По телеку идет телемагазин. Сочная зрелая дама в декольтированном платье из синего бархата продает украшения с сапфирами. Она демонстрирует то перстень на пухлых пальцах, то серьги в мочках, наклоняя голову с вертикальным снопом соломенных волос, от чего ее шея должна бы казаться изящнее и длиннее, но на экране смотрится как гофрированная труба, которую растягивают и сжимают. Джен закрывает глаза. Никакие роботизированные магазины и глобальные маркетплейсы не сумеют изгнать из эфира этих зазывающих тёток с их вкрадчивой настойчивостью.

— Ну давай, скажи это! — доносится из кухни, перекрикивая орущий телек.

— Что сказать?

— Ой, да брось, ты же с первой минуты только и ждёшь, чтобы ткнуть меня носом.

Джен открыл один глаз. Джа уже сидит на диване, в одной руке запотевшая банка пива, на другой — свежий синяк чуть выше локтя. Все-таки саданул, пока собирались.

— Куда ткнуть? — переспрашивает Джен слишком тихо, и Джа, схватив пульт, отрубает звук совсем.

— В то, как бы я встрял, грохнись в отключке перед этой девчонкой.

До Джена не сразу доходит, что пророк вещает о хозяйке Днепра, с которой пофлиртовал перед самым приступом. Джен и думать о ней забыл, как о бесполезной детали сложного дня.

— Ничего я такого... — взгляд скользнул по телеэкрану. — Ну-ка включи звук!

Джа нажимает кнопку, и в комнату врывается новостной грохот.

«... следствию пока не удалось определить мотив преступления. Задержанный отказывается говорить и не признает вину. По его словам, день будто вырван из памяти...»

— Это который? — спрашивает Джа.

Увидеть зверя пойманным удастся редко. Если успели, либо Джен разбирается с гадом на месте, либо нападение не вызывает у прессы жадных спазмов. Если же опоздали, убийц, как правило, не находят.

— Если убийство было в мае... В мае у нас выезда четыре было. Это или парень в котловане у новостроек или женщина на Северной улице.

— Говорят, в частном секторе нашли.

— Значит, она.

На экране — растерянное, затравленное лицо человека, вспоровшего мать троих детей от пупка до горла. Сначала он перерезал ей связки, чтобы не смогла кричать, а затем разделал прямо во дворе ее же дома. Теперь этот человек умоляет правосудие помочь ему, уверяя, что не понимает, как смог совершить такое.

— Убедительно под психа косит, — признает Джен.

Джа передергивает плечами.

— Лучше на зону, чем в психушку.

— Ты просто на зоне не был.

— Можно подумать, ты побывал и на зоне, и в психушке.

— Не был, — соглашается Джен. — Но каждый день рискую залететь.

— Тебя никто не заставляет это делать, — психанув, Джа выключает телек. — Тебя даже никто не просил это делать. Ты сам вызвался. И схему сам придумал. И дом этот сам выбрал. В котором я теперь сижу как болонка на привязи, даже в бар с девчонкой не выбраться.

— Тебя кто-то наручниками к батарее приковал? — злится Джен. В горле пересохло. — Дай глотнуть. Пожалуйста.

— На кухне возьми. Привык, что все тебе поднесут, подадут и поделятся.

— Да пошел ты, — в сердцах бросает Джен, вскакивает с дивана.

Он идет на кухню, достает банку пива из холодильника и выходит во внутренний двор, схлопотав по лицу сиренью.

Скрипящие лампы осветили железное царство Джена. Он не мастак копаться в отношениях, механика гораздо проще. Однозначнее. Для ее починки достаточно замены деталей. А в людях что заменить? Чтобы совсем не развалиться.

— Привет, красавец, — здоровается Джен с Днепром. — Ну как, посмотрим, что не так с твоей трансмиссией?

Байки никогда не возражают. Правда, иногда показывают характер от недостатка внимания, зато избаловать или перезаботиться о них невозможно. Самые благодарные друзья на свете.

Джену за счастье сменить футболку растянутой, заляпанной солидолом и маслом майкой. В ней даже не потеешь, благодаря прорванной по всему пузу «вентиляции». Еще б можно было копаться в железе без перчаток, но руки такого издевательства не выдержат.

Обычно Джена напрягает безжизненная тишина в гараже. Джа и магнитола-то ему подарил, чтобы отмазаться от частных гитарных концертов. Но сейчас Джен меняет диск за диском, перебирая внушительную дискографию, пока, плюнув на попытки попасть музыкой в настроение, не выключает магнитола совсем.

— Нам и уличный шум сойдет, правда? — уговаривает он Днепр и, придвинув подставку с инструментами, садится перед байком.

Найти проблему, оказывается, непросто. Внешне механика выглядит идеально, и детали все стоят оригинальные, но неисправность проявляется снова и снова. Джен уже готов сдаться, бросить строптивый байк до завтра, чтобы утром взглянуть по-новому, на свежую голову, когда в воротах появляется Джа.

— Я тебе не помешаю? — Джа упирается плечом в косяк и его правой руки не видно, но снизу из-за угла заметна дека Кремоны.

— Нет, — мотает головой Джен. Откидывается назад и двигает поближе старый винтовой табурет. — Ой, только протри его, сейчас тряпку найду.

— Да пофиг, — отмахивается Джа. — Этим джинсам уже ничто не страшно.

Его радость от перемирия выдают слишком резкие, неуклюжие движения. Усевшись, Джа крутится на табуретке, подгоняя высоту, устраивает на бедре гитару.

— Заказы, пожелания?

Джен запрокидывает голову, задумавшись.

— А давай нашу!

— Только, чур, на два голоса, — хитро подмигивает Джа и, дождавшись согласного «идет», берет первые аккорды «Глаза тигра».

В горле до сих пор стоит горькая мусть и вязкий запах горящей плоти.

Это психологическое, на самом деле Джен и дымом-то не надышался. В этот раз пожарные приехали раньше, а они с Джа опоздали настолько, что вместо покосившегося сарая на выезде из города застали пылающий факел и дымный столп поверх рассветного горизонта. С высоты холма было видно, как пожарные кренятся назад от водяного напора брандспойтов. Тушившие и не подозревали, что внутри горит человек. Хорошо, хоть не заживо.

Тошнотворная вонь — фантомная, подсказанная Джену памятью. Он до сих пор различает чад от паленых волос и ногтей, хотя прошло три часа, уже окончательно рассвело, а вторая стопка водки льется по горлу водой.

— Бляди! — выдыхает Джен, жмурясь. И, как приучил один из сослуживцев, переворачивает стопку вверх доньшком.

В баре никого. Все нормальные люди отсыпаются по домам, даже те, кого выволокли под утро. Владелец заведения — отставной подводник Борис «Коса» — мается бессонницей, потому двери бара и открыты. На ранних посетителей обычно докучливый хозяин внимания не обращает. Выставил бутылку с двумя стопками и забил, елозит мокрой тряпкой по соседним столешницам. Солидное пузо не дает ему согнуться, приходится бегать вокруг столов, чтобы дотянуться до каждого края. А знаменитая хлипкая косичка мотыляется с одного плеча на другое.

— Как зачастили, суки, — зло шипит Джа. — Третий раз за неполную неделю, это же полный пиздец!

— Ты ничего нового не заметил? — Джен вновь переворачивает стопки и наполняет так, что несколько капель проливаются через край. — Может...

— Нет, — прикусив губу, Джа мотает головой и глядит сквозь наполовину завешанное парусиной окно на перекресток. Светофор дружелюбно моргает зеленым. — Ничего странного, все как обычно. Слушай, — он переводит взгляд на друга, и поднятая Дженом стопка замирает напротив кадыка. — Может, я не все вижу, или мы что-то пропускаем? Может... да не заводись, дай скажу!

— Нечего тебе там делать, — рычит Джен. И, наплевав на дурную примету, стучит стопкой о стол, не пригубив. Хорошо, что бар пуст, а Косе начхать на дебоши, как орудовал шваброй возле эстрады, так и продолжает. Но подпитывать лишние уши ни к чему, и Джен гасит вспышку. — Мне твоих истерик с прошлого раза хватило.

— Не было никаких истерик.

— Конечно. И несколько ночей подряд просыпаться от воплей — это в порядке вещей.

— Проехали, — дергается Джа. Опрокидывает в себя водку, морщит нос, задержав дыхание. — О, смотри, кто-то портрет Биби Бьюэл разгрохал. Наверное, вчера «Икстерск Доллс» играли. Помнишь, как у них басист скачет? Поди налетел на косову «стену почета».

Нет, не проехали. Джа может и мнит себя достаточно хитрожопым, чтобы уйти от разговора и сделать все по-своему, но Джен эти штучки раскусывает на раз.

— Джа, когда ты уймешься?

— Что? — пальцы гладят клепки на митенках, и глаза чистые-чистые, честные-честные.

Так бы и врезал в воспитательных целях.

— Когда ты просто примешь, что это... дар этот у тебя есть и перестанешь копать? Думаешь, будет лучше, если допрыгаешься? Хочешь сдохнуть молодым?

Сейчас главное не перегнуть. Достучаться до инстинктов, минуя разум. Потому что разум Джа — болид, ушедший в занос: и тормозить бесполезно, и управлять невозможно.

— Джен! — он складывает на стол локти, наваливается грудью, окунув концы волос в пустую пепельницу, скучающую на столе. У него горят глаза, сохнут губы и это — первые признаки провала. — Все не просто так. Все можно объяснить, если разобраться. Вот смотри, — Джа откидывается на стуле и доказывает наполовину шепотом, наполовину жестами. — Люди дохрена чего объяснить не могли, от молний до всяких болезней. И на что списывали? Гнев Господень, кара небесная, Зевс с облаков хувертит — срочно вали барана, закалывай девственницу. Ну, или какие там ритуалы были? А все оказалось физическими и химическими законами. Так? И со мной то же самое! Я как-то завязан на этих людей, на космос, на астрал, на Вселенский коммутатор — называй, как хочешь. Но, Джен, поверь, между мной и жертвами есть какая-то связь. И между самими жертвами тоже. Должна быть!

— Жертвами?

— Ну чего ты улыбаешься, Джен? Да-да, знаю, мы их уже расспрашивали. И следили за ними, и как ты в городской архив лазил ночами, я тоже помню, но... Думаю, мы не там искали. Слушай, ты ведь помнишь про пиковый туз у пиратов?

— Ты про черную метку?

— Именно! Она ж для пиратов была как обещание «ты скоро сдохнешь, червь гальюнный, и порвут твою жопу на щупальца осьминога».

— Джа, ты надрался или совсем сбрендил?

— Никто не сбрендил. И не надрался. Пей, давай.

Джен послушно опрокидывает в себя водку, занюхивает кожаным воротником и морщится, царапнув по носу зубцами молнии. Все-таки надо было заказать еще по паре бутербродов.

— Так вот, про пиратов, — Джа хватается за бутылку, деловито разливает по стопкам остатки. Ровно, будто в мензурки. — Что если Бог, космос, Коммутатор каким-то образом наметил этих людей? И я вижу именно намеченных. И иду за ними, как охотник, когда приходит время. Вдруг, на каждом из нас стоит отпечаток, когда и как мы умрем? Вдруг я вижу тех, на ком написано «его убьют так-то и так-то».

— Хиромантия какая-то, — бурчит Джен.

— Не обязательно. Отметки, родинки, даже татуировки. Это-то мы не проверяли.

— Ты что, раздевать их предлагаешь?

— Мертвых — да, — невозмутимо отвечает Джа. — А живых можно попросить показать.

— Это уже слишком. — Джен чувствует, как отъезжает. Медленно, но верно скатывается куда-то вбок, вслед за монументальной барной стойкой. Отяжелевшие руки тянет к краю стола за подвешенные к локтям гири. И желудок просится выпрыгнуть через горло. Джен не уверен, что мутит от водки. — Я не пойду на это.

Джа — напротив — сама трезвость. Что это — трюк или фокус? Или это одно и то же? Джен уже затрахался угадывать правильные ответы и смыслы пророческих рассуждений по погоде или рисунку морщин на лбу.

— Что за бред вообще? — со злости кричит он. — Ты сам себя слышишь, чудовище?

— Эй, Джен, — раздается из-за спины. Инквизитор оборачивается через плечо, и ряды

столов плывут сплошной линией, а задница съезжает со стула. Коса месит шваброй в ведре воду, глядит грозно. — Давай без воплей на всю улицу.

— Извини, — понижает голос Джен и, разворачиваясь, снова играет с головой в карусельки.

— Может, я и чудовище. — Джа весь как натянутая цепь. Будто зацепился за невидимую шестеренку и зафиксировался намертво — не сдвинуть. Вокруг шатаются стены, а он неподвижен. И кулаки сжаты. — Называй как угодно, ты знаешь, я в морали нихера не смыслю и всегда к тебе прислушивался. Но иногда мне видней. Если для того, чтобы отделаться от этого кошмара придется раздеть несколько трупов, я это сделаю. А если мы успеем до трупов — тем более. Они всегда и так ошалевшие, одним шоком больше, одним меньше — не велика потеря. Только скажи, Джен, ты со мной? Ты. Со мной?

Закрывает глаза и уложить голову на мягкое и теплое. Джен глядит на тяжелую пепельницу и борется со стойким дежавю, будто снова тесные сапоги натирают большие пальцы, грязная, давно нестиранная форма липнет к лопаткам, а через плечо перекинута лямка автомата. Правда, теперь водка, а не ядреный самогон, разжижает мозги, и потом отовсюду не воняет до обморока. Зато вот эта колкая, парализующая потребность в покое среди всеобщего пиздеца — она до сих пор рядом. Пригрелась за спиной и тыкает под ребра, будто жнец серпом.

— Да куда я денусь? — отвечает Джен. И добавляет про себя: «На мне столько крови, хоть часть бы отмыть».

Джа умеет улыбаться, как ребенок. Разбивает вдребезги сопротивление.

— Из тебя получился бы клевый шпион, — Джен подпирает щеку ладонью, стараясь не завалиться на стол.

— Почему? — Джа меняется моментально, будто — чирк спичкой — и уже другой человек. Мягкий, как язычок пламени, и такой же податливый малейшему дуновению.

— Не скажу. Ой, блин. Кажется, нам пора отсюда валить.

— С какой стати? — Джа развязно откидывается на стуле, развернувшись всем корпусом, и тут же втягивает голову в плечи, группируется до размеров компактного мальчика-подростка. Но прятаться уже поздно, игнорировать — неэффективно.

— Надрались в такую рань? — укоряет обманчиво мягкий голос, и тонкие пальцы с безупречным маникюром ложатся на плечи Джа.

— Привет, Юль, — опасливо жмурится он.

Джен с виноватой улыбкой машет ладонью и старается поймать взглядом в фокус пальцы девушки, блуждающие по шейным позвонкам пророка. Он не боится, запугать инквизитора — миссия крайне сложная. Да и зайти Джа за спину он никогда бы не позволил, с первой попытки обеспечил бы смельчаку постельный режим и месяц казенного отпуска, как минимум. Но Юля — девушка. Хозяйка бара. И, видят Боги, Коммутатор и прочая астральная муть, упомянутая Джа, за нее Джен сам убьет и покалечит. Если Юля позволит. А она любит и умеет разбираться с помехами сама.

— И какой сегодня праздник? — Юля отпускает плечо Джа, чтобы откинуть за спину полотно своих густых волос. Многие засматриваются на тугую косу до пояса и без разговоров получают в челюсть. У Джена и Джа привилегии, но шутить с хозяйкой сокровища все равно не резон.

— Никакого, — сознается Джен, уже готовый к изобличительным, часто — уничижительным выводам. Умеет она зрить в корень, и — самое противное — не чурается

озвучивать.

— Не представляешь, какое тяжелое у нас выдалось утро, — под предлогом «смотреть в глаза» Джа выворачивается из женских рук и воодушевленно несет чушь. — Клиенты приперлись, мы еще проснуться не успели. И нет, чтобы подождать, слету — хуяк — по горлу ножом... в смысле, сразу уперлись, вот только за такую сумму продадим, и все. А у нас столько нету. Тупо — не успеем! Ни найти, ни... собрать. Но их же это не волнует. Сразу за спички хватаются. Типа, мотоциклы поджечь, все дела. Козлы, в общем.

— Резонный повод ужраться в дугу до полудня, — ее пальцы теребят кожаную куртку Джа, и он не выдерживает.

Передернув плечами, Джа высвобождается из цепких рук.

— У меня шея на месте, правда. Не надо больше этого... мануального.

— Я и не собиралась, — Юля смеется, потрепав Джа по макушке, прячет руки в карманах драных джинсов. Ей льстит, когда признают силу. — Пап, зачем ты их ухрюкал?

Откуда-то слева Коса скрипит: «Сами попросили». С ним Юля никогда не пререкается.

— Я так и думала, — она двигает от соседнего столика стул, садится, закидывая ногу на ногу и полностью зеркаля позу Джа. — Ну ладно — Джен, он половину юности с автоматом, да на самогоне по горячим точкам, но ты-то, Джа, ты-то чего за ним гонишься?

— Спорный аргумент! — защищается Джен.

Юля машет на него рукой и продолжает:

— Какая разница, куда вас из постели выдернули, и куда вы не успели, это не повод упиваться двум здоровым, красивым и пока еще умным мужикам, поэтому...

Иногда Джелу кажется, что Юля знает о них все. Абсолютно все.

— Ну что ты, в самом деле...

— Ничего я, Джен! Сейчас Джа поможет тебе встать, и вы без пререканий, стройным шагом, напевая «Ребел Йелл», дойдете до дома. А я буду торчать, как герой, у окна и следить, чтобы вы дошли. Все ясно? А иначе...

— Ю-у-уль, — карусели в голове Джелена уже остановились, но перехваченный всухомятку бутерброд еще норовит покататься, хоть пивом заливай. — Не будь жестокой.

— Жестокой? Ха! Я знаю, что сделаю! Я выдам ваши телефоны девчонкам из «Эквитас». Хотя, нет. Давайте я вам еще бутылку принесу, упою, и позвоню им. Ох уж эти байкерши на вас покатаются. Сразу все визнают: где родились, где крестились, на что в детстве заводились. Размеры мозгов и членов как на ладони! Халявная шоу-программа посетителям.

Джен болезненно кривится.

— Не надо, сейчас уйдем. Спать... Юль! Все-таки ты жестокая!

— И коварная, — вторит Джа.

— Да пожалуйста, — ухмыляется она, теребя длинную прядь. — Все, встаем по команде. Раз-два, встали!

Первым подрывается Джа, и видно, что он пьян немногим меньше друга. Шаг назад, будто по инерции вслед за откинутой со лба челкой. Юля закатывает глаза, переключает внимание на Джелена.

— Тебе помочь?

— Нет, я сам.

Настоящий солдат способен идти, ползти, бежать и стрелять, попадая точно в цель, даже едва держась на ногах. Поэтому Джен поднимается сам, подхватывает

дезориентированного Джа и, наклонившись, тычется губами в прохладный лоб Юли.

— Ты хорошая.

Девушка отмахивается смущенно и, Джен уверен, провожает их взглядом до выхода.

На улице свежо и солнечно. Нет привычной для Икстерска духоты и асфальтовой пыли, видно, ночью шел дождь, а они и не заметили. Джа перебирает ногами, но Джелу все равно кажется, что он тащит друга на себе. Тяжелый. Тощий, но тяжелый. Будто ответственность пророка, как душа, имеет вес. И отнюдь не девять с половиной граммов.

— Я тебя все равно никогда внутрь не пушу.

Джа останавливается, оскорблено выпячивает нижнюю челюсть и рвется из рук. Дорога в шаге от них, но Джа в сторону машин даже не смотрит. Хорошо, что Джен сильнее и может удержать.

— Джа, да подожд... Джа, не трепыхайся, блин, слушай, что говорю. Давай лучше я тебе буду фотки приносить. Идет? Сам сфотографирую не только морду — полностью все тело, а ты потом посмотришь. Договорились?

Мимо с грохотом проносится грузовик. Дым из выхлопной трубы застилает дорогу, от задних колес по асфальту к ногам скачут мелкие камушки. Джа смотрит вслед машине до тех пор, пока громыхание габаритной туши не теряется в реве других двигателей и дневной уличной суеты.

— Давай попробуем так, — отвечает он. И Джен, наконец, может выдохнуть.

До дома остается метров двадцать. Виски сдавливают такая тяжесть, что впору петь Юле дифирамбы за своевременное изгнание из бара. В который раз ее радар алконормы спасает от перегрузок. Теперь бы выспаться.

Два дня передышки невыносимы, если следующий вызов потенциально избавит от кошмара.

От нечего делать Джа на кухне печет оладьи.

— И охота тебе с этим возиться? — Джен садится к столу, смотрит на горку румяной стряпни в керамической миске.

— Либо оладьи, либо расхуяченные в крошку посуда, телевизор, твоя невъебенная китайская ваза. Выбирай.

— Она не китайская, — зачем-то спорит Джен.

В прошлый раз Джа разбил окно, но даже это не помогло успокоиться. После провала всегда и Джелу-то наждачкой по душе скребет, а каково бывает пророку, видевшему самое страшное? Если б можно было выключить память. И воображение заодно, до кучи.

— Да без разницы! — запоздало отвечает Джа. Деревянная лопатка летит в миску с тестом, едва не опрокинув. Тухнет газ под сковородой с белыми непропеченными блинчиками.

— Тебе помочь? — спрашивает Джа, остановившись на пороге мастерской. Руки на груди скрещены, плечом навалился на косяк. Всем видом показывает — его величество решило снизойти до холопа пока самому заняться нечем.

Ворота распахнуты в обе стороны, и по мастерской насквозь гуляет прохладный воздух, разбавляет маслянисто-бензиновый дух мотопарка.

Старик Днепр почти готов к покорению новых трасс, осталось только навести марафет и можно отправлять на выданье. Обвесы, готовые к покраске, болтаются на специальных трассах, спущенных с потолка.

— Ну помоги.

Джен выкатывает в центр мастерской складные ширмы из растянутого на деревянных рамах плотного целлофана, покрытого разноцветными слоями краски. Вместе с Джа они расставляют их вокруг обвесов импровизированным периметром покрасочной зоны.

— В какой цвет заливать будешь? — спрашивает Джа, подбоченившись.

— Он по документам черный, таким и останется, — достав респиратор с двумя фильтрами, Джен надевает его на шею как брутальное ожерелье. Шарит в ящике, выбирая баллон с нужной грунтовкой. — Надо только придумать аэрографию какую-нибудь. Что-то мощное, внушительное, но без агрессии. И чтобы коляска с баком перекликалась.

Джа критически оглядывает голый скелет мотоцикла.

— Надо подумать.

У ворот шумно паркуются несколько авто. Ни звонка, ни предупреждения.

— Побудь здесь, — говорит Джен, передавая пророку респиратор. А сам идет к выходу.

В проем ворот виден полосатый бок патрульной машины и запускает в инквизиторе режим тревоги. Поддался блажи, потерял бдительность, распахнул ворота, заходите, гости дорогие, берите нас с потрохами. Джен мысленно ворошит память, ищет, где мог проколоться, раз вычислили. И немного успокаивается, заметив рядом седан с прицепом. На таких за преступниками не гоняются.

— Доброго дня, Вячеслав Геннадьевич, — громко здоровается Джен. — Чем обязаны?

Подтянутый генерал-майор, быстро польсевший от бюрократии за год на посту начальника икстерской полиции, крепко жмет Джелу ладонь. По левую руку от него бычится перекачанный отпрыск, по правую беспристрастно сканирует округу рядовой полицейский, видимо, из патруля.

— Неприятная оказия случилась с мотоциклом, — сообщает генерал-майор, высверливая во лбу Джелена третий глаз.

Выступив вперед, его сын орет:

— Я чуть не убился!

— Мы обратились к вам по рекомендации, — напоминает генерал-майор, игнорируя истерику младшего. — И вы нас подвели.

— Что именно случилось? — спрашивает Джен, вспоминая, из какого хлама восстанавливал спортбайк за наклейку «Неприкасаемых».

— Внезапно вышли из строя тормоза. Хорошо, что это случилось на дрифт-площадке, а не посреди трассы. Вы понимаете, чем могла закончиться ваша оплошность?

У Джелена сосет под ложечкой. Предупреждал ведь Джа, любая проблема с «неприкасаемым» байком станет *ихоплошностью*, потому что — попробуй, докажи. Кто здесь мастер, кто гайки завинчивал и запчасти проверял перед тем, как поставить? А упрешься, отстаивая свою правоту, и мигом попадешь в прицел всех камер наблюдения по городу. Все равно, что с красным флагом кататься, можно сразу с очередного подвала — в участок, чтобы два раза не переобуваться.

Им так нужны были привилегии, обещанные за хорошую работу, что Джен пошел на риск из-за твердой уверенности в своих руках и знаниях. И где-то дал сбой. Теперь нужно выкрутиться с минимальными потерями. Самое главное, даже если виноват — нельзя падать ниц и бить челом. Растопчут.

— Кто-нибудь пострадал? — спрашивает Джен ровно.

— Я пострадал! — мелкий снова бросается на Джелена, но отец выставляет перед ним

руку, сдерживая.

— Все обошлось испугом и царапинами мотоцикла. Но... Джен? Правильно помню? Я хочу знать, во-первых, как вы допустили такую серьезную поломку, во-вторых, как быстро вы сможете полностью восстановить мотоцикл.

— Давайте его сначала выгрузим. Джа! — кричит Джен вглубь гаража. — Принеси документы по байку Вячеслава Геннадьевича.

Присутствия в гараже посторонних Джен не терпит, поэтому осматривает мотоцикл прямо на улице, благо старенький подъемник всегда дежурит у «клиентских» ворот. Проблема видна с первого старта, но на всякий случай Джен проверяет — уровень тормозной жидкости в норме, тормозные диски на оба колеса люфта не дают. Он просвечивает фонариком тормозные колодки в щель между суппортом и диском, извинившись, ныряет в мастерскую за инструментами.

— Если я правильно помню, — говорит Джен, пристраиваясь к переднему колесу с щипцами. — Вы приносили несколько запчастей для замены. Напомните, что именно?

— Фару, поворотники, — через губу перечисляет младший. — И свечи.

— Еще тормозные колодки, — добавляет Джа, сверяясь с актом приемки работ.

— Да, и колодки. Мне братишка привез новые только с завода.

— Джа, сверь маркировку, — Джен передает вынутую колодку и поднимается, вытирает пальцы вафельным полотенцем, заткнутым за пояс.

— Все совпадает, — Джа разворачивает к генерал-майору планшет с документами, показывает пальцем точное совпадение маркировки на детали с актом и переворачивает колодку фрикционной накладкой вверх.

— Я не знаю, как нужно ездить, чтобы сточить колодки в ноль, — Джен в упор смотрит на отпрыска, вжавшего голову в массивные плечи. — Новые купите и принесете сами, замену бесплатно. Могу подсказать магазины, где продают качественные. Что до покраски — это по полному прайсу. И взять смогу только через две недели.

— Ясно, — сурово резюмирует генерал-майор. Разве что подзатыльник отпрыску не отвесил. — Спасибо, парни. Этот сезон на своих двоих походит. Мои вам извинения.

— Все нормально, — уверяет Джен, пожимая ему руку. — Рабочие моменты. Если будем полезны, обращайтесь.

Пока искалеченный байк грузят обратно в прицеп, Джен аккуратно выспрашивает генерал-майора о новостях. Если верить полиции, в Икстерске царят тишь да гладь, образцовый городишко.

Похоже, пророк с инквизитором вырывать людей из рук извергов ныряют в другое измерение. Не иначе.

Когда эскорт снимается с места, Джен возвращается в гараж и запирает ворота на все засовы.

— Словил нервяк при виде патруля? — язвит пророк, укладывая документы в файл. — Джен, с этим надо что-то делать. Так не может продолжаться вечно.

— Может — не может, — психует Джен, натягивая респиратор. — Если ты знаешь, что делать — иди и сделай. А мне работать надо.

— Знаю, и сделаю! Для начала, куплю нормальный фотоаппарат.

Если в голову пророка засела дурь, выбить ее невозможно даже кулаками. Проще самому успокоиться и смириться. В такие моменты Джен жалеет, что бросил курить.

«Это закон подлости, Джен, самые клевые камеры такие огромные. С ними таскаться будет неудобно». На полупрофессиональную мыльницу уходит стоимость ремонта двух байков.

«Джен, вдруг жертвы и правда помечены? Прикинь, мы же сможем их предупреждать до моих приходов». Если Джа не грызет шоколад, он грызет ногти. Обертки от молочных плиток шуршат даже в тапочках по утрам.

— Джен, а если это можно прекратить, ты хотел бы больше не...

— Джа! Я могу в любой момент завести Нортон и свалить к ебням от тебя, твоих приходов и твоего блядского нытья — в первую очередь!

— Ладно тебе, не ругайся.

К исходу третьего дня Джен готов убить кого-нибудь без всяких пророчеств.

Он находит Джа на полу ванной, мокрого и голого, в крови из рассеченного лба. Хорошо, что пророк успел приоткрыть дверь до полного провала в ирреальное. За шумом старенькой душевой кабины Джен не расслышал бы и криков.

До места «икс» минут двадцать езды, но Джа видел, что расправа будет недолгой. Жертва — парень крепкий, не чета убийце, который не позволит оглушенному арматурой прийти в себя. Значит, придется спешить как никогда и наплевать на осторожность.

Почти полночь. Банальная подворотня — тупик между старыми домами, чьи жильцы привыкли заглушать телевизорами тревожные звуки улицы. «Сам нарвался» — любимая отговорка, и верная для семи случаев из десятка. Большинство.

Джен бросает мотоцикл на обочине и, свернув за угол, сразу замечает в мерцающем свете неисправного фонаря обоих. В переулке даже теней нет, чтобы предупредили жертву о занесенной над бритым затылком арматуре. Только инквизитор.

— Ложись! Сзади! — орет Джен, надеясь, что распознал «своего брата» правильно. По осанке, описанным Джа татуировкам на плечах, мягкому шагу. И переходит на бег, стягивая на ходу перчатки.

Не ошибся. Тот, кто был выбран в жертвы, пригибается, уходит влево, подставляя под арматуру тренированное плечо. Удар выходит инерционным от того слабее, чем мог бы, но «жертва» кроет матом до чердака соседней многоэтажки. И, не останавливаясь, по той же траектории впечатывает кулак молотом аккурат в бритый висок нападавшего.

— С-сука!

— Все в порядке? — спрашивает Джен, подбежав к месту разборки.

«Жертва», скрючившись буквой «Г», держится за плечо.

— Норм, вроде. Сустав на месте, — он отвел локоть назад, повертел им влево-вправо, убедиться, что плечо не выбито. Протянул руку для пожатия: — Макс.

— Джен.

— Эт кличка что ли?

— Типа того. Что с ним делать будем? — Джен кивает на распластанного бугая.

— Пусть отдыхает. С ментами связываться не хочу, таскаться к ним потом без толку. А тебе спасибо. Если б не увернулся, лежать мне здесь.

— Всегда пожалуйста.

Джен бросает последний взгляд на поверженного и ловит себя на мысли, что лежи

спасенный рядом, сделать обещанные Джа фото было бы проще. Как склонить к фотосессии этого мужика в текущих обстоятельствах нет ни одной идеи.

— Послушай, дружище, — говорит Макс, — ты, похоже, мне только что жизнь спас. Предлагаю отметить этот факт вискарем.

Одна идея, похоже, вырисовывается.

— Я не один, — предупреждает Джен. — И за рулем. Друг за углом мотоциклы караулит.

— А дома кто-нибудь ждет?

— Вообще-то нет.

— Тогда решено. У меня десятилетний Макаллан уже три года повода ждет. Его и распечатаем.

Спорить Джен не стал.

Видеть Макса рядом с инквизитором для Джа настолько неожиданно, что он снимает шлем. Пожимая руки, пророк и бывшая жертва разглядывают друг друга, как экзотических зверей, с искренним интересом и едва сдерживая картечь вопросов. Это даже забавно.

— Сейчас затариваемся вискарем, — говорит Джен, — и едем к Макс, упиваться за спасенную жизнь. Прости, брат, но одна бутылка на троих — это детский лепет.

— Говно-вопрос!

— Мы вообще-то за рулем, — напоминает Джа. Ему затея не нравится то ли из-за недопонимания плана, то ли из-за самого Макса, который в памяти пророка мертв, а в реальности сидит на корточках перед Нортоном Джена и гладит золотистую надпись. Джен успокоил бы друга, да палиться не резон при таких удачных обстоятельствах.

— До завтра протрезвеете, — обещает Макс и, подскочив с корточек, хлопает Джа по плечу. — Шлема на меня, значит, нет?

— Возьми мой, — уступает Джен и дергает кикстартер. — Кстати, садись к нему, у меня тормоза барахлят, а твоя карма мне сегодня вообще не нравится.

Макс устраивается позади пророка, не найдя пассажирского поручня, обхватывает за торс. Конечно, Джена наплевать на карму, но поручней сроду не водилось на обоих байках, а обнимать себя инквизитор никому не позволит — еще напорются на один из ножей в ремнях под курткой. Объясняйся потом.

В квартире очень чисто и очень жарко даже для байкеров, привыкших в любой зной к коже. Но расчехляться перед незнакомцем гостям нельзя.

— Вот вы мерзляки! — Макс раздевается до пояса, хотя был в одной майке. — Джен, окно открой. Да, полностью. Спасибо, брат.

Вечерняя прохлада ветерком мазнула по загривку. Джен не сгупил, забившись в дальний угол у окна. Джа, напротив, сразу уселся возле двери, и теперь пытается заправить отросшую челку за уши так, чтобы замаскировать набухшую на лбу кровавую ссадину.

— Ты женат? — резонно спрашивает Джа хозяина. Фартуки-прихватывы-полотенца висят по всей кухне, полки уставлены приправами в баночках, и пепельница забита в угол подоконника, а не красуется во главе стола.

— Нет пока, — доносится из-за дверцы холодильника. Макс передает Джена контейнеры с закусками и уже мог бы накормить солдатский взвод. — Свадьба в ноябре.

— Но живете вместе?

— Четыре года. Четыре блядских года, ты можешь себе это представить? — он,

наконец, захлопывает холодильник. И, водрузив на стол тарелку порезанной колбасы, упирается в него кулаками. — Я раньше у баб даже имя не спрашивал, а здесь — четыре года! Ахренеть!

— Я в шоке, — картинно закатывает глаза Джа. — А она нас не шуганет?

— Нееет. Сашка сегодня у подруги ночует. Они уже в дым, наверное, обе. Обзванивают стриптизеров. Так, у всех налито? Давайте, первая за встречу, а дальше, как пойдет.

Пошло хорошо.

— Зря вы в этом районе осели, — Джен сожалеет искренне. Макс ему нравится. Пусть парень непрост и явно с военным прошлым (может, это и роднит двух бывших солдат), но Джен по опыту знает — такой разборчив в друзьях и за каждого готов драться насмерть.

— Мы не осели, так перекантовываемся, — Макс криво улыбается, уставившись в салямы. — Потом видно будет. Вы-то что здесь забыли, на ночь глядя?

— Покататься выехали, — быстро отвечает Джа. — А чем ты занимаешься?

— Работаю охранником в торговом центре, в этом... французском... блядь, никак название не запомню. Рядом еще салон «Порше». Братцы, какие там тачки! Я у них в Карреру сел покататься. Типа тест-драйв. Так в ней оргазм уже на старте.

— Представляю. Я копался в такой, — Джен тянется за бутылкой, но к Джа она стоит ближе.

— Я налью.

— Вообще, сегодня я должен был работать. Меня вчера напарник подмениться попросил. Вот, блять, удружил. Да ладно, — машет Макс и не замечает, насколько больше виски в его бокале по сравнению с остальными. — А ты механик?

Свою порцию Джа и вовсе делит на два захода. Он не любит пьянки на чужой территории с чужими людьми из-за неизбежных, как похмелье, разговоров о личном. И Джен принимает огонь на себя. Устраивается поудобнее так, чтобы надежно упираться плечом в стену, не греметь арсеналом, дотягиваясь до стопки, и чувствовать, как ветер обдувает спину. Он забалтывает Макса до сакрального вопроса «где служил?» и сужает опрятную кухню маленькой квартиры до двоих слишком молодых для «бывших» солдат.

Теперь Джа спокойно разливает только на пару. Макс уходит в нокаут к началу третьей бутылки, уснув прямо на унитазе. А Джелу не сразу удастся достать смартфон из кармана. Для него ночь переключается в режим слайд — шоу.

Скатерть в шотландскую клетку.

Карман на водительском кресле такси.

Родная подушка в цветочек.

— Джа, Нортон.

— Я перегнал уже, дрыхни, вояка.

Беспамятство.

Мутит. В голове перекачиваются подшипники, бьются о стенки черепа. Вместо крови — маслянистый бензин. И если рискнешь перевернуться на бок, он стекает по венам и артериям со всего организма в одну точку, куда-то возле горла. Еще чуть-чуть и выльется на подушку. Поэтому лучше не шевелиться.

Джен так и лежал бы на мягкой постели сломанным байком, пока кто-нибудь заботливый не починит. Но хочется есть из странной уверенности, что едой можно протолкнуть бензиновый ком из горла в желудок, утрамбовать и тогда — полегчает. Непременно полегчает! Только где взять хотя бы бутерброд?

Телевизор не слышен. Сквозь полоску между плотными задернутыми шторами видно, насколько серо снаружи. Кажется, накрапывает дождь. Дом словно выброшен в постапокалиптический мир без людей и надежды на просвет. От перспективы спускаться на кухню легче сдохнуть голодной смертью, укутавшись одеялом в цветочек. На тумбочке — стакан воды и таблетки. Джен помнит, насколько они противные. И от бессилья хочется выжать скупую мужскую слезу.

«Помираю, — свербит воспаленное сознание. — Я точно сегодня сдохну». Джен сжимает в кулаке простынь, тяжело дышит сквозь сухие губы. И замирает, нащупав пальцами что-то пластиковое.

Мобила? Положить ему под одеяло телефон, чтоб не пришлось тянуться к тумбочке... Ну кто ж мог до такого додуматься?

Чтобы позвонить Джа не приходится даже шарить по записной книжке, достаточно ткнуть кнопку вызова и вот он — последний, почти единственный номер в исходящих. Кроме него только пара не забытых в память телефонов поставщиков запчастей, которых Джен проверял специально с личного, незнакомого им номера.

— Сейчас приду, — откликается в динамике после второго гудка.

Рука с телефоном безвольно падает поверх одеяла, и сквозь щель между шторами наконец-то пробивается солнечный луч.

— С добрым утром, умирающая леблядь, — Джа врывается в комнату слишком громко, но за запах жареных сосисок Джен готов простить другу даже оскорбления. — До таблеток дотянуться не судьба, да?

Джен нечленораздельно хнычет в ответ, не пытаясь прокашляться, только хрипит и булькает. Его тянет к тарелке в руках Джа, к тостам и сосискам с разрезанными розочкой краями, он даже приподнимается на локтях, сносит переливы бензина по внутренним трубам, но тарелка проезжает мимо и гулко стучит дном о тумбочку.

— Сначала — таблетки, — издевается Джа.

Он подхватывает подушку, вытягивает ее из-под потных плеч и помогает Джелу сесть. Затем мерзко шуршит упаковкой, Джелена тошнит от одного вида белой блямбы, он уже чувствует на зубах мерзкий песок химикатов, а друг-садист тычет эту дрянь ему в рот с видом психиатра из ужастиков «мы вам поможем, мы вас вылечим».

— Ты еще расплачься! — Джа сует Джелу в руки стакан и поддерживает, пока тот огромными глотками пытается протолкнуть таблетку до желудка.

— Вот когда ты помирал от насморка, — припоминает Джен прорезавшимся голосом. — Я над тобой так не издевался!

— Так из нас я — мелкий и слабый, мне положено. Ешь давай, алконавт. Сейчас полегчает.

Джен накидывается на еду, руки дрожат, он почти не жует и с каждым глотком все ближе подбирается к абсолютному счастью. Джа сидит рядом, наблюдает со странной улыбкой. Джен видел такую у матери.

Только однажды, когда во время разборки сильно избили лучшего друга и Джен, вернувшись домой перемазанный кровью своей, друга, подонков, против которых дрались, позорно разрыдался, уткнувшись носом в ее колени, подставляя макушку под теплые ладони. Он рассказал ей об уличных бандах, о стычках и последней драке, о том, что они были вправе защищать территорию и Людку с квартала. Мать слушала молча, только гладила по плечам, по голове, иногда прижимала к груди, пока сын не вырвется, чтобы снова измерить шагами комнату. Он позволил обработать себе порезы, и не сопротивлялся проявлениям нежности, но явно — злился и обиженно спрашивал, чего она улыбается. Понял лишь спустя долгие годы, что ей просто хотелось быть нужной уже взрослому, самостоятельному сыну.

— Ожил? — Джа сцепил замком пальцы и шевелит ими, выгибает до противного хруста. Хочет поговорить.

Джен выцеживает последние капли апельсинового сока, прогоняя остатки бензина из тела. Ему много лучше, даже подшипники в голове разлеглись тяжестью на висках, не катаются туда-сюда. И Джен вспоминает не только, как вчера упился в дрова, но и зачем.

— Ты что-то нашел? — спрашивает он, подобравшись на постели.

— Нет, — выдыхает Джа. Поднимается с кровати и идет к окну распахнуть шторы, но на деле — просто сдвинуться с места. Ему не усидеть. — Наверное, я упустил что-то. Надо и тебе глянуть, я там нараспечатывал фотографий. Так что, как сможешь...

— Пошли, посмотрим, — Джен осторожно вытаскивает тело из-под одеяла, борется с первым ознобом, натягивая майку и брошенные Джа штаны. Он был бы счастлив поваляться в кровати еще хотя бы час, но знает: каждая минута пророку — иголка под ногти, даром, что не смертельно.

— Огогошеньки! — Джен почти вжимается в стену, чтобы добраться до кресла у окна, потому что ходить по разложенным на полу фотографиям вчерашнего собутыльника как-то... неудобно.

Джа подобная этика пофигу. Прошлепав босыми ступнями по листам, он усаживается по-турецки на свою кровать и с высоты разглядывает извращенный бумажный ковер. Джа снова хрустит пальцами и постоянно облизывает губы.

— Гляди, вот эту, эту и эту татуировки сразу отмечаем, — Джа тычет в увеличенные фото. — У остальных таких не было. Вот эту родинку на ступне тоже. Помнишь, мальчишка месяц назад был босиком? У него родинок не было. Так, что еще?

— Шрамов много, — Джен подался вперед вместе со стулом.

— У него все шрамы, вроде, нормальные, — говорит Джа. — В смысле, по форме ничего странного. Он же военный. Но ты просмотри, может, и найдешь не ранение.

— Если бы Макс увидел все это, прибил бы обоих.

— Неее, ты бы его сделал, — без намека на сомнение и как бы невзначай бросает Джа. — Даже с дикого бодуна.

Конечно, Джелу льстят слова, но Джа так остервенело вглядывается в фотографии Макса, что Джен волей-неволей поддается сомнениям. Вдруг уверенность в силах

инквизитора — еще одна иллюзия, которой пророк защищает остатки самообладания? Как связь с жертвами, которая на взгляд Джена — полная чушь. Но об этом не скажешь. Если пророк ошибается, значит, хочет ошибиться, и остается только ждать, пока Джа не решит сам себе признаться. Стоит надавить — он уйдет. Или вконец трекнется. А спятивший пророк вряд ли сумеет кого-то уберечь.

Поэтому Джен молчит, послушно вглядываясь в разложенные на полу фотографии. Конечно, он ничего не находит.

Морось пробирает до костей, противный мелкий дождик стучит по темечку, и Джен проклиная всех святых за разбитые тротуары, по которым нагнанная ветрами земля размазалась чавкающей грязью, за сломавшуюся именно сегодня машину доставки супермаркета, за двести метров до магазина и за Джа, который в очередной раз ткнул в болевую замечанием: «Я мог бы и сам сходить, но ты же опять разорешься, что нельзя». Угробляя старые кеды, Джен срезает путь по газонам и сдается навязчивой мысли о чрезмерной опеке. Ведь дожил пророк до тридцати без Дженовой помощи. Так какого хрена?

Только что вымытый пол еще блестит, Джелю совестно за свои землистые следы и хочется поскорее свалить. Как назло в магазине почти никого — так тихо, что хлопок закрывшейся двери кажется хулиганской выходкой. Джен набирает с полок продукты, не глядя на сроки годности и цену. Вывалив покупки на транспортерную ленту у кассы, он отсчитывает деньги и замечает, как трясутся руки. Гребаное похмелье — будто в иной мир выкинуло, и этот мир Джелю нихера не нравится. Он и сам себе не нравится в этом мире.

— Карта есть? — кассир прокатывает покупки по багровому окошку счетчика кодов и, не услышав ответа, поднимает на Джелю тяжелый взгляд. — Так есть дисконтная карта?

Джен вообще впервые слышит о картах в этом магазине. Он нервно мотает головой (блядь, лучше б прохрипел «нет», хоть горло продрал бы) и сгребает свертки, стараясь не глядеть на кассира, будто она — не человек вовсе, а что-то вроде неодушевленной голограммы с набором запрограммированных фраз и движений.

— Спасибо за покупку, приходите еще, — выговаривает кассир с монотонностью отбивания чека. И Джен натянуто улыбается, пятится, лишь бы не поворачиваться спиной к «роботу».

Хруст. В кедах стопа чувствует каждый шов на плитке, а пряжка женской туфли и вовсе впивается в пятку.

— Извините, — Джен разворачивается резко, и девушка отскакивает в сторону.

— Осторожней, ковбой.

Пряжка в виде цветка потеряла треть лепестков. Кровь приливает к лицу, Джен тянется за бумажником, бубнит, я вам возьму, вот только наличных в кошельке всего пара сотен.

— Не надо, я сама виновата, подошла слишком близко.

Она улыбается, и ее лицо отпечатывается в памяти Джелю, он уверен, навечно. В девушке, как в Джа, всего слишком: слишком светлые волосы, слишком большие глаза, слишком яркие губы. На шее, в глубоком декольте ажурной блузы висит крупный ловец снов.

Выскочив из магазина под противный неумный дождик, Джен ненавидит себя за привычку машинально отмечать в людях, какую безделушку он сможет прихватить для пророка.

Телевизор орет, как оголтелый. Джа валяется на своем под лестницей и увлеченно пялится в ноутбук, елозит пальцем по тачпаду.

— Я завел себе Твиттер! — радостно орет он, соскакивая с дивана навстречу Джену. Выхватывает свертки из рук.

Джен стягивает кеды, не расшнуровывая, и шлепает в носках по холодному полу. Кажется, что сырость непогоды пропитала его самого и вот-вот плесенью расплзется по всему дому.

— Нахрена?

— Онлайн-пророчества!

Свертки грохаются на стол, хлебные батоны воинственно торчат из каждого пакета, будто поднятые копыя. Эпическая битва: ржаной против пшеничного. Джа застывает на них взглядом, Джену приходится ждать долгие мгновения, прежде чем воображение пророка наиграется, и он продолжит:

— Прикинь, если сразу после прихода я буду твиттить увиденное. Вы можете спасти этого человека, торопитесь, только в нашем городе и только в твиттере @ixtersk850 вся правда о смерти. Бу — га — га! — Он демонически хохочет и, огибая стол, шагает к Джену. — Я знаю. Точно. Наперед. Что завтра кто-нибудь. Умрет! Я знаю — где. Я знаю — как. Я не гадалка. Я — маньяк! — схватив один из батонов, Джа тычет им в грудь Джена, точно в сердце.

— Придурок ты! — Джен выхватывает батон, вгрызается, отрывая зубами почти треть. Иногда лучше жевать, чем говорить.

— Да ладно тебе, я ж пошутил.

Раскладывая продукты по полкам, Джа треплется о фолловерах и тредах, перечисляет знаменитостей, замеченных на микроблогах и умолкает, тупо уставившись на овощной лоток. Джен успевает подхватить пророка, бережно уложив на пол.

Наблюдать за приступом — зрелище страшное. Джа цепенеет, вытягивается, зрачки играют в судревший зум, будто пророк не может вынырнуть из морока. Или не хочет. Иногда по телу пробегают мелкие судороги. Джен удерживает голову Джа, не позволяя ей запрокинуться, переворачивает пророка на бок, как при эпилептическом припадке. Пока Джа высматривает подробности бойни, Джен обходит дом внутренним взглядом, вспоминая, какие замки и окна следует закрыть, что из приборов выключить, срываясь в погоню за зверем. Например, все еще орущий телевизор.

Затекли колени, мелкие колючие шарики прокатились по голеникам. Джен дотянулся до стула, дернув завязки, сорвал подушку и подложил ее, свернутую в два раза, Джа под голову. Позволил себе встать. Гадкой, едва заметной пылинкой на свежей краске, мелким камнем в кроссовке попала и осела в сознании мысль, как долго они смогут держать оборону. Физически. Еще десять лет? Двадцать? Сколько отмерено спасений до момента, когда очередной маньяк швырнет Джена в сторону как дряхлого старика? Картина неприятно кольнула и отступила перед новым наблюдением — телепрограмма вышла на третий рекламный блок за время приступа, это значит, прошло больше получаса. Джен взглянул на часы.

Как правило, приступы Джа длятся минут десять — пятнадцать. Стандартный сценарий — короткая охота, ближайший подвал или подворотня, пять минут на дикие зверства и быстрый побег. До тридцати и даже сорока минут доходило в нескольких случаях, если жертву увозили подальше от места нападения. Но в этот раз пророк в отключке около часа и

Джен не знает, что делать.

Набраться терпения?

Попытаться разбудить всеми гуманными и не гуманными способами?

Вызвать медиков?

Джен вспоминает рассказы Джа о психиатрической клинике.

Первые приступы начались в шестнадцать. Возраст, когда считаешь, что познал, вычитал и придумал истинные глубинные смыслы существования, когда пытаешься покорить весь мир, но он сопротивляется и выступает против тебя, когда родители предстают исчадиями Ада, главными из них, когда единственное, что занимает твой разум — борьба, не важно с кем и за что, лишь бы бороться. В это непростое для любого подростка время Джа впервые увидел будущее.

И посчитал, что подглядывает за параллельной Вселенной.

«Это было как... как в музыкальном клипе... кусок истории, которую тебе показали... только без музыки»

Так Джа начал писать песни. Злые, громкие, с рваным ритмом в унисон увиденным сюжетам. Он рассказывал о маньяках не таясь, с красочными подробностями, описывая то отчаяние жертв, то удовольствие убийц. Он собрал группу и орал в микрофон со сцен в барах, пьяный, затянутый сигаретным дымом, перекрикивая потасовки и рев таких же пьяных от пива и агрессии малолеток, которым наливали, не спрашивая паспорт. Его слышали, но не прислушивались. А приступы случались все чаще и чаще (сначала раз в квартал, затем раз в месяц, вскоре — раз в две недели) но всегда — поздно вечером, пока родители смотрели ток-шоу, Джа замирал в кровати иногда с гитарой в руках, иногда с книгой, и никогда — в присутствии кого-нибудь, кто смог бы подложить подушку под голову, чтобы не запрокинулся язык, и проследить, не задохнется ли пророк, гуляя по чужому кошмару.

Все исправила жажда.

Джа только вернулся с репетиции, не успел и переодеться, только сбросил в комнате инструмент и вышел в кухню выпить воды. До кухни через гостиную он дошел, промычав: «Привет» уткнувшись в телек родителям (мать обычно вязала, отец щелкал пультом). Открыл холодильник. И рухнул на пол, зацепив рукой бутылку с оливковым маслом, которую мать хранила в боковой дверце.

Скорая приехала быстро. Спустя много лет Джа жалел, что не сумел обуздать юношескую заносчивость перед врачами. Разовая потеря сознания — явление нередкое. Ему бы вкололи успокоительное, посоветовали сходить к неврологу и сдать пару анализов. Все. Но Джа, отравленный яростью видения и выпитым накануне дешевым портвейном, решил доказать всем, что он — избранный. Он и только он видит иные миры, пропитанные насилием и жестокостью, населенные маньяками, чье изощренное мастерство смерти не снилось ни маркизу де Саду, ни Жану-Кристофу Гранже. Неврологи просканировали мозг Джа со всех сторон. Нашли пару незначительных рубцов, на которые списали судорожный синдром. Выписали фенобарбитал. И сдали на поруки психиатрам.

Следующие два года Джа помнит смутно. Отчасти из-за лекарств, которыми его накачивали, экспериментируя с комбинацией и дозами, отчасти из-за дня сурка в стенах клиники без связи с внешним миром. Между тем, Джен считает проведенные в застенках месяцы дали Джа очень многое.

Во-первых, он узнал, что во время приступов его мозг не формирует никакой

специфической активности. На мониторах врачи видели импульсы, идентичные просмотру фильма. Все остальные функции организма работали в штатном режиме, будто пророк и впрямь подглядывал в будущее через открытое окно.

Во-вторых, в клинике Джа пристрастился смотреть телевизор. Именно там новостные сводки прорвались сквозь броню барбитуратов и романтических иллюзий, показали, что именно видит пророк, отключаясь от внешнего мира. Никаких параллельных вселенных, никаких чудовищ, только люди, осатаневшие, съехавшие с катушек сильнее самого Джа, обычные живые люди в обычных человеческих городах, на соседних улицах, в знакомых с детства дворах. Совсем рядом, под самым носом. Это привело Джа в ужас и заставило повзрослеть настолько, чтобы убедить врачей в своем выздоровлении.

Зная, что приступы случаются только глубоким вечером, Джа пораньше укладывался в постель с книгой. Он по-прежнему проваливался в забытие, но ему все чаще удавалось очнуться в одиночестве, никем не замеченным, а если рядом оказывался кто-то из персонала, вел себя как проснувшийся ребенок — глядел на заботливых медсестер честными синими глазами и безмятежно улыбался новому дню. Официально он избавился от кошмаров, на самом деле его кошмары ожили на улицах родного города.

Переложив пророка на диван, Джен контролирует его пульс. Пока под пальцами размеренно стучит кровь, все (теоретически) в порядке. Конечно, согласись Джа на исследование, современная аппаратура могла бы увидеть аномалии, пропущенные диагностикой десятилетней давности. Джен обещает другу найти способ раскопать правду, не закопав их обоих под следствие.

Джен разговаривает с Джа, как с коматозником. Вдруг, он запутался в собственном сознании и не может найти выход (такое показывали в каком-то мистическом сериале), а голос Джена укажет ему дорогу. Наконец, взгляд Джа фокусируется на коленке Джена, пророк порывисто втягивает воздух полной грудью и выдыхает со словами:

— Это что-то новое.

— То есть как трахались? — переспрашивает Джен через дверь.

Из комнаты пророка доносятся хлопки тумбочек, Джа торпедой носится от шкафа к шкафу, переодеваясь от носков до футболки.

— Как-как, по-всякому, — доносится раздраженное. — Ты возле меня полтора часа сидел, последствий не видел, что ли?

— Смотрел не туда, — бурчит Джен. Надо бы диван проверить. И почистить, если что.

Дверь открылась, Джа в халате, с охалкой чистых вещей в руках выскользнул из комнаты и юркнул в ванную. По стенам душевой кабины забарабанила вода.

— Похоже, мы никуда не едем, — бубнит под нос Джен и спускается в кухню, ставить чайник.

Через открытую форточку льется свежесть отмытого воздуха, ветер загоняет капли внутрь, разбивает о подоконник прозрачными кляксами. Вместо грохота моторов слышен шум танцующих в такт грозы деревьев. Джен сидит на подоконнике с чашкой горячего пуэра, чувствуя, как изредка капли попадают на загривок, отчего по спине пробегают мурашки.

Озадаченный Джа, сгорбившись за столом как вопросительный знак, прихлебывает чай

из кружки.

— Расскажи, пожалуйста, во всех подробностях, что ты видел.

— Издеваешься, да?

— Ни в коем случае, — Джен с трудом сдерживает язвительный смешок, от чего голос звучит еще серьезнее.

— Их было двое. То есть, я видел обоих. Обычно только жертву ведь вижу, а тут... Как будто съемка двумя камерами одновременно. Они встретились в центре, на Ленина, в той части улицы, которую еще не отреставрировали. Просто подошли друг к другу возле Ибиса, поулыбались, ни слова не сказали и зашли в отель. Мужик снял номер.

— Ты слышал его имя?

— Нет, — с досадой. — Он просто сунул портфель паспорт и пяти тысячную купюру. И попросил побыстрее их оформить. Запомни я имя, уже торчал бы в интернете.

— Ну да. И что потом?

— Они поднялись в номер. Не из дешевых, кстати, взяли. Сразу разделись, поразвлекались как перед концом света, покурили в постели. Потом собрались, вышли из отеля и разошлись в разные стороны.

— Интересное кино.

— Да уж.

— А о чем они разговаривали?

— Странно так. Разговаривали будто давно знакомы, он про семью спрашивал, как дети учатся, ну знаешь, вся эта хрень, когда дают друг другу понять, что между ними только секс и на разрушение семьи никто не претендует.

— Не знаю, вообще-то. Я в любовниках никогда не ходил.

— Ой, ладно тебе. Так вот, а смотрели они друг на друга, будто впервые увиделись за очень долгое время. Женщина, когда разделась, покрутилась перед мужиком, как перед зеркалом, типа посмотри, какая я. Мужик посмотрел, назвал ее «Красоткой». Она ответила, что он тоже ничего.

— Онлайн знакомства, — догадался Джен. — Они могли неделями переписываться, слать фотографии, а увидеться впервые.

— Кстати, да, — согласился Джа. — Похоже.

— Ну что ж, поздравляю, у тебя открылся новый порно-канал.

— Смешно тебе, — Джа насупился. — Вообще не понимаю, что происходит. Может, случайно встретились две будущие жертвы и мой радар переклинило?

Джен со вздохом встаёт с подоконника. После похмельного утра и затяжного приступа Джа его аккумулятор разрядился и на распутывание вселенских загадок вообще нет запала.

— Если они оба жертвы... Ты ведь видел их обоих, причем, без одежды, заметил что-нибудь?

— Нет, не заметил.

Поднявшись, пророк забирает опустевшую чашку из рук Джена и вместе со своей несёт мыть в раковину.

— Я бы тебе сразу сказал, — сквозь шум воды говорит Джа. — Не видел никаких отметок. Может, они там, где не увидеть.

— Или на теле их нет, — осторожно подсказывает Джен.

— Может, и нет, — угрюмо соглашается пророк, вытирая полотенцем руки. — А может, они не на теле.

Джен в ответ лишь пожимает плечами.

Дождь проходит только к вечеру. Солнце вываливается из-за туч и палит, будто отрывается за продолбанный под прикрытием день. Если бы не грязевые топи вокруг — самое то позагорать на траве пузом кверху.

Работы нет, Джен мается, выискивая по дому, не сломалось ли что-нибудь. Джа не выходит из комнаты, и это смиренное безмолвие сводит на нет уверенность в собственной правоте. Лучше б орал и выпендривался.

Звук заглохшего у ворот мотора поначалу очень обрадовал. Прикатить на машине могли только клиенты. Шаря по гостинной в поисках парного тапка, Джен дает зарок, что если продаст сейчас байк — просадит всю выручку у Косы. И насрать на завтра, Джа неплохо справляется с его похмельем.

Хорошо, что глянул в окно, прежде чем выйти из дома.

— Я что, вчера адрес выболтал? — в памяти Джена от пьяного разговора только белесое пятно.

Джа спускается по лестнице еще на три ступеньки и наваливается на перила, чтобы выглянуть в окно, не засветившись снаружи.

На припаркованном перед воротами Форде до самых стекол нет живого места — все в грязи, будто тачка переплыла болото. Зато серебристая крыша радостно отсвечивает в космос идеальной полиролью. У машины трутся трое. И если появление татуированного солдата Джен мог бы списать на развязанный вискарем язык или партизанские навыки Макса, то огненно-рыжая девчонка с драконом на груди — не иначе как вестник больших неприятностей. Джен помнит ее блондинкой. Так же отчетливо, как подаренное пророком прозвище «Птенчик».

— Не выбалтывал, — трезвая уверенность Джа только подливает керосину. — Вторую девчонку знаешь?

Джен мотает головой, пытаясь разглядеть лицо шустрой подружки получше. Но она не замирает ни на секунду — вертится по сторонам, откидывает челку, размазывает кедами по асфальту земляной бордюр.

— Я ее тоже не помню. О, смотри — Юль Косовна идет, пошли наверх, у меня в комнате окно открыто.

Джен не рискует светиться, поднимаясь по лестнице напротив окна, и подтянувшись, перемахивает через перила. Распахнутое настежь окно действительно позволяет подслушать разговор, тем более что подружка старых знакомых — вечный двигатель с фонтаном эмоций.

— Что значит «не продадут»? Крошка, ты шутишь? — доносится с улицы, и Джена перекашивает от фамильярности шустрой девахи. Мало того, что рискнула полезть к Юле с обнимашками, так еще и за языком не следит. Никому в округе не позволено называть Юлю «девчонкой», а уж за фривольную «крошку» и вовсе есть шанс схлопотать отлично поставленным ударом правой.

Судя по съехавшей челюсти Джа, его эта сцена обескураживает не меньше.

— Не шучу я, — добродушно улыбается Юля, и вторжение в личное пространство ее, судя по всему, ничуть не напрягает. — Говорю, у них байков — целый гараж. Для меня они скинут две-три штуки. Может и пять. Но уговорить продать хоть один Нортон? Нет, Савва, даже не надейся.

— Как говорит Падре: «Готов ли ты отдать свою кровь или забрать чью-то жизнь ради мечты?» — самоуверенно ухмыляется Савва, подтягивая кожаные митенки. — Дайте поговорить с чуваками. А там посмотрим.

— Падре? — хрипло шепчет Джа. Отталкивается носком от подоконника и катится на офисном стуле к стене, шурша колесами. — Да она из «Эквитас». Все, пиздец спокойной жизни.

Джен, сидя на тумбочке, откидывается назад до удара лопатками в прошлогодний календарь с видами Фиджи.

— Зато они не по наши души.

— Ага, по наши мозги! — стонет Джа. — Помнишь, что парни с мотоклуба рассказывали? Этим девкам если что взбредет — по головам пойдут, из Ада достанут и не успокоятся, пока не получат. От них же все остальные тусовки шарахаются. Джен? Ты к ним собрался что ли? Эй!

Джен не трудится обходить кровать, перекидывает через нее свои тапки и шлепает наперез.

— Мне не впервой с упертыми договариваться, — отмахивается он. — Ты идешь?

— Нахрена? — ворчит Джа, но срывается следом из комнаты. — И на что ты намекал про упертых?

— Да так. Похоже, эта Савва тут за эксперта по мотоциклам. Мы с Максом вчера про байки не трепались, не помнишь?

Джа тормозит у лестницы, задумывается.

— Помню, как ты заливал про свободу. Ветер в харю, а я шпарю, и все в таком духе. Проняло, видать, парнишу. Он, вроде, на квартиру откладывал.

— Ну, ясно. Или еще от виски не отошел, или отговаривать бесполезно. И не зря ему так Нортон уперся. Интересно другое, — Джен сует ступни в непросохшие кеды, морщится и достает другую пару с обувной полки. — В обед ты надрывался, что должен во всем разобраться, весь день проползал по фоткам этого парня, а сейчас шуганулся отвязной девчонки из байк-клуба? Для тебя «Эквитас» страшнее ментов?

Джа нервно дергается к двери, но Джен перехватывает его за локоть. Больно. Джен никогда не позволял себе такого раньше.

— При чем здесь...

— При том! Джа, там двое наших «клиентов», — Джен отпускает друга и показывает кавычки пальцами. — Вместе. И что-то не заметно, чтобы ты рвался выяснить связь между ними.

Джа срывает с вешалки дженову джинсовую куртку, в подкладке которой вшиты ножны для пары стилетов, и прежде чем надеть, проверяет на месте ли лезвия.

— Исключения подтверждают правила, — он пожимает плечами и сразу отвечает на тяжелый взгляд, брошенный Дженом на куртку. — Сегодня все как попало, кто знает, может мне придется самому защищаться?

Ливень оставил у порога огромную лужу, и Джен достает из угла прихожей бледно-голубую доску для серфинга. Она никогда не касалась океана, но уже пару лет служит мостом.

— Блядь, это судьба! — смеется Макс и тянется не пожать Джелу руку — обняться. — Парни, это точно гребанный знак. Брат, ты как после вчерашнего? Я чуть не сдох!

— Выжил, но с трудом, — Джен не спешит отстраняться, сжимает сильное плечо друга-солдата. — Ну мы вчера и даванули по печени.

— Алконавты нашли друг друга? — подтрунивает Юля. — Ладно, раз вы знакомы, мне пора.

Похоже, Савва на особом положении у хозяйки бара, если б кто-то из знакомых мужиков рискнул так приобнять ее на прощание, пришлось бы вызывать «Скорую».

— Я со вчерашнего нихера не помню, — Макс довольно щурится от солнца и, отпустив Джена, тянется к рыжей девчонке. — А это моя Санька. Знакомьтесь: Джен, Джа. Детка, вот эти обормоты меня и утанцевали!

— Кто кого, — возмущается Джен и оборачивается к девушке. Та заморожено переводит взгляд с инквизитора на пророка и обратно, тербит знакомого дракона на шнурке. Узнала. Молчит, хотя по глазам видно — рада встрече и еле сдерживается, чтобы не броситься на шею.

Похоже — не выдала. Даже будущему мужу не разболтала подробности своего кошмара. Джа тянется первым, сжимает пальцы Птенчика обеими ладонями.

— Приятно познакомиться, Са...

— Алекс, — перебивает она. — Сашкой только Макс зовет. Терпеть ненавижу такое сокращение, но ему простительно.

— Привилегия! — гордится Макс.

Он представляет Савву, как «ту самую подругу, у которой ночевала Саша» и признается, что с этой ночи заболел мечтой о собственном мотоцикле.

— Квартира подождет, — отмахивается он. Переминается с ноги на ногу, с тоской поглядывая на мокрую лавочку у гаражной стены. — Я всю блядскую жизнь на чужих байках. То у друга брал, то казенный. Пора свой заиметь. Мы с Санькой даже на марке сошлись, прикиньте.

Макс хитро подмигивает, мол, догадываетесь, парни?

— Прости, чувак, Нортон не продаются, — Джа виновато разводит руками. — Но мотоцикл для вас мы подберем.

Достойных экземпляров в мотопарке хватает, но для этих клиентов Джен не устраивает игру «узнай по голосу». Среди его коллекции Солдату подойдет один единственный байк. Мощный, быстрый, управлять им сможет не каждый, не каждый и выберет агрессивного монстра, который требует жесткой руки и стопроцентного контроля. Джен уверен, что Макс с мотоциклом справится.

— Дождлся, зверюга? — шепчет Джен, стирая тонкий налет пыли с кожаного сиденья. В вишневом бензобаке отражается длинная полоска лампы.

«Клиентские» ворота открыты, судя по голосам, Джа сдерживает снаружи не столько будущих владельцев мотоцикла, сколько Савву. Для нее гараж, забитый байками — Шамбала, Эльдорадо и тридесатое царство на ста квадратных метрах.

— Поехали, — Джен отпускает сцепление, и строптивая Хонда сдержанно выкатывается на мокрый асфальт.

— Твоюмать! — щелчком отбросив сигарету, Савва подбирается к замершему в трех шагах байку, как дрессировщик к пойманному льву. — Фаерблейд. Какой красавец! Для кого берег?

— Видимо, для них, — Джен слазит с байка, но мотор не глушит. — Ну, Макс, тест-

драйв?

— Можно я сначала? — Савва уже схватилась за ручку газа и держит, будто приросла намертво. — Тигры, я сейчас сойду, если не обкатаю.

Макс только плечом повел, а Савва уже верхом на байке.

— Погнали! — вопит Алекс, запрыгивая на мотоцикл позади подруги, прежде чем Макс успевает возмутиться.

С ревом байк срывается с места, брызжет грязь — Джелу едва удается отпрыгнуть.

— Вот же бабы! — ошарашенный Макс смотрит вслед. — Не, вы видели? Видели?

— Хоть бы шлемы накинули.

— Накажи их, — смеется Джа. Забирает у Джелы документы и проглядывает наметанным глазом, все ли в порядке. — Держи бумаги, почитай, пока катаются, если что непонятно, объясню.

— Угу. Только я в них нихрена не понимаю. У нас Сашка — главный по бумажкам.

— Тогда не грейся, — хлопает по плечу Джел. — Дома все просмотрите, не торопись. И советую самому байк обкатать. Фаерблейд — машина серьезная, не каждому уступит. Ваша подружка-то хоть и девчонка, а километров намотала неслабо и с техникой на «ты», это сразу видно. Тебе, брат, лучше опробовать. Так что забирай все и приезжайте завтра. Договоримся о цене, оформим бумаги, ну и сообразим за сделку на четверых. Идет?

Проявленным доверием Макс взволнован и горд не меньше, чем покупкой байка.

Возвращаются девчонки взбудораженные и лохматые. Спрыгнув с байка, Алекс фонтанирует эпитетами и планами — что докупить, куда поехать, до какой скорости разогнаться и какие фильмы пересмотреть.

— Отличный конь, — Савва гладит Фаер по разгоряченным бокам как живого. Спешившись, спрашивает Джел: — Все родное на байке или менял что-то?

— Так по мелочи. Байк почти нулевой. Хозяин на северах денег заработал, купил игрушку, покатался неделю и снова на заработки умотал. В итоге там и остался. Спустя пару лет в отпуск приехал, по-быстрому распродал здесь все, что увезти не смог. И байк в том числе. По Новому Уренгою на мотоцикле особо не покатаешься.

— Звучит правдоподобно, — задумчиво говорит Савва. Будто не решаясь о чем-то спросить, она бросает мимолетные взгляды то на Джа, то на Джелу и возвращается к байку, как на безопасную территорию.

— Я слышал, — встречается Макс, — на наших Уралах в район Заполярья рейды устраивали.

— Да? Это надо быть жестким фанатом. Я б не решился...

— Слушай, — Савва резко сворачивает разговор, — а колодки тоже родные стоят?

— Тормозные? — тупо уточняет Джел. — Нет, поменял.

— Тогданими их, пожалуйста.

— Зачем? Они ж новые.

— Это прекрасно, что новые, но снять-то можно? Маркировку посмотреть надо.

Джел озадачен. Тормозные колодки — деталь, несомненно, важная с точки зрения безопасности, и сверять отпечаток на самой колодке с данными упаковки порой полезно, но чтобы из всего байка перепроверить производителя желали только на них, с таким Джел сталкивается впервые за все время работы с техникой.

— Да не вопрос. Сейчас откроем.

Он возвращается в гараж за ключами, и Савва, воспользовавшись моментом, идет за

ним.

— Не прими за бабскую вредность, я не из любопытства докопалась, — говорит она, озираясь по сторонам. — В последние месяцы какая-то демоническая херня творится. Колодки ни с того, ни с сего рассыпаются прямо во время езды. Чем такой фокус финалится, сам понимаешь. И на всех таких колодках стоит маркировка, причем, черная, как будто тиснение. Буква «М» или знак суммы «Σ», смотря как развернуть. Блин, это что, «Костяшка»?

Во втором ряду чопперов, действительно, отдыхает легенда Харлеев, чтобы добраться к нему Савве приходится бесцеремонно раздвинуть первый ряд и протиснуться между японскими тяжеловесами.

— Какой классный! — подобострастно выдыхает она, обводя пальцами круг передней фары. — На ходу?

— Угу, — откликается Джен. — Знаешь, почему его так прозвали?

— Говорят, крышки клапанов похожи на кулак с двумя костяшками. Но по мне, это скорее пучеглазый муравей.

— Вот взяла и обосрала легенду. — Джен возвращается из ремонтного отсека с ключами в руке. — Пошли на выход. На счет колодок. Сколько работаю с байками, такой... байки не слышал.

— Пока проблемы только с авто, — чтобы выбраться, Савва принимает протянутую Дженом руку, переступая через вывернутое колесо Кавасаки. — Спасибо.

— Даже если так. Ни разу по телеку не слышал, в сети тоже не встречал. Хотя...

Съеденная до металлического каркаса колодка «неприкасаемого» байка встает перед глазами. Естественным ее износ точно не был.

— А полиция точно в курсе?

— Замалчивают! — уверенно заявляет Савва. — У нас инфа из отчетов ГАИ. Если на колодках есть метка — проблема всегда в них.

— О как. А есть статистика, сколько колодок без этой метки выходят из строя?

— Можешь ерничать сколько угодно. Мы проверяли, на нескольких заводах, около сотни пар в месяц выходят с этой отметкой. И ни один производственный процесс не объясняет ее появления.

Чтобы влезть в цеха разбросанных по стране заводов нужны колоссальные связи и ресурсы. Нужна власть, заметная настолько, насколько пророку с инквизитором стоит держаться от нее подальше. Джен останавливается у самого выхода.

— А «мы» — это кто?

— Общественно полезная и независимая организации «Эквитас», — с апломбом отвечает Савва.

— Да ладно, — Джен недоверчиво кривит рот. — Это же местная тусовка девочек-байкеров. Кто вас на заводы-то пустит?

— Дальше Википедии гуглить не умеем, да? Зайди в даркнет, откроешь новый дивный мир. У Падре люди по всей стране от бомжовых низов до верхушки бизнеса. А то, что в Икстерске ебашат только девочки-байкеры говорит лишь об отсутствии яиц у гендерно-мужского населения.

Джен разводит руками, не желая оправдываться за все мужское поголовье города.

Снять колодки дело пяти минут. Савва оглядывает их придирчиво, со всех сторон. Джен втайне надеется увидеть мифическую отметку, но с тормозами Фаера все в порядке.

— Сертификат безопасности выдашь? — спрашивает Джен, закручивая последний болт на заднем колесе.

— На этот байк — да, — язвит в ответ Савва. — Остальным под суппорт не заглядывала.

— Ну, это процесс интимный, допускается только хозяин.

— Уймитесь уже! — возмущается Макс. — И дайте мне прокатиться!

В руках нового хозяина Фаер рычит покладисто, с готовностью покорять ухабы местных дорог. Собираясь за байком, о шлемах, конечно, Солдат не подумал. К счастью, Джа откопал в гараже пару старых. Макс с чужой головы шлем пришелся в пору, на Алекс же болтается, как ни затягивай, но снять его Джен не позволил — не для того вытаскивал ее со стройки, чтобы переживать за целостность черепа.

Опустевшая ниша в гараже мозолит глаза, и хотя прорех в стройных рядах мотоциклов хватает, именно эту пустоту по левому борту хочется заткнуть. Джен прикидывает, какой из оставшихся байков лучше перегнать на место Фаера, когда в мастерскую входит Джа. Неслышно и неожиданно, Джен вздрагивает, случайно смахнув с верстака рулон вафельных полотенец. Белое полотно раскатывается по пыльному полу.

— Вот блядь, — вполголоса ругается Джен, нагибаясь за рулоном. Отряхивает испачканную сторону.

— Мотоциклы протирать пойдет, — успокаивает Джа, садясь на крутящийся табурет, который по праву считает своим. Единственный предмет в мастерской, на который никто больше не претендует. — Почему ты байк так запросто отдал?

— Чтобы завтра вернулись, — отвечает Джен. Облокотившись на верстак, он отрывает от рулона добрый кусок и вытирает руки. Слишком тщательно, чем требуется на самом деле. — При их подружке не поговорить, а тет-а-тет можно и раскрыть карты.

Он смотрит на Джа и понимает — объяснения не обязательны. Но если сразу расставить все точки над «ё», после не будет шансов сделать вид, будто ничего не было.

— Они знают тела друг друга лучше некуда. И уж одинаковые метки должны были заметить.

Джа упирается локтями в колени, выгибает пальцы один за другим до хруста суставов. Мерзкая привычка.

— Джен, ты хочешь открыться?

— Если это поможет — мне плевать. Они и так многое знают, так что невелика потеря. Вопрос в другом — ты хочешь докопаться до сути? Джа, ты правда этого хочешь?

Пророк отвечает не сразу. Но честного ответа можно и подождать.

— Пора, — Джа вскидывает голову, отбрасывая с глаз челку. — Слишком часто в последнее время. Дальше будет только хуже. И пока мы во всем не разберемся, это не кончится.

Если быть честным, Джен не уверен, что это вообще может закончиться. Пусть они докопаются до первопричины, но как устранить не пророчества — убийства? Есть ли способ? Джен сомневается. И Джа сомневается тоже. Но иногда наличие цели важнее, чем сама цель. Поэтому Джен кидает на колени Джа рабочие перчатки и командует:

— Надевай. Поможешь байки переставить.

— Как сортировать будем? — спрашивает Джа.

— Сортировать? — Джен задумчиво обводит взглядом мотопарк. Классика

припаркована по одну сторону, спорты — по другую, все выставлены по литражу, штучные вроде кастомов или эндуро сгруппированы в отдельной нише. За порядком Джен всегда следил пристально, считая его панацеей, но любая система рано или поздно либо дает сбой, либо надоедает до чертиков.

Джен ерошит макушку и предлагает:

— А давай как попало?

С утра приезжал мусорщик Вадимыч, и теперь по двору разбросаны мотоорганы.

— Какое кощунство, — морщится Джа, наблюдая, как Джен увлеченно копается в груди мертвого металлолома. Тот разгребает сваленные в кучу детали, осматривает каждую, проверяя — есть ли шанс оживить, и отбрасывает в сторону бесполезные трупы вроде этой опорной шайбы с поперечной трещиной. Глухо стукнувшись о бетон, шайба катится к лавочке, пока Джа не останавливает ее носком кеда. — Слышь, некромант моторный, а нам не дешевле купить детали у поставщиков, чем разгребать это дерьмо, ммм?

— Может, и дешевле. — Джен выпрямляется и теперь, разглядывая цилиндр двухтактного двигателя, висит над кибер-холмом, как торжественно водруженный крест. — Но некоторые раритеты можно откопать только на свалке. Шарил бы Вадимыч в механике, не видать мне этого цилиндра. Целехонький.

Джен, довольный находкой, бережно откладывает деталь в мелкую, проржавевшую по бокам тележку. Этот цилиндр поедет в мастерскую, на полки.

На утробный рев Фаера парни оборачиваются синхронно.

Пока Джен выбирается из груды металла и вытирает руки сначала пробензиненной, а затем — мокрой тряпкой (перчатки перчатками, но в этом мусоре пока копаешься, угвоздаешься по самые локти), Джа закатывает тележку в мастерскую и запирает клиентские ворота изнутри. Забейся пророк куда-нибудь в угол среди притихших байков, только бы не выходить к гостям-клиентам, Джен бы не удивился.

О том, что Макс окончательно забил на квартирный вопрос в пользу байкерской жизни, Джен понял с первого взгляда. Даже навскидку полная боевая экипировка Солдата и его подруги от шлема до перчаток тянет на половину стоимости самого байка. Джен готов спорить, что за первым тюнингом эта парочка примчится не позже чем через месяц. Если не спугнется пророчествами.

— Здорово, брат! — перекрикивает свой байк Макс. Глушит мотор, пока Алекс спрыгивает на землю и снимает шлем, эффектно тряхнув волосами как в гламурной рекламе.

Девчонка сияет. И Джен невольно улыбается в ответ.

— Ну, как вам зверь?

— Звеееерь! — восторженно заявляет Алекс. Кивает на груды деталей. — Генеральную уборку затеяли?

— Наоборот, — Джен пожимает Максу руку. — Один знакомый на городской свалке работает. Собирает все, что принимает за запчасти и сдает мне, как металлолом. Привозит целый кузов где-то раз в месяц и сгружает. А я потом неделю разгребую.

— И много интересного привозит? — Макс, подбоченившись, вглядывается в хромированную россыпь.

— Даже втулки из истребителей попадались, — смеется Джен. Хлопает Солдата по плечу. — Ну, что? Объездил байк?

— Мой конь, — гордо отвечает Макс. Достает документы из перекинутой через плечо сумки и протягивает их подошедшему Джа. — Я все подписал и денег привез. Называйте цену.

Джен наизусть помнит, во сколько обошлась каждая шайба каждого байка и сколько времени он провозился, прежде чем восстановить каждый. С Фаером повезло, перебирал его

Джен лишь профилактики ради, и за эту работу с Макса Джен не берет ни копейки.

— Брат, этот байк с рук в Интернете продают в полтора раза дороже, — удивляется Солдат.

Джен в ответ улыбается и разводит руками. Еще не известно, кто кому будет обязан большим.

На праздничную пиццу уходит половина запасов из холодильника. Пока Джа с Птенчиком воюют за очередность слоев начинки, Джен влюбляет Макса в байки рассказами о подвигах и выходках механических подопечных, устроив экскурсию по мотопарку.

— Я не сказал бы, что у каждого есть душа, — наклонив голову, Джен смотрит на заднее колесо рыжего Кавасаки и помечает в голове «подкачать». — Вот характер — есть. Бывает, возишься с одним по полгода без толку, уже собираешься пустить на запчасти, а у него всего лишь надо было какую-нибудь мелкую детальку смазать. И нет, чтобы посигналить.

— Подергать за штаны и попищать: «Хозяин, смажь меня»? — смеется Макс. Солдат взобрался на вальяжный старый Харлей и пытается приноровиться к прямой посадке. — Нафига руль такой высокий сделали? Неудобно же.

Джен пожимает плечами.

— Для тех, кому он по характеру близок, руль очень удобный.

— Философия, — морщится Макс, слезая с байка. Оглядывает ряды притихших мотоциклов. — И давно ты с ними?

— Сколько себя помню.

— Уважаю, — кивает Солдат. Добавляет сразу: — Уважаю людей, которые не размениваются на все подряд. Я — человек конкретный. По мне, лучше быть спецом в чем-то одном, чем нахвататься везде по чуть-чуть.

— Зря ты так категорично. А если человека от разных талантов распирает? — Джен вспоминает недавнюю бурю Джа и невольно ухмыляется. Для таких как пророк быть одностаночником — не индикатор «конкретики», а везение родиться «нормальным».

— Если распирает от талантов, имей смелость выбрать один, — режет Макс.

Джен вовремя сдерживается, чтобы не ответить: «Кто б еще дал такой выбор». Сев на крутящийся табурет, Джен замечает, насколько тот неустойчив. Болты изрядно расшатались, многие норовят выскользнуть из резьбы, а Джа еще и крутиться на нем умудряется, нет чтобы подтянуть, до инструментов — рукой подать. Осторожно, придерживая сидушку и сместив свой центр тяжести в безопасное положение, Джен подкатывается к подставке с инструментами, снимает с крючка отвертку.

— Джа тоже в технике шарит? — спрашивает Макс. Он дошел в своей экспедиции по гаражу до Дженовой фонотеки и шуршит пластиковыми коробками дисков, щелкает, открывая их, чтобы посмотреть сами CD и вкладыши. — Или он чисто по бумажкам?

Джен, не слезая с табурета, на ощупь подтягивает болт, глядя в бетонный потолок.

— Разбирается. Не настолько, чтобы починить, так, в случае чего подшаманить сумеет.

— Значит, для него все это — голый бизнес?

— Это в первую очередь — его бизнес, его идея. — Джен возвращает ключ на место, ерзает, раскачиваясь, на табурете, проверяя, прочно ли закрепил сиденье. — Я, наверное, так и продавал бы разное барахло от скутеров до катамаранов. Знаешь, есть такой павильон возле Казачьего рынка с брезентовой крышей?

— Знаю. Ты там работал?

— Где-то с полгода. А потом с Джа по пьяной лавочке расписали, как охуенно было бы скупать у криворуких мажоров байки, доводить до ума и продавать правильным пацанам.

Макс по-дружески льстивый кивок оценил, расплылся довольный, мол, в этом гараже-мотопарке все пацаны, как один — правильные.

— Говорят, бизнес с друзьями строить нельзя, — замечает он. — Либо разосретесь из-за дележки, либо сам бизнес развалится. Исключений мало. Круто, когда есть такой друг, которого в партнеры взять не запахло.

— Это точно.

— Тебе повезло. Вы с детства дружите? — спрашивает Макс, посмеивается: — Извиняй, ты может, уже и рассказывал, но я нихренашеньки не помню.

— Аналогично! — Джен тоже невольно смеется, хоть к воспоминаниям о славной попойке и липнет картина похмельного утра. Отвечает честно. — Нет, мы знакомы всего года три.

— Да брось! — не верит Макс.

— Серьезно.

— И что, мотоциклы так роднят?

Джену проще ответить «да», в среде мотоклубов такие братские истории не редкость, Макс сам убедится, когда втянется. А он точно втянется, у Джена глаз наметан. Наматает километраж по трассе, пропишетя в этом самом гараже с отверткой наперевес, возможно — захочет войти в долю. Джен четко представляет, как оно может быть. И хочет, чтобы так оно и было.

Джа говорил, все в мире подчиняется законам. Знакомым или неизвестным, вообразимым или необъяснимым привычными терминами нынешней картины мира. Значит, случайностей не бывает, и Солдат, бесцеремонно усевшийся на почти нулевой кастом Триумфа, оказался здесь и сейчас с определенной целью.

Джен ставит фишки на правоту пророка и отвечает:

— Дело не только в мотоциклах.

Макс глядит внимательно, затем подается вперед, упирается локтями в бензобак, чешет щетину на подбородке.

— Будь Джа похож на нас с тобой, я бы подумал, что вы вместе вышли из какой-то передраги.

— Вроде того, — прикидывает Джен. Про себя усмехается: «Если б вышли», вслух объясняет: — Я ему помог. Оказался в нужное время в нужном месте. До сих пор рад, что так вышло. Иначе в итоге не видать мне всего этого двухколесного великолепия.

— Боюсь спрашивать, чего не видать Джа, — говорит Макс и спешивается. — Идем, посмотрим, что они с Сашкой натворили. А то выпытывать подробности за спиной у твоего друга — гнилое дело.

Джен кивает и выходит из гаража, полностью окрепнув в своих намерениях, и уверенный, что к этому человеку можно повернуться спиной.

Судя по запахам, пицца на подходе. Алекс и Джа сидят за столом, увлеченно рисуют что-то в блокноте в две руки, несколько изрисованных листов вырваны и разложены по всей кухонной мебели, пара смятых валяется возле приоткрытой дверцы шкафа с мусорным ведром.

— Что рисуете? — взяв со стола один из эскизов, Джен вертит его в руках, не сразу разобравшись по цветным абстрактным пятнам, где у нарисованного бензобака верх, где — низ.

Макс заглядывает Джелу через плечо.

— Это вы куда такое налепить ходите?

— На нашего красавца, естественно, — Алекс отрывает взгляд от нового эскиза только для того, чтобы показать Макс, насколько он непонятлив. — Хотя этот мне не очень нравится, посмотри вон тот, у доски который.

— Не надо на моем байке ничего рисовать! — Макс хватается эскиз, лежавший у разделочной доски, теперь Джен заглядывает ему через плечо. На листке — бензобак, увитый трещинами, как разбитое стекло, в самом центре воткнут дротик, пришиливший мятый листок с небрежно выведенным латинским «Libertas». Красиво, стильно, пугающе и, похоже, Макс, нравится, но он не отступает: — Давай сначала все необходимое к нему купим, а потом уже будем красоту наводить.

— Джа с нас только за краску возьмет, так что не жмоться.

У Макса иссякли аргументы, и он машет рукой, бросив эскиз на стол. Сочувственно похлопав солдата по плечу, мол, смиришься, Джен достает из холодильника пиво на всех, бросает взгляд на табло духовки. Остается всего минута.

Пицца удалась — все три вида просто великолепны, хотя повара и переживали за перебор с острой приправой. Голод утоляется быстро и вскоре еда отходит на второй план, уступает место около-моторной болтовне и мотоликбезу. Джен пьет медленно, цедит из горлышка мелкими глотками, вынуждая Макса сбавлять обороты и подстраиваться под его хозяйский темп.

Наконец наступает долгожданный и неизбежный момент. Макс торжественно поднимается со стула, держа в вытянутой руке бутылку, он высится над столом с монументальностью памятника Свободе и произносит:

— Братя, я счастлив, что познакомился с вами. За знакомство!

Звенит, столкнувшись, стекло. Прежде чем ответить, Джен убеждается в двух вещах. Во-первых, голос у Макса все еще трезвый. Во-вторых, сидит солдат аккуратно напротив, а все ножи уже сгруппированы возле Джелы, и чтобы добраться до любого из них Макс, придется тянуться через стол.

— К сожалению, не все так просто, друг, — Джен говорит как можно спокойнее и миролюбивее. Чувствует, как подобрался, замер на вдохе сидящий по левую руку Джа. Ловит встревоженный взгляд Алекса.

— Чего непростого-то? — глухо спрашивает Макс. Насторожился, заметив реакцию остальных, ждет объяснений. И шарит глазами по столу, отмечая координаты приборов.

Джен кладет руки на стол перед собой, показывая, что открыт. Джа делает то же самое.

— Мы с Алекс были знакомы до того, как ты привез ее сюда, — говорит Джен. Он не делает пауз, чтоб не дать возможность задать лишние вопросы. — Мы встретились с ней так же, как и с тобой. При схожих обстоятельствах. Алекс, расскажи ему, пожалуйста, что случилось, а я объясню, почему.

Макс молчит, поворачивается к будущей жене и требует объяснений, не проронив ни слова. Девчонка бледнеет до мела, рыжие кудри на контрасте пылают огнем. Но, как и при первой встрече, она быстро берет себя в руки.

— Он говорит вот об этом, — Алекс закатывает рукав рубашки и демонстрирует следы почти заживших ссадин на запястьях. — Это они меня вытащили, Макс. Никакой мимо проходившей гопоты не было. Джен вырубил того урода и вместе с Джа вывез меня со стройки. Они просили никому себя не описывать. На Джене ножей было больше, чем в оружейном магазине, — Алекс оборачивается к Джелу, оправдывается: — Я старалась крепко держаться, чтобы с мотоцикла не слететь, а через куртку твой арсенал прекрасно чувствуется.

Джен мотает головой, мол, не заикливайся.

— Максим, родной, разве я могла рассказать тебе? Ты ведь стал бы их искать. А вдруг ты навел бы на них полицию?

— У вас проблемы с ментами? — Макс откинулся на спинку стула, вроде расслаблен, но Джен знает, что это лишь видимость. Солдат собран, он следит за каждым движением Джелы.

Не смотря на причастность всех, сидящих за столом, к разговору, ведут его двое. Джен готов к тому, что Макс не захочет верить, поддавшись более простому объяснению, которое не нарушает и не противоречит его положению вещей. Джен только надеется, что в критический момент Джа уведет с линии огня девчонку, а не бросится сам грудью на амбразуру. Инстинкт пророка — защищать правду любыми способами. Даже подставляя собственную шею под топор. И как Джен ни старается все эти годы, искоренить его полностью не удается.

— Не совсем, — отвечает инквизитор Солдату. — Если бы нас хоть раз застали на месте преступления, проблемы были бы. Но менты всегда очень сильно опаздывают.

— Значит, ты не можешь объяснить им, как оказываешься «в нужном месте в нужное время»?

— Им не смогу. Тебе — попытаюсь.

— Стоп! — в разговор резко вклинилась Алекс. — Макс, так на тебя тоже напали? Когда? Кто?

Похоже, мир Алекс пошатнулся первым, причем без помощи Джа и Джелы. В ее вселенной не существовало людей, которые рискнут напасть на Макса, будучи в своем уме и при инстинкте самосохранения. Да и сам Солдат не придавал ночному инциденту подобного колорита.

— Ерунда, — отмахивается он, хватается за бутылку промочить горло. — Какой-то отморозок с арматурой. Наверное, ограбить собирался.

— Он собирался тебя убить, — произносит Джа, и все оборачиваются к пророку. У Джа такой вид, будто все, чем дорожил, уже потеряно, а за оставшееся цепляться нет резона. Он не смотрит на собравшихся. В его пальцах лист салата, и Джа крошит его в свою тарелку поверх недоеденной пиццы, отрывая маленькими кусочками. — Сначала оглушить. Потом забить арматурой до смерти. Он нанес четырнадцать ударов, хотя твой череп раскроил третьим. Он перестал бить, только потому что устал.

— Ты что несешь? — Макс нервничает и теперь не скрывает этого.

— Я знаю, так и было бы, если бы Джен не успел. Я это видел. Не могу объяснить почему, но иногда я вижу, как убивают людей. В голове. Что-то вроде галлюцинаций.

— Хочешь сказать... — подает голос Алекс.

— Да. Я вижу то, что должно случиться, за несколько минут до этого. И если вам нужны доказательства... — Джа замолкает, замирает, как проигрыватель дисков от переключения

дорожки. — Тот подонок на стройке, он тебя пытался подвесить за веревку, которой руки связал, на штырь, торчащий из стены. Вывернул руки. Алекс, как я могу это знать, если внутрь заходил только Джен и гораздо позже?

Алекс мнет в ладони салфетку, похоже, не замечая этого. Включился холодильник, в магазине наврали, что он бесшумный. С улицы доносится громкий хлопок и дородный мат соседки — похоже, кто-то из внуков нашел оставшиеся с нового года бомбочки.

Этот пиротехнический взрыв отрезвляет Макса.

— Ладно, парни, поржали и хватит. Неудачная тема для стеба, правда.

— Макс, это не стеб, — встречается Алекс. Отбрасывает салфетку, прижимает ладони к теперь уже пылающим щекам. — Все так и было! Джа, как? Как ты это делаешь?

У Джа лицо помечено усталостью, но он отвечает на вопрос. Джен слушает рассказ и может вторить другу суфлером, потому что еще с первой встречи запомнил «покаянную речь пророка» (как он ее называет) слово в слово.

— Не могу поверить, — Алекс мотает головой. Макс вперился взглядом в скатерть и часто прикладывается к бутылке.

— Никто и не верит, — соглашается Джа. — Если б я мог щелкнуть пальцами и впасть в транс для доказательства, но простите, — он разводит руками. — Гадалка живет улицей дальше. Вот у нее и будущее в любой момент показывается, и духи по команде арии Христа воют.

— Мы — хорошие парни, брат, — Джен обращается к Максиму, но тот и глазом не ведет, будто не слышит, будто крепко задумался и выпал из просторной обыденной кухни в иное захватывающее измерение. Так можно подумать, но на деле — только прикоснись. Одно неосторожное движение, и осядешь тут же к лакированной ножке стула, без лишнего шума, с вывернутым за спину подбородком или китайскими палочками в ухе.

Говорил ведь Джа — суши к столу будут лишними.

— Нам нужна ваша помощь, — Джен переходит к делу, и Макс подает признаки внимания — садится на стуле так, чтобы пнул его из-под себя ногой, и уже в боевой стойке. Джелю не нравится его настрой, хотя сам себе признается, что вел бы себя так же. — Мы гонимся по пророческим наводкам не первый год, и впервые встретили жертв, знакомых друг с другом, знающих друг друга. Подумайте, что у вас общего?

— Родинки, татуировки, шрамы, — Джа загибает пальцы, — диагнозы, аномалии, травмы...

— Послушайте, — Джен прерывает словесный поток, сжимает пальцы Джа в кулак и опускает на скатерть. Хватит. Пусть пророк обижается, что его перебили, с этим можно разобраться позже. — Макс, мне нужен список всех ваших знакомых, кого сможете вспомнить, и недругов, если такие есть. Еще места, в которых вы часто бываете, где с вами можно столкнуться вместе или порознь — не важно. Все нападения связаны, мы в этом уверены. Нужно понять — как.

— Нет, — заявляет солдат, поднимаясь. — Мы в этом участвовать не будем.

Алекс вскакивает следом.

— Макс.

— Я сказал — нет! Я не собираюсь вываливать все о себе перед кем-то. И ты не вздумай.

— Мы спасли вам жизни, — напоминает Джа. — Ты это знаешь, и никаких доказательств не надо.

От сдерживаемого негодования его бьет мелкая дрожь, вот-вот молекулы разгонятся до критической скорости, и тело воспламенится. Он порывается вскочить, но Джен удерживает его за плечо и сам не встает — позволяет Макссу возвышаться над ними.

Солдат цедит слова сквозь зубы.

— Надо. Мне они нужны. Доказательства. Того, что ее жизни угрожал не ты!

— Зачем мне это?

— Затем, что ты — чокнутый псих. — Макс хватает Алекс за руку, выволакивает из-за стола, понижает голос. — Чтобы я вас больше не видел. Никогда. Если засеку поблизости... Джен, пеняй на себя. Пришибу. Ты это знаешь.

Джен знает. И не останавливает. Он позволяет гостям уйти и, только заслышав рев Фаера, отпускает Джа. Тот передергивает плечами, будто стряхивает частицы, оставшиеся после ладони на рукаве. Обхватив руками голову, утыкается лбом в клеенчатую скатерть.

— Ты представляешь, в каком мы теперь дерьме? — гундит в столешницу Джа. — Он знает, кто мы и где мы. Он может сдать нас ментам, Джен.

— Он не станет. Не тот тип людей, — врет Джен, только чтобы успокоить. Не выходит.

Ничерта не выходит. Щелчком сбив ошметок салатного листа с края тарелки куда-то на пол, Джа бросает едко: «Ну и хуй с ними». Встает из-за стола и небрежно скидывает тарелки одну в другую, не выгребая остатки еды, не убирая вилки, которые лязгают по фаянсу и вываливаются на скатерть вместе с остатками начинки пиццы и крошками. Поверх тарелок наваливаются стаканы, шаткая башня растет, пока Джен не срывается на грозное «Уймись!», выхватив из рук Джа солонку.

— Оставь в покое посуду! — просит он, вернув солонку на стол.

Джа смотрит в упор, спрашивает:

— Если я не уберу, кто это сделает?

Посуда — не вооруженные психи, и убирать ее прерогатива не Джена. Так уж повелось с первых дней проживания под одной крышей, каждому своя вотчина, честное разделение обязанностей. Если Джа не способен прочистить водопровод или проследить за работоспособностью отопительной системы, он туда и не лезет. А Джен не переводит продукты на несъедобное варево и больше не сажает во дворе тополя вместо яблонь. Раньше этого взаимодополнения хватало за глаза, они неплохо уживались в общем доме, удобно перестроенном для совместного бизнеса и геройства. Пророк и инквизитор — самостоятельная, цельная боевая единица.

Теперь же в Икстерске душно от убийств. Джен борется с усталостью, топит ее в машинном масле, глушит металлическим ревом, отвлекается головоломками с форума скорой мотопомощи (шутка ли поставить диагноз по снятому на мобильник видео). Все без толку. С каждым разом сбруя ножен кажется все тяжелее, а асфальт под колесами все бугристее, потому что приступы пророка все чаще и чаще, и Джен до смерти боится, что однажды даст сбой и просто не справится. Даже самому лучшему каскадеру бывает страшно без подстраховки.

Джа хватается снова за солонку, но не доносит до посудной башни, сжимает ее в ладони и, упершись кулаками в стол, зависает над испачканной скатертью.

— Мы всегда будем одни в этом дерьме, правда?

Настоящая боль в глазах пророка выглядит иначе, и то, что Джен видит сейчас — гораздо глубже и опаснее. Ожесточение, отверженность и страх — спектральная палитра безнадеги. Слишком знакомое сочетание, чтобы списать на неудачное мгновение. Тут же

незримым ярмом на плечи падают жесткость ремня автомата и жар огня, который лижет ворот, рукав — он почти добрался до локтя, остановили только хлопки чужих оголенных ладоней. В гортани застрял жирный смрадный ком. Он год за годом возвращается — неожиданно и действенно, как удар под колени — и с тем же эффектом.

Джен испариной на загривке чувствует прикосновения сквозняка — они не проводили гостей как положено, и, видимо, входная дверь распахнулась под натиском ветра, который воспользовался редким моментом пролететь насквозь через их логово. Наглая мразь. Мало кому удастся выкинуть подобный финт, этот дом — бастион, идеальное убежище.

Идеальная тюрьма. Ее феноменальная защита не в современных замках (их установлено на каждый вход по три штуки и каждый Джен научился вскрывать менее чем за сутки, херня все эти коды и магнитные механизмы), ее защита в иллюзорной добропорядочности.

Для большинства соседей Джен и Джа — хорошие мальчики со странными именами-кличками (кто без странностей нынче?), трудяги, благовоспитанные неиспорченные представители молодого поколения и безотказные механики, сантехники, водители грузовиков с углем, дезинсекторы, доносчики пакетов из магазинов. Есть такие, кто считает их геями, есть особо талантливые, замечающие в них родство. Но ни одной души, способной разглядеть убийц.

Определение всплывает в сознании, и Джен смиренно позволяет ему впитаться. Какая разница кого и с какой целью? Убийство — не действие, убийство — это состояние двух людей, один из которых перестает быть живым. И если инквизитору хоть раз не удалось избежать подобного исхода...

Джен никогда не мнил себя криптонским Суперменом, который бросает врагов об стены раз за разом, зная, что, оклемавшись, те загубят еще пару-тройку (десятков?) невинных людей. Джен убивал. Убивал, если не видел иного выхода.

У не-убийцы Супермена было мало верных друзей. У Джена друг и вовсе один. Даже не друг, нечто иное. Джа — рукоять ножа, Джен — лезвие. Джа направляет, Джен вспарывает. Лезвие не задает вопросов, рукоять не сомневается в приказе. Но что делать, если Джен затупился, а Джа сомневается в его, Джена, крепости? Бездна в глазах пророка застыла ледяной коркой, и Джен чувствует, как крошится созданная им опора, как ноги соскальзывают в вязкую, болотистую муть, которая затянет и сгноит. Она вся — паника, неосторожность, недоверие и неизбежные ошибки. Верная гибель поддаться ей, а устоять так сложно, что предательски мелькает мысль «лучше сдайся». Эта мысль не дает ответа «лучше для чего?», и Джен берет себя в руки. Говорит:

— Не «одни», а «вдвоем».

Вдвоем. Вдвоем — это уже не в одиночку. Уже есть чье-то плечо, на которое можно опереться, и чья-то задница, которую нужно прикрывать. Вдвоем уже можно справиться.

Поэтому, ухватив за дно шаткую тарелочную гору, Джен, балансируя и не дыша, сам тащит ее к раковине.

Поздно ночью, когда Джа уже спит, а Джен бродит по дому, мечтая нагулять усталость, звонит телефон. Сняв трубку, Джен слышит робкое сдавленное «здравствуй, извини, что поздно».

— Я не сплю, — отвечает он, присев на край дивана. — Что-то случилось?

— Нет, Джен, я просто... Телефон этот в договоре на мотоцикл прописан, вот я и... — Птенчик смолкает. Набирается мужества и выдыхает: — Джен прости меня. Это нечестно, я

знаю, но Макс... Он — вся моя семья. И в этом городе, и вообще. Поэтому я не могу выбирать между вами.

От догадки сжимаются кулаки и зубы.

— Макс собирается полицию?

— Нет. Нет! Что ты! Он никогда! Солдатский кодекс или как у вас это называется? Он вас никогда никому не сдаст, но и помогать вам он не хочет. А я не могу. Я не знаю, как вам помочь. Правда. Джа спрашивал про общие родинки, метки, ничего такого у нас с Максом нет. Если вдруг что-то замечу, я обязательно позвоню, но больше...

— Больше ничего и не надо, — успокаивает Джен. — Разве что, будь осторожна, когда гуляешь одна по темноте. Договорились?

— Договорились, — всхлипывает она и, Джен уверен, улыбается.

Часть 2. ДРУЗЬЯ. Глава 6

Ранний вечер понедельника — не самое популярное время в баре Косы. Два заблудших панка оккупировали столик у окна и тянут по кружке пива уже второй час, на продолжение банкета у них явно нет денег. Еще один столик занят тремя интеллигентами слегка за тридцать, чей отутюженный вид превращает отрезок бара в сцену старых черно-белых фильмов. В другом конце зала из знакомых Джа и Джену лиц — только молчаливый сухостойный иллюстратор детских книг по кличке Кук, неизменно забившийся на самый край барной стойки, да компания программистов-фрилансеров за столиком у самой сцены, чьих имен ни Джа, ни Джен не знают, а Юля с Косой окликают по логотипам на вечно открытых крышках ноутбуков.

Большинство постояльцев еще не вырвались с рабочих мест, никто не заказывает жареное мясо и фирменную фасоль, поэтому запахам кухни не расползтись по залу, пропитывая щели деревянной обшивки стен. Перед Джа с Дженом по бутылке пива, у каждого она — не первая, и не последняя — точно.

Вкус пива уже не чувствуется, небо оцарапано солеными сухариками; огромные окна бара в этот час не занавешены, и солнце припекает Джену спину, а Джа заставляет шуриться. Из колонок тихо подвывает что-то итальянское; Джа попытался выяснить у Юли, что именно, но так и не понял, почему оказался «ограниченным деревенщиной без слуха и чувства прекрасного». Впрочем, как саундтрек молчанию ненавязчивая мелодия подходит неплохо.

Молчание — понятие столь же относительное, как «помощь». Если ты помог человеку избежать смерти, это не значит, что он сам не завершит начатое убийцей. Если Джа молчит, это не значит, что молчат все вокруг. Джен прислушивается к разговорам за соседним столиком, и его картина мира приобретает четвертое измерение.

«Черно-белые» по ту сторону прохода, будто на изнанке полотна. Точнее — один из них, тот, что даже среди своих прилизанных собратьев выделяется, словно аристократ среди среднего класса. Высокий и острокопный, как кузнечик, с русой кудрявой шевелюрой, которую не приструнить никакими гелями. Он жестикулирует тонкими длинными пальцами пианиста и постоянно оправляет полу пиджака, чтобы не укладывалась на колени, а свисала сродни смокингу.

— Если что-то повторяется раз за разом, значит, работает система, — убеждает Аристократ друзей. Те в ответ сводят брови и пожимают плечами. — Причем, понятно, по каким законам она работает, с какой целью... А вот ось, командный пункт системы никак не разгляжу, — он разводит руками. — Ясна задача и неясна причина. Меня это убивает.

«Добро пожаловать в мой мир», — злорадствует про себя Джен, выуживая из миски последний соленый сухарик — Джа, видимо, его доедать не собирается.

С виду пророк витает в собственных кошмарах, блуждая взглядом по хреновой ляпистой мазне местных художников. Собирались в такой спешке, что Джа не прихватил резинкой волосы, и они теперь закрывают большую часть лица рваными прядями. Глаза — почти зеркало, будто не воспринимают, не впитывают увиденное, а отражают безразличие Вселенной. На запястьях черно-красные платки, как наручники. Или прикрытие испорченных вен. Вряд ли пророк слышит разговор соседей, замечать сигналы извне не его обязанность.

За черно-белым столом раскупоривают вторую бутылку «Джек Дэниэлс».

— Как доказать невиновность, если с психологической... психиатрической!... точки зрения она истинна, а с юридической ложна? — гамлетово спрашивает Аристократ.

— Вспомни Нюрнбергский процесс, — предлагает ему друг, сидящий слева, единственный, кто распустил галстук, едва переступив порог бара. — Гесс той же песней про амнезию около года по ушам ездил. А что в итоге?

Аристократ качает головой:

— Гесс — военная элита, он интеллектуально на порядок выше моих маньяков. Говорю тебе, они не притворяются. Ладно Безруков и Крапивин, даже если представить, что они скрытые гении лицедейства, обдурили судейских психологов. Но Дыбенко? Ему хитрости не хватает в резюме соврать — полгода без работы болтается, а тут такие чудеса изворотливости. Нет, не думаю. К тому же, не забывай про Баранова.

— Ты про поджигателя, который сам сдался? — спрашивает третий. — Мне Коробов рассказывал, он все же взялся его защищать.

— Взялся? — Аристократ удивленно стопорится на новой информации. Смотрит куда-то сквозь скатерть, схватившись за вновь наполненный бокал, но так и не сделав из него ни глотка. Наконец, произносит задумчиво: — Он так отмазывался. Может, что-то узнал? Я ему позвоню.

Мобильник у Аристократа простейший, с экраном в полпальца и таксофонной клавиатурой — двенадцать кнопок, плюс четыре командные. Либо меняет их каждую неделю, либо не меняет вообще, что в равной степени — маниакальный признак. Джен краем глаза наблюдает за резвыми движениями пальцев, напрягает слух изо всех сил.

Расслабиться сегодня, похоже, не придется.

У Косы на каждом столе стоит увесистая пепельница. В нагрудном кармане кожаной жилетки всегда есть ручка на всякий случай.

«Похоже, за столиком слева — адвокаты наших убийц», — пишет Джен на салфетке и двигает ее к пророку.

Взгляд из-под челки резкий и немного испуганный. Застигнутый врасплох. Джа рвет салфетку в лоскуты и смотрит совсем в другую сторону, будто старается рассмотреть что-то получше, пока Аристократ снова и снова пытается дозвониться до Коробова.

Коробов не отвечает. От досады Аристократ роняет телефон на стол с ладони, похоже, менять аппараты ему все же приходится, с такими-то замашками. Или не бережет за ненадобностью? Джен прокручивает в уме типы личности, модели поведения — не академически заученные, а сформированные за годы наблюдений за людьми. Внимательность и анализ спасали его не реже ножа за поясом. Особенно, когда предстоит уносить ноги, и не только свои.

— Да хрен с ним, с Коробовым, — успокаивает черно-белый со спущенным галстуком. — Сам-то что делать собираешься?

— Я думаю, — отвечает Аристократ. Его бокал так и стоит забытый. — Попытался объединить дела, мне отказали. Разный состав преступления.

— Идиоты. Для них массовая амнезия не аргумент?

— Нет. Представь себе. Для них было бы аргументом, если б ответчики и потерпевшие состояли в связи, вот тогда...

— А что «тогда»? — спрашивает Джа, и на него оборачивается не только черно-белый столик. На Джене скрипит жилетка, когда он ставит на стол оба локтя и хватается за бутылку, как за древко белого флага.

Каждый должен заниматься своим делом: пророк — видеть будущее, инквизитор — устранять скверну. Когда роли меняются, случается бесконтрольный бардак. Потому что, к примеру, партизанить, изучать противника со стороны, искать его слабые стороны, оставаясь на безопасном расстоянии для Джа — не метод. Вот и на этот раз Джа задела. Джа уже не остановить.

Не спрашивая приглашения и прихватив свое пиво, он тащит стул к адвокатскому столику, ставит его вплотную к Аристократу.

— Вы, парни, как я понял, говорите о мудаках, которые сначала пытаются кого-то грохнуть, а потом, когда их за жопу схватят, строят из себя бразильских Карменсит. Так ведь?

Вспыхнувший в глазах адвокатов азарт не сулит ничего доброго, но и опасности в них Джен не видит. Физической. Благо Джа ведет себя развязно и нагло, как заправский бузила, придирается к таким — больше чести.

— Они в самом деле ничего не помнят, — ровно отвечает Аристократ и вспоминает, наконец, про свой бокал.

— Да неужели? — нарываясь Джа. Оседлав стул спинкой к груди, он подается вперед, бросает вопросы Аристократу в лицо. — А их жертв это кольшит? Тех, кого они пытались убить? Им от этого легче?

— Уверен, что нет, — говорит Аристократ.

В ответ Джа улыбается. Он умеет улыбаться людям так, что невольно делаешь шаг назад. Никакой явной угрозы, просто из его зрачков собеседнику машет рукой глубоко запрятанное безумие. Сдержанное, запертое воспитанием и разумом, почти (пока!) безобидное, оно шлет маячки, благородно предупреждая о своем существовании. Люди чувствуют его кожей, нервами, инстинктами. Джен видел отступающими от пророка даже громил.

Аристократу шагать со стула некуда. Он держит атаку глаза в глаза, и Джен невольно замечает между ними сходство. Два упертых бронетанка, которые лучше сдохнут, чем отступятся.

— Вы связаны с кем-то из потерпевших? — встревает Распущенный галстук. Одна его рука на столе, тарабанит пальцами по пузу бокала, отвлекает, пока вторая шарится в кармане. Как пить дать — лезет за подлым оружием юристов и журналюг.

У Джена на диктофоны особое чутье. Аллергическое.

— Связан, — отвечает он прежде, чем пророк развернет свои оптические прицелы на новую мишень. — Как любая домохозяйка — пиво, грядки, сериалы и новости НТВ. Не принимайте на свой счет.

Воспользовавшись моментом, Джен двигает стул к адвокатскому столику, втискивается между Джа и Галстуком на всякий случай.

— Да, СМИшники горазды раздувать, — миролюбиво соглашается третий адвокат — шаблонно неприметный настолько, что Джен даже прозвище придумать не может. У пророка с прозвищами получше, возможно, он и сумел бы.

— Раздувать? — ошеломлен Аристократ.

— Домохозяйка? — шипит Джа, привстав.

— Конечно, нет, — капитулирует Джен, подняв руки. — Джа, ты — мой бухгалтер, честь и совесть, — он кладет руку пророку на плечо, и Джа смягчается, как разбавленный тоником виски. — А вот насчет «раздувать», я тоже не согласен. Сколько этих нападений

было?

— Пять или шесть, — отвечает Галстук.

— Двенадцать, — поправляет Аристократ. Друзья-адвокаты удивленно оборачиваются к нему.

«Сто сорок три» показывает Джа на пальцах под столом. По подсчетам Джена выходит немного больше. «Немного» — это если мерить каждую жизнь цифрами, чему Джен так и не научился.

А учили его настойчиво. Семь месяцев и тринадцать дней, пропахших соляжкой и грубой резиной в жестяном кузове полевого джипа, плечом к плечу с пятью собратями по спецназначению. Вода с привкусом соли, автомат поперек спины и серый песок повсюду. Джена до сих пор кажется, что он никогда не смочет, не соскребет с себя этот пепельный налет.

— И два — уже много, — говорит Джен, прикладывается к бутылке промочить пересохшее горло. — Уже недоглядели. Почему это вообще до сих пор продолжается? У полиции есть хоть какие-то версии? — наседает Джен, надеясь увести разговор в нужную сторону и выудить у этой стороны хоть что-то полезное, раз уж нарвались.

— Ни черта у них нет, — машет рукой Галстук, поднимает со стола ополовиненную бутылку, предлагая Джа и Джена.

— Не, нам и на повышение уже не резон, — отказывается за двоих инквизитор.

Джа молча грызет горлышко своей бутылки. Разочарован. Разозлен.

— Значит, и дела объединить не дали? — спрашивает он Аристократа, вернувшись к зачину их стычки. — Разве им это не выгодно тоже? То ли один висяк болтается, то ли двенадцать.

— Конечно выгодно! Но они не могут. Руки связаны.

— Чем связаны?

— Законом, — отвечает Аристократ.

Ему снова приходится держать визуальный удар пророка. Наконец, Джа опускает голову, утыкается в черную кожу своей куртки, чешет кончик носа о зубцы молнии.

— Дерьмо эти ваши законы, — бросает Джа, вскинувшись, и встает из-за стола. — Я домой.

Его провожают взглядами в спину до самой двери.

— Чего это он? — спрашивает Галстук. Вопрос тает в аккордах итальянского мотива.

Очевидно, от Джена ждали объяснений столь странного поведения, хоть какой-то реакции, но Джен неспешно допивает пиво, затем, прощаясь, жмет каждому руку и, махнув крутящейся за стойкой Юле, покидает бар. В конце концов, день не объясняет Джена, отчего он такой хреновый. Так почему Джен должен перед кем-то объясняться?

Вечерняя рыжина расползается по горизонту. У соседнего магазина снуют и бранятся друг на друга дачницы, раскладывают стульчики, выставляют на ведра с огурцами и ягодами картонки-ценники. Во дворах высоток орут вернувшиеся с уроков дети. По другую сторону дороги, в частном секторе — гудят водяные насосы, орет дурниной радио.

Джа ждет на пороге. Перекатывает кедом мелкий серый камушек.

— Я знаю, что меня опять вынесло, — нервно извиняется он. — Просто эти рафинированные...

— Да забей, — обрывает Джен. — Сами разберемся. Я договорился с Юлей, она за байками присмотрит до завтра.

Джа вскидывает голову, подставив лицо апельсиновому солнцу, собирает руками волосы в хвост и распускает за отсутствием резинки. Косая челка осыпается на глаза.

Джена солнце слепит, заставляет щуриться, прикрываться черными очками. От машин по дороге ползет пыльная поземка. Вдоль обочины изумрудными иглами топорщится трава. До дома пара сотен метров, которые хочется преодолеть за секунду. И Джен подумывает, что замки в дверях, действительно стоит поменять. На более надежные. Потому что внешняя среда совсем не внушает доверия.

Дома душно. Уезжали, бросив шторы нараспашку, даже не подумали, что солнце так пропечет воздух в комнатах, не до того было. Сейчас закатный налет выкрасил белые стены в желтый, в прямых лучах мельтешит пыль и дышать совсем нечем. Джен скидывает куртку у самого порога, на ходу стягивает футболку и бросает ее на ближайший стул. Хочется раздвинуть ребра, чтобы вдохнуть поглубже.

— Надо проветрить, — говорит он. Подходит к ближайшему окну и, дернув створку, распахивает настежь. Теплый ветер бьет в лицо запахом разросшейся у дороги полыни. Джен стоит, упираясь в подоконник руками и подставив макушку свежему воздуху, от которого еще несколько минут назад собирался забаррикадироваться.

Вот и пойми, как оно лучше — и в клетке тесно, и снаружи мерзко.

— Джа, да брось ты это. — Джену неловко видеть, как пророк молча собирает по комнате разбросанные сегодня вещи: пара раскрытых книг на диване, съехавшее со спинки покрывало, тапочки по разные стороны от стола, снятая Дженом футболка перекинута через тощее плечо.

— Тебе дай волю, по всему дому будут валяться ножи и презервативы, — беззлобно упрекает Джа. — Как раньше. Ты вообще только в своей мастерской порядок наводишь умеешь.

— Да ладно тебе. Я ж пошутил на счет домохозяйки. Так что не надо тут покорность судьбе разыгрывать.

Джа возится с покрывалом и довольно лыбится во все щеки, так что Джену и со спины заметно. Нашел себе развлечение на ближайшие пару дней. Теперь сорвавшаяся в баре фраза Джену будет долго аукаться. Уж что-что, а гнобить совесть Джа умеет блестяще.

— Чаю мессир не желает? — елейно спрашивает пророк и светит синими фарами в поллица, изображая невинную кротость. Только чепчика не хватает, да накрахмаленного передничка — прикрыть драные хипповые джинсы.

— Иди нахер! — смеется Джен, и его, наконец, отпускает.

Тревога сползает с плеч, сматывается клубком и закатывается куда-то в брюхо, почти неощутимая. Расправляются легкие, гонят в кровь кислород, от которого сразу чувствуется, сколько алкоголя Джен успел в себя залить.

— Не пойду к байкам, — решает Джен. Потянувшись, отходит от окна и, прихватив только убранную Джа книгу, заваливается на только что заправленный диван. — Лучше почитаю.

— Вот ты ленивая задница!

Сорванная с плеча футболка летит Джену в лицо. Необутые пятки топают вглубь комнаты, скрипят пружины дивана под лестницей. Щелкает, включившись, телевизор. Убрав с лица футболку, Джен выворачивает шею — так и есть, Джа завалился смотреть беззвучные картинки с закрытыми глазами.

— Даже если пожар будет, меня не кантовать, — заявляет Джа.

— Как скажете, миссис Хадсон.

Маленькая подушка до Джена не долетает, так и остается валяться под лакированным стулом.

Когда Барни Майерсон возвращается в свою комнату и размышляет, видел ли он в самом деле Палмера Эдрича, звонит телефон. Положив раскрытую книгу на грудь, Джен шарит взглядом по комнате, ищет орущую «клиентскую» трубку. Проснувшийся Джа оказывается быстрее и ближе.

— Да? — бодро отвечает он и спустя пару секунд садится на диване. — Привет. Чем обязан?

От Джена пророка закрывает выдвинутый из-за стола стул, но инквизитору не обязательно видеть Джа, чтобы почувствовать опасность, уловить в ровном голосе тревожные ноты. Отложив книгу, Джен садится и натягивает футболку — встречать плохие новости полуголым совсем не комфортно.

— Так сразу и не скажу, надо у Джена спросить. Погоди минуту, — Джа убирает трубку от уха. — У нас ручки руля на Дукати Монстер есть? Это Савва. Помнишь?

Джен помнит и чертыхается про себя на чем свет стоит.

— Вроде были, но они не нулевые. Только если специально под нее заказать.

Джа от идеи спецзаказа тоже не в восторге. Он отвечает резко, даже несколько грубо:

— Нулевых нет. Мы вообще-то продажей запчастей не занимаемся, заказываем только под ремонт конкретного байка... Надо смотреть. Слушай, тебе реально проще будет заехать в тот же «Автобан», по цене не так уж много выиграешь, и ждать не надо...

Савва что-то отвечает, и Джа, уже вошедший в рабочий режим вежливого настойчивого отказа, вдруг меняется в лице, растерянно спрашивает:

— Зачем?

Застать пророка врасплох — дурной знак, и чаще всего сулит действительно крупные неприятности. Поднявшись, Джен собирается сделать шаг, но Джа машет рукой, мол, садись на место, а сам откидывается спиной к стене и поджимает под себя ноги.

— Я даже не знаю, что сказать, — нисколечко не врет Джа. Джен опускается обратно на диван, упирается локтями в колени, выжидая, в какую сторону свернет разговор.

— Вообще-то у нас не принято развивать отношения с клиентами в-в-в подобном направлении, — говорит Джа, и у Джена глаза на лоб лезут — только этого им не хватало до полного счастья.

— Слушай, ты всегда такая настойчивая? Тогда понятно... Нет, прямота мне импонирует, — уверяет Джа. — Не в этом дело. Девушка должна знать, чего она хочет... Конечно... Просто... Хорошо, давай встретимся, — сдается Джа. Джен крутит у виска пальцем и борется с почти животным инстинктом подойти и отобрать у Джа телефон, как зажженную петарду у малолетнего ребенка. — Договорились. До завтра.

Отключившись, Джа сразу вбивает высветившийся номер в личный сотовый.

— Ты в своем уме? — спрашивает Джен.

— А что такого?

— Что такого? — Джен вскакивает с дивана и ошарашено замирает, глядя на пророка сверху вниз через всю комнату. Джа не придуривается и не издевается. Он в самом деле не понимает. Джена берет оторопь. — Джа, это прикол такой или сбой в твоей

сверхъестественной башке, а?

— Ну подумаешь, встречу с девчонкой. Ты, блин, так бесишься, как будто я жениться собрался, в самом деле. Успокойся.

Издательская слепота пророка выводит Джена из себя.

— Ты, придурок, вообще помнишь, с кем эта Савва сюда приезжала, или у тебя вместе с чуйкой память отшибло напрочь? Они явно не соседи по этажу, они с Алекс оч-ч-чень близкие подруги, и кому по-твоему Алекс в первую очередь рассказала все подробности нашего знакомства, а? Кому?

— С чего ты взял, что она вообще кому-то рассказала?

— Да потому что она — женщина! Женщины с такими встрясками в одиночку не справляются. Они для того подруг и держат, чтобы с ними переживать все, о чем мужику своему не расскажешь. Тем более такие, как Алекс, ты ведь ее видел, это ж электровеник полноприводный! Да ее разорвет, держать в себе такое. А Максу она не рассказывала, так что включи логику. Надеюсь, хоть это у тебя не перегорело.

— Не перегорело, — огрызается Джа, перекладывая «клиентский» и личный телефоны из руки в руку. — Но и ничего страшного я не вижу. Наоборот. Есть шанс узнать, насколько Савва в курсе.

У Джена опускаются руки. Придвинув один из стульев к дивану, он садится напротив Джа и объясняет медленно, доходчиво, как психиатр пациенту:

— Джа, Савва не просто подружка девочки, которая знает, что мы делаем и как мы делаем. Она — из «Эквитас». Я погуглил про них в даркнете, и теперь более чем уверен, что нас с тобой уже пробили по всем открытым, закрытым, секретным и вообще несуществующим базам. Знаешь, кто вычислил подпольную типографию сайентологов, кто выследил сбежавшего из колонии педофила, и сколько наркоточек они накрыли? Те самые девочки-байкерши. Согласись, дела-то не пустячные, это — настоящая зачистка беспредела. И действуют девочки отнюдь не по указке муниципалитета или, прости Господи, местной полиции. Джа, они — идейные. Идейные с хорошими мозгами и большими возможностями. По-настоящему адская смесь.

На экране над головой Джа синееет заставка точного времени. Несколько секунд до семи часов вечера. Звук отключен, но в голове Джена секундная стрелка дергается с короткими щелчками, поднимаясь все выше и выше по циферблату. Джа молчит, уставившись в окно, и если бы не сосредоточенный прищур, Джен решил бы, что пророк опять провалился в будущее.

— То, что «Эквитас» на нас до сих пор не вышли — чистое везение.

— Нет, — откликается Джа, обернувшись. — Скорее всего, они просто не знали, что искать. Как этот адвокат сегодня. Хотя до сути-то адвокат докопался.

— До какой сути? — спрашивает Джен осторожно. Воздух застревает в груди на секунду — последнюю для телевизионной стрелки.

— До сути, которую ты мне окольными путями вдолбить пытаешься уже который месяц, — отвечает Джа с безрадостной усмешкой и бросает оба мобильника на диванные подушки. — Между убийцами связь искать надо, а не между жертвами. Впрочем, это и так очевидно.

Плотина выдержки трещит на разломе, и уже не злость — ледяная ярость захлестывает Джена с головой.

— Очевидно?! И как давно для тебя это, блядь, очевидно?

— Я вижу глазами убийцы, Джен. Какие могут быть варианты?

На стуле не усидеть. Джен вскакивает, отлетает к распахнутому окну, подальше от пророка, цепляется за подоконник, благо тот — бетонный, новомодный пластик инквизитор сейчас раскрошил бы, как пенопласт.

— Иногда мне хочется прибить тебя собственными руками, — давит он сквозь зубы. — Какого хера, Джа? Тебе в кайф надо мной издеваться что ли? Мало того, что как овчарка на «фас» бегаю, так еще и фотки жертвы тебе подавай. Нахера?!

— Потому что, — вскочив следом, орет Джа, — будь ты на моем месте, тоже цеплялся бы за самую мизерную надежду, что ты не сбрендивший ублюдок! Хорошо махать ножами ради благой цели, да? А быть причиной каково? Думал об этом? Инквизитор, блядь. Пресвятой защитник. Куда уж нам до вашей благодетели!

Брошенный стул пролетает половину гостиной, с грохотом бьется о косяк кухонной арки и рассыпается лакированным крошевом. Опомнившись, Джа глядит на обломки с досадой — его гнев снова вырвался наружу берсерком, и это счастье, что сейчас пророк заперт в крепких стенах дома, иначе сжатые кулаки наши бы о кого разбить в кровь костяшки.

Джен видел, как Джа дерется, всего один раз. Именно тогда, еле отодрав Джа от скрюченного на асфальте кровавого месива, он дал зарок, что больше никогда не подпустит пророка к убийцам.

— И вообще, — выдыхает Джа, понизив голос. — Если «Эквитас» что-то накопили и в ловушку заманивают, мне похрен. Тебя не сдам, не ссы, а самому не страшно. Заебало уже все это. Наконец отмучаюсь.

Щелкает кнопка питания, отключая телевизор, останавливаются вентиляторы, и молчание в гостиной обретает физическую плотность, давит, пригибает Джена к полу похлеще гравитации. Подобрал личный мобильник, Джа шлепает босыми пятками прочь из комнаты, на второй этаж, где можно запереться в четырех стенах спальни и спокойно сходить с ума.

— Один ты не поедешь, — кричит Джен уже в пустоту.

— Иди в жопу, — доносится с верхних ступенек лестницы.

На улице шумно — рычаг двигателя, тащатся по домам люди, откуда-то долбит монотонным ритмом клубная музыка. Джен закрывает окно и задергивает наглухо шторы. Хватит на сегодня вмешательства извне, и так дерьма слишком много даже для понедельника.

Негодование опасно близится к ярости, Джен не сдерживает ее, проигрывает в уме диалоги, высказывает наболевшее, протраивает фразы так, чтобы звучали больнее и обиднее, доходчивее. Он клянется воображаемому Джа бросить все нахрен и свалить куда-нибудь в Колорадо, если тот не прекратит строить из себя автономную область. Как раз на пороге мастерской слова заканчиваются, и Джен выдыхает неровно — про себя выговорился, теперь на пророке не сорвется.

В мастерской прохладно и свежо. Уютно от запахов металла и бензина. Джен переодевается в замасленную дырявую футболку, натягивает перчатки, теперь запах техники и на нем, он сам — часть сложного, но понятного механизма. Часть, которая служит вполне определенной цели, выполняет вполне определенные функции в процессе, у которого возможно всего два исхода: заработало или не заработало. Все. Никаких компромиссов, недосказанностей и полутонов. Предельно честная конструкция.

Достав полироль и мягкие тряпки, Джен идет через мастерскую к стройным рядам мотопарка; зажженные лампы бросают блики на радугу бензобаков. Приваленный к верстаку Триумф и Харлей без передней вилки Джен не трогает, эти кони еще хлебнут его внимания, но чуть позже.

Сегодня Джен не в состоянии вправлять мозги даже технике, хотя с ней обычно проще, чем с людьми — техника ремонту не сопротивляется. Сегодня Джен пришел к хладнокровным байкам остудить голову, смахнуть с замороженного сознания лишнее, как пыль со спидометров.

Обычно Джен начинает с другого конца мотопарка — там, у «клиентских» ворот в специальном просторном отсеке стоят Нортоны, но запылиться в последнее время боевые мотоциклы не успевают и все чаще ночуют во дворе — под навесом. Поэтому Джен принимается за старожилу эндуро, припаркованного у самой рабочей зоны. Найти ему нового наездника Джен не может уже больше полугода. Стоящий напротив неуклюжий добротный турер, собранный на харлеевской раме, ждет нового хозяина еще дольше.

Следом за шгучными мотоциклами выставлены от малолитражек к тяжеловесам остромордые спортбайки. Их вереница — самая длинная, превзошедшая даже классику, хотя Джелю подобный расклад не по душе. Слишком часто первый многокубовый спорт становится для обладателя последним.

Спустя четверть мотопарка по последней липкой тряпке абстракцией расходятся черные разводы, Джен достает с полок в мастерской новую пачку, вскрывает рывком хрустящую упаковку. В саду хлопает дверь. Джен слышит, как Джа шарахается по дорожкам, выложенным шестиугольной плиткой, спотыкается обо что-то (конечно, брошенное на дороге Дженом) в темноте (фонари зажечь совсем не судьба) и матерится вполголоса.

У Джена на душе скребут кошки, хотя в наличии у себя души он давно сомневается. Если вспомнить, когда душа болит, физически ноет где-то под грудиной, сначала в одной точке, затем все шире и шире, будто внутрь заполз паук и принялся отращивать щупальца вдоль ребер. А у Джена в этом месте нечто твердое и матовое, вроде графитового стержня, который стал для всего организма центром равновесия. И вот это человеческое существо с обугленным сердечником пророк называет своей совестью?

Разодранную упаковку тряпок Джен возвращает на полку. По пути к воротам снимает перчатки, стягивает за воротник со спины рабочую футболку, у выхода переодевается в чистую домашнюю. Во дворе после светлой мастерской темно, недалеко у соседей залаяла собака, кроме нее тишину двухэтажного квартала разбавляет только шорох шин по разбитой дороге. В этой тишине Джен с удивлением замечает, как скрипят «свои» ворота. Надо бы смазать.

Джа не видно, но Джен знает, что пророк в беседке. Кособокий шестиугольный сруб Джа поставил сам. Нет, конечно, с фундаментом Джен подсобил, но начиная с нижней обвязки и заканчивая посадкой шести виноградных кустов — по одному на угол, Джа все сделал сам: сам крепил столбы, сам корячился с ондулином, прилаживая листы друг к другу веером для соблюдения ската со всех шести сторон, сам укладывал бревна и натягивал ромбами бечевку для будущей лозы. Собственными руками выпилил скамейки. И фонарь под самой крышей керосиновый только потому, по догадке Джена, что электричество провести без посторонней помощи в лачугу Джа не сумел бы. Впрочем, света от фонарей вдоль тропинок вполне хватает.

Включать электричество Джен не стал, глаза быстро привыкли к тусклой звездной

иллюминации. Осторожно ступая по плитке и стараясь не сбиться с курса в одну из клумб, Джен добирается до беседки. Пророк и в самом деле здесь, сидит, откинувшись на один из столбов и сложив ноги на столик в центре. Джен тяжело опускается на лавочку напротив. Уперевшись локтями в колени и сцепив замком пальцы, глядит на тонкие доски пола.

И молчит.

Они оба молчат, один — не зная, о чем вообще можно говорить, второй — не представляя, как.

— Ты не можешь быть причиной... всего этого, — наконец произносит Джен.

Тяжелый вдох напротив.

— Если ты сейчас заведешь свою шарманку про солдатские походы, автоматные очереди и пустые глаза умирающих врагов, лучше просто застрели меня.

— Я убил брата, — признается Джен. И слышит, как замерло дыхание напротив. — Родного. Тимку. Он был младше на год. Мы подрядились обрезать деревья в городе. В принципе работа несложная, берешь пилу, секатор, тебя поднимают на механической руке, и кромсаешь разросшиеся кроны. Единственное, там важно понимать, на каком уровне это нужно делать или до куда отпиливать ветку, если она еще нужна. А мы новички, в первый раз. Поэтому работали не вместе, а в парах с мужиками из городской бригады. — Джен переводит дух. В горле скребет, такие разговоры потому и идут хорошо под пиво, что со словами сажа изнутри наружу давится. — Это был пятый или шестой выезд, не помню. Уже, вроде, как по маслу, отработанная механика: старшой ткнул пальцем, ты пилой воткнулся, следующий. Мотор ревет, пила ревет, ветки хрустят, орешь друг другу через все это. Я ствол пилил высотой сантиметров двадцать, он плохо шел, не поддавался. Я пилой дернул, чурка вниз ушла. Такое бывало. И жара стояла, пот ручьем в глаза. Я стою вытираюсь, а старший матом как заорет.... Тимка, дурак... подошел близко... голову поднял... на меня... Лицо в хлам. Даже скорой не дождался. Я когда понял, чуть прям с мехруки вниз не сиганул. Чтобы быстрее к нему. Старшой поймал. — Джен умолкает на несколько ударов крови в висок. — Я после этого институт бросил, в армию ушел, а потом в наемники. Думал, если не «деды», так в горячей выбьют из головы. Не сработало.

— Джен, ты не виноват. Это ведь несчастный случай.

— Несчастный случай, которому я позволил случиться.

— Но...

— Джа, я слишком долго перемалывал в голове эту минуту, чтобы сейчас с тобой спорить. Да, он не должен был подходить так близко. Да, если бы вверх не посмотрел, каска спасла бы... хотя не факт. Да, можно найти еще кучу «если», но все сводится к тому, что это моя рука сорвалась, и из-под моей руки вылетело бревно в лицо моему брату. Поэтому теперь прежде чем что-то сделать я всегда просчитываю сто пятьсот вероятностей хреновых исходов...

— ...и именно это до сих пор спасало нам жизнь. Джен, я все понял. Извини.

— Тебе не за...

— Есть за что, — Джа поднялся со скамьи, передернул затекшими плечами. — Пошли съедим что-нибудь. И посмотрим что-нибудь... тупое. Глядишь, уснуть получится.

Из окна такси Икстерск выглядит иным. Когда несешься по улицам двухколесным киборгом, кроме серого ухабистого полотна замечаешь разве что трёхглазые светофоры и геометрию знаков, все остальное сливается в хищную массу, норовящую раздавить или сбросить тебя на обочину как юркую помеху. На пассажирском сидении «консервной банки» все иначе. По спальным районам за стройными колоннами подстриженных деревьев виднеются стены домов, выкрашенных в разные цвета. Вывески первых этажей, развешанные строго по уровню, лаконичны и самодостаточны. Джен помнит пестрое баннерное месиво в городах азиатской глубинки, здесь его давно и окончательно победили. По центральным улицам такси едет медленнее, можно разглядеть чугунные лавочки в скверах, отметить дизайн новомодных светодиодных фонарей, сейчас в утреннем солнце их строгие стержни слепо глядят сверху вниз на плотный поток машин.

Если посмотреть на город издали, бросается в глаза чудная особенность — на всю перспективу, до куда хватает взгляда не попадет ни одной пары одинаковых крыш. Ступенчатые, пологие, пирамидальные, оцетинившиеся острыми выступами чердачных окон, кирпичные, зеленые, синие, красные, весь город будто собран ребенком из нескольких конструкторов. И населен такими же разномастными людьми. Они повсюду, даром что будний день. Никуда не спешат, под ноги не смотрят, Джена на ум пришло определение «гуляют по своим делам» в пику жителям остальных мегаполисов, которые обычно несутся сквозь жизнь как частицы в коллайдере.

А вот нападений в Икстерске в разы больше, чем в других городах.

— Может, в тир заедем? — предлагает Джен.

Джа пожимает плечами. Почему бы и нет. Раз уж выбрались в город.

Стрелковый клуб разлегся под виадуком огромным монолитом, соединяющим два холма. Громадина с серыми гладкими стенами напоминает развалившегося посреди города бегемота. Вдоль всего фасада под самой крышей растянута грозная композитная плашка со светодиодными буквами «СТРЕЛКОВЫЙ ТИР РУБЕЖ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР».

— Кто? — коммутатор откликается на звонок хриловатым басом.

— Пострелять, — отвечает Джен привычной шифровкой.

С писком магнитный замок отпускает дверь, и она открывается в небольшую щель. В тамбуре темно и сыро, как в подвале старого дома. Заглянувший вместе с Дженем солнечный свет желтым пятном отпечатался на неровно оштукатуренной стене, спугнув мелкого паука. Быстро-быстро перебирая тонкими лапами, он ринулся вверх и скрылся в бетонной трещине.

— Паук-крот какой-то, — замечает Джа. — Угрозы нет, а он заныкался.

— Ну да, перестраховка — это не по-нашему, — бурчит Джен, распахивая вторую дверь.

В холле светло и прохладно. На ресепшене, как обычно, блондинка с плохо запоминающимся именем — то ли Лена, то ли Оля. Ее напарник — бугай с хриплым басом — видимо, отошел.

— Привет-привет, — щебечет девочка. — Давно вас не было. Как обычно? Три пистолета и винтовка по пятьдесят патронов?

— Привет, — улыбается в ответ Джен. — Да, по классике.

— Сейчас найду вас в базе. Сейчас-сейчас, — скороговоркой тарабанит она, щелкает по

клавишам со скоростью пулеметной очереди. — А вот. В один аккаунт оформляем. Четыре вида по двадцать патронов и на два человека — сто шестьдесят выстрелов по двадцать пять рублей, это четыре тысячи ровно. По карте? Наличкой?

Даже не пытаясь вставить в тираду слово, Джен показывает карту.

— Окей, прикладывайте. Пин-код, пожалуйста. Ваш друг всегда такой молчаливый. Я видела ваши мишени после прошлого раза. Вам в снайперы идти надо, честное слово. Среди наших гостей лучше вас только службисты и мчсники.

— Спасибо большое, — с чувством благодарит Джен. Его веселит и стрекотание девчонки, и пасующий перед ее скороговорками Джа, который способен только стоять в сторонке с натянутой улыбкой. Редкое зрелище.

Слева из открывшейся двери доносятся голоса, тут же в холле появляются двое. Коренастого парня с лицом, испещренным рубцами угревой сыпи, Джен знает давно — инструктор Павел, к которому записываться нужно за месяц, чемпион и хороший, правильный парень, научивший стрелять Джа. А вот с его спутницей Джен столкнулся всего раз, запомнив и слишком большие глаза, и чудного ловца снов на груди. Судя по разговору, незнакомка в клубе впервые.

— О, ребята, привет, — инструктор радушно пожимает руку сначала Джа, затем Джелу.

Его спутница, прошелестев: «Всем пока», стремительно скрывается за дверью, но Джен успевает заметить, что туфли на ней точно такие же как в первую встречу, только обе пряжки — целые.

Надо же, вторую пару купила.

— Давно вас не было, — говорит Павел с укором. Он хоть и ниже Джелена на полголовы, умудряется глядеть на инквизитора будто сверху вниз, сказывается спортивная выправка. — Какими судьбами?

— Байки в «ЕвроМоторс» отгоняли, — отвечает Джа. — Решили заскочить.

— Вы для них ремонт делаете?

— Нет, — Джа мотает головой, непроизвольно копирует позу инструктора, ноги на ширине плеч, руки кулак в кулаке на уровне портупейной бляхи, спина прямой доской и вздернутый подбородок. Посмотришь со стороны — цирк, да и только. — Если по гарантии, они на ремонт сразу к официальным дилерам отправляют. Мы им под реализацию кастомы сдаем. Вот сейчас один отдали в зале выставить, а второй они по каталогу уже продали.

— Процент забирают? — Павел морщится с сочувствием.

— Накручивают. Если хочешь покупать в салоне, будь готов раскошелиться.

— Обойдутся, — смеется Павел. — Я если решусь, к вам напрямую приеду. Уже лет пять решаюсь. Пока страшновато.

Джа удивленно кривит брови.

— Обезьянам вроде меня гранаты в руки он давать не боится, а на байк сесть ему страшно!

— Обезьяны-то разумные! А байки... — он разводит руками.

— Вот с этим я бы поспорил, — встречается Джен, забирая со стойки членскую карточку. — За чашкой виски.

Павлу идея нравится.

— Надо бы и впрямь как-нибудь пересечься. Под нерабочее настроение. Алена, ты ребятам уже выписала?

— Да, вот, — девчонка выкладывает на стойку реестр на патроны.

— Вы куда хотите? — Павел показывает жестом два направления. Слева по коридору тир с движущимися мишенями для отработки скорости реакции, справа — классический наметкость.

Джен тычет вправо, Джа кивает.

— Ну тогда пошли, попадим.

За их спинами щелкает английским замком грубо сваренная дверь. Тир обнесен решеткой, как огромная клетка, но прочная арматура выступает из-под укрытия шумоизоляции лишь возле двери. На сейфе кодовый замок дублируется ключом. Павел достает ящики с патронами, отсчитывает строго по реестру и выкладывает на полку в три группы по калибру.

— Пересчитываем, расписываемся.

Пока они занимаются патронами, Павел готовит оружие.

— Ну что могу предложить, господа?

— Тульский Токарев, он же ТТ? — подмигивает Джа.

— Сегодня ни одного, извини, очень быстро разбирают. Зато есть легендарный Макаров, которым дырявят задницы от Кубы до Эфиопии. Еще из пистолетов есть не менее легендарный Чезет-75, которого копируют все, кому не лень, и поповый глок — оружие домохозяек.

— Последний мне в самый раз, — паясничает Джа, косится на Джена. — С него и начнем.

Впервые взяв в руки оружие в этом самом тире, Джа испытал странное чувство. Он держал в руках тяжелую игрушку (кажется, это был Макаров), механизм, вполне понятный и управляемый: вот здесь предохранитель, здесь спусковой крючок, пока ты сам не приведешь его в движение, ничего не случится. И в то же время внутри механизма затаилась смерть. Она ждет, когда ты освободишь от предохранителя спусковой крючок, когда выпустишь ее решительным движением пальца, она делает вид, что ждет твоего уверенного жеста, а сама готова вырваться при любом неосторожном движении. Эта мнимая покорность, способная стать фатальной, необратимой ошибкой. Эта чуткая ловушка вызвала у Джа ужас, граничащий с эйфорией.

Примерно те же чувства вызвало у Джена первое пророчество Джа.

Он уже снял кассу и собирался закрываться, когда в павильон зашел парень и, просканировав с порога огромное пространство, заставленное разнокалиберной техникой от прицепов до моторных лодок, направился к мотоциклам.

— Что именно присматриваете? — поинтересовался Джен, уверенный, что клиент так и вцепится в красную Ямаху, возле которой остановился.

Посетитель задумчиво обвел взглядом ряд цветных спортбайков и уверенно бросил:

— Мне что-нибудь менее пубертатное, чем это.

Парень начинал Джену нравиться.

— Что по характеристикам? Литраж, выносливость? Для какой цели берешь?

— По городу кататься, — ответил клиент, шагая вдоль ряда.

— Жопу возить обычно авто покупают, с нынешними ценами даже дешевле встанет.

— Не-ва-ри-ант, — протянул парень и добавил с улыбкой, будто в шутку: — Замкнутых пространств боюсь.

Джен встречал и не такое.

— Опыта много?

— Не то чтобы, так, на отцовском Днепре гонял по подворотням. Без коляски.

Джен оглядел скудный набор мотоциклов. Винтажный Днепр в арсенале тоже имелся, но больше походил на роль сельского гужевого транспорта. Понтовый Харлей не вязался с щуплым парнишкой, итальянцы Дукати выглядели слишком вычурно, разве что японца предложить... Джен подошел к монохромной вальяжной Хонде, вставил ключ в замок зажигания, провернул. Раскатистое урчание разлетелось по павильону. Джен поглядел на покупателя и, не увидев энтузиазма, заглушил мотор. Хорошо, попробуем следующий. Модель чуть постарше и посolidнее также не произвела впечатления, Джен задумался. Обычно в павильон приезжали клиенты, которые хотят свой байк, квадроцикл, танк на колесах. Хотят помощнее, покрасивее и подешевле. Кто-то копит годами на мечту, кто-то берет игрушку с очередной премии, кому-то она — пропуск в тусовку, кому-то — индульгенция на побег из семьи, кому-то — статус. Этот персонаж байк не хотел. Ему он был *нужен*. Джен понимал, что включи он сейчас «продавана», сможет загнать парню любого из застоявшихся коней. Тот не станет торговаться. Не выгрызет мозг вопросами гарантии, ремонта, бонусных навесов и «почему резина лысая». Парню нужны два колеса, которые довезут его из точки А в точку Б, но если эти колеса не встанут идеальными шестеренками в его картину мира, они так и останутся двумя круглыми железками в ободках резины. Их не будут беречь, и они обязательно ответят тем же.

Джен выбрался из мотоотсека, прошел к воротам и завел припаркованный почти у выхода байк. Низкий, утробный рык заставил парня развернуться. Он подошел ближе, погладил черный округлый бок бензобака.

— Это что за зверь?

— Нортон Коммандо, — ответил Джен. — Британец, к нам их не возят. Этот я выкупил на аукционе в Польше.

— И он продается? — парень искренне удивился.

— Нет, но второй такой же, только что восстановленный почти до заводского состояния, стоит у меня во дворе. Если очень нравится, можем съездить посмотреть. Но предупреждаю сразу — это не рядовая машина для наших мест. С ремонтом будут проблемы. И дешево я его не отдам.

Нортон достался Джелу потом и кровью. За свой он готов был отдать руку, душу и последние штаны, а второй собирался пристроить в хорошие руки, к какому-нибудь ценителю строгой классики. Вместо этого он вез домой парня, которого впервые увидел полчаса назад, с полной уверенностью, что нашел мотоциклу нового хозяина. И ни чутье, ни опыт, ни здравый смысл не помогли ему ответить на вопрос — почему.

Гаражом в доме Джелена служил сарай три на три метра: вдоль одной стены верстак, вдоль другой развешан инструмент. Близнец Нортон стоял на подкате, отполированный, начищенный до блеска, хоть и освещался лампочкой Ильича под потолком. Парень подошел к зверю, присел на корточки. Что он там разглядывал в хромированных артериях Джен не знал, это было похоже на синхронизацию киборга с искусственным интеллектом. Джен бы не удивился, заведись Нортон без ключа.

— Сколько я тебе должен за него? — заговорил киборг человеческим голосом.

— Полтора миллиона. Я предупреждал, что машина не дешевая.

Парень кивнул.

— Сейчас могу отдать восемьсот, остальное через неделю, наверное.

Джен полез в карман за мобильником, чтобы продиктовать номер счета, но парень поднялся, расстегнул куртку и достал по пачке пятитысячных банкнот из внутренних карманов.

— Кого-то грабанул что ли?

— Нет, отцовский Ниссан продал. Пересчитай, и... У тебя договор купли-продажи есть? Давай подпишем, что оплата частично внесена. Мне бы на нем отсюда уехать.

— Ну хорошо, — согласился Джен, хотя отдавать технику под аванс не привык. — Давай документы, я составлю и распечатаю.

Получив в руки паспорт и права парня, Джелу стало поспокойнее. Он оставил его в гараже, а сам ушел в дом, оформлять бумаги.

Множество раз до того дня Джен корил себя за отсутствие связей в полиции и пренебрежение помощью сослуживцев в проверке прошлого, например, этого странного покупателя. Будь у Джелена возможность узнать всю подноготную по имени, фамилии и отчеству в паспорте, что он нашел бы? Записи о первом ДТП (как ему права после этого выдали?), прописку в психиатрической клинике, обвинение в убийстве, снятое только благодаря случайному свидетелю, который в окно увидел выбегавшего из подъезда мужика в крови и мальчишку, подбежавшего к жертве через несколько минут. Парень так и не смог объяснить полицейским, что он делал в том злополучном подъезде, едва не схлопотал вышку.

Узнай Джен все это, как поступил бы позже, вернувшись в гараж и застав покупателя на полу, обездвиженным, глядящим в потолок остекленевшими глазами? К счастью, у Джелена не было доступа к базам грехов.

Первый рефлекс — проверить пульс. Есть. Второй — вызвать «Скорую». Третий — за неимением под рукой нашатыря хорошенько всадить по щекам, чтобы привести в чувство. Прием не сработал. Но и судорог, о которых спрашивал диспетчер 03, не было. Джен подхватил проблемного клиента на руки и занес в дом, уложил на диван. Спустя минуту парень очнулся, часто заморгал и, осознав свое местоположение, сел на диване.

— Ты кого-нибудь вызвал? — осипшим голосом спросил он.

— Конечно! «Скорая» едет. Это что было вообще?

— Отмени вызов. Все нормально.

— В смысле, нормально? — переспросил Джен, протягивая парню приготовленный стакан воды. — Ты был в отключке!

— Так бывает, — кивнул он, принимая воду. Сделал несколько больших глотков и вернул Джелу стакан. — Ты договор сделал? У меня мало времени.

Джен оторопело уставился на парня.

— Нет, так не пойдет. Я тебя на байке отсюда не выпущу. Давай, ты сейчас заберешь свои деньги, и поедешь домой, а через несколько дней приедешь, привезешь всю сумму, мы спокойно подпишем бумаги, прокатимся до ГАИ...

У парня сжались кулаки, и если бы Джен не видел ранее истинной агрессии в глазах противника, принял бы за нее затопившее парня отчаяние.

— Мне нужно, — четко и твердо сказал он, хотя самого ощутимо трясло, — прямо сейчас, как можно быстрее добраться до Западных кварталов. Пешком я не успею, на такси тоже. Я оставлю тебе и деньги, и документы как гарантию нашей сделки. Только позвол

мне уехать на байке. Прямо сейчас.

— Зачем?

— Потому что так надо!

Инстинкты Джена выли сиренами. Настораживали ли его спешка, приступ и сам покупатель? Безусловно. Переживал ли он за мотоцикл? Еще как! Жаждал ли Джен неприятностей и приключений? Ни в коем случае. Но в тот же момент он отчетливо видел, что неадекватное рвение парня — не прикол или блажь, не розыгрыш и даже не афера, а острая необходимость человека, загнанного в угол.

«Да и что я теряю?» — подумал Джен. Вслух скомандовал:

— Поехали, я тебя отвезу.

— Нет, так не пойдет, — парень вскочил с дивана. Его нервяк перешел в панику.

— Ты хочешь туда добраться? — спросил Джен. — Если да, поехали. Если нет, забирай деньги, потому что за руль я тебя сейчас не пушу.

До Западных кварталов немногим больше пяти километров по центральной магистрали. Джен останавливается на светофорах, соблюдает скоростной режим, вежливо пропускает вперед на перекрестках, разрывая шаблоны о пронырливых байкерах, и едет строго по полосам. В городе час пик, машин больше, чем частиц кислорода. Когда они сворачивают с главной дороги, парень орет Джена сквозь ветер и шлемы: «Быстрее! Быстрее». И, рискуя свалиться с байка, указывает руками дорогу: сейчас направо, затем прямо и налево.

Когда Джен с визгом тормозит у ограды старого детского сада, вокруг одной из беседок уже сгрудилась толпа. Парень спрыгнул с байка, вцепился в металлические прутья забора.

— Твою мать, опоздали! — в отчаянии он лупит по забору кулаком, и железо отзывается согласным гулом.

Выставив подножку, Джен глушит мотор мотоцикла и спешивается. Центральный вход, видимо, с противоположной стороны, здесь только заваренная калитка и вырезанные (чем? как?) из забора прутья, через дыру можно пролезть внутрь. Джен подходит ближе к скоплению: женщины в тапочках и халатах, мужики в семейных трениках, явно местные. Несколько зевак из мимо проходивших. Плач и взволнованный шепот. Джен проходит сквозь толпу, как нож сквозь мясо, огибая сцепившиеся локтями пары и тройки наблюдателей, как кости. У самой беседки женский плач сливается в вой в ушах. Джен заглядывает через плечо первого ряда, и видит ползающую на коленях женщину, мужчина вцепился в ее плечи, не стараясь оттащить, лишь удерживая. Перед ними на рассохшемся дощатом полу распластано тело мальчика лет двенадцати. Прошедшего войну Джена замутило. Издалека послышались сирены.

Выбравшись из толпы, Джен возвращается к мотоциклу. Парень сидит на земле, откинувшись на забор, остервенело рвет пальцами травинку, далеко не первую, судя по крошеву под ногами. Несколько мгновений они просто глядят друг на друга, один обессиленный, второй оглушенный увиденным. Затем парень произносит глухо:

— Мальчику разрезали горло, — он делает паузу, следит за реакцией Джена. — Чтобы не кричал. А затем выпустили кишки. Вспороли желудок. Еще ему вырезали сердце и выбросили под зеленую карусель. Наверное, его еще не нашли. Я это знаю, потому что я это видел в отключке. В твоём гараже.

Сквозь горло Джена продирается единственный слог:

— Как?

— Если бы я знал, как это работает, — грустно усмехается парень, — я бы придумал что-нибудь получше, чем ездить на место и пытаться помешать. Сегодня, вот, не успел.

Происходящее не стыкуется с четкой картиной мира Джена и выглядит ересью.

— Кто ты такой? — спрашивает он, понимая всю глупость вопроса.

— Ты же видел мой паспорт. Он, кстати, все еще у тебя. Вернешь?

Джен надевает шлем и садится на мотоцикл. Откидывает подножку. Заводит. Слушает, как рычит, прогреваясь, двигатель. Парень поднимается с земли, отряхнувшись, подходит к Джелу, чтобы не пришлось орать сквозь какофонию рева людей, сирен и мотора.

— Если собираешься сдать меня ментам или в дурку, я и там, и там уже побывал. Не помогло. Если хочешь свалить — не вопрос, только паспорт мне реально пригодится, да и мотоцикл тоже. Но если ты мне поможешь, раз уж вляпался, вот таких вот мальчишек в городе будет меньше.

Он протянул Джелу руку.

Но Джен ее не пожал.

— Садись, поехали, — опустив забрало шлема, Джен газанул на месте, подгоняя пассажира.

Парень послушно натянул шлем и устроился на сидении за водителем.

Спустя полчаса Джен загнал мотоцикл и запер гараж вместе с оставшимися на верстаке документами. Постоял во дворе, тупо глядя на заваленную досками, лопатами и прочим барахлом пустошь за домом. Возможно, в эту минуту он обеспечивает алиби психопату. Группе психопатов, ведь в одиночку быть одновременно в двух местах невозможно. Как невозможно видеть... предвидеть то, к чему ты не имеешь никакого отношения. Или возможно? А если возможно?

Если невозможное возможно, как распознать правильное и неправильное, чтобы сделать выбор?

Вернувшись в дом, Джен выставил на кухонный стол два стакана, достал из бара бутылку виски и, щедро разлив безо льда или колы, протянул один из бокалов смиренно сидящему на табуретке парню. Потребовал:

— Рассказывай, пророк.

— Можешь звать меня Джа. Это мой ник со времен диал-апа.

— А меня все давно зовут Джен, — он сделал глоток, слишком большой, сразу перехватило дыхание. — Итак, Джа, рассказывай с самого начала.

Угрозы нет, но Джа уверенно сжимает в ладонях пистолет и спускает курок, пробивая в худшем случае девятки. Джен настоял на тренировках, потому что однажды пророку придется защищать себя самому. Если Джен не справится. Мысль о том, что возможно Джелу станет некого защищать, инквизитор отбрасывает как экстрактор — гильзу.

— И почему ты огнестрел не любишь? — спрашивает Джа, пока они ждут машину во дворе клуба.

Джен пожимает плечами, щурится от яркого полуденного солнца.

— Не знаю. Мне кажется, ножи честнее. С ними можно поспорить.

— Ага, особенно когда в спину, — язвит Джа. — Много с твоими ножами спорили?

— Это уже не мои проблемы, — Джен пялится на экран смартфона, где по

построенному маршруту неторопливо плетется маленький аватар их такси. — Мне ножи проблем не доставляют, а огнестрел... С ним хлопот слишком много. Бумажки получи, комиссии сдай, все гильзы собери... Не стоит того.

— Я понял, — Джа, смеясь, пихает Джена в плечо. — Ты для огнестрела слишком ленивый.

— Просто рационально распределяю ресурсы, — назидательно отвечает Джен.

— Ну да, ну да. Домой едем или рационально к Косе завалимся? Есть хочется.

После вчерашней дискуссии с белыми воротничками светиться в баре Джен опасается. И вспоминает еще об одном неприятном персонаже.

— А у тебя свидание с «Эквитас» где и во сколько?

— Через три часа там же, — отвечает Джа. Предлагает, смирившись: — Можем пообедать, ты дождешься ее приезда и посидишь в засаде за соседним столиком, если паранойя совсем одолела.

— Это не паранойя, а...

— А рациональный подход к опасности. Понял я, понял. Вон, похоже, наш драндулет едет.

По спуску с основной магистрали и впрямь телепается бывалая Десятка, пестрая от рекламы. Джен проверил наличные в кармане, понадобится ли размен — привязывать карту к приложению он зарекся после нескольких случаев, когда плату за подачу авто снимали, а машина не приезжала вовсе. В кармане оказалось несколько полтинников, с них если сдачи не найдется, можно и на чай оставить.

В целом, день пока обходится без сюрпризов, но по событиям последних недель Джен видит, что скрупулезно выстроенная система сломана, и повсюду торчат обломки, на которые они с Джа непременно напорются.

Нужно быть начеку.

Со столов исчезли пепельницы. Курить в барах давно запрещено, у Косы за сигарету можно отхватить и лопатовидной пятерней по затылку, здесь пепельницы служили скорее урнами для зубочисток и элементом декора — никелированные, достаточно тяжелые чаши, нечто среднее между походной тарелкой и собачьей миской размером с кулак. Они так хорошо ложились в руку, если надо было усмирить перебранных чужаков.

— Вчера один мудозвон другому челюсть разбил, я убрал, от греха подальше, — объясняет Коса, выставляя тарелки: Джена внушительный стейк, Джа пастафарианского монстра.

— Ушла эпоха.

— Хочешь, подарю?

— Шутишь? Конечно! — обрадовался Джа и, воткнув вилку в центр тарелки, наматывает спагетти неаккуратно, разбрызгивая соус. — Клянусь хранить как реликвию!

— Напомни, когда уходить соберетесь.

Расставив на столе кофе и сахар, Коса забирает папки меню и неторопливо, вразвалку возвращается на кухню. В зале кроме них только два посетителя. Из динамиков саксофонит Радио Монте-Карло. Стейк безупречно вкусный, и веточка обожженного розмарина живописно лежит на тарелке как в лучших ресторанах телевизора.

Савву Джен замечает первым еще в окно, она подкатывает к бару на Монстере Дукати,

как амазонка на огнедышащем драконе. Когда девчонка входит внутрь, Джен поднимает руку, чтобы она быстрее заметила их за дальним столиком.

— Привет. Так и думала, что вдвоем будете, — она улыбается дружелюбно. — Здесь есть тайная комната, предлагаю туда пересесть.

— В интимную обстановку? — Джа пытается пошутить. Нервничает, хоть старается не подать виду.

— Там поговорить можно спокойно. Дядь Борь, — кричит Савва Косе, меняющему пивной кег под барной стойкой. — Мы в кабинет пересядем, ладно?

— Тебе с миндалем? — доносится в ответ из-под бара.

— Обожаю вас!

Кивнув парням, чтобы следовали за ней, Савва идет в другой конец зала, к эстраде. Справа от помоста две двери, Джен считал, что они ведут в гримерки для музыкантов, оказалось, гримерная в баре только одна, а за второй дверью спрятана изолированная кабинка для небольшой компании: стол и две скамейки вдоль стен, человек на восемь.

— Ты здесь частый гость? — спрашивает Джа, пропуская Савву в кабинку.

— Коса — друг моего отца, — отвечает она и присаживается, передвигаясь по скамейке в самый центр.

Джа и Джен садятся напротив.

— Мы с Юлькой вместе выросли. Дядь Боря нас еще голожопыми на своем Урале катал по местному ландшафту. Этот бар — мой дом родной.

— Странно, что мы не пересекались здесь раньше.

— Ничего странного, — откликается она. — Я в зале редко обитаю. Чаще здесь или у Юльки. Ладно, парни, у меня вопросов море, — сложив на столе руки, Савва подается вперед так, что у Джена взгляд невольно сползает с ее лица на пышную грудь, задрапированную черной футболкой. — Давайте, лучше сначала я расскажу, что знаю, а потом вы объясните, что за херота творится.

Дверь открывается без стука, Коса через порог протягивает Савве полулитровую чашку капучино. Она, подскочив, принимает заказ и сразу делает глоток, довольно щурится как сытый котенок.

— Спасибо, дядь Борь, вы лучший!

Махнув рукой, суровый подводник уходит, закрывав за собой дверь.

— Итак, — картинно набрав в легкие воздуха, Савва готовится выдать парням что-то монументальное, будто с трибуны, но телефонный звонок обрывает ее, и девчонка сдувается, как пробитый футбольный мяч. — Извините. Надо ответить.

Потушив для приличия звук, Савва по скамейке отползает к дальней стене кабинета. Ответив на вызов, она долго и внимательно слушает собеседника, хмурит брови до глубокой борозды между и непроизвольно царапает ногтем лакированный край столешницы.

— Так, стоп, — раздраженно обрывает собеседника. — Давай ты не будешь втягивать меня в эту паутину логических извращений. Всему есть объяснение. Просто у нас пока недостаточно инфы.

Хохотнув, Джа с любопытством оборачивается на девчонку. Подсказывает:

— Это называется «Закон недостатка информации».

Шутка отлетает рикошетом от Саввы, она только сильнее нахмурилась.

— Я проверю, — обещает девчонка трубке. — Сегодня чуть позже... Да.... Чувак, я морально вымотана и демонически устала, можешь называть меня ложноножкой, но прямо

сейчас я никуда не поеду. Сорри.

Видно, случилось что-то неприятное, потому что Савва еще некоторое время сидит в углу, сжавшись и будто просчитывает в уме сложносочиненные комбинации ходов. Парадокс, но при всех ее тяжелых ботинках, татухах и апломбе байкерской банды, девчонка вызывает у Джена острый комплекс защитника. Как маленький колючий еж, которого можно взять в руки только в плотных перчатках и надеяться, что не укусит.

— Все страньше и страньше, — она, наконец, выходит из анабиоза и, кивком головы отбросив с лица длинную косую челку (точь-в-точь как Джа), возвращается юзом по скамейке ближе к парням.

— Мир в опасности? — беззлобно спрашивает пророк.

— Мир в жопе, — философски вздыхает она. — Помнишь тормозную историю?

Джен кивает, машет пророку, мол позже расскажу.

— Мы следили за парой заводов, где их производят. Подрубились к системе видеонаблюдения и отсматривали записи. Две недели пять задротов целыми днями очереди тупо и мрачно всматривались в это кино победившего социализма и — ничего. Раздолбайства в цехах, конечно, много, но станки штампуют все как надо. А вчера один воронежский гений заметил, что в наших суточных клипах не хватает по двадцать-тридцать минут. Падре подсуетился, засланный кандидат в одном из цехов смонтировал дополнительную камеру с прямым выводом на наш сервер. И первой же ночью она показала очень интересную картинку.

У Саввы снова орет телефон. Она отвлекается посмотреть кто звонит и, с раздражением сбросив вызов, переворачивает аппарат экраном вниз.

— Задолбают теперь. У нас на территории бывшей картографической фабрики цех открыли по производству тормозных колодок. К нему тоже подобраться нужно.

— Так что вы увидели? — спрашивает Джа, возвращая ее мысли на прежние рельсы.

— Диверсия чистой воды. Ночью в середине смены охранник вышел за периметр завода и вернулся в цех с коробкой. Затем что-то из этой коробки он понаклеил на заготовки колодок, коробку вынес опять за пределы завода, стер запись о своих похождениях и сел дальше спать. Вот такое шоу.

— Вы в полицию сообщили? Или хотя бы руководству завода?

— А вы о своих подвигах полиции много рассказываете? — парирует Савва. Делает глоток из чашки с театральной паузой — словить реакцию зрителей.

Вопрос хлещет пророка судорогой. Нога Джа под столом дернулась, он сжимает бедро рукой, закрывает глаза, успокаивая спазм. Все же годы нейролептиков не проходят даром. У Джена на лице каменная маска — натренированный паралич всех лицевых мышц, непробиваемый панцирь, за которым удобно прятать мобилизацию.

— Мне Алекс все рассказала, — признается Савва. — Когда мы Фаер обкатывали, ей нужно было поделиться, иначе разорвало бы на тысячу мелких хомячков после встречи с вами. Тогда я подумала, что было бы круто завербовать бравых рыцарей на черных конях для «Эквитас», до колодок докопалась, чтобы наживку бросить. Все же нам мужиков в Икстерске катастрофически не хватает.

Она берет с блюдца маленькую ложечку и принимается мешать в кофе давно растворившийся сахар, заполняет мелодичным стуком паузу, умиряя захлестнувшее волнение, которое заметно невооруженным глазом.

— Но когда портрет расширился до битвы экстрасенсов, — продолжает Савва, совладав

с голосом, — тут уже, скажу честно, я пробила вас по всем знакомым базам.

— Нашла что-то интересное? — интересуется Джа.

— Весьма, — отвечает Савва. Откладывает ложку и, собравшись, поднимает взгляд. Глядит в упор то на пророка, то на инквизитора. — Сначала я вытащила имя из документов на мотоцикл. С военным прошлым все понятно. Еще мне удалось нарыть записи о парне с психушкой в анамнезе, которого взяли над трупом. Картина рисуется занимательная, я даже начинаю верить в паранормальное, хотя всегда считала любых помазанных немного ебобо. Но вопросов стало еще больше, и надеюсь, вы ответите честно. Я-то вас в операцию «Эквитас» посвятила.

— Думаешь то, что ты разболтала подробности «тайной операции», повышает градус доверия к тебе? — спрашивает Джен с издевкой, трет гладковыбритый подбородок (не к месту высыпало раздражение).

— Нет, но отлично показывает градус моего доверия к вам. Будь я треплом, в «Эквитас» пять лет не продержалась бы. И до ключевых операций...

— Тебе зачем это надо? — обрывает Джен.

Годами изворачивались, осторожничали, чтобы теперь объясняться перед девчонкой, раскопавшей их истории за пару дней? Джен не питает иллюзий, рано или поздно им пришлось бы сворачиваться и бежать из города, может, из страны. На этот случай собрано все необходимое. Но проколоться на болтливости жертвы? Спасибо, Птенчик, подсобила.

Какова вероятность нападения на двух близких людей в городе-миллионнике?

Какова вероятность связи одной из жертв с неформальной группой бесноватых борцов с преступностью?

Откуда вообще столько беззакония на квадратный метр?

Джен чувствует раскаленный обруч раба, сжимающий горло.

— Я хочу помочь, — отвечает Савва. Агрессия Джена будто прошла сквозь нее, не задев ни одного психически важного нерва. — Я не знаю, сколько сигналов ловит ваша антенна, но мы видим полицейские сводки в режиме онлайн. В месяц только по Икстерску совершается в среднем два десятка убийств. Часть из них, конечно, бытовуха, но все же статистика мрачная. Люди пропадают каждый день. Зайдите ради интереса на сайт Лизы Алерт. Почитайте заявки на поиск. И посчитайте, сколько из них детей. И если во всем этом мракобесии велика доля тех, к кому вы тупо не успели доехать... — она переводит дух. Спрашивает неожиданно: — Кстати, почему Нортоны? Их же прогревать перед стартом надо, иначе свечи вылетают.

— Я решил эту проблему, — отвечает Джен.

— Круто. И все же, как часто вы опаздываете?

Джен хочет бросить грубое «не лезь в это дело», но пророк опережает.

— Чуть меньше трети, — отвечает Джа бесцветным голосом. — Один из трех-четырёх случаев. И было бы здорово не опаздывать совсем. Но ты мне вот что скажи. Представим, я увидел... — Джа запинается, он до сих пор не может подобрать правильное название своим приступам/видениям, — как какая-то мразь тащит в подвал девочку... мальчика, мужика, старуху — не важно. Допустим, я понимаю, что это на другом конце города, ехать по пробкам долго, словом, никак не успею. Я позвонил тебе, дал координаты, описал кто и как. Ты или твои товарищи, кто там поблизости будет, сразу — в машину и на место. Приезжаете. А дальше что? Что ты будешь делать перед лицом гориллы с топором?

— А что делаете вы? — парирует она с усмешкой. Бесстрашная балбеска, привыкшая

вихрем вертеться в гуще событий. Настоящий двигатель, которому холостой ход во вред.

— Ответ на вопрос, пожалуйста.

— Ну хорошо. Лично я достану любимый травмат и попрошу гориллу не дергаться. Если все же дернется, прострелю ей колено.

— Дальше?

— Помогу жертве, позвоню в полицию.

— Дальше?

— А что дальше?

— А дальше, — Джа откидывается к стене на подушки. — Полиция заводит дело о нападении. Поскольку горилла тебя видела, здесь же рассматривается правомерность использования тобой оружия. Выясняется, почему ты оказалась на месте преступления. В сказку «мимо проходила» поверят один раз. Если ты расскажешь про нас, меня снова обвинят в сговоре с преступником, потому что другого рационального объяснения у них нет.

— А если дать им это объяснение? Почему нельзя несколько дней провести под наблюдением полиции, чтобы они поняли, как это работает?

— Я сам не знаю, как это работает! — наигранно смеется Джа. — А становиться наводчиком для полиции равно подписать себе смертный приговор. Ты и сама это понимаешь.

Девчонка сникла. Припала к остывшему кофе.

— Я просто хочу помочь.

Ее смартфон опять вибрирует каскадом сообщений. Савва читает переписку, отстукивает торопливо что-то в ответ. По ту сторону экрана она, похоже, незаменима. А здесь от нее отмахнулись, будто бесполезное насекомое пристало.

Целее будет.

Возможно, Джен и почувствовал бы себя свиньей — ударил протянутую руку, задушил благородный порыв. Но он наслышан о коварстве отвергнутых женщин, и потому единственное, что занимает его мысли — как отвести беду. Дать для проформы пару ложных наводок? Снарядить прибиратель следы? Тоже польза немалая, хоть и доверить свое спокойствие неопытным рукам равносильно явке с повинной.

Пророк находит решение поизящней.

Джа двигается ближе, тянется через стол к ее пальцам, обхватывает их ладонями. Савва напряглась, но рук не отнимает.

— Все, что ты сейчас можешь сделать, — говорит он, гипнотизируя ее голосом и взглядом, успокаивая как многих испуганных девчонок, — никому нас не выдавать. Только так мы сможем хотя бы попытаться спасти всех, кого я увидел. На самом деле мы чертовски устали в одиночку бороться, но я не могу подвергать и тебя такой опасности. Достаточно того, что теперь есть кому позвонить, если понадобится информация, раз уж ты наши биографии так здорово раскопала.

— Конечно, — с готовностью кивает Савва. Ее щеки горят. — Все, что угодно. Скажи, а это только в Икстерске происходит?

— Нет, — Джа убирает руки, и Савва делает глубокий вдох, будто не решалась дышать, пока он к ней прикасался. — Мы объездили несколько городов, везде одно и то же. Но в Икстерске хотя бы понятно, куда нужно ехать. Я ведь не вижу точку на карте или адрес. Иногда краем глаза замечаю таблички на домах вокруг, чаще всего ориентируемся по общему виду улицы.

— Икстерску повезло.

Джа смеется, и Джен чувствует, как в кабинке для троих стало тесно.

— Раз все выяснили, я пойду домой, — говорит он, выбираясь из-за стола. — Джа, я расплачусь и пепельницу заберу. Если что, телефон будет при мне.

Пророк кивает благодарно.

В баре народу прибавилось. Коса с суровым видом пробивает чеки, разливает алкоголь на глаз по стопкам. Джен терпеливо ждет, пока с барной стойки снимут осаду клерки, оттрубившие до звонка в крысиных бегах, оголодавшие и взвинченные.

— Кабинет освободили? — интересуется Коса, протягивая терминал Джену.

— Нет. Они там надолго. Наверное.

Коса хмыкнул. Полез под стойку, выудил из недр легендарную пепельницу, водрузил на стол.

— Оля девчонка резкая, но хорошая.

— Я уже понял, — улыбается Джен. — Спасибо за пепельницу.

— Да на здоровье.

Яркое вечернее солнце жарит рыжим огнем пыльные тротуары. Джен шагает вдоль желто-синих пятиэтажек, недавно обтянутых сайдингом, они сменяются частным сектором: местами перестроенным в двухэтажные особняки, местами осевшим по самые окна деревянных лачуг. Этот город знаком Джену каждой канавой, каждым холмом. Еще не старый, но уставший от запущенности. И недолюбленный. Может, сам город породил их с Джа и поставил на защиту жителей, чтобы заслужить хотя бы благодарность? Может, именно городу не терпится раскрыть карты «вот, что я для вас сделал, любите меня в ответ, и я сделаю больше»? Может, они с Джа готовы открыться? И их примут. Их поймут. Джену жарко от одной мысли о том, что дар и боль Джа станут всеобщим достоянием. О том, что с армией в арсенале инквизитор пророку станет без надобности. О той свободе, в которую поверить невозможно.

Глава 8

Утром в саду Джена встречает воробьиная стая. Хулиганы устроили слет на понурых плечах яблони, чирикают во все горло, натрясли с веток зеленых яблок.

— Джен! — окликают сверху, это заспанный Джа высунулся из окна спальни по пояс. — Шугани их граблями. Только под яблоню не становись, прилетят снаряды по темечку.

За граблями идти в сарай Джена лень, зато рядом клумба с розами под щебнем. С корточек Джен прицеливается камешком и пускает пулю в одного из горластых. Попал. Серая туча с гамом взмывает в небо.

— А вот нефиг мои яблоки жрать, — бурчит Джен им в спины.

В мастерской терпеливо ждет ярко-синяя Хонда, которую списали за отказ заводиться. Переодевшись у порога, Джен сразу идет к ней.

— Ну и что же с тобой не так? — спрашивает, опустившись на колени перед молчаливым пациентом. На бензобаке всего пара царапин, их даже не заметили при первом осмотре. Подставка с инструментами стоит рядом, Джен подтягивает ее к себе за ножки, задумавшись на минуту, с чего стоит начать.

Свой первый мотоцикл Джен разобрал в четырнадцать. Отец выкупил у начальника смены потрепанную Яву 634 модели. Старушка свистела, гремела, но послушно катала счастливого пацана по проселочным дорогам. И бегала бы дольше, если б однажды, наслушавшись баек о выправлении погнутой вилки в поле подручными средствами и фиксации разболтанного ступечного подшипника кусками бритвенного лезвия, Джен не решил раскрутить мотоцикл как конструктор.

Для проведения операции пришлось выселить из гаража во двор отцовскую Семерку. Помогать отец отказался, зато подарил Джена набор ключей, плоскогубцы, катушку медной проволоки и моток изоляции. Этого джентльменского набора хватило, чтобы разобрать Яву по гаечкам. Прежде чем снять любой болтик, Джен скрупулезно зарисовывал его положение на общей схеме. Он вычертил строение Явы до втулок, оставив нетронутым только двигатель. Но со сборкой все равно возникли проблемы. Мужики из соседних гаражей приходили поглазеть и дать бесполезные советы. Кто-то приносил инструмент, за что Джен был очень благодарен. Кто-то норовил залезть под руку, хватал разложенные детали, таких Джен прогонял грубо, не разбирая, насколько он дружен с отцом. Часами Джен просиживал в библиотеке, выбирая нужные статьи и книги, чтобы затем ползать на коленях по бетонному полу, сверяя свои чертежи с журнальными. В итоге, спустя два месяца, Ява откликнулась на толчок кикстартера и довольно заурчала. Через неделю Джен продал мотоцикл, чтобы купить новый, с настоящей серьезной поломкой.

— У нас гости, — Джа привалился спиной к заблокированной створке ворот, а вторую, загораживая проход, придерживает рукой. — Адвокат из бара... Он не один, — говорит Джа, и у Джена холодеют пальцы.

Все документы, деньги и оружие — в комнате наверху. Здесь же, в мастерской, между коробок с запчастями спрятаны дубликаты паспортов, несколько тысяч на первое время и пара Чезетов (как же Джен ненавидит огнестрелы!). Все это на крайний случай.

Бежать — крайний случай.

Аккуратно развесив инструмент на подставке, Джен вытирает тряпкой руки.

— Сколько их? Без ордера ни одна тварь...

— Он не полицию привел, — обрывает Джа, и по ровному собранному голосу Джен слышит, насколько серьезно они влипли. Самому пророку очень хочется, чтобы за стенами их крепости стоял целый батальон ОМОНа вместо нынешних визитеров. — Джен, там... Я могу ошибаться, я ведь только жертву вижу со своего ракурса, но, похоже, там один из убийц.

— Что?

— Руки. Его руки, я их помню, — тараторит Джа. Отпустив дверь, придерживает ее теперь носком и жестикулирует, показывает на себе. — Очень худые. Пальцы длинные, кожа и кости, с сильно проступающими венами. Похоже на кисть скелета.

— Когда?

— Зимой еще.

У Джена память щелкает слайдами. Зимние вылазки он помнит отчетливо — редкие, опасные и кровавые, будто компенсировали количеством красочностью и витиеватым сюжетом. Зимой вместо Нортонов приходилось расчехлять серебристо-голубую одиннадцатую Ладу, которая сейчас греется под брезентом между сараем Джа и малиновыми зарослями. Машина надежная, проверенная, подстроенная Дженом под себя до наклона педалей, и совсем незаметная в четырехколесном половодье Икстерска.

Но вычищать улики в ней на порядок муторнее, чем с мотоцикла.

— Или не зимой?.. — сомневается пророк, трет виски. — Не, не зимой, весна поздняя, мужик был в легкой куртке. В канаве...

— Хирург с теплотрассы? — догадывается Джен.

Пророк кивает, да и предположить иной вариант сложно. За всю весну они выезжали к семерым. Трое из них уже в тюрьме, двое вряд ли выжили от встречи с Дженом, шестым была женщина. Остается только мерзопакостная тварь, умудрившаяся исполосовать жертву, и не убить ее, а бросить умирать в канаве теплотрассы.

— Это плохо. Я его не видел.

— Это он, — настаивает Джа.

Бежать теперь совсем не вариант. Не торопясь, Джен переодевает замасленную футболку и достает из-под залежей чопперских сидухек складной автоматический нож, сует его за пояс под удивленное хмыканье Джа (об этой заначке пророк не догадывался); длинная футболка отлично прикрывает неброскую рукоять.

— Что ж, пошли, пообщаемся со старыми и новыми друзьями.

Развернув Джа за плечи, Джен выпроваживает его из мастерской и тщательно запирает за собой ворота.

В терпении Аристократу не откажешь, вежливый стук — имитация какой-то смутно-знакомой мелодии — все еще доносится от входной двери. Прежде чем выйти из дома, Джен в щель между шторами оглядывает округу. Никаких подозрительных личностей, все припаркованные машины — местные. Переобувшись в садовые шлепки, Джен выходит к калитке и прежде чем отворить ее, просит Джа остаться в доме, но пророк демонстративно облокотился на перила крыльца, хлопает по талии, показывая, что и сам припрятал за поясом полезную игрушку.

Спорить с ним — бесполезно.

Щелкнул замок. Джен открывает калитку и выходит навстречу незванным гостям.

— Приветствую, — здоровается он, прикрывая за собой дверь. — Байк присматриваете или в ремонт сдать хотите?

Секунду Аристократ недоумевают, затем поднимает взгляд на вывеску над мастерской.

— Нет. Мы с вами встречались. В баре неподалеку. Я адвокат. Мы говорили...

— А-а-а. Ну да, — обрывает Джен. — Без костюма и не признал.

Аристократ нервно улыбнулся, будто извиняясь за худи и кроссовки.

— Так чем могу помочь?

— Нам нужно поговорить об одном из убийств, — Аристократ понизил голос. — И хотелось бы это сделать не на улице.

Джен хмурится.

— Я, конечно, могу проконсультировать по мототехнике, если это надо для дела, но у меня нет никаких сертификатов или разрешений...

— Вы. Там. Были, — чеканит Аристократ, снизив голос почти до шепота. И тяжело глядит исподлобья.

Тренированная выдержка Джена справляется с атакой, но отмахнуться от визитеров не получится — Аристократ не отступит. И если врага нельзя устранить, значит, его силу нужно обернуть себе на пользу. Потому Джен сам делает шаг в сторону и пропускает их во двор.

— Я не совсем понимаю, о чем речь, но похоже, это важно. Заходите.

В дом первым входит Хирург, неловко топчется на пороге, пока Аристократ не подтолкнул его, чтобы войти самому. Джа здоровается с обоими, пожимает руки с видом радушного хозяина.

— Я слышал разговор, — он кивает на приоткрытую створку окна. — Поможем, чем сможем. Присаживайтесь на большой диван, да, можно сюда. Не считите за наглость, но можно посмотреть ваши документы? Мы все же не знакомы.

— Конечно, — Аристократ протягивает пророку паспорт. — А ваши?

— Вы и так знаете, кто мы, раз приехали, — невозмутимо парирует Джа, раскладывает паспорта на столе перед собой и набирает чей-то номер. — Детка, привет. Можешь пробить пару имен? Романов Андрей Дмитриевич, восемьдесят второго года, с адвокатской лицензией, и... Соколов Игорь Павлович, семьдесят первого года. Да, прописка местная. Спасибо, тигр. Целую.

Закрыв оба паспорта, Джа с милой улыбкой возвращает их владельцам. Гостям неуютно. В большом мягком диване оба утонули, тогда как Джен и Джа устроились на стульях напротив.

— Может, вам кофе или чаю? — продолжает играть в радушного хозяина Джа.

— Не надо, спасибо, — Аристократ отвечает за двоих. — Давайте лучше перейдем к делу. Вас дважды видели на месте преступления. Что вы там делали?

Без прелюдий и прощупываний, сразу под дых. Джен удивляется искренне.

— Это вы сейчас о чем? — спрашивает инквизитор. — Давайте, для начала, расскажите о каком месте и каком преступлении идет речь, и с чего вы взяли, что мы там были. В подробностях. Иначе, боюсь, я могу не вспомнить, где был и что делал.

Романов собирается возразить, но Хирург сломался.

— Андрей Дмитриевич, позвольте, — просит он и собирается с духом, прежде чем признаться. — Этим маем я напал на человека. Не знаю, как. Я пошел выгулять собаку как

обычно, сразу после работы часов в десять вечера, уже темно было. У нас возле соседнего дома есть площадка, мы пошли туда. Я помню, как повернул за угол. А дальше... Дальше... моргнул, открываю глаза и как будто мир опрокинулся. Мутило страшно. Я вроде стоял, а уже сижу... стою коленями на груди какого-то парня. У него во рту моя кепка, у меня в руках швейцарский нож. Не швейцарский, конечно, китайская поделка, их в каждом переходе продают. Парень в крови весь. Я тоже, — он умолк. Сжатые в замок пальцы побелели. Заметно, как он сдерживает мелкую дрожь во всем теле. — Я подумал, что парень мертв. И... Я выбрался из ямы... Там теплотрассу перекладывали, разрыли канаву метров пятьсот, в ней я и очнулся. Это в трех кварталах от моего дома! Как я туда добрался вообще? Рядом была дорога, фонари светили, но никого не было. Я собирался позвать на помощь, вышел на дорогу, пошел по ней. А потом услышал, как с другой стороны подъехали два мотоцикла. И я испугался, спрятался за деревья вдоль дороги. Увидел, что мотоциклы остановились, один человек с мотоцикла слез и спустился туда, где я парня оставил. А потом я услышал сирены и убежал.

— Игорь Павлович пришел к моему коллеге как свидетель по делу о пожаре, — Романов поерзал на диване, стараясь сесть поудобнее, но даже при его гигантском росте смотреть на Джа и Джена приходится снизу вверх. — На выезде из города сгорел сарай с человеком внутри. Пока тушили, в полицию пришел человек и рассказал, как инопланетяне завладели его разумом и заставили спалить сарай. Сначала его отправили домой, потом в сарае нашли труп, и мужика — его фамилия Баранов — закрыли. Адвокатом ему назначили моего коллегу.

— Я в газете увидел статью про поджигателя, захваченного инопланетянами, потому и пришел к Коробову, его как адвоката упоминали.

— Интересно другое, — Аристократ прекратил борьбу с мягким монстром и развалился, вытянув длинные ноги почти до стула Джена. — Два моих клиента с железными доказательствами вины повторяют слово в слово симптомы Игоря Павловича и Баранова — провал сознания, тошнота, сладкий привкус во рту. А еще Баранов рассказывает, что когда он очнулся неподалеку от пожара, он видел двух мужчин на черных мотоциклах с золотистыми надписями, которые подъехали, постояли и скрылись. Я заметил два черных мотоцикла, которые были припаркованы у бара. Они ваши. Игорь Павлович тоже видел двоих мотоциклистов. Хоть опознать не сможет, но довольно любопытное совпадение получается.

— И вы решили, что это мы, потому что после энной кружки пива я в ваш разговор встрял? — Джа взведенным курком откинулся на спинку стула, готовый в любой момент выбить в сторону посетителей заряд негодования и насмешек.

— Согласись, вероятность этого в разы выше участия инопланетян, — отвечает Романов.

— Бред какой-то.

Телефон Джа вибрирует, подпрыгивая на столе. Сначала Джа читает сообщение сам, затем показывает его Джену.

— Олька Тигр? Seriously? — тихо спрашивает Джен, увидев имя контакта рядом с фото Саввы.

— Ты только это прочитал?

Остальное Джена не удивило. То, что Романов на самом деле адвокат, а Соколов — образцовый гражданин с парой штрафов за превышение скорости, ему и так понятно.

— Послушайте, — Романов сгруппировался на самом краешке дивана, выпрямил спину. — Я к вам пришел не обвинениями бросаться. Мне самому это боком выйдет. Но... Какая-то чертовщина творится! И не только в нашем городе. Я спрашивал коллег в других регионах, там два из трех извращенных маньяка, Игорь Павлович, простите, ссылаются на амнезию. И очень складно ссылаются. Но вместо сопоставления фактов между делами и детального изучения, этих бедолаг просто сажают на таблетки для подавления агрессии, а после них докопаться до истины уже анрил. Как обычно, распиздяйство убило расследование.

— Повальное беспамятство и неспособность сопоставить факты? — пророк усмехается. — Что ж, в нашей стране совсем плохо с когнитивными функциями.

— Поэтому я и готов хвататься за любую теорию, за любую зацепку, чтобы разобраться.

— Ты мне вот что скажи, — Джен наклоняется к Романову, упираясь локтями в колени. Так близко, что ловит ненавязчивый шлейф дорогого парфюма. — То, что ты сейчас расписываешь детали дела посторонним, это вообще нормально?

— Статья 310 УК РФ, — чеканит Аристократ, отстраняясь — Штраф немаленький. Но я хочу понять. Парни, у меня семья есть. Дочке два года. Можете издеваться, но я в адвокаты пошел, чтобы защищать залетевших по ошибке, чтобы реальные асоциальные твари уйти не смогли.

— А почему тогда не в менты?

— Кишка тонка.

Джен смеется беззлобно.

— Тогда второй вопрос. Ты говоришь, что в нескольких городах орудует толпа маньяков, вся связь между которыми — бразильский сериал. Даже если за этим стоит кто-то пореальнее пришельцев, как ты собираешься остановить звездец такого масштаба?

Романов разводит руками, как веслами.

— Все просто. Нет головы — нет проблемы.

— На это кишка не тонка? — Джен уже не скрывает ни сарказма, ни симпатии. Ему встречались такие, как Романов — очень умные в анализе проблем и очень глупые в их решении. Они и гибнут, как правило, первыми. И козлами отпущения тоже они становятся.

В последние дни такие идейные сыплются на голову как из рога изобилия, только успевай отбиваться ложными следами и пустыми обещаниями.

— Давайте так поступим, — говорит Джен. — Мы соберем для вас по всем мотоклубам список черных байков, которые катают парами. Может, и найдете кого интересного. Устроит?

У Романова в усмешке разочарование с презрением.

— Я знаю, что там были вы, — вскочив, он тычет пальцем в лицо Джену. — Я найду самого дотошного, неподкупного мента, который сядет вам на хвост и будет пасти двадцать четыре часа в сутки. Я сам окопаюсь возле вашего дома и перерою всю вашу подноготную до пятнадцатого колена...

— Лучше потратить это время на поиск связи между своими клиентами, — искренне советует Джен. — Оставь номер, чтобы мы смогли с тобой связаться. Если найдем мотоциклы.

Романов достает из бумажника визитку и бросает на стол. Он быстро шагает к двери, останавливается у порога, обернувшись на диван, где оставил Соколова.

— Игорь Павлович, вы идете?

Хирург не пошевелился, так и сидит, уткнувшись лицом в кулаки. Только сейчас, когда все обратили внимание, стало понятно, что Соколов беззвучно рыдает.

— Игорь Павлович, — Романов подходит к нему, сжимает плечо крепко.

— Я не понимаю, — хрипло откликается Хирург. — Как? Как это вообще? Я ножей с собой никогда не носил. Дрался в последний раз по молодости. А кто не дрался? Но чтобы так... Я не понимаю. Я не делал этого! Я этого не делал!

— Поэтому вы сейчас не в тюрьме, — строго напоминает Романов. — Успокойтесь. Нам пора.

Размазывая слезы по обветренному худому лицу, Хирург кивает и поднимается с дивана. Живой мертвец, с которого содрали защитный слой и бросили на открытом пространстве агрессивной среды. Он прощается коротко и плетется к выходу, как по коридору смертника.

Когда за визитерами закрывается калитка, Джен и сам чувствует себя приговоренным.

Джа растерянно уставился на окно с задраенными шторами. Его пальцы играют смартфоном, перекатывают как барабанную палочку из одной ладони в другую, пока гаджет не падает ребром на деревянный пол.

— Что думаешь? — спрашивает пророк, поднимая игрушку. Экран целый, хотя пике вышло крутым.

— Не знаю я, что думать, — Джен устало валится на свой диван, закрывает глаза локтем. — Один видит, что делают другие, другие не видят, что делают сами.

— Может, стоило ему все рассказать?

— Может. А может сразу в газеты? Или к блогерам, раздудеть по всему Интернету. Я не знаю, Джа. Надо подумать.

Думать Джелу сложно. Доводы и опасения сбивают друг друга чехардой, не разобрать, в чем истина, в чем заблуждение. Если бы пророк умел подсматривать у Вселенной правильные ответы вместо чьих-то зверств, было бы гораздо проще.

— Я в спортзал, — предупреждает Джен, вставая, и это означает, что в ближайшее время до него не докричатся, не дозвонятся, если вдруг. Он уже забыл, когда в последний раз проживал день без оглядки на «если вдруг».

Джен идет к лестнице, но на второй ступеньке останавливается, оборачивается к Джа.

— Скажи, а почему ты стал называть меня инквизитором?

Пророк задумался, вспоминая, когда эта роль прилипла клеймом. Наконец, отвечает:

— Ассоциативно. Инквизиторы же несли священную кару.

— Ну да. А ты помнишь, скольких невинных они ... покарали?

Пророк молчит, пока одна за другой ступени стонут под весом Джена.

По второму этажу дома беспрепятственно гуляет солнце. В спортзале на раскаленные кожаные маты босыми ногами ступить невозможно — чувствуешь себя йогом. Джен врывает кондиционер, раздевается до трусов, закрывает глаза и настраивает дыхательный ритм. Выбросить все из головы. Очистить разум. Почувствовать себя механизмом натренированных мышц.

Сначала — разогреть мышцы и суставы зарядкой. Пробежать на максималках по беговой дорожке. В несколько подходов подтянуться на турнике. До тех пор, пока мысли не выстраиваются в ритм раз-два-раз-два-три. У стены ждет распятый на треногах деревянный манекен Вин-Чунь. Секунду поколебавшись, Джен снимает с болванок перчатки и

разворачивается к висящему в центре зала боксерскому мешку. Толкнув его, Джен танцует вокруг качающегося снаряда, приближаясь и отступая, чтобы семьдесят пять килограммов, подвешенных в кожаном мешке на цепях, не задела его. Наконец, он наносит первый аккуратный удар. Затем еще один. Еще. И еще. Джен преследует качающийся снаряд, не отпуская его от себя, и не позволяя подобраться ближе расстояния согнутой руки. Сначала удары больше похожи на легкие касания, но постепенно вместе с ускорением через руки прорывается сила. Джен не чувствует уже ни веса мешка, ни сопротивления воздуха, он лупит со всей дури, выбрасывая скопившуюся агрессию, которой в его теле стало слишком тесно.

Питьевая вода закончилась. Выйдя из спортзала, Джен слышит сквозь закрытую дверь в студию Джа, как пророк молотит по ударной установке с такой скоростью, будто добывает электричество. В уборной Джен сначала жадно пьет из-под крана, просунув голову между струей и раковиной, затем, сбросив промокшее от пота белье, встает под душ. Холодная вода нагревается постепенно, Джен остывает под колючими струями, и как только температура поднимается до обжигающей, он берет управление в свои руки, выворачивает кран холодная-горячая-холодная-горячая.

В морозильной камере одно отделение забито окоченевшими стейками, второе — лотками с куриными конечностями, третье — пельменями, здесь же в углу примерз к стенке вскрытый еще в новый год килограммовый брикет мороженого. Джен прикинул, насколько хищной тварью себя чувствует, и достал стейки. Бросил размораживаться в микроволновку. Прислушался.

Джа спускается вприпрыжку и, игнорируя последние ступени, перепрыгивает через перила, гулко приземлившись на пятки. Когда-нибудь он точно раскрошит себе кости.

— Ты на кухне? — орет пророк из гостиной.

— Да. Стейки размораживаю.

Оживший телевизор захлебнулся рекламой банка, расстрелял очередь с воплями погони и переключился на телеконцерт. По дому ядовитым облаком разносится голос, знакомый Джену с детства, который он с радостью забыл бы, да не позволяют. К счастью, и его Джа прерывает тишиной.

— Вообще смотреть нечего, — хмурится пророк, заходя в кухню.

— Ты знаешь, что ЦРУ в конце восьмидесятых применяло пытки музыкой в паре тюрем?

— Да? Прикольно, — бросив телефон на стол, Джа открывает холодильник, рассматривает, что ему может понадобиться.

— Они заставляли заключенных по двадцать часов в сутки слушать музыку на большой громкости. Доводили до того, что некоторые бились башкой в стену, только бы прекратить.

— Акустический шок?

— Акустический и культурный тоже, — раскачиваясь, Джен откидывается на стуле так, что спинка упирается в стоящий рядом шкаф, а передние ножки стула задираются направленными на пророка стволами. — Представь араба-исламиста, которого сутки напролет долбят «Металликой» и «AC/DC». Хотя, мне кажется, если бы надзиратели были знакомы с нашей эстрадой, список «Лучших хитов Гуантанамо» выглядел бы иначе.

— После нашей допрашивать было бы некого, — Джа хлопает дверцей холодильника, так ничего из него и не достав. — Напиться хочется прям вдрызг.

— Напейся, — вздыхает Джен. — Если что, я сам съезжу.

— Вот почему ты не можешь хоть раз сказать: «А пошло все в жопу, никуда не поедем»?

Чтобы я себя эгоистичным говном не чувствовал.

— Потому что пока ты чувствуешь себя эгоистичным говном, ты им не являешься.

Насупившись, Джа залезает с ногами на подоконник. Отодвигает рукой римские шторы, чтобы уставить на дорогу. Щелкнула микроволновка. Достав икеевскую сковородку-гриль, Джен ставит ее раскаляться на газ, и смазывает мясо маслом. По правилам стейку нужно согреться в комнатной температуре от получаса, но Джен настолько голоден, что через тридцать минут съест мясо вместе со сковородой. На столе вибрирует смартфон.

— Кто там? — спрашивает Джа, не повернувшись.

Джен бросает стейки на сковороду, подходит к столу, вытирая пальцы о перекинутое через плечо полотенце.

— Олька Тигр, — читает он с экрана. — Вы с Саввой уже прозвища друг другу раздали?

Джа сдуло с подоконника.

— Не завидуй, — бурчит он, подхватывая мобильник, отвечает на вызов. — Привет. Что?.. Что видел? Кого?.. Как? Оль, успокойся, где ты? Где ты сейчас? Жди меня там. Слышишь? Я сейчас.

Джа сбрасывает звонок, и Джен выключает газ под сковородкой.

— Юлю убили.

Для раннего вечера здесь слишком тихо. В баре заперты двери, окна задраены рольставнями. На парковке ни одной машины, но у черного входа стоят Монстер Саввы и знакомый Фаерблейд. Оставив Нортон рядом, Джен и Джа через длинный коридор вдоль кухни и подсобных помещений заходят в бар.

В зале темно. Ряды столов оцетинились перевернутыми вверх ножками стульев, будто держат оборону от посетителей, которых и так нет. Противостоит молчат динамики.

Мертвое место.

На высоких барных табуретах сидят Алекс с Максом, перед каждым по пустому стакану. Джен всегда поражался, кто бы ни взбирался на табуреты, приходилось покорять сиденья, как горные вершины: ступню на подножку, подтянулся, опираясь ладонями в стойку, уселся, ловишь равновесие на крутящемся мягком диске, только после этого с видом победителя заказываешь выпить. Юля же взлетала на табуреты с грацией гимнастки — шаг и готово, нога на ногу, локоть на стойке, четкий щелчок пальцами позвать очередного стажера, чтобы сообразил в высоком бокале нечто вкусно-красивое. Может, она и занималась гимнастикой или балетом, Джен не знает. А вот как ловко винчунила зарвавшихся бугаев, видел не раз. Боевая была девчонка, такую в подвал не затащишь. Может, поэтому ее смерть оказалась в слепой для пророка зоне?

Опередив Джена на пару шагов, Джа идет напрямик за барную стойку, к Савве. Обнимает ее за плечи. Олька глядит на пророка со злостью и обидой, он держит удар, принимая невысказанные упреки, пока на ее глаза не наворачиваются слезы. Уткнувшись в грудь Джа, она рыдает, хватаясь за толстовку на его плечах, Джа что-то шепчет ей в ухо, гладит по голове, будто старается забрать ее боль, пусть не всю, сколько получится, лишь бы девочке стало легче дышать сквозь всхлипы.

Достав для себя стакан с полки над стойкой, Джен из открытой бутылки виски разливает понемногу себе, Макс и Алекс. Выпивают не чокаясь.

— Что произошло? — спрашивает он, садясь на табурет рядом с Максом.

— Пока не знаем. Коса поехал в участок, просил приглядеть за баром.

Рыжая макушка Алекс высовывается из-за Макса, рассказывает:

— Друзья Саввы раскопали в оперсводках, что на тротуаре возле новых домов по Красному проспекту нашли девушку со следами насильственной смерти. При ней Юлины документы.

— На Красном проспекте? — переспрашивает Джен. — Там же спрятаться негде, улица со всех сторон просматривается. Свидетели есть?

— Пока не ясно, — Птенчик вздыхает рвано, утыкается подбородком в пустой стакан и задумчиво глядит на витрину с фигурными бутылками дорогого алкоголя. Чтобы достать запас с верхней полки, Юля подставляла маленький стул из черного хлипкого пластика. Сейчас он стоит в углу, незаметный и бесполезный. — Ее нашли час назад, там сейчас полиция все оцепила, наверное, очевидцев еще спрашивают. Я была там утром, в книжный заходила...

— Вот скажи мне, — Макс разворачивается к Джелу, спрашивает злобно, кивнув на пророка: — Как он выбирает, что видеть? Если уж есть способности, почему нельзя за своими приглядеть?

Вопрос на миллион. Джен подливает в бокалы себе и Макс.

— Да потому! — раздраженно пресекает Солдата Алекс. Подрезает у Макса бокал и делает большой глоток, морщится, уткнувшись в рукав его футболки. — Магию нельзя использовать себе во благо, она иссякнет. Если бы ты книжки читал хоть иногда, знал бы.

— Много умного в таких книжках?

— Да побольше, чем в пабликах с эпик-фейлами.

— Магии не существует, — Джен обрывает их спор, который начался явно не здесь и не сейчас и грозит затянуться. — А способности Джа... их нельзя контролировать. От него это не зависит, что и когда он увидит.

— А от кого зависит? — спрашивает Макс.

— Джа? — растерянно зовет Савва, пытаясь удержать оседающего на пол пророка. — Джа?!

Джен срывается с места, едва не опрокинув тяжелый стул, на котором сидел. Он подхватывает потяжелевшего пророка под руки как ребенка, просит: «Стол освободите». Макс и Алекс сбрасывают стулья с ближайшего, Джен укладывает друга на бок, поддерживая его голову и оборачивается к Савве:

— Лучше не смотри.

Опустившись перед столом на колени, Ольга замороженно вглядывается в глаза пророка сквозь полумрак зала. Кто-то включает свет.

— Он нас слышит? — спрашивает Савва, убирая длинную челку с его лица.

— Нет, — отвечает Джен. — Сейчас он не почувствует, даже если мы ему отрубим ногу.

— Приподними, — Макс скрутил валиком свою мотокуртку, подкладывает Джа под голову.

Часы на стене показывают неполные семь часов вечера, самые пробки. У Джена при себе ни ножа, ни заточки, им очень повезет, если маньяк в этот раз окажется с голыми руками, чего никогда не случалось.

— Как долго он будет... так? — спрашивает Макс, возвышаясь над Джа суровой глыбой.

— Обычно минут десять-пятнадцать. Зависит от того, что он видит.

Можно слетать за экипировкой, до дома три минуты и три обратно.

Савва поднимается с колен, садится на край стола у головы пророка, гладит его по волосам.

— Вот почему он не увидел Юльку? Здесь ведь недалеко, вы бы точно успели.

За правильным ответом Джен пошел бы на край света и дальше, зная бы направление.

— Никогда не произноси при нем ничего подобного, — говорит Джен. Чтобы унять желание молотить кулаками стены, инквизитор упирается ими в стол. — Джа — инструмент, если понять, как он работает, может удастся откалибровать. Но наших мозгов пока не хватает.

Ольга тянется к соседнему столу, на котором пирамидой сложены несколько пепельниц. Берет верхнюю из них и пристраивает у себя на колене, выемки в металлических боках будто для того и предназначены.

— А если найти всех жертв, — говорит она, закуривая, — которых вы выгнали, и собрать вместе? Двое ведь не показатель.

— Между жертвами связи нет, — категорично отвечает Джен. Ему жаль тратить время на погоню за химерами, как и на разъяснения бесполезности этих попыток. Есть задачи приоритетнее, поэтому инквизитор задает терзающий вопрос в лоб: — Макс, я могу тебе

доверять?

— Да, — отвечает Солдат с готовностью, на которую Джен надеялся. И добавляет: — Брат.

— Тогда присмотри за ним, — инквизитор кивает на Джа. — Но если что, пеняй на себя. Пришибу.

— Я знаю.

Медлить нельзя. Впервые оставив пророка в беспамятстве, Джен запрыгивает на мотоцикл и пулей летит домой. Экипировка всегда наготове. Джен переодевается быстрее армейских нормативов, сворачивает и крепит к байку экипировку Джа. Когда он возвращается в бар, пророк уже на ногах.

— Новостройки вдоль левого берега знаешь? — кричит он, едва Джен появляется в коридоре. Ловит брошенный сверток с одеждой. — Там дома рядами идут, между первым и вторым рядом будет котлован, от него несколько рядов. Дом от котлована прямо по центру, первый этаж. Рядом электроподстанция с серым забором.

— Кто?

Джа не сразу попадает штифтом в гнездо молнии на куртке.

— Молодой пацан, лет двадцать. У него из оружия только набор инструментов: плоскогубцы, ключи.

— И на кого он прыгнул с одними плоскогубцами?

У Джа дрожат руки.

— Мальчика забрал с детской площадки.

— Твою ж мать!

Успеть, отбить и объяснить ребенку, что проезжали мимо — такой сложной задачи у них еще не было. Джен едва не вышиб кулаком входную дверь.

— А ты куда?

Макс, уже оседлавший свой Фаер, застегивает шлем под подбородком.

— Я с вами, и это не обсуждается.

Застывшие в дверях девчонки испуганно следят за сборами. Алекс с наивной надеждой лепечет о выпитом алкоголе, но в итоге вцепилась в косяк и одними губами просит Макса: «Будь осторожен».

С ревом просыпаются байки.

— Оль, — Джен подается назад, чтобы не орать через рык моторов. Савва подходит вплотную. — Сможешь найти номер Романова по данным, которые Джа тебе скидывал? Позвони ему, пусть приедет. Мне адвокат понадобится.

— Что ему рассказать? — уточняет она. Даже не удивилась.

— Ничего, мы быстро обернемся.

Опустив визор шлема, Джа дает газу и первый срывается с места.

По забитым улицам и через мост плелись как черепахи. Все четырехколесные мнят себя маневренными, кучкуются на двух полосах чуть ли не в три ряда, из-за чего байкам не протиснуться. Набрать скорость получилось, только съехав в недостроенный район.

За первым же кварталом асфальт кривится дугой, огибая котлован по левому краю. Стенки огромной ямы поросли осокой и полынью, дно завалено какими-то контейнерами, мешками и обломками велосипедов, кое-где застоялась вода до болотистой жижи.

Километровую яму можно объехать с обеих сторон, Джа кивком предлагает уйти

налево, но Джен сбрасывает скорость и режет напрямик через котлован, по наваленным для пешеходов бетонным блокам, наплевав на железные петли-выступы, разную высоту и неслабые провалы между плитами.

Пиздец подвескам. Жизнь важнее. Он уже видит на горизонте серый забор подстанции.

На той стороне котлована у моста дорог не строили, и мелкий гравий тарабанит по крыльям байков. От пыли тяжело дышать. Теперь Джен несется впереди, взяв ориентир на вышки. Проходы между домами узкие, никаких тротуаров и, слава Богу, бордюров. Только полуоткрытый канализационный люк на третьем по счету квартале преградил бездорожье, и Джен в который раз мысленно попросил прощения у байка.

В спокойствии пустующих монолитов рев моторов разлетается канонадой, о внезапности не может быть и речи. Джа указывает нужный дом, они подъезжают вплотную и глушат двигатели. Изнутри ни звука. Сняв шлем, Джен оглядывает округу. Во дворах — ни души. Ветер шаркает по бетонным стенам, гоняет пыль с места на место. Неужели успели?

— Заходи со двора, — тихо командует Джен.

Он протягивает Солдату один из самых удобных своих ножей. Расстегнув куртку, Макс приподнимает толстовку, показывает рукоять пневматического пистолета, заткнутого за пояс, однако нож принимает.

— Наша задача остановить, но не убивать, — предупреждает инквизитор. — Оглуши, отключи, порежь, но не убивай.

Макс кивает и легким пружинистым бегом огибает здание. Подпрыгнув на выступе, Джен забирается через оконный проем. Бетонное крошево хрустит под ногами. Джен стряхивает с ладоней серый песок, впившийся мелкими зернами в кожу, натягивает латексные перчатки, достает из ножен финку.

Только бы не пришлось пускать ее в ход.

Спасибо моде на свободную планировку, стен в доме минимум. Короткими перебежками Джен пересекает квартиру, вторую, осматривает коридоры, прислушивается. Неподалеку, через два проема что-то шуршит. Если подойти ближе, кажется будто зверь, сопя и ерзя, разделяет добычу. Джен призывает все свое хладнокровие прежде чем заглянуть в проем.

Они опоздали. Мальчик мертв. Над безвольным телом на коленях стоит светловолосый пацан и плоскогубцами вырывает молочные зубы. Он уже разворотил ребенку пол челюсти, сам в крови.

Раньше инквизитор подкрался бы сзади, незаметный как проклятие, и вырубил бы изверга, чтобы тот не свалил до приезда полиции. Теперь все иначе.

— Отойди от него, — произносит Джен, выходя из укрытия.

Где-то рядом на голос шарахнулся Макс. Убийца даже не поднял головы.

Убрав нож на место, Джен подходит к Дантисту и, наклонившись, берет его за горло. Сжимает пальцы насколько хватает силы и разума не раздавить гортань. Убийца не сопротивляется, только выронил сколько плоскогубцы на разодранную голубую маечку мальчишки.

— Ты видишь меня? — Джен хрипит от ярости в безучастное лицо. — Видишь, мразь?

— Эй? — Макс остановился в проходе. Кулаки сжаты, в одном — нож наизготовку.

— Опоздали.

— Я вижу. С-сука.

Схватившись за голову, Макс будто пытается насильно впихнуть в сознание увиденное.

Он матерится, беспорядочно перебирая коллекцию нецензурных слов, собранную по казармам, окопам и барам, повторяется и умолкает, лишь достав телефон.

— Не звони в полицию, — предупреждает Джен, отпустив парня. Тот обмяк, ссутулился, потянулся за плоскогубцами, но Джен перехватил их и отшвырнул к стене. Дантист покорно опустил руки и остался сидеть над телом, глядя в мертвое лицо своей жертвы.

— В смысле «не звони»? — опешил Макс.

— Во-первых, нас здесь быть не должно. Во-вторых, иди сюда.

Макс подходит ближе, Джен хватает парня за волосы, откидывает его голову.

— Как думаешь, он понимает, что только что сделал?

На Макса равнодушно глядят глаза цвета крепкого чая. Глядят, но не видят.

— Он что, под кайфом?

— Одна из версий.

Джен отпускает парня, тот еще секунду по инерции пялится на Макса, затем опускает взгляд и шарит грязными руками по полу в поисках плоскогубцев.

— Пойдем отсюда, — говорит Джен, похлопав по плечу напарника.

— Ты хочешь оставить их здесь? Вот так?

— Мы им уже не поможем, — отвечает Джен устало. — Кстати, он ведь сюда на машине приехал. Ты тачку с той стороны дома не видел?

— Стоит. Десятка, двери нараспашку.

— Надо номер сфотать.

Уходя, Джен замешкался, запоздало вспомнил про трофей для Джа. Обернулся.

На мальчишке только маечка и шорты, никаких карманов, пуговиц, заклепок, разве что шнурки из дешевых кед выдернуть. Обычно Джа описывает трофей во время сборов, сегодня же все идет наперекосяк. Джен шарит взглядом вокруг, замечает чуть поодаль, у кусков разодранного картона, брошенного здесь то ли бездомными, то ли забегавшими поиграть на стройке детьми, маленькую машинку. Перевернутая черным брюхом вверх она почти незаметна в пыли и общем хаосе. Когда мальчонка выпустил ее из рук? Отбиваясь от душивших рук? Или ослабшие пальцы выронили ее, когда неравная схватка была проиграна? Джен поднимает машинку — миниатюрный желтый трактор с черным ковшем.

— Зачем это? — хмурится Макс.

— Для Джа. На его персональное кладбище.

У солдата дрогнули желваки. Он промолчал и поспешно зашагал к выходу.

Джа ждет их, не рассчитывая на хорошие новости. Вместо слов Джен кладет на ладонь пророка машинку и опускает визор его шлема, чтоб Солдат не видел злую гримасу отчаяния.

— Дальше что? — спрашивает Макс. Он уже нахлобучил шлем и ждет команды заводить моторы.

Джен срывает перчатки, стряхивает ими с плеч бетонную пыль, обтертую со стен.

— К Косе едем, я жрать хочу.

Если бы на горизонте показалась хоть одна живая душа, Джен вышел бы к ней с поднятыми вверх руками. Но вокруг — никого. Будто место выбрано специально оставить их пара на пару — пророка, инквизитора, палача и жертву. Ах да, еще один апостол прицепился.

Или жертв — двое?

Джен заводит мотор, выкручивает газ так, что грохот поднимается выше монолитов,

брось сцепление — и байк вылетит вперед быком с зажатыми яйцами. Одна секунда выплеснутой ярости. Джен успокаивает байк, пяткой поднимает подставку, и трогается с места.

Они идут стрелой: Джен впереди, Джа чуть поодаль по правый локоть, Макс — по левый. Пробки еще не рассосались, но основной поток идет навстречу, потому дорога свободная. Стоит задуматься, заволакивает туман, неудачи плывут зацикленной пленкой — полыхающий факелом сарай, улыбка Юли, разорванная маечка — выстраиваются в ряд и незаметно стрелка спидометра ползет к отметкам, за которыми даже наклейки «Неприкасаемых» не спасут. Джен ловит себя на превышении раз, два. Нужно сосредоточиться на дороге. Прижаться к правому краю и следить за линией разметки, на ней концентрироваться проще, к тому же выведена она вкривь и вкось, есть за что зацепиться. Светофоры выключили зеленую волну, тоже хорошо осаждают, разгоняться бесполезно. Мотоцикл уже не идет, плетется как гужевая повозка по свободной полосе. Какой дебил понаставил переходов и перекрестков частоколом? Каждому кланяйся. Колесо подпрыгивает на мелком, чего на асфальте мгновенье назад не было. Разметка взлетает к небу, уходит вбок, заваливается. Стреляет в локоть. Тяжелое тело Нортон ложится Джелу на бедро. Со скрипом и вонью подпаленного пластика стачивается об асфальт раковина шлема. Визор бьется о бордюр. Стоп.

Правое бедро горит. Адреналин выталкивает воздух комками. Джен поднимается на колени, чувствуя вибрацию каждой молекулы крови, все тело — броуновское движение микрочастиц. Джен дергает замок шлема, сбрасывает шлем с головы, делает глубокий вдох, полный пыли, царапающей горло. Слышит голоса.

— Я в норме, — отвечает, поднимаясь на ноги.

Джа пытается помочь, подставить плечо, но Джен справляется сам.

— Я никого не зацепил?

— Нет, — успокаивает пророк. — Ты на что налетел?

— Понятия не имею.

Джен озирается по сторонам. Аварий нет, их объезжают по соседней полосе. Макс оттаскивает к бордюру пострадавший Нортон. Интересно, насколько крепко асфальт прошелся по байку? У самого Джелна дико саднит задница, на месте заднего кармана справа — лохмотья, армейские штаны не выдержали, придется ехать до дома с голой жопой. А вот куртка руки сберегла, лишь немного сточились накладки.

— Что с байком? — беспокоится Джен, ковыляя к мотоциклу.

— С виду все норм, — Макс кивает на разодранные штаны Джелна. — Сам как? Ехать сможешь?

— Херня, — отмахивается Джен. Обходит Нортон, оценивая повреждения. У мотоцикла, как у самого Джелна, сточена правая сторона — выхлопная, бензобак пострадали сильнее всего, но не критически — спасибо проклятым светофорам, что не позволяли разогнаться. Но в целом мотоцикл жив. «Надо воткнуть электростартер», — решает Джен, дергая кикстартер уцелевшей ногой. Нортон заводится с недовольным ворчанием.

— К Косе едем? — уточняет Макс.

Пока Джен не сморозил глупость, Джа категорически заявляет:

— Нет. Мы к себе, подьдем позже.

Спорить бесполезно, особенно когда пророк прав. Джен застегивает потрепанный шлем, весь визор испещрен глубокими царапинами, сквозь него смотреть невозможно,

потому Джен откидывает его назад в предвкушении поездки с незащищенными глазами. Вовремя вспоминает про запасные очки в кофре, которыми защищается, отдавая шлем спасенным.

— Джа, — окликает он уже усевшегося на байк пророка. — Ты помнишь, в какой момент все пошло через жопу?

Джа заводит мотор, задумавшись, слушает раскаты и перекрикивает их, кивая в сторону Макса.

— Когда ты его отбил.

Значит, не показалось.

Сумерки спускаются нехотя, темноту будто натягивают на город, растянув до прозрачности, и ее никак не удастся зацепить за ускользающий конец неестественно длинного дня. Дома первым делом Джен включает газ под брошенной сковородкой, только потом моет руки, дав себе зарок, что пока не поест, с места не сдвинется. Когда куски мяса с шипением возвращаются на гриль, в кухню заходит Джа — в одной руке запасные штаны Джена, в другой — аптечка.

— Ты переодеваться собираешься? — пророк бросает штаны на спинку ближайшего стула, ящик с лекарствами ставит на стол и, открыв, деловито роется, доставая бинты, пластырь, антисептики. — Штаны снимай!

— Я сам обработаю, — перечит Джен, стягивая штанину.

— За мясом следи, — Джа придвинул табурет вплотную к плите, в руках уже наизготовку марлевый тампон, пропитанный перекисью. — Я тоже жрать хочу, между прочим.

Джен послушно подставил саднящую ягодицу.

Пророк справляется с ранами быстрее, чем Джен с говядиной, и запихнув аптечку в один из шкафов (сваленной горой посуде пришлось потесниться), исчезает из кухни. Возвращается хмурый.

— Ты бы оделся, сейчас вся банда здесь будет.

— Коса вернулся? — спрашивает Джен и, отложив щипцы, натягивает принесенные Джа штаны. — Что в полиции говорят?

— Несчастный случай. Кусок кирпича со стены отвалился и прилетел по темечку.

— Ну да, а второй кусок — мне под колесо. Чертовщина какая-то.

— Поздравляю, ты еще способен удивляться, — Джа прижимает ладони к вискам, массирует их, закрыв глаза. — Всему есть объяснение, надо только его найти.

— Тарелки доставай.

Подав Джелу две тарелки для мяса, Джа открывает бар, заметно поредевший за последние пару месяцев.

— «Джек» или «Мартель»? — спрашивает он.

— Для «Мартеля» слишком гадкое время.

— И то верно, — соглашается Джа, доставая литровую бутылку «Джек Дэниэлс» и два бокала. Выглянув в окно, Джа выставляет на стол еще четыре, и идет открывать дверь.

Гости додумались привезти с собой пиццу, это спасло положение, готовить еще несколько стейков Джен бы не выдержал. Впрочем, голодными, похоже, были только они с Джа. Появившись на кухне, Алекс мигом подхватила заботу о тарелках-вилках, Макс забился

в дальний угол, чтобы не мешать ей мельтешить по периметру. Савва, забравшись с ногами на подоконник, уткнулась подбородком в колени и отгородилась от шумной кухни молчанием, как колючей проволокой. Никто не настаивал на ее внимании, только Джа рискнул потревожить, принеся подушку и плед, чтобы не простыла.

Джен не сразу заметил, что вместе с ребятами приехал Романов.

— Что нужно, чтобы этот разговор охранялся адвокатской тайной? — в лоб спрашивает Джен.

— С этого момента охраняется, — уверяет Аристократ, расстегивая пуговицу идеального пиджака. — Можешь перекинуть мне на банковский счет два рубля, чтобы зафиксировать время старта услуги.

Достав смартфон, Джен открывает банковское приложение, вписывает под диктовку Романова его номер телефона и отправляет транзакцию. Смс-ка о поступлении отзывается в кармане Аристократа коротким сигналом.

— Присаживайся, — Джен двигает к Романову стул. Сам садится за стол напротив, рядом с Джа.

Виски уже разлит по бокалам. Передав один из них Ольке на подоконник, Птенчик поднимает свой.

— За Юлю.

Выпивают, не чокаясь. В тишине. Молча закусывают. Чтобы выиграть время и наконец поест, Джа просит:

— Ребят, расскажите подробнее, что Косе в полиции сказали.

— Сказали, что это несчастный случай, — отвечает Алекс. — Вроде как на крыше остался строительный мусор, его ветром сдуло вниз, когда Юля проходила мимо. Из-за того, что высота была большая, скорость, естественно, тоже, удар получился сильный. Еще и края у обломка острые. В общем, говорят, не мучилась.

— Я не припомню сегодня такого шквального ветра, чтобы камни с крыш летали, — замечает Романов.

— Сегодня камни не только с крыш летают, но и под колеса, — хмуро произносит Макс.

— Полиция крышу проверяла? Дома новые, может, камеры наблюдения?

— Нет ничего на камерах, — у Саввы слезы подкатывают к горлу, она смолкает, сдерживаясь из последних сил. — На крыши сегодня никто не поднимался, других кирпичей там тоже не нашли. Хотя, кто их знает, как искали.

— Значит, дело быстро закроют, — говорит Романов. — Я попытаюсь по своим каналам разузнать, может, выясню что-нибудь полезное. Но что-то подсказывает, вы меня не из-за девочки сюда пригласили.

— Не только, — Джен, перебивший стейком голод, тянется за бутылкой, разливает по второй в подставленные бокалы и сразу делает большой глоток. Прежде чем сказать хоть слово, он молча спрашивает у пророка, уверен ли тот, и получив согласие, рассказывает: — Сегодня произошло еще одно убийство. Мальчик, лет пять-шесть. Молодой парень забрал его из песочницы, увез на левый берег, задушил, повырывал все зубы. И он точно не понимал, что делает. И вряд ли вспомнит, как там оказался.

Точеное лицо Аристократа каменеет. Сдвинув брови, он буравит инквизитора тяжелым взглядом, от которого даже Макс заерзал на табуретке.

— Таких убийств в городе было много, — продолжает Джен. — Но они участились. И

нам нужно как можно быстрее собрать все детали, потому что если так и дальше пойдет, скоро даже мы с Джа ничем помочь не сможем.

— Помочь? — переспрашивает Романов. — Как?

— Как помогли Макс, — отвечает Джа, — когда на него прыгнул мудака с арматурой, и Алекс, когда ее затащил на стройку мажор с мясницким тесаком.

Романов переводит внимательный взгляд на пару спасенных, Птенчик опускает глаза, вспомнив пережитый кошмар, жметесь к своему мужчине, сжавшему кулаки.

— Я вижу убийства до того, как они произошли, — объясняет Джа, и Романов в два глотка выпивает налитый на три пальца в бокал виски.

Джа рассказывает историю с самого начала, со своих первых приступов. Описывает неудачные опыты психиатров, озвучивает все приходившие на ум теории, и факты, разбивавшие гипотезы в пыль одну за другой. Несколько раз он пытался донести свою способность до людей, молил о помощи, и всякий раз оказывался сам под ударом. Пока не встретил Джена. Джа объясняет подробно, как они отладили свои действия. Джа рассказывает, как Джена резали маньяки и вместо больницы пророк был вынужден тащить его домой, и шпопать самостоятельно, а после, лететь на место преступления и замывать оставленную Дженем кровь. Как им приходилось запугивать или усыплять жертв, чтобы самим не попасться полиции. Девчонки слушают, не дыша, Романов после первых скептических ремарок умолк, обескуражено впитывая информацию. Но порно-история, увиденная Джа с обеих сторон, окончательно выбивает его из реальности.

— Я не понимаю, ты видишь все как в игре-шутере от первого лица?

— Именно, — отвечает Джа. — Но в случае с порно я играл за двоих.

— В целом аналогия с играми подходит, — замечает Джен. Сидеть на стуле саднящей задницей неудобно. Долив себе виски, Джен выходит из-за стола, прислоняется локтем к боку одного из шкафов, так удобнее. — С одной стороны Джа проваливается в эту виртуальную реальность. С другой стороны, персонаж, чьими глазами он видит происходящее, в полном неадекват. Сегодня мы с Максом видели, как это происходит. Парень копошился на автомате, я с минуту держал его за горло, бьюсь об заклад, он меня не видел. Я так кататонию себе представлял.

— Но я-то вижу действия вполне осмысленные.

— При чем раньше, чем они происходят.

— То есть, — Романов тоже встает из-за стола и принимается расхаживать по кухне. — Джа проваливается в виртуал, наблюдает убийство, через некоторое время убийцу выбрасывает из реальности, и он механически воплощает в жизнь то, что Джа увидел. Так?

— Похоже.

— Чисто гипотетически... Может ли Джа задавать эту программу? — предполагает Романов и тут же примирительно поднимает руки. — Я без обвинений. Возможно, он неосознанно, без умысла передает сигнал, к примеру, случайному человеку, которого встретил на улице.

— Тогда это происходило бы только там, где Джа находится. А убийства с бессознанкой идут по всей стране.

— Аргумент, — соглашается Романов. — Тогда другой вопрос. А каков временной интервал между началом приступа и началом убийства?

— Мы пытались засекают время, — сделав большой глоток Джен, морщится. — Но приехать именно к тому моменту, с которого Джа видит их глазами... У нас всего раз почти

получилось. Тогда вышло минут сорок. Мы теперь на это время и ориентируемся.

— Закон обратного отсчета, — мрачно произносит пророк. — It's a final countdown.

— Вопрос в другом, что связывает убийц? Романов, между твоими клиентами есть связь?

— Нет. Я пока не нашел. На сегодня у меня есть доступ только к четверым. Но если поглубже зарыться в архивы и поднять все случаи, возможно, картина сложится. Здесь основная проблема их вычленивать из общей массы. Симулянтов достаточно. Кроме того, виновных не всегда находили. Трупов гораздо больше.

— Не все найденные полицией трупы — жертвы, — произносит Джен то, о чем каждый думал, но не смел озвучить.

Аристократ ссутулился. В раздумьях взъерошил огромной пятерней волосы.

— Мне будет сложно вытащить тебя, если попадешься, — признается он честно. — Поэтому нужно придумать способ, как добыть информацию, и вас при этом не засветить перед органами. Я надеюсь, открывшиеся детали сподвигнут тебя свести к минимуму количество жертв. Кем бы они ни выступали.

— Не сомневайся, — обещает Джен.

Тошнота подступает то ли от алкоголя на голодный желудок, то ли от встречи головы с бордюром. Джелу тошно от себя самого, впитавшего сегодняшней день как ядовитый газ каждой порой кожи. И хочется уснуть, провалиться в черную дыру насовсем, переждать Апокалипсис и вынырнуть назад только в новом светлом мире, если он когда-нибудь наступит.

Расходиться решили только под утро. Транспорт оставили во дворе, вызвали такси. Джен вопреки обычаям сложил на Джа заботы по выпроваживанию гостей, а сам занялся посудой. Не то, чтобы ее непременно нужно вымыть из любви к порядку, просто мысль встретить с утра на кухне грязные следы отвратительного дня Джелу пугает. Сквозь монотонный шум воды из гостиной доносятся голоса. С каждым хлопком двери их все меньше и меньше. Наконец, остается только два тихих, спорящих.

— Ничего страшного, поспишь в моей кровати. А я могу здесь, на диване.

— Зачем?.. Вот ты дурень.

Джен уже справился с посудой, убрал со стола и даже отдраил со сковородки следы прошлых стейков, но не решается перекрыть воду, остановить ее шум, чтобы не спугнуть в гостиной единственное хорошее, случившееся за этот день, до тех пор, пока Джа с Олей не прошлепали по скрипучим ступеням наверх.

Город горит. Откуда в бетонном частокале столько дерева? Треск стоит оглушительный. С домов, переживших застой, перестройку и девяностые, кусками ссыпается крыша. Шифер лопаются на мелкие острые осколки. В одном из дворов на веревках, натянутых между железными столбами, кто-то оставил сушиться белье, и теперь оно развивается белоснежными флагами на бушующем ветру, еще не тронутое огнем, который по траве подполз уже совсем близко. Воняет жженой резиной и паленым пластиком. Жар мешает дышать. Джен бежит от огня, вдоль огня, к огню — горит кругом, где-то меньше, где-то сильнее, но откуда-то в сердце уверенность, что нужно бежать вперед. Джен в ужасе. Он бежит, держа за руку Тимку, брат спотыкается, несколько раз упал, разбив в кровь колени, но Джен тащит его вперед, потому что брат — единственное, что осталось у Джена, единственное, что нужно сберечь.

Хрущевки закончились резко, будто сменились слайды пейзажа, теперь впереди стоят глухими глыбами монолитные высоты, а прямо перед ними — огромный котлован с мостом из висящих в воздухе бетонных плит. Джен останавливается как вкопанный, оглядывается назад, там — черно-рыжее месиво стеной. Надо бежать. Тимка послушно цепляется за пальцы старшего брата обеими ладошками. У них разница в возрасте — всего год, но здесь и сейчас Джен — взрослый, а Тимка — ребенок, за которого Джен отвечает перед родителями, Вселенной, перед собой. И Джен решает. На счет раз-два-три они с Тимкой прыжком перемахивают через узкую пропасть между краем котлована и первой бетонной плитой, и бегут дальше, стараясь не запнуться об торчащие из плит петли из арматуры. Огонь тоже не стоит на месте, огибает котлован по бокам с обеих сторон, и Джелу нужно добежать до монолитов быстрее, чем рыжая тварь сомкнет кольцо.

Уже на середине котлована огонь исчезает. Ровное голое поле размером с хоккейный стадион, спокойно, только слабый ветер гоняет туда-сюда мелкую пыль и белесое перекачиполе. Братья садятся на скамейку, отдышаться. Джен смотрит на равнину, вдали торчат размытые силуэты домов. Нужно сходить, посмотреть, что там. Джен быстро управится, а Тимка пусть пока отдохнет тут, на скамье.

— Не оставляй меня здесь, — просит Джа. — Я здесь умру.

Джен оборачивается к пророку, тот смотрит спокойно, уверенный в своей правоте. И без того худое лицо осунулось, вокруг глаз черные круги, от чего кажется, будто на лице две глубокие воронки.

— Я быстро. Нужно посмотреть, что там. Я сразу вернусь.

— Ты не успеешь, — говорит Джа.

Чтоб тебя. Джен злится. Вдвоем идти опасно. Джен уверен, что пророку не хватит сил добраться, а значит, нужно бежать одному и привести помощь.

— Я быстро, — повторяет Джен, поднимаясь со скамейки.

Он бежит, летит скоростной машиной, не чувствуя касаний земли. Равнина вокруг, строения впереди — все сливается в серое ничто, оно успокаивает тревогу, стирает сомнения, Джен бежит от чего-то куда-то с одной целью — поступить правильно. И когда приходит сначала удовлетворение, оно сменяется радостью и гордостью за себя, он смог, сумел, сделал то, что нужно, Джен сбавляет темп, равнина снова обретает очертания, монолиты остаются за спиной, а скамейка, на которой Джен оставил пророка, впереди,

совсем близко. Джен уже может разглядеть людей, присевших рядом с Джа, они молоды и сутулы, хоть лиц не разглядеть, но Джен чувствует, они — свои. Он переходит на быстрый шаг. Улыбается, неся радостные вести.

— Джа, все хорошо. Можно идти, Джа.

Пророк молчит. Сидит прямо, сложив ладони на коленях, отросшие до неприличия волосы зачесаны назад. Он смотрит вперед неподвижно.

— Джа? — схватив за плечи, Джен трясет пророка как деревянную куклу и понимает, что тело в руках слишком твердое, чтобы быть живым.

Джен кричит изо всех сил, шлепает Джа по щекам, но пророка больше нет. И уткнув его тело лбом в свое плечо, Джен сжимает в бесполезных объятьях пустую оболочку, и просит, вымаливает у Джа прощение.

Веки еще сомкнуты, но проснувшееся сознание не обмануть — начался новый день. Джен переворачивается на другой бок, скомканная простыня собралась под плечом грубыми складками, содранное бедро ноет. Просыпаться не хочется совершенно. Джен лежит с закрытыми глазами, уткнувшись носом в подушку. Ему душно и неудобно лежать, и запах вчерашних носков, брошенных как обычно у кровати, почему-то сейчас чувствуется отчетливо, делает воздух в спальне спертым. Невыносимо хочется ссать. И это единственная достаточно веская причина оторвать чугунное тело от постели.

Пол холодный, в щель плотно сдвинутых штор заглядывает серое, хмурое. Джен сомнамбулой плетется к двери, распахивает ее, зевая широко, по-кошачьи.

— Упс, — Савва застыла напротив, в дверях комнаты Джа, растерявшись, что стоит сделать — нырнуть назад, захлопнув дверь перед одним из хозяев дома, или поздороваться.

— Привет, — выдавливает Джен, голос спросонья саднящий, непослушный. — Чего?

— Ничего, просто ты в трусах, — замечает Савва. Сама-то она уже в джинсах и футболке Джа, схваченной узлом в районе пупка.

— Я у себя дома вообще-то, — бурчит Джен.

Уборная справа между комнатами, на расстоянии вытянутой руки. Джен запирается в ней будто в бункере. Умывается холодной водой. Привычка, введшаяся до рефлекса, требует побриться немедленно, Джен смотрит в зеркало на ощетинившийся подбородок и решает пренебречь сегодня бритвой. А может, и завтра. И в ближайшую неделю. Какой толк от старых ритуалов, если жизнь начинается новая?

— Ну что, чувак, — мысленно говорит Джен хмурому отражению. — Ты три года валил невиновных, теперь не удивляйся, что Вселенная швыряет камни под колеса.

Перемены Джен чувствует каждым позвонком. Насильственные, болезненные. Такие перемены накладывают темную пелену, сквозь которую, Джен уже знает, прорываться придется долго и мучительно. Все, что было до, отсечено как сброшенная ракетой ступень. Возможно, дальше лететь легче и быстрее, но ты к полету совершенно не готов. Ты не собирался ничего сбрасывать, тебя заставили. Тебя оторвали. И возмутиться, сделать шаг назад тебе попросту некуда. Джен слишком хорошо помнит прошлый раз, чтобы питать иллюзии. Уходить в крутое пике Джелу приходилось дважды — когда он добровольцем встал под ружье, и когда впустил в дом пророчества Джа. Оба раза перемены были вызваны его — Джелом — волей, его, верными или нет, но — собственными — решениями. Но то, что происходит сейчас, не похоже на выбор.

То, что происходит сейчас, похоже на смерть Тимки. Потому что, как и тогда, Джен

ничего не в силах исправить.

Из кухни вкусно пахнет кофе и сырниками, если Джен правильно помнит их запах. Неплохой бонус от присутствия женщины в доме, с лихвой перекрывает наметившееся табу на перебежки без штанов до туалета. Джен, потягиваясь, спускается с лестницы в гостиную. На всех окнах распахнуты шторы — жалкая попытка заманить в комнату укутанное смогом солнце. Джен поднял с пола маленькую подушку и вернул ее на диван. Похоже, о чем-то спорили, раз подушки летали по комнате.

На кухне плюсы женской компании обнулились — у плиты мельтешит Джа. Судя по посуде в раковине, они с Саввой уже позавтракали, так что сырники он печет специально для Джена.

— Смотрите, кто из комы вышел, — ерничает пророк, жонглируя лопаткой.

Увидев Джена, Савва тянется к кофемашине, в которой уже стоит кружка.

— Капучино, да? — уточняет она прежде чем нажать кнопку запуска. — Если бы не я, он тебе поспать не дал бы.

— Покажи ему! — нетерпеливо требует Джа.

— Дай ты человеку поесть спокойно.

— Покой нам даже не снится, — хмурится Джен, усаживаясь к столу. — Что стряслось?

— Сейчас...

Пока кофемашина тарахтит, выдавливая из себя кофе, Савва роется в смартфоне. Передает его Джену вместе с кружкой. На экране — застопленное видео. Джен делает глоток и снимает Ютуб с паузы.

— В Икстерске обрушилась внешняя стена общежития Института Дизайна и искусств с первого по пятый этаж, — тараторит бесцветным голосом журналист. — В здании в этот момент находились триста тридцать девять человек. По последним данным, пострадали двенадцать студентов, они доставлены в БСМП-1 с травмами разной степени. Погибших нет.

— Я просто вышла в коридор позвонить... — говорит в микрофон испуганная девчонка. Она уворачивается от назойливой камеры, прячет взгляд и с радостью уступила бы минуту славы, но рядом высится пузатый лысеющий мужик в костюме, и Джен готов спорить, держит девчонку за локоть, чтобы не сбежала с поля зрения объективов. Подпись внизу экрана подсказывает, что студентку зовут Маргарита Гномава. — Я облокотилась на подоконник, и он развалился.

— Развалившийся подоконник, как и все здание, был отремонтирован три месяца назад по федеральной программе модернизации жилого фонда ВУЗов страны...

Джен обрывает сюжет на полуслове, отматывает несколько секунд и вглядывается в лицо студентки. Он его помнит таким же испуганным.

— А это не...

— Она самая! — Джа победно водружает перед Дженом тарелку с сырниками, перегибается через стол, почти улегшись на него грудью, пытается заглянуть в экран смартфона. — Я сомневался, но раз ты узнал ее, значит, точно она. В подвале, да?

— Похожа. Маргарита, значит. Вот не везет девчонке.

— Не сvezло Юльке, — мрачно напоминает Савва. — А этой наоборот везет сказочно. Сначала вы от маньяка отбили, потом дом рухнул, а на ней ни ушиба. Неприкасаемая какая-то.

Джа встает из-за стола понурый, виноватый. Хватается за посуду в раковине.

— Аккуратней с заявлениями, — тихо, так, чтобы пророк не расслышал за шумом воды, говорит Джен Савве, да она и сама поняла, что упрек не к месту.

— «Эквитас» пытается разузнать, что там случилось, — говорит она, оправдываясь. — Я запрос скинула часа три назад, даже больше. Пока молчат. Обычно обратка прилетает быстрее. Значит, либо что-то нарыли и раскапывают, либо дело настолько глухое, что концов не сыщешь.

— Слушай, Оль, — Джен облизал ложку, которой размешивал сахар в кофе, и раздербанил ею один из сырников. — А откуда у «Эквитас» такие связи?

— От Падре, — с отвечает Савва и, поджав под себя ноги, уютно устраивается на стуле.

— А можно подробнее? Кто такой этот ваш Падре?

Савва задумалась, подняв взгляд к потолку, где на пожелтевшей от времени штукатурке будто грифелем расчерчены серьезные трещины.

— Представляется как Даниил Летов. Глубоко сомневаюсь, что это настоящее имя, ибо все, связанное с личностью Падре — тайна, покрытая тремя слоями мрака, припудренная коксом и запертая в наглухо заколоченном гробу где-нибудь посреди мексиканской пустыни, куда он периодически мотается за просветлением. По официальной легенде первую банду сколотила его mutter. Еще лет двадцать назад. Ей подрезали погоны за то, что сунула нос куда не следует. Как результат — узкий кружок обозленных на коррупцию бывших ментов решил нести *veritas-aequitas*. Но! Ходят слухи, что главной целью этого кружка по интересам было найти папашу нашего Падре. Он сгинул, как только ребенок впервые заорал. И пока его искали, наткнулись на ряд мутных схем и неприличных людей, которых удалось попутно вывести на чистую воду. То есть вся эта борьба с нежитью — побочный продукт недотраха.

— Как мило.

— Милого на самом деле мало. Чтобы попасть под крыло, нужно пройти семь кругов Ада и устроить ритуальное жертвоприношение с собой в главной роли.

— Это как?

— Выносливость, навыки выживания, тест на IQ. Но все это милые цветочки в сравнении с личным интервью. В моем случае это выглядело как связывание Исаака. В роли Авраама — я, в роли сына — мои гордость, честь и достоинство. При этом за весь разговор он не сдвинулся с места, я же сдерживалась, чтобы не пасть ниц, лбом в пол, принося клятву верности.

— Интересно, чем он добился такого эффекта, — говорит Джа, гремя тарелками в раковине.

— Идея. Он просто транслирует свою идею так, что альтернативные точки зрения становятся ничтожными.

— И в чем эта идея заключается?

— Если вкратце, — Савва снова задумалась, подбирая формулировку, — это идея о всеобъемлющей справедливости. На грани утопии, честно говоря, но пока вполне работоспособная. По нашим правилам зло должно быть наказуемо, но наказание не должно превышать ущерб. При этом в случае самообороны не может быть никаких ограничений. Грубо говоря, рубить руки за кражу — недопустимо, разбить башку насильнику — сам напросился. Поэтому если вы, парни, когда-нибудь пересечетесь с Падре, он бросит на помощь вам все силы.

— Хочешь сказать, он о нас еще не знает? — спрашивает Джен.

— Ты меня за идиотку держишь? Я обещала молчать, и я молчу.

— Хорошо-хорошо, — Джен вскидывает примирительно руки. — Справедливость, значит. Больше похоже на карательный отряд.

— Одна из сторон — добро должно быть с кулаками, да. Но этим идея не ограничивается, я просто решила, что вам будет близок именно этот аспект. Основная фишка идеи — в мечте. Вот смотри. Есть она у тебя. Ты к ней стремишься. Но ничто и никто не может тебе гарантировать то, что она исполнится. А когда она не исполнится, тебе настанет пиздец. В прямом смысле. И тогда ложись и подымай. В лучшем случае. Так ведь?

Вместо того, чтобы кивнуть, как этого ждет Савва, Джен откидывается на стуле, скрестив на груди руки.

— Но мир справедлив, поэтому любая мечта исполнится, если, — Савва делает паузу, — если ты упрямо долбишь Вселенную. Если бьешься в кровь. Насмерть. Не вьешь запасных теплых гнездышек с вайфаем и сериальчиками, не прокрастинируешь, не... не уговариваешь себя «сейчас еще немного подожду, и кааак жажну с места в карьер». Только здесь и сейчас. Каждый день, можешь сделать — сделай, не можешь — ищи тех, кто поможет, не нашел — придумывай, как обойти. Просто делай то, что в твоих силах и рано или поздно твои возможности возрастут настолько, что исполнить мечту станет проще простого. А если ты устал и у тебя «не получается» — значит, хреново хочешь.

— Любое действие влечет за собой справедливые последствия, — резюмирует Джа.

— Именно. Мы боремся с коррупцией, как с читерством. С превышением полномочий. С преступностью разного рода. Со всем, что мешает жить по законам справедливости.

— Ох, сказочники, — выдыхает Джен разочарованно. Легендарная банда вмиг растеряла флер могущества, превратившись из вездесущей паутины в скопище озверевших романтиков. Впрочем, Дженину кажется, такое определение они приняли бы на ура.

— Ой ли? А вы сами далеко ушли? Столько лет воюете с непойми чем. И вас это не останавливает. По принципу — не прекратить, так обезвредить, не исправить, так помешать.

Джен насупился. Правда глаза колет.

— И кто же вас финансирует?

— Никто, — удивляется Савва, будто Джен сморозил глупость. — Что финансировать-то? У нас ни офиса, ни техники, все сидят по домам за своими ноутами. Изредка, если нужно сгруппироваться, Падре арендует на день-два квартиру или пару кабинетов в тихих ебенях. Кто хочет, участвует в операциях, кто не может — на подхвате.

— А как же полиция, записи камер, данные расследований? Вам их бесплатно отдают?

— Алле, мы против коррупции, помнишь? У нас везде свои люди. И взламывать ничего не нужно. Отправляешь запрос, получаешь ответ.

— Тусня победившего социализма, — язвит Джа, выключив воду. Оборачивается, вытирая полотенцем руки. — Ладно, какие на сегодня планы?

Сжавшись на стуле в колючий комок, Савва бурчит:

— Мне срочно надо почистить карму, я физически ощущаю весь налипший пиздец. Очень хочется войти в подобие транса и разобраться что к чему. Поэтому основной план — рыть носом сети, искать следы ублюдка, о существовании которого нет ни единого намека, может, смотаться на Красный проспект и осмотреть все своими глазами. А еще жалеть себя и пить в хлам.

— Я тебе не позволю, — заявляет Джа резко. — Ты же в отпуске?

— Взяла неделю по семейным обстоятельствам.

— Вот и хорошо.

Джену странно видеть друга таким — собранным, взявшим не власть, но опеку над кем-то, сломанным сильнее, чем он сам. Савва не спорит, покорно пожав плечами, молчит, уткнувшись в коленки.

— Косе не звонили? — Джен дожевывает последний сырник, соображая, что бы еще съесть. От вчерашнего в желудке разверзлась бездонная яма, готовая перемолоть и собственные кишки, если не подкинуть топлива.

— Похороны послезавтра, — отвечает Савва. — Просил не кипишить и не задалбливать.

— Может, все-таки заехать? — предлагает Джа. — Коса мужик суровый, сдыхать будет, помощи не попросит.

Джен кивает.

— Вы смотайтесь, а я Нортонем займусь.

Последние капли кофе оседают пеной на языке, Джен сует кружку обратно в кофемашину, запускает новый цикл и лезет в холодильник. Достает колбасу и сыр.

— У нас хлеб закончился? — спрашивает удрученно, глядя на опустевшую корзину.

— Мы на обратном пути купим.

Накромсав колбасу кусками, Джен жует ее, стоя, вприкуску с сыром настолько твердым, что он крошится и приходится наклоняться над столешницей, чтобы не усыпать пол. Со второго этажа доносятся звуки сборов — половик в комнате Джа лежит только у кровати, поэтому каждый шаг слышен отчетливо. Джен может даже проложить траекторию, по которой пророк с подругой мельтешат между шкафами, стулом, на котором постоянно валяется одежда, и кроватью.

— Мы поехали, — Джа заглядывает в кухню, машет рукой.

— У Саввы мой номер есть?

Джа подвисает в раздумьях на мгновение.

— Если нету, сейчас добавим. Джен, все будет нормально.

— Если вдруг... Если отключишься, пусть сразу звонит мне, скажет адрес, я приеду за тобой.

Джа согласно кивает и исчезает в доме. Еще несколько минут шуршат шаги, хлопает дверь, с улицы в распахнутые окна врывается рокот двигателей и лязг замка на воротах. Оставшись один, Джен замечает насколько отвык от этого ощущения. Отовсюду доносится шум, гул, треск, но для Джена дом наполнен звенящей, отупляющей тишиной.

Будто его слуховой аппарат перестал распознавать звуки, отличные от возни присутствия рядом другого человека.

Будто Джен перенастроил себя на единственную задачу, и теперь ее отменили.

Из-за угла выполз включившийся по таймеру робот-пылесос, протащил свое низкое пузо по диагонали кухни, ткнулся в косяк и, развернувшись, пополз в обратную сторону. Джен наблюдает за ним с любопытством энтомолога. Щетки загребают по дощатому полу, монстр сует нос во все щели, пока не застревает в ловушке двух стульев — он стучится в ножки, в одну за другой по кругу, заданный программой градус разворота не позволяет выбраться, направляя снова и снова к препятствию.

— Тупое ты создание, — ругается Джен, подняв один из стульев, и бурчит под нос: — Сам будто лучше. Такой же упертый баран.

Пленник выскользнул и поплелся прочь, жужжа что-то на своём пылесосьем наречии.

Во дворе серым оползнем спустился смог. Пахнет гарью — кто-то жжет сорняки. Дождем и не пахнет. Джен нехотя отпирает ворота мастерской, сегодня у него особенный пациент.

Нортон терпеливо ждет, пока Джен переоденет футболку, соберет с полок набор первой помощи. У байка скошен бок — не смертельно, но царапины на хроме глубокие, шлифовкой никак не обойтись. В другой раз Джен взялся бы сам обварить выхлопную, он это уже проворачивал с парочкой бывалых мотоциклов, но Нортон должен быть идеальным, а значит в силу вступает Закон лучшего мастера — «Хочешь безупречный результат, отдай тому, кто сумеет сделать лучше всех».

За годы возни с мотоциклами Джен оброс контактами умельцев разной руки. Нужный мастер значится в памяти смартфона как «Мужик с завода», его работу Джен видел, в первый раз даже не сразу опознал отданную в ремонт переднюю вилку, которая вернулась будто заново отлитая. Этому доверять сокровище можно.

Разговор занял всего пару минут. Джен прячет телефон в задний карман, делает шаг к байку и на миг теряет координацию. Схватившись за руль Нортон, Джен дышит рывками. Давит виски. Уши заложены как на взлете в «Аэрбасе». Глаза режет мягкий свет лампы под потолком. Джен приходит в себя быстро, но его немного мутит и дико хочется пить.

А может и выпить.

В углу под верстаком сложены три упаковки бутылок с питьевой водой, раздербанив одну из них, Джен жадно глотает, высушив сразу половину бутылки. Несколько полегчало. За всю свою жизнь Джен не помнит таких сбоев в организме — без повода, на ровном месте. Отдышавшись, и прихватив еще одну бутылку, он возвращается к Нортону. «Если я загнусь, ты должен быть в идеале», — мелькает ракетой. Джен зло глядит на побитый мотоцикл, затем — на брошенную распотрошенной Хонду, от которой его все время отвлекают. В мастерской слишком тихо даже с распахнутыми настежь воротами. Протянув руку, Джен включает магнитола и под первые ноты «A beautiful lie» берется за инструменты.

— Он здесь!

Крик Джа раздается так громко и неожиданно, что Джен роняет открученную гайку, и она катится по бетонному полу, пока не заваливается набок посреди прохода.

— Ты в порядке?! — орет пророк сквозь вопли «марсиан» и, подлетев к магнитоле, выдирает шнур из розетки. — Ты почему на звонки не отвечаешь?

— А ты звонил?

— Я видел тебя! То есть, тобой! Я был в тебе! — сбивчиво кричит Джа и, опомнившись, произносит тише: — Они добрались до нас, понимаешь?!

Джен привык думать быстро, решать сразу и действовать тут же, на инстинктах. Но сейчас он смог только опустить взгляд на ладони, испачканные маслом. Инквизитор всегда был уверен в своих руках, он всегда был им хозяином.

— Кого я..? — хрипло выдавливают он огрызок вопроса.

— Никого, — Джа шарит взглядом в поисках расхлябанного табурета, он стоит слишком далеко, поэтому пророк просто прислоняется плечом к стене. — И это пиздец как странно.

— Расскажи, что я делал, — просит Джен. В ногах правды нет, присев сбоку на сиденье Нортон Джен старается сохранять спокойствие, но наметанный взгляд выхватывает со всех сторон отвертки, ключи, струбцины, канистры с бензином — десятки острых, тяжелых,

горючих предметов, десятки способов убить... кого?

— Ты осматривал наш дом, — Джа нервно оборачивается на шаги и продолжает, увидев в дверях Савву. — Начиная с первой же секунды. Сначала запоминал свое положение в пространстве, ты стоял вот тут, у Хонды. Затем изучал мастерскую. Досконально, залез в каждый угол. Вышел во двор, обошел оба сарая, после этого зашел в дом. В доме — та же схема. Осмотрел все комнаты, залез во все шкафы. Даже на чердак забрался. Кстати, у нас слишком дохрена хлама скопилось. А потом вернулся сюда, встал ровно в то место, где стоял вначале, даже позу принял ту же, и... все.

— Когда ты видел?

— Да только что! Мы у Косы были, хорошо, ему не до меня, Олька оттащила в кабинет. Как в себя пришел, мы к тебе рванули, — Джа срывается с места, мечется по мастерской, как по клетке. — Какая у тебя может быть связь с остальными? — спрашивает и сам же отвечает: — Да никакой! Это получается, они в любой момент могут залезть в твою голову, в мою, в ее. Короче, с этого момента никто не остается в одиночестве ни на час. Тигр, сегодня же съездим за твоими вещами.

— Вообще-то...

— Не спорь со мной, пожалуйста.

— Джа, лучше сделать наоборот. — Джен поднимается с байка. Задумчиво ерошит волосы обеими руками. — Раз они сходили на разведку в мои мозги, значит, я в любой момент могу тебя убить. Оль, если к тебе нельзя, снимите квартиру. И надо придумать, чем вы в принципе от меня будете защищаться.

— Транквилизаторами? — бросает Савва и осекается тут же. — Извини, тупая шутка.

— Почему же? Я лучше посплю, чем словлю пулю. Достать сможешь?

— Есть один парнишка, — неуверенно произносит Савва. — Из службы отлова животных.

— Спроси у него, чем можно меня отрубить. Кстати, Джа, ты говорил, что звонил мне.

— Я звонила. Когда он отключился.

— Да, — пророк морщит лоб, внезапно вспомнив. — И я видел звонок тебе с Олькиного номера, но они не стали отвечать, просто мобилу вырубил.

Джен лезет в задний карман, достает смартфон. Экран не откликается на прикосновения, Джен нажимает запуск и пока подгружаются службы, тупо глядит на заставку.

Один пропущенный, тринадцать сообщений о звонках.

— Только этого, блять, не хватало.

— Что еще не так? — спрашивает Савва с опаской.

Джен показывает экран, и Джа перестает мельтешить, застывает посреди мастерской.

— Я видел не будущее? — произносит он беспомощно. — Это было... Уже?

— Похоже, твой закон обратного отсчета больше не работает, — Джен возвращает телефон в задний карман, чтобы подавшись ярости не разможжить его об стену.

— Работает, — отвечает пророк. — Отсчет пошел. Но в этот раз мишени — мы.

Не страшно. Джен помнит, каким немым ужасом пронизывает вид направленного в тебя оружейного дула — не разжать губ. И истинная храбрость проявляется в способности стоять твердо. Покрывать потом, дрожать, орать во все горло, искать возможность увернуться, но не бежать от опасности. Джен никогда не убегал, хотя страх взятой на мушку цели ему отлично знаком.

Сейчас Джелу не страшно. Ему гадко. Он инстинктивно, не замечая этого, вытирает ладони о джинсы, но грязь, налипшую изнутри, так просто не сотрешь ни одним очистителем. Его поимели, изнасиловали, трахнули так, что он даже не заметил.

— Но есть и хорошие новости, — Джен поднимает с пола укатившуюся гайку и возвращается к раненому мотоциклу. — Теперь мы знаем, с чем имеем дело.

— Просвети? — просит Джа бесцветным голосом и устало садится прямо на грязный бетон.

Джен нашарил позади себя старое двухместное сиденье с ободранной коричневой кожей, подтолкнул к пророку. Подтянув его под себя, Джа садится на край, оставив половину для Саввы.

— Происходящее выглядит так, будто нас заметили, — рассуждает Джен, вызволяя выхлопную систему Нортона. — Эти убийства кем-то управляются, и они обратили на нас внимание. Во-первых, через меня они пришли просто посмотреть. Возможно, они искали в доме то, чем мы их отслеживаем.

— Кстати, надо проверить одну странность, не показалось ли мне, — метнувшись к концу верстака, Джа садится на корточки перед коробкой с непарными мелкими запчастями и достает оттуда оранжевое стекло от поворотника. Вертит в руках, разглядывает внимательно. — Я видел, как он здесь рыскал и случайно пнул коробку. Это стекло выпало, он наступил пяткой и раздавил его. Краешек. А потом... А потом он просто наклонился и вернул его в коробку. Целое. И я не понял, что это было.

— Сюрр какой-то, — мотает головой Савва.

— Он самый. Что там у тебя во-вторых?

— Во-вторых, — Джен подвисает, вспоминая, о чем хотел сказать. — Во-вторых, я был в этот момент один, и это не случайность. Они явно пытались скрыть свое присутствие. Опять же — сбросили звонок, чтобы себя не выдать.

— Значит, они нас видят, — догадывается Джа. — Каким образом?

По железу «клиентских» ворот долбят кулаком. Настойчиво.

— Я гляну, — подрывается Джа. Бесшумно прокравшись между застывшими плотным рядом спортбайками к монитору видеокамер, установленному Дженом в мастерской как раз на случай осады, Джа выдыхает с облегчением. — Это Макс с Птенчиком. Пойду калитку открою.

— Так и думала, что примчатся, — бормочет Савва, поднимаясь с сидения. Идет следом за Джа к выходу в сад.

— Ты им звонила?

— Написала про Джелу. Мы ведь обещали держать их в курсе.

Они исчезают в саду, голоса доносятся далеким миражом уже и нет уверенности, слышит их Джен или домысливает. Инквизитору страшно всерьез. И непонятно, что делать дальше. Сжав кулаки, он хрустит суставами, чтобы убедиться в их послушности. Оборачивается к мотоциклу как к последней понятной ему конструкции, как к близкому другу и обещает ему не сдвинуться с места, пока не разберет пострадавшие детали.

Макс первым появляется в мастерской. Крепко жмет Джелу руку, кивает на растерзанный Нортон:

— Тебе помочь?

— Уделаешься весь, — предупреждает Джен. И заметив разочарование, вспоминает их первый разговор в мастерской. — У выхода в тумбочке спецодежда лежит, у нас вроде один

размер.

Пока Солдат меняет экипировку, Джен выкатывает Нортон в проход, поставив поперек, чтобы места с пострадавшей стороны хватило для двоих. Достает второй комплект инструментов.

— Видишь, как сточился? — спрашивает Макса, показывая на глубокие царапины. — Нужно снять все это хозяйство, промыть и увезти к одному знакомому мужику. Он обварит трубы поверх металлом, зашлифует, и они будут как новенькие.

— А бензобак? — Макс проводит ладонью по расцарапанному боку.

— Это фигня, сами покрасим.

— А ты сам как?

— Я в порядке, — лукавит Джен. — Гадко, злит, но зато кое-что проясняется.

— Я просто подумал, — говорит Макс, глядя Джелу в глаза. — Если повторится, я смогу тебя скрутить. Чтобы не натворил чего. Это ж не ты будешь.

— Спасибо, — искренне благодарит Джен. — Очень кстати. По крайней мере, пока Савва не достанет транквилизаторы.

— Еще можно взять шокер, но черт его знает, подействует ли он на зомби.

— А почему нет? Блядь, Макс, знаешь, сколько людей сейчас были бы живы, ходи я изначально с шокером? Дохера! Но так шансы, что нас сдадут, увеличились бы вдвое. Поэтому с самого начала выбор был только между кулаком, огнестрелом и холодным. Чтоб наверняка.

— Эхо войны, — цитирует Макс второго «Брата». Сворачивает с опасной темы. — Ладно, давай, показывай, где откручивать.

В четыре руки работа идет быстрее. Джен не ошибся, Макс прикипел к мотоциклам крепко, задался целью разобраться для чего каждая деталь предназначена, ловит каждое слово, дотошно переспрашивает. Джа, вернувшийся в мастерскую, похоже, решил не переключать канал на ужасы их городка. Он втянулся в разговор, подает с подставки ключи, травит байки про клиентов. Наконец, разобрав с поврежденной стороны всю систему от колена до глушителя и разложив по ванночкам отмокать на свежем воздухе в керосине и каустической соде, все трое расселись на пороге мастерской и молчат, глядя в тяжелое свинцовое небо.

Ближе к вечеру, когда детали Нортон очищены и собраны в холщовую сумку для отправки к мастеру, Макс задает Джелу вопрос, который мучает его со вчерашнего дня.

— И на чем ты пока ездить будешь?

— Сейчас увидишь. Иди, заводись. Я отсюда стартану.

Уходя из мастерской, Макс скользит взглядом с байка на байк. У Джелы их пара десятков, но чем заменить Нортон Максу не догадаться. Старый друг, на котором Джен объездил несколько городов, с которым не раз застревал в глухих лесах и даже попадал во внезапную пургу, когда за пару часов температура рухнула с +15 до -6, а ветер начал швыряться мелкой снежной дробью, застав Джелу на трассе между сибирскими городами. Этот мотоцикл отдыхает на особом месте, в нише, огороженной каркасом из железных труб с наброшенным поверх тентом. Как зверь в клетке. Джен его так и называет — Хищник, в основном за прожорливость.

Чтобы высвободить Хищника на волю, приходится отогнать в сторонку три грузных чоппера. Приладив сумку с деталями в багажную корзину, которую забыл снять с последней поездки, Джен отпирает клиентские ворота и распахивает одну створку ровно настолько,

чтобы выехать. С улицы уже доносится рев Фаера. Джен заводит двигатель, дает Хищнику немного прочистить горло на низких оборотах и, оседлав, с рокотом выезжает из гаража.

— Это что за хрень? — кричит Макс, как только мощная туша Хищника выкатилась на асфальт.

— А разве не видишь?

Джен спешивается, чтобы закрыть ворота, но Джа машет «забей, я сам».

— Эти цилиндры сложно с чем-то спутать! — Макс подъезжает ближе, чтобы лучше рассмотреть. Тянет руку к черному нигрипсу. — Бензобак родной же? Ахренеть! А ты зачем Урал в черный выкрасил, ирод? Он должен быть ядрено-зеленым!

— Ты отстал от жизни. Их сейчас и цвета хаки выпускают. В крапинку.

— Новые пусть хоть в клеточку делают. А этот... Он какого года?

— Восемьдесят второй.

— Огонь-машина, — Макс наклонился, разглядывая внутренности байка. — Родного осталось много?

— По большому счету, мотор, рама и обвесы. Остальное все перестроено.

— Ты, похоже, из любого говна конфету сделать можешь, — говорит Макс с уважением.

— Если понимаю, как оно работает.

Джен ныряет головой в шлем, устраивается верхом. После перешитой подушки Нортон винтажное ураловское сиденье кажется деревянным табуретом. Джен давно собирался его поменять, но все откладывал. Кто ж знал, что придется ездить с саднящей задницей? «Ничего, я и до тебя доберусь, — обещает Хищнику Джен. — Вот только разгребу навалившееся дерьмо, починю Нортон, и сразу займусь тобой».

И только через пару километров вспоминает, что обещал то же самое Хонде.

На обратном пути от мастера Джена и Макса догоняют сумерки. И без того тяжелое небо опускается прессом на город, поглощает квартал за кварталом. Яростных попыток фонарей и окон разорвать тьму хватает только на невнятные желтые островки. Душный воздух просит дождя.

На очередном перекрестке Джен показывает Макс, что нужно свернуть. Самый центр города, элитный квартал, дома-свечки из желтого кирпича с витражным остеклением, что само по себе в Сибири — блажь и роскошь, учитывая стоимость тепла. Подъехав к шлагбауму одного из дворов, Джен отправляет голосовое через мессенджер: «Мы здесь», и полосатая стрела нехотя поднимается.

В ухоженном дворе на два подъезда три парковки, разделенные шарами кустов. Один из БМВ приветственно мигает аварийкой, Джен подруливает к нему и глушит мотор.

— Садитесь в машину, — доносится изнутри авто.

Джен нехотя слезает с мотоцикла, снимает шлем. Несмотря на близость одной из самых оживленных улиц Икстерска, здесь тихо. Пахнет цветами — этими желтыми душными бархатцами, которые Джа поклялся больше никогда не разводить возле дома, потому что Джен пригрозил в следующий раз повырывать их с корнем и скормить соседским курам. Или кому там можно скормить полынь, замаскированную под астру?

Оглядев двор, Джен садится в машину.

— Привез? — спрашивает у Романова, пожимая руку.

Аристократ кивает, здоровается с забравшимся на заднее сиденье Максом и протягивает Джелю нарядную коробочку с логотипом местной ювелирки.

— Извини за упаковку, специальных футляров не мастерили.

— Да, я оценил жест, — усмехается Джен, снимая крышку.

Внутри лежат умные часы. С виду — обычная китайская поделка, какие возят с Алиэкспресс по пятьсот рублей за штуку — пластиковый корпус, квадратный экран с черными цифрами из восьми сегментов, синтетический ремешок. Джен вертит безделушку в руках, нажимает кнопку меню, скроллит по экрану, читая перечень простейших функций.

— Что они делают? — спрашивает, наконец.

— Большинство функций стандартные — это замер пульса, давления, с твоим смартфоном синхронизацию сейчас тоже настроим. Позволь.

Романов берет часы из рук Джена, зажимает пальцами с двух сторон то, что Джен принял за заклепки штифта, крепившего к часам ремешок. Экран моргает и выдает меню поинтереснее.

— Настройки вот здесь, — показывает Романов. — Помимо штатных датчиков, здесь встроена масса электроники, которая сканирует твоё текущее состояние, сравнивает в эталонным, мы его сейчас запишем, и в случае серьезных расхождений, отправляет сигнал бедствия. Я настроил оповещения на свой номер, добавь Джа или еще кого считаешь нужным. Теперь... Сообщение уйдет не сразу. Мало ли какая оказия произойдет, адреналин у тебя подскочит, прежде чем отправить предупреждение, часы дадут звуковой сигнал, вот такой, — Романов зажимает «заклепки» теперь уже внизу корпуса, часы издадут короткий писк. — Как только слышишь сигнал, выключай его вот так. Не знаю, как договоришься с другими, но я тебе всегда буду перезванивать. Нужно придумать кодовый вопрос и самый

идиотский ответ на него. Например... Например, «какие цветы любит баба Клава». Идиотский ответ?

— Металлические, — не задумываясь, выдает Джен.

— Путь будут металлические. Если тобой в этот момент будет кто-то управлять, он либо не ответит на звонок, либо до металлических цветов не додумается.

Джен пожимает плечами.

— Может сработать.

— Обязательно. Но лучше бы случая не представилось. Кстати, с транквилизаторами отличная идея.

— Они, оказывается, есть в свободной продаже. Симпатичный такой револьвер, увесистый. В комплекте сотня дротиков. Доза в них, правда, разве что на кошку. На меня весь барабан уйдет.

— В первый раз вижу, чтобы лицензию на свое убийство выдавали. Может, лучше электрошокер? — Романов лезет в карман, достает пачку длинных, тонких как он сам сигарет. Слегка приспустив окно, подкуривает от зипповской зажигалки.

— Транквилизатор надежнее.

— Тебе виднее, — соглашается Романов. — Я вот что еще хотел сказать. В часы встроен хитрый приемник. Если к тебе снова подключатся, мы попытаемся узнать, что это и откуда исходит.

— А если нет? — сомневается Джен. — Кого-нибудь дважды цепляли?

— Нет.

— Тогда, если эта штука сможет засечь источник, давай ее на Джа нацепим! Он пока единственный, кто ловит приходы постоянно.

— Я бы согласился с тобой, но часы у нас всего одни, а вреда в случае новой атаки ты нанесешь гораздо больше, чем Джа. Уж извини. В конце концов, единственные гарантии, которые может дать эта штука, она сто процентов предупредит нас о вторжении. Чего не скажешь о пеленге. Поэтому давай решать те проблемы, которые мы можем решить.

Джен соглашается, нехотя. Цепляет часы на руку, застежка садится как влитая, не трет, не болтается.

— Водонепроницаемые?

— Конечно. Их лучше вообще не снимать.

— Понял.

Джен прыгает по пунктам меню, находит раздел записи исходных показателей, включает анализ. Он ожидал от опоясывающего запястье сканера физического отклика — покалывания, вибрации, чего-то ощутимого, но часы ограничились индикатором загрузки на экране.

— Откуда они? — спрашивает Джен.

— От местного Бесслера, — улыбается Романов. — Знакомый парнишка, живет в полстах километров от города. Сколько его помню, пытается построить вечный двигатель. И ведь построит же. Когда-нибудь.

— Откуда у нас в селе такие спецы? — спрашивает Макс, до этого момента сидевший тихо.

— Таких много по стране. Понимаешь, это раньше Ломоносовым нужно было пешком в Москву идти, а сейчас они учатся сами, зачастую вообще без университетов. Сидят по деревням, майнят крипто в сараях, чтобы просадить ее в фэнтезийной РПГ, которую пишут

такие же ломоносовы из соседней деревни. А в перерывах между боями эльфов с орками конструируют вот такие игрушки, — Романов показывает на часы, — забавы ради.

Индикатор в очередной раз заполнился и исчез.

— Что теперь? — спрашивает Джен.

Романов разворачивает его руку экраном к себе, быстро пробегает по меню, проставив несколько галочек, и отпускает.

— Вроде все. Езжайте домой. И надеюсь, эта ночь будет спокойной.

— Спасибо, — Джен крепко пожимает Аристократу руку. — По делу Юли ничего не слышно?

— Нет. Все настолько гладко, что чувствую подвох. Если что-то выясню, я обязательно позвоню.

Кивнув на прощание, Джен выходит из машины. Одергивает рукав куртки, закрывая новый девайс. Привыкает к дискомфортному ощущению утяжеленного запястья. Жить не мешает. Надежда хлипкая, но хоть какой-то контроль.

Вопреки изначальным планам решили не разъезжаться по разным квартирам, а напротив, держаться вместе. Макса с Алекс устроили в спортзале на громадной надувной кровати. Во все комнаты врезали купленные по дороге замки. Разбрелись по углам уже далеко за полночь, вымотанные.

И все же небольшая вмятина на бензобаке Нортонна есть. Заиклившись на выхлопной, Джен ее попросту не заметил, теперь раздосадован, что просто покраской не обойтись.

— Она ж маленькая, молотком просто изнутри долбануть и выправится.

Джен глядит на Макса, как на изверга. Пытается придумать красочную аналогию с членовредительством, но в голову приходят только выбитые челюсти и сломанные руки, которые по сути повреждений не подходят.

— Там внутри антикоррозийное покрытие. Ты его отобьешь к херам.

— А как тогда?

— Магия! — Джен подтягивает под себя табурет. — Сейчас снимем бак, закутаем в тряпки и зальем бензином на сутки. Я его сольвентной красил, она кусками отойдет. Потом на вмятину приклеим специальные присоски и вытянем металл.

— Руками что ли?

— Любой частью тела, достаточно крепкой для этого.

Макс чешет макушку. Хватается за ключ. Вместе они быстро освобождают топливный бак из тисков.

— Я завтра на смене, — предупреждает Макс, пока Джен бережно укутывает бак старым тряпьем. — Сутки через трое работаю. Так что, не смогу подстраховать. Извини, брат.

— Ничего. Романов подстрахует. Ну и транквилизатор у Саввы всегда наготове. Мне вообще кажется, она только и ждет повода мне его всадить.

— Я бы тоже на это посмотрел, — смеется Макс. — Хотя, лучше не надо.

Уложив закутанный бак в громадный черный пакет, Джен аккуратно заливает его бензином, Макс поддерживает за края. Когда округлый бок тонет полностью, они выгоняют из пакета воздух и крепко завязывают узлом.

— Ну вот, теперь до завтра пусть лежит.

У Джена в кармане вибрирует мобильник, но руки грязные — не достать. Отмотав парочку лоскутов одноразовых полотенец, Джен вытирает ими замасленные ладони, затем промывает с мылом в раковине. Телефон уже смолк, но не сумев дозвониться, Савва оставила сообщение. Две фотографии то ли с уличных камер, то ли с регистраторов, одна хуже другой. На обеих — женщина, стоящая на тротуаре. Места разные, неприметные, ни один знаковый объект не попал в кадр. Джен открывает фото, которое получше, увеличивает его насколько возможно, вглядывается в смутно знакомое лицо.

На звонок Савва отвечает после первого гудка.

— Привет, откуда снимки? — спрашивает Джен.

— Одно сделано во время юлиной смерти, второе — когда ты с байка навернулся. Ты эту мадам знаешь?

— Не то, чтобы знаю. Пересекались пару раз случайно, — говорит Джен, понимая, что слово «случайно» уже не подходит. — Один раз я с ней в магазине столкнулся, на ногу наступил. Второй — в тире. Она уходила, когда мы приехали.

— Супер! Они же записывают паспортные данные всех, кто приходит. Позвонишь сейчас?

— По телефону не дадут. Надо ехать, поговорить с Павлом.

— И? Когда едем?

— Переодеться можно?

— Только быстро.

Вот же настырная. Джен сбрасывает звонок.

— Спорить бесполезно, да? — спрашивает Макс с пониманием. — Меня Олька первое время бесила жутко. В основном из-за того, что Санька постоянно идет у нее на поводу. Я потом уже понял, что с ней спорить бесполезно и проще согласиться, а потом втихую сделать как считаешь нужным. Сашка-то давно ее знает, уже подстроилась. А я... Иногда прям удушил бы. Мне кажется, или Джа такой же?

— Не кажется, — отвечает Джен, передеваясь из рабочей униформы в домашнюю одежду. — И он все еще жив, благодаря именно этому.

— Ясно, — кивает Макс. Он уже перекинулся в чистое. Быстро, как оборотень. — Пойду заводиться.

Во дворе под навесом, рассчитанном на вальяжный отдых двух мотоциклов, теперь ютятся четыре — Нортон и Монстер в центре, Фаер с Хищником по краям. Если хлынет дождь, Уралу достанется. Ему в принципе, пофиг, но Джелю обидно, будто из дома выселили.

С самим домом не лучше. Очередь в душ, очередь за кофе, косметички в ванной (господи, зачем им три вида ваты?), ботинки Макса у самого порога и не захочешь — запнешься. Джен тяжело привыкает к вторжению, хотя никогда в этом не признается. И слова против тоже не скажет, потому что благодаря новым союзникам, он может перестать беспокоиться о том, что станет с Джа, если инквизитор даст маху. Теперь о пророке есть кому позаботиться.

— Никогда не задумывался, что это за громада, — признается Макс, заглушив мотор на парковке перед тиром.

— Вывеску ж еще с моста видно, — удивляется Джа.

— Не обращал внимания.

Здрав голову, Макс рассматривает нехитрый фасад, где прямо под вывеской «СТРЕЛКОВЫЙ КЛУБ РУБЕЖ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР» на одном из окон второго этажа тепл красуется пленка с рекламой «ПОДГОТОВКА К ЕГЭ».

— Интересно, — Птенчик встряхивает примятые шлемом волосы — ярко-розовые пряди — и прячется от солнца за широкими черными очками. — А их методика только на ЕГЭ работает или для защиты кандидатской тоже сгодится? Я б воспользовалась.

— И саму кандидатскую писать не придется, — подсказывает Савва.

Джен надеялся застать в тире девочку-скороговорку, ту самую Лену-Олю, с которой можно пофлиртовать и с пользой, и удовольствия ради, но на ресепшене сегодня шкафовидный мужик с отполированным затылком и скучающим взглядом питбуля на цепи, больше похожий на голема, чем на человека.

— Кто сегодня за инструктора? — спрашивает Джен.

— Паша, — хриплым басом отвечает Голем. — Все занято. Ближайшее окно в пятницу.

— А перерыв скоро? Хочу с Павлом поздороваться.

— Десять минут.

— Хорошо. Я подожду на улице.

Снаружи печет вовсю. Хорошо, что тень от здания дотянулась до парковки, можно поставить мотоциклы, не рискуя затем садиться на байк как на медного быка. Спрятаться бы в прохладу тира, но не хочется такой толпой шуметь в холле. Этого в тире не любят.

— У Павла перерыв через десять минут, — сообщает Джен друзьям, сгрудившимся возле уличной пепельницы. — Я предупредил, что жду его. Выйдет, попросим контакт.

— А ресепшен обаять не пробовал? — ерничает Джа. Ему через окно видно, кто за стойкой. Хорошо, что окна наглухо запечатаны, и его не слышат.

— Не моя фактура.

Джа что-то острит в ответ, Джен улыбается механически, делает вид, будто подтрунивания достигают адресата, сам же пристально вглядывается в горизонт, туда, где у самой опоры моста припаркован авто с приметной расцветкой. Если Джен не ошибается, этот черно-белый паркетник Рено шел за ними почти от самого дома.

— Привет, парни. Ой, и девушки. Как вас много сегодня. — Павел выходит из тира с неизменной широкой улыбкой, словно она вытатуирована на лице также, как красочные картинки по всему телу, пожимает руки. — Пострелять решили?

— Даже если б захотели, у тебя все расписано, — говорит Джен. — Поэтому считай, что я к тебе с личным вопросом.

— О как! Вообще-то по графику сейчас обед, но я уже неделю как на жесткой диете, — Павел хлопает себя по едва наметившемуся брюшку. — Так что, без проблем. Умеющие могут пострелять, не умеющих могу ввести в курс дела. Паспорта с собой? Быстренько оформляемся и пошли.

На ресепшене быстро выяснилось, что стрелять не умеет только Алекс. Более того, девчонка ни разу в жизни не держала в руках оружия, опаснее кухонного ножа или дротика, которыми в парках предлагают пробить разноцветные воздушные шарики за приз. Даже в развлекательных тирах с потасканными винтовками стрелять позволялось только Макс, потому что именно он хотел быть в глазах подруги сильным, смелым и умелым. Алекс подыгрывала с великодушием более зрелого человека. Но непосредственная близость настоящего тренировочного тира вызвала у девчонки неподдельный восторг.

— Что это? — она тычет пальцем в чугунную конструкцию в углу, похожую на урну,

забитую странным веществом, которая накрепко вкручена в пол.

— Пулеулавливатель, — отвечает Джа. — Сюда приходят со своим оружием, но прежде чем войти в тир, нужно убедиться, что оно не заряжено. Или что шальная пуля не застряла. Для этого требуют выстрелить в пулеулавливатель.

— Так вот как он выглядит. А это настоящие пули в стакан впаяны?

— Не, вряд ли. Это ж сувениры.

— Все равно круто.

Птенчик с любопытством антрополога разглядывает шкафы, в которых выставлены на продажу сувениры, вчитывается в сертификаты и грамоты. Когда подходит ее очередь записываться, она подает паспорт Голему и уверенно заявляет:

— Мне Чезет-75 и десять патронов, пожалуйста.

Голем поднимает на нее взгляд от журнала посетителей.

— Может, лучше глок? Он полегче.

— И хуже сбалансирован, — уверенно заявляет Алекс. Обернувшись к изумленным друзьям, оправдывается: — Я читала.

— Как скажете.

— Алекс у нас — ходячая энциклопедия, — шепчет Савва Джену и Джа. — Читает все, что попадется под руку и тут же запоминает. Даже если не понятно, о чем. Всегда завидую.

Новые друзья полны сюрпризов. Хорошо, хоть приятных.

Пока Голем, собрав со всех паспорта, переключается с журнала посетителей на базу данных, Джен отводит Павла в сторону.

— Слушай, друг, просьба есть, не в службу, а в дружбу.

— Чем помочь? — откликается Павел с готовностью.

— В прошлый раз у тебя перед нами клиентка была. Блондинка. У нее еще глаза такие огромные и кулон на шее, типа ловца снов. Мы с ней пересеклись как-то в магазине, и я ей на ногу как слон наступил, туфли испортил. Можешь найти ее адрес или телефон? Хочу вину загладить, ну ты понимаешь.

— Понимаю, — смеется Павел. — Сейчас. Толик, тебе журнал пока не нужен?

Голем Толик молча двигает раскрытый журнал в сторону Павла.

— Так, дату помнишь?

— Да вот, три дня назад, — вспоминает Джен и поражается, сколько всего смогли вместить в себя жуткие семьдесят два часа.

Пролистав журнал на пару страниц назад, Павел ведет пальцем как курсором по строчкам, пока не останавливается на имени Джена. Поднимается на строчку вверх.

— Вот она. Кондрацкая Елизавета. Да, Лиза, точно она. Толик, черкани ее телефон. Ой, да ладно тебе. Если что, все вали на меня.

С презрением человека, вынужденного совершить преступление под дулом пистолета, Толик царапает на желтом стикере номер мобильного.

— Спасибо, — говорит Джен Голему. Обернувшись к Павлу, горячо жмет ему руку. — Спасибо, друг. Вовек не забуду.

— Да на здоровье. Ну что, народ, времени мало, идемте стрелять.

В тире их встречает запах пороха, предыдущий стрелок расстрелял изрядно патронов, пол густо усеян гильзами. Девочки входят первыми, озираются по сторонам, хотя смотреть, по сути, не на что: огромный длинный бункер, в одном конце висят две мишени в виде

силуэтов, в другом — тоже две в виде круга, вход в самом центре, на стене напротив — баннер с логотипом во всю длину и верстак для подготовки оружия, слева от верстака — шкаф с очками, справа — сейф. Единственное, что можно поразглядывать в аскетичном логове меткости — поделки из стреляных гильз. Павел рассказывал о традиции, старой как сам тир — каждое охранное предприятие, тренирующее здесь бойцов, должно смастерить сувенир. Так появились массивные часы с циферблатом, где отметки часа и минут составлены из разнокалиберных гильз, гротескные шахматы, оцетинившийся волк устрашающих размеров и другие фигуры, часть из которых хочется назвать искусством.

Павел достает из сейфа пистолеты, карабин для Джа и винтовку для Макса.

— Я в детстве болел биатлоном, — говорит Макс, поглаживая гладкий ствол винтовки Мосина. — Но дальше лыж так и не ушел.

— Биатлонисты с агрегатами посерьезнее бегают, — замечает Павел, отсчитывая патроны. — Так, все идем расписываться. Напротив фамилии дата и подпись. Так, теперь девочки налево, мальчики направо. Ты, — показывает на Макса, — тоже налево, потому что в первый раз у нас. Наденьте очки, они защитят глаза от попадания фрагментарных частиц, и наушники, меня вы все равно будете слышать.

Павел заводит пластинкой стандартный речитатив для новичков. Перехватив поудобнее чезет, Джен целится в зеленый блин мишени. Прежде чем выстрелить, напоминает себе обещание брать в руки огнестрел только в тире, но сегодня его решимость колеблется. Противники играют по своим придуманным правилам. Так стоит ли Джелу ставить себе ограничения?

Выстрел. Второй. Послушный крючок чувствует не палец — мысли Джелы. Третий. Четвертый. Гильзы отпрыгивают вправо, весело стучат о бетонный пол, удивительно, но в наушниках их тоже слышно. Джен выпускает пулю за пулей, глядя в центр мишени, пока к ногам не падает тяжелым размякшим грузом Джа.

Один крик выстрелом раскатывается по тире. Джен падает на колени, отбросив пистолет в сторону глядит на зрачки пророка и выдыхает с облегчением — это не смерть.

— Что случилось? — Павел нависает над Джелом. Остальные сгрудились плотным кольцом испуганные и беспомощные.

— Это приступ, Паш, все в порядке. Но он так минут на двадцать, может больше. Нам нужно его куда-то положить.

— Что за приступ? «Скорую» вызвать?

— Нет, с ним такое бывает. Не беспокойся.

Устроив голову пророка на коленях, Джен ждет от Павла предложений, куда перенести Джа из тира, но инструктор пристально всматривается в неподвижное лицо пророка, как в маску индейцев, будто силится разгадать ее загадку по застывшим чертам.

Джен не беспокоится, как будет объяснять, для случайных свидетелей придумано несколько баек, они с Джа развлекались, сочиняя на досуге истории одна фантастичней другой. Многие уже прошли тест-драйв на продавцах магазинов, водителях такси и других персонажах. Нужно только вынести Джа из запертого тира, чтобы сразу пулей взлететь на байк и успеть. Самое главное — успеть.

Павел растерянно пятится. Опускает удивленный взгляд на руку, которая все еще сжимает учебный макаров. Заряженный. Снятый с предохранителя. И взводит курок.

На долю секунды Джен ловит его взгляд и понимает, перед ним не инструктор Паша, отличный парень и добрый друг, перед ним — кто-то, подчинивший себе расстояние и

время, чья злоба (а может, и не злоба вовсе, так, праздная жажда развлечений) ядом сочится из ниоткуда в их мир, в их город, убивая и издеваясь. Кто-то достаточно жестокий, чтобы постоянно видеть смерть, и достаточно умный, чтобы оставаться невидимым.

И этот кто-то твердой рукой показывает Джэну: «Я все про вас понял».

«Сука», — мелькает мысль. Инстинкт работает четко, Джен натаскивал себя, готовил к моменту, когда стальное дуло будет смотреть в упор на пророка. Он падает вниз, заваливается, закрывая Джа собой, но вместо выстрела слышит хлопок и стук металлической рукояти о бетонный пол. Следом валится тяжелое, не сразу, в два этапа — колени, плечо. Джен поднимает голову. Над оглушенным телом Павла стоит Птенчик, держа винтовку за ствол, как бейсбольную битку.

— Он хотел выстрелить, — спотыкающимся голосом лопочет Алекс. — Он...

— Умница моя, — Макс в два шага оказывается рядом, одной громадной рукой сграбастал девчонку в объятия, укутал успокоить, второй осторожно вынул из дрожащих пальцев винтовку. Уговаривает: — Ты все правильно сделала. Ты просто молодец.

Джена слабо хлопают по боку и он, опомнившись, понимает, что все еще лежит на Джа, прикрывая пророка своим телом со всем его немалым весом.

— Дышать нечем.

— Прости, — вскочив на ноги, Джен подает Джа руку, помогая подняться. — Ты это видел?

— Да, — отвечает Джа, мрачно. Отряхивает серую пыль с черных джинсов, вскидывает на Джэна злой взгляд. — Ты что, бессмертный в одной футболке? Жить надоело, под пули бросаешься?

— А что я должен был сделать?

— Защищать остальных!

«Да насрать мне на остальных!» — едва не сорвалось с языка, Джен вовремя поймал слова, запер за зубами, крепко, до скрежета сжав челюсти. Конечно, не насрать. Конечно, за каждого из них он будет драться до последней капли крови.

— Я не увидел другого выхода, — огрызается инквизитор.

— Не увидел он... Вот то, что этот гад Алекс не увидел из-за шкафа, это сказочная удача. Птенчик, он тебе теперь жизнью обязан.

Прижимаясь к Макс, Алекс слабо улыбается Джэну.

— Мы в расчете.

— Ребят, гляньте сюда, — зовет Савва. Наклонившись над заваленным на бок Павлом, она убедилась, что инструктор дышит, и теперь разглядывает на полу что-то очень мелкое.

Джа присел на корточки рядом.

— Что за шарик? — спрашивает, потянувшись к круглому, с виду — металлическому — шару, который тут же рассыпается в его пальцах бесцветной крошкой, стоило только коснуться.

— Он выкатился из уха, — говорит Савва. — Я видела.

— Парни, что теперь делать-то будем? — спрашивает Макс.

В ответ ему дверь лязгнула замком, и грубый голос по ту сторону предупредил:

— Бросьте оружие. Стрелять будем на поражение.

Сколько прошло времени? С того момента, как Джа, подкошенный видением, рухнул, едва не зацепив линию огня дженова чезета — по ощущениям, минут пять, семь. А с той отметки, когда Алекс, схватив винтовку впервые в жизни, как смогла защитила Джа (и Джена) — минуты три, четыре. По закону любая оружейная комната, любой стрелковый тир находятся под охраной силовиков, и при малейшем инциденте на объект несется экипаж нацгвардии. Если бы Джа не был пророком, а Алекс сдрейфила, за это время их всех могли перестрелять из одного магазина, и Павлу досталось бы.

«Кстати, что будет, если невольный убийца прострелит себе башку? — думает Джен. — Что будет с тем, кто скачет по чужим телам, как в порталы?»

— Мы-то оружие давно побросали, — кричит в ответ Савва. — Можно подумать, вы в камеры не видите.

По закону каждый угол стрельбища должен быть в прицеле объектива. Джен вспоминает о плазменной панели над стойкой ресепшена, которая транслирует происходящее внутри тира. Лишь бы помимо трансляции велась запись.

— Заходим, — откликаются снаружи.

Их двое, рослые, в камуфляже, с грачами наизготовку. Первым входит тот, что постарше. Разница в возрасте, может, и невелика, но небрежная щетина и заточенный взгляд выдают в бою выслугу посерьезнее, чем у компаньона. Быстро пересчитав людей в комнате и оценив положение рук каждого относительно разбросанного повсюду оружия, Старший прячет ствол в кобуру. Бросает напарнику: «Собери пушки», а сам подходит Павлу, щупает пульс на шее.

— Это я его так, — сознается Алекс. Макс одергивает ее, но девчонку не остановить. — Он пистолет на Джа наставил, и я его прикладом огрела. Первое, что под руку попало.

Старший с нескрываемым любопытством смотрит сначала на девчонку, уложившую инструктора по стрельбе, затем на крепкого набыченного парня, в чье плечо она вцепилась.

— «Скорую» вызвали? — спрашивает он, не отводя взгляд от парочки.

— Да, едет, — отвечает Толик, вросший в дверной проем — ни зайти, ни выйти.

— Сейчас все выходим по одному в холл, садимся на диван. Резких движений не делать. Вы, — явно Толику, — проверьте оружие, доложите, все ли на месте. Денис, выходи первым.

Денис раскладывает на верстаке собранные по залу стволы, идет к двери и останавливается перед Толиком. Они меняются местами, пост сдал — пост принял, Денис делает еще два шага вглубь коридора и командует оттуда: «По одному».

Места на диване немного, хватило бы разместиться четверым, но Джен с Максом, не сговариваясь, садятся на подлокотники с обеих сторон, как бодигарды, готовые в любой момент вскочить. Денис, прочитав их маневр, усмехается, как над ребячеством. Сам он прислоняется к стене напротив в свободной позе, которая была бы миролюбивой, не играй пальцы с кобурой.

— А разве вы имеете право нас задерживать? — спрашивает Савва.

— Ага, — отвечает боец. — Даже чоповцы имеют право задержать до приезда полиции. А мы сами — полиция. Если хотите, можем сразу поехать в участок.

— Лучше без этого, — миролюбиво соглашается Джен.

Из зала стрельбища доносятся голоса. Павел пришел в себя, слышно, как Старший его

расспрашивает, но слов не разобрать, только интонации долетают до напряженного слуха инквизитора: растерянная — Павла и пытливая — бойца.

— ... посмотрим видео и решим, как дальше действовать, — говорит Старший, выходя в холл.

Павел идет следом. Вид у него помятый, будто с тяжелого похмелья, после вечеринки, закончившейся на скамейке в сквере. Он сухо здоровается со всеми, падает в кресло, которое Толик выкатил для него из-за ресепшена.

— «Скорую» отмените, я в порядке. Если надо будет, сам съезжу.

Толик недоволен, но все же набирает 103, чтобы не гонять карету попусту, вдруг кому-то она срочно понадобится.

— Перемотайте запись, — просит Старший, заняв позицию у плазменной панели.

Все уставились на экран. Кроме Дениса, он зорко следит за присутствующими.

Видеонаблюдение в тире ставили профи, каждый сантиметр зала отлично просматривается. Вот они заходят в зал, Джен скидывает куртку, Макс с Джа ржут над распечатанными мишенями в виде террористов, енотов и женских ягодичек в форме яблочка, пока Павел достает оружие, девчонки примеряют наушники, делают селфи в очках. Вот разделились на две группы, новенькие остаются послушать о правилах безопасной стрельбы, Джа с Дженом отходят пострелять в мишени справа. Вот пророк падает на пол.

— Я не помню этого, — Павел подается вперед, вглядывается в монохромные кадры.

— Промотай назад, — командует Старший. — Выведи камеру номер два на весь экран.

Джа понимает, что ищет гвардеец.

— У меня эти приступы с детства. Иногда вот так падаю. Сознание отключается.

Старший оборачивается.

— А один из тех байков на парковке не твой?

— Он со мной пассажиром, — защищает Джен.

— Ну-ну, — боец качает головой. Велит Толику: — Давай дальше.

Следующие кадры смотрят на повторе по два-три раза с каждой камеры, но результат один — Павел отступает от сгрудившихся вокруг Джа, направляет на людей пистолет.

— Может, они что-то сказали? Спровоцировали? — допытывается Старший.

Павел, обхватив руками голову, повторяет:

— Я не помню. Ничерта не помню. Мы с ребятами знакомы уже много лет, и я не знаю, что могло произойти, чтобы я схватился за ствол.

— Послушайте, — поднявшись с дивана, Джа подходит к ресепшену, облокачивается на него так, чтобы видеть и Павла, и Старшего. — Пац, я не знаю, что тебе в голову стукнуло до нашей Алекс, и мне, честно говоря, уже не интересно. Поэтому, если у нас друг к другу нет никаких претензий, может, спишем на недоразумение и разойдемся? Ни я, ни ребята, никакие заявления писать не будем, это точно.

— Я тоже.

— Значит, проблемы больше нет, — говорит Джа Старшему. Но тот качает головой.

— Проблема есть. Если инструктор по стрельбе целится в посетителя, то проблема есть как минимум у инструктора. Вы можете ничего не писать, но заявить наверх я обязан.

— Зачем? Ничего ведь не случилось.

— Это сейчас не случилось, а завтра может.

— Вы серьезно? — вскипает Джа. — Что ж вы такие правильные защитники не работаете на упреждение, когда мужья жен башкой об стены бьют? Хоть зазвонись вам, если

и приезжаете, то через два часа, за которые можно убить, расчленив, сбросить с моста и вернуться домой, сделать вид, что холостой живешь уже лет двадцать.

— А я смотрю, ты знаешь, сколько времени нужно на убить и расчленив. Опыт есть?

— Так, так. Давайте успокоимся, — Джен кладет ладонь на плечо пророка, сжимает с такой силой, чтобы Джа почувствовал даже сквозь гнев.

Но Джа стряхивает с плеча его руку.

— Эта херня человеку жизнь испортит, ты это понимаешь?

— Поосторожнее с выражениями, — предупреждает Денис, и Джен замечает в его руке резиновую дубинку.

— Успокойся, я тебе сказал! — Джен силой усаживает пророка на диван, наклоняется, чтобы сказать как можно тише: — Здесь ты ничем помочь не можешь.

Джен видит, как бурлит сплав отчаяния и злости внутри пророка, но Джа тушит вулкан. Он сдерживает его молчанием все время, пока гвардейцы заполняют акты выезда и отказ от претензий в обе стороны на всякий случай, хоть протоколом и не предусмотрено. Прощаясь с Павлом первым, Джа жмет ему руку, и спешно идет к двери, поскорее вырваться отсюда, на воздух, загаженный близлежащей магистралью, под отвратительное солнце. Его разрывает изнутри желание остановиться, объяснить все человеку, который случайно попал под раздачу, и он сделал бы это, не будь рядом Джена — инквизитора, запятнанного кровью таких же невиновных, пострадавших стократ сильнее. Запятнанного по его, Джа, вине.

Первая дверь, распахнувшись, выпускает пророка в тамбур, к массивной железной преграде на тугих пружинах. Джа жмет кнопку магнитного звонка, он откликается писком, но дверь, подавшись, вроде, вперед, освобожденная от смыкающей силы, замирает. Толкнув ее плечом, Джа неожиданно встречает отпор.

— Народ, дверь отоприте, — кричит он.

Павел выходит в тамбур, нажимает кнопку, толкает дверь. Будто подпертая снаружи валуном, она упрямо остается на месте.

— Да что за...!

Вернувшись в холл, где Старший заканчивает оформление бумаг, Павел просит Толика:

— Дай ключи от задней двери. Входную заклинило.

— А у вас вообще с лицензией все в порядке? — подозрительно шурится Денис.

— Все как надо, — огрызается Павел. Видно, насколько поперек горла ему присутствие в тире гвардейцев с их бумажками, расспросами и тем нахальством, какое цепляется к людям сразу после получения звания «уполномоченного».

Поймав связку ключей, брошенную Толиком через ресепшен, Павел кивает «идите за мной». По длинному коридору, освещенному люминесцентными лампами, идти можно только парами. Джен с Максом, не сговариваясь, разделились — один впереди, второй — замыкает группу, то и дело оборачиваясь на шорохи за спиной. Джен тоже прислушивается к стенам. Старый бетонный монолит шепчет, где-то внутри толстых стен шуршит, будто песчинки осыпаются, скользят по шершавому боку.

Повернув направо, они выходят на лестничный пролет. Здесь неожиданно много света из широкого зарешеченного окна, слева от которого вверх идут ступеньки.

— Нам сюда, — Павел показывает вглубь пролета, на небольшую деревянную дверь, перехваченную поперек огромным металлическим засовом с амбарным замком.

— Хренасе, — удивляется Джен. — Вы здесь осаду держать собирались?

— А ты думал? Это только внутренняя.

За деревянной дверью, действительно, оказалась вторая, столь же массивная и надежная, как у главного входа. И такая же неподвижная.

— Ничерта не понимаю, — Павел с упорством бронетанка толкает дверь плечом, прокручивает ключ в замке и снова толкает.

— Еще выходы из здания есть? — спрашивает Джен.

— Люк на крыше и несколько окон.

— Здесь замок на решетке, — замечает Макс, показывая на окно. — Ключи есть?

— Да, — Павел растеряно перебирает связку. — Надо только понять, какой отсюда.

— Паша, поторопись. — Джен прикладывает ухо к стене. Станный шорох, замеченный еще в коридоре становится объемней и отчетливей, будто песчинок, сыплющихся вдоль стен, становится все больше. — В здании есть еще кто-нибудь?

— На втором этаже бухгалтерия, ну и пассажиры в холле.

Похоже, теперь странный звук из глубин здания уловили и остальные.

— Это что? — спрашивает Алекс.

— Не знаю, — Джен шаркает по стенам взглядом — ни трещин, ни осыпающейся извести. — Но мне это не нравится.

— Так, парни, — вручив Джа ключи, Павел поворачивается к Макс. — Давай, ты в холл, а я наверх. Надо валить отсюда.

Они разбегаются в разные стороны, Павел — вверх по лестнице, Макс ныряет в тоннель коридора. Джа, нервничая, перебирает один за другим маленькие блестящие ключики, пробует подружить их с навесным замком. Джен прислушивается к звукам. Внешние стены монолита молчат, спокойны, а вот внутренние будто наполнены миллиардами непоседливых муравьев.

Что ты такое? Джен роется в памяти, силится вспомнить, где и когда слышал, чувствовал нечто подобное, но разум отказывается помочь, он сам, как скрипучий древний жесткий диск сыпется, не позволяет собрать в общую картину разрозненные кластеры.

Наконец, один из ключей поворачивается, освобождая дужку замка. Распахнув кованые створки решетки, Джа выщелкивает нижний шпингалет, до верхнего не дотянувшись.

— Позвольте, — отстранив Джа и опершись на его плечо, Савва ставит ногу на чугунную батарею под окном и проворно, как по ступеньке, запрыгивает на подоконник. Распахивает окно, впусив раскаленный солнцем воздух, и протягивает руку Алекс, помогает подруге запрыгнуть тем же способом.

— Осторожней! — запоздало кричит Джа, когда девчонки лихо прыгают из окна. Пусть первый этаж, но монолит — не типовой домик, его окна расположены повыше.

— Мы в норме! — доносится снаружи.

По коридору спешно шагают гвардейцы, со второго этажа тоже слышны торопливые шаги. Павел подгоняет семенящих на каблуках барышень.

— Эти тоже через окно прыгать будут? — спрашивает Старший, глядя на спускающихся по лестнице девушек в строгих юбках.

Павел пожимает плечами.

— Денис, давай на ту сторону, принимать будешь, — командует Старший. — Дамы, выходы заблокированы, эвакуироваться придется через окно. Мы вам поможем. Сумку оставьте на подоконнике, мы ее потом подадим. Туфли лучше....

Пока Старший распинается, Джа запрыгивает на подоконник и подает оттуда руку первой девушке. Она, сохраняя выправку истинной леди, привыкшей ходить на шпильках,

носком туфли становится на батарею и так же легко запрыгивает на подоконник. А дальше, присев и свесив ноги наружу, изящно соскальзывает в руки Дениса. Не выпуская сумочки из рук.

— Ну или так, — бормочет Старший, провожая взглядом вторую нимфу.

Шорох в стенах переходит в скрип. В ту противную разновидность трения, которая проходится смычком по нервным окончаниям и заставляет скрежетать зубами. Джа спрыгивает вниз. Хватает под локти Савву с Алекс и тащит подальше от здания. Следом катапультируются из окна Джен и Макс. И в ту же секунду — громкий треск. Будто хрустнула, переломившись, опора, державшая на себе крышу и второй этаж грузного монолита. Грохот оглушает. Рухнувшие куски бетона поднимают столпы пыли. Острая мелочь бьет очередью в спину, сбивает с ног. Падая, Джен видит, как пророк резко дергает девчонок к груди, сталкивает их лбами, закрывая собой, пряча от каменных осколков. Чей-то крик и крепкий мат смешиваются с грохотом, тонут в пыли. Душит кашель.

Несколько секунд — и все стихает.

В ладони впились мелкие зерна. Джен на коленях. Выпрямляется, глядит через плечо на оседающее облако. Солдат рядом, припал на одно колено, заходится в кашле. Наконец, встаёт и тяжело, хромя, плетется в сторону Джа, все еще держащего девчонок. Птенчик вырывается из объятий пророка, бежит к Максиму навстречу.

— Вы в порядке? — кричит Джен пророку.

— Да, норм. А где остальные?

Джен осмотрелся. Неподалеку от них стоят барышни из бухгалтерии, белые то ли от испуга, то ли от осевшей пыли. Та, что постарше, первой взяла себя в руки, звонит пожарным. В паре метров от места, где находилось окно, растерянно озирается Денис. И больше никого. От огромного монолита остался огрызок с рваными краями и балками, торчащими вверх.

— Блять, они внутри, — догадывается Джа. — Джен, остальные внутри остались!

Джен оборачивается на разрушенный тир, дышит тяжело, откашливаясь через вдох. Стена с окном уцелела наполовину, выше каркаса решетки торчат неровные края, деревянные створки явно похоронены под обрушенным бетоном, это значит, что внизу еще и россыпь стекла.

— Они не успели? — спрашивает Джен Дениса.

— Нет.

— Тогда хули ты здесь стоишь?!

Слева от окна устояла несущая стена, справа — груда бетона и торчащая над обвалом, ведущая теперь в никуда лестница. Джен запрыгивает на обломок поперечной балки, глядит вниз, зовет с высоты:

— Павел! Паша, ты жив? Толик? Кто-нибудь слышит меня?

Тишина.

— Твою мать! Они стояли у окна? — кричит Джен Денису. — С той стороны, да?

— Завалы нельзя разбирать самим, — орет гвардеец. — Только МЧС...

— Он спросил, где они стояли, — железным тоном произносит Джа. Он ниже гвардейца на голову и уже в плечах в полтора раза, но если ответа не будет, пророк рванет нахала за грудки и точно впечатает в то, что осталось от стен.

— Напротив окна, — выплевывает Денис.

Выбрав место, Джен спрыгивает на курган обломков. Джа и Макс тоже перемахивают

через зазор стены. В шесть рук они аккуратно разбирают завал. Задача не из простых — прежде чем поднять обломок и отбросить его подальше в сторону, нужно убедиться, что он действительно свободен и не потянет за собой остальные по принципу домино, завалив ребят еще сильнее.

Пугает, что снизу не доносится ни звука, ни шороха.

Секунды отбиваются пульсом в ушах, Джелю кажется, что за две минуты минула вечность. Девчонки убежали проверять, пострадали ли байки, бухгалтерия исчезла с горизонта, поэтому женский голос раздается неожиданно.

— Черные мотоциклы на той стороне здания ваши?

Джен выпрямляется, бросает очередной кусок в сторону. Смотрит на девчонку в белой футболке и мешковатых джинсах. В и без того пересохшем горле встает комок. Интересно, давно ли она перестала носить шпильки?

Инквизитор — единственный, кого она (в теории) может узнать, поэтому Джа загоразживает его собой, как ширмой.

— Наши, — отвечает он и, утирая со лба пот, подходит ближе. — Их сильно завалило?

— Нет, целые.

Им нравились такие встречи. Случайные, где-нибудь в торговом центре, на перекрестке, даже просто заметить издали спасенного тобой человека — огромное счастье. Видеть, что он дышит, улыбается, балует себя мороженым или сосредоточенно обдумывает какие-то проблемы. Живет. Чаще всего, даже столкнувшись лицом к лицу, и пророк, и инквизитор остаются неузнанными. Так безопаснее. Поэтому Джен привык радоваться, наблюдая издали, и набираться сил из этих встреч.

Но сейчас все иначе. Она не видела ни Джа, ни лица Джелю, она не видела Нортоны — окно подвала, через которое инквизитор помог ей выбраться, выходило на другую улицу. И в пяти метрах от них без конца названивает кому-то боец нацгвардии.

— Тогда почему вы спрашиваете? — Джа старается отвлечь и зацепить на себя ее взгляд, но Маргарита заглядывает ему за спину, упорно пытается разглядеть инквизитора.

— Пожалуйста, — она осеклась, будто забыла или не придумала, о чем хочет спросить. Как фанатка на первой встрече с кумиром, раздавленная его непосредственной близостью и обращенным к ней вниманием. — Пожалуйста, можно вас на минуту.

— Его? — Джа показывает на Макса в отчаянной попытке сместить ее фокус.

Она машет головой. Убирает от лица растрепанные ветром волосы.

— Пожалуйста. На два слова. Это важно!

Джен обреченно бросает очередной обломок и спускается к ней.

— Я слушаю, — от саднящей горло пыли голос хрипит.

Девчонка сомневается, но на попятную не идет.

— Скажите, правда — это влево и вверх, да?

Все-таки узнала. Не смотря на балаклаву и стресс, время не вымыло из ее памяти детали. Джен не хочет врать ей, но и соглашаться не спешит.

— Я художница. Пропорции запоминаю хорошо, — объясняет она, не дождавшись ответа. — Вы же спасли меня тогда. Поэтому я как только увидела здесь мотоциклы, подумала, вдруг... Следователь мне рассказывал, что рядом видели два черных байка. Неместных. В общем... — она переводит дух, оглядывается, и Джен замечает двоих — высокого денди в белоснежной легкой рубашке, и женщину с густыми медными волосами, крупными кудрями спадающими до пояса. Вывернув из-за угла, они будто летят над

разбитым асфальтом, слишком глянцевые для этих мест.

— Они с тобой? — спрашивает Джен, в заднем кармане лежит маленький перочинный нож, но инквизитору очень не хочется пускать его в ход. Особенно на глазах у гвардейца.

— Да, — отвечает Рита, и, понизив голос, тараторит: — Не подавайте виду, что я рассказала. Здание упало не просто так. Его обрушили, чтобы убить кого-то, кто был внутри. Мы думали, что сможем поймать того, кто это сделал, но не успели. Вы были там? Вы знаете, кого хотели убрать?

— Нас. Ты знаешь, кто?

— Рита! — окликает Медная.

Они совсем близко, и девочка шепчет Джелу:

— Найдите меня в сети. Потом.

Джен хочет спросить, где именно и под каким ником ее искать, но парочка подошла совсем близко. Медная кладет руку на плечо Риты, спрашивает:

— Узнала подробности?

— Они были внутри, — Рита ведет плечами, чтобы высвободиться из-под ее ладони. И вдруг догадывается: — Под завалами кто-то остался?

— Да. Три человека. Мы их не слышим.

— Им можно помочь! — обернувшись к Медной, Рита хватается за руки, почти умоляет. — Мы же можем?

Денди подходит вплотную к обломку стены, вглядывается вниз, сквозь слой бетонного лома, будто видит что-то на дне.

— Нет, мы не можем, — отвечает категорично.

— Но почему?

Вопрос пустым звуком вязнет в долетающем издали вое сирен. Скоро здесь станетлюдно и шумно. Видимо, услышав приближение поддержки, Денис набрался наглости встрять в разговор.

— Простите, а вы из какого подразделения?

— Мы на гражданке, — отвечает Медная резко. — И нам пора. Маргарита?

Рита шепчет Джелу одними губами: «Извини» и безропотно плетется следом за ними. Джен не может взять в толк, какими страхами нужно накачать столь импульсивное существо, чтобы подавить его волю.

Джа и Макс сражаются с завалом, но просвета в грудех обломков не видно. Джен взбирается обратно на курган, уверенный в том, что с приездом МЧС проблем прибавится — попробуй, объясни цепь сегодняшних катастроф. Еще и живой свидетель в стороне умывает руки. Но Джен уверен, что девчонки позвонили Романову, и он уже пробирается сквозь пробки к тиму. Что он придумает, как вывернуть историю, не скармливая драгоценное время бюрократическому блядству. А значит, самое правильное сейчас — молчать о случившемся и попытаться докопаться до парней. Во что бы то ни стало, докопаться до парней.

Тупое сидение в коридорах выматывает похлеще интенсивного допроса — непонятно, чего ждешь, неизвестно, сколько еще ждать, и ради чего.

Риту в соцсетях нашли сразу, но ответа от нее нет. Джа с девчонками устроили кибератаку со всех аккаунтов, в конце концов распределили между собой соцсети и всякий раз, когда возле имени Риты загорается индикатор онлайн, разговоры стихают, переходят в пляски пальцев по экрану. Тоже без толку.

От неопределенности Джен сходит с ума. Им так долго удавалось избегать внимания органов, что не верится в само существование этого огромного неповоротливого монстра. Мрачное серое здание, в котором их маринуют в жаре и запахе пота от скованных кителями подмышек, похоже на брюхо. Этот коридор, выкрашенный на полтора метра от пола грязно-голубой краской, эти черные металлические стулья с ободранными, засаленными сиденьями, эти снующие туда-сюда люди в форме, которые способны говорить человеческим языком только между собой, а на его вопросы лают: «Ждите». Все напоминает желудочно-кишечный тракт. И узкое грязное окно в конце коридора сияет солнечным светом как единственный выход, естественно, через задницу.

— Мне уже хочется кого-нибудь убить, только чтобы сдвинуться с места, — говорит Джен Романову.

Аристократ взмок в дорогом костюме, уже выкурил с приезда в участок почти целую пачку и не меньше Джена зол на систему.

— Мне тоже.

В коридорном заключении Алекс приходится хуже всех. От неопределенности ее ломает, как наркомана в карцере. Прошагав стометровку вдоль кабинетов, она устроила марафон по этажам, возвращаясь с подробными историями обворованных, оболганных и изнасилованных узников бюрократии, вынужденных по соседству ждать с моря погоды.

— А легко обмануть полиграф? — спрашивает Савва, вынырнув из онлайн-переписок.

Алекс задумывается, будто ищет информацию по внутреннему каталогу.

— Это достаточно сложно. Современные полиграфы считывают дыхание, сокращения мышц, активность нервной системы. Даже если накачаться таблетками перед тестом, заторможенность тебя выдаст с потрохами. Ты решила кого-то...?

— Не я, — Оля тарабанит пальцами по экрану. — Охранник из цеха.

— Я чего-то не знаю? — напрягся Романов. — Какой еще охранник?

— Это дело «Эквитас». Забей, не грей голову.

Джен вспоминает странные акты вандализма и хватается за возможность переключить голову на другой канал.

— Так что там с колодками? Нашли диверсанта?

— Там цирк дю Солей, — разводит руками Оля. Оглядывается по сторонам нет ли лишних ушей в погонах, продолжает, снизив тон до шепота и заставив всю банду скучковаться плотнее: — Помните, рассказывала про нашу видеокамеру в одном из цехов?

— Ну, — отзывается Джа.

Макс гудит: «Нет», но Алекс останавливает его, мол потом расскажу, не мешай.

— Так вот, мы нашли того охранника, который среди ночи променад за территорию

совершал. Прижали. А он упирается, мол, спал младенцем, ничего не знаю, меня подставили под монастырь. Мы его за полиграф посадили — тот же сюжет. В итоге, вместо того, чтобы принести его ментам в подарочной коробке с бантиком, нам пришлось его отпустить, еще и денег заплатить, чтобы язык проглотил, не подавившись.

— И что теперь? — спрашивает Алекс, устраиваясь на коленях Макса.

— Будем следить дальше. Надо с поличным поймать вредителя. Здесь, в Икстерске, тоже завтра камеру смонтировать должны. Может, повезет выловить местного. Если не затаится после облавы под Воронежем.

— Я одного понять не могу всю свою жизнь, — говорит Романов с горечью, — почему людям не живется спокойно?

— Потому что «покой» и «жизнь» — слова антонимы, — отвечает Савва и, встав с жесткого стула, потягивается всем позвоночником. — Пойдем, покурим. А то я скоро прорасту здесь. В бетон. Как памятник задверного ждуна.

Ближе к вечеру в сеть просочились дурные новости: парней откопали, никто не выжил. Даже громила Толик поймал хитрый осколок на крепкий череп. Монолит сложился аккуратнo внутрь, будто был подорван в самом центре конструкции. Само собой понабежало экспертов, ищут виновных. Одно хорошо — всю любовь журналистов принял на себя гвардеец, остальным повезло улизнуть.

Домой вернулись разбитые и голодные. Макс первым оккупировал душ. Остальные расселись на матах в спортзале, выставили прямо на пол купленные по дороге ведра жаренной курицы.

Джа, жуя, генерирует по одной теории в четверть часа, доходя до абсурда.

— А почему нет? Эта шарообразная штука, которая из уха выкатилась, вполне может быть маячком. А из чего она сделана? Она же рассыпалась. На молекулы разложилась. От контакта с человеческой кожей. А потому что сам материал — не отсюда.

— Он был внутри Паши, — напоминает Джен. — Там тоже человеческая кожа.

— Кожа — это то, что снаружи человека, а не внутри. Ну ладно, даже если дело не в теле. Может, его дистанционно уничтожили? Если это действительно передатчик, на который приходит сигнал, они могли его запрограммировать на разрушение по команде. Опять же, как они эти передатчики отправили на Землю и как внедрили?

— Джа, ну ты всерьез думаешь, что это инопланетяне? Seriously?

— А ты думаешь, мы одни во Вселенной?

— Нет, но пока они до нас доберутся, мы сами себя угробим.

— Вообще-то, — робко подает голос Алекс, — Сделать из человека беспилотник пытались еще в 70-х. Я натыкалась на описания опытов, которые проводили, кажется, британцы. Они пытались подключиться к зрительному анализатору человека и считать с него сигналы.

— Смогли?

— Не знаю. Записки кончились на том, что они искали материал с определенными свойствами. Все, что есть в таблице Менделеева не подошло. Может, они в итоге что-то синтезировали?

— А где ты читала это? — спрашивает Джен. От острой панировки язык не чувствует вкуса, но сытость еще далеко, и Джен молотит одно куриное крыло за другим, как не в себя.

— За Олькиным компом в какую-то базу залезла. Год назад или полтора. Оль, у тебя на рабочем столе ярлык такой был в виде крыльев, что это? Оль? Ты с нами?

Савва вздрогнула. Вытянула поджатые под себя ноги.

— Да, я вернулась на пятую планету от Солнца, извини.

— Сколько лет мы знакомы?

— Чего?

— Сколько лет мы с тобой знакомы?

— С третьего класса, ты тогда была брюнеткой.

— Кто был брюнеткой? — Макс вышел из ванной, яростно ероша полотенцем волосы.

— Жена твоя будущая, — Савва вскакивает с мата, разминает ноги. — Проверяет, не вселился ли в меня инопланетный демон. Ярлык с крыльями — это личная библиотека Падре. Что-то вроде нашего Викиликс. Можно я пойду в душ следующей?

— Иди, я принесу полотенце, — говорит Джа.

У ванной комнаты он перехватывает девчонку за руку, притягивает к себе.

— Все в порядке? — спрашивает, заправляя ей за ухо короткую прядь.

— Конечно. Сегодня нас чуть не завалило, завтра иду на похороны подруги. А в остальном — да, все круто.

— Прости, — Джа отпускает ее руку. — Иди в душ, только не закрывайся, я полотенце принесу.

Джа шагает в темную комнату, поддевает носком дверь, закрывая ее за собой. Джен заходит следом, включает свет, удивляясь как пророк может что-то найти, шаря на ощупь в шкафу среди чистых полотенец.

— У меня есть совсем новые, — предлагает Джен. — Покупал сто лет назад. Принести?

— Не надо, спасибо, — Джа выныривает из шкафа, вытягивает огромное махровое полотенце с самого низа полки. Прикладывает к щеке, проверяя, достаточно ли оно мягкое. — Это подойдет. Знаешь, — говорит он, захлопнув шкаф. — Если б существовало волшебное покрывало, спасающее одинаково хорошо и от пуль, и от боли, я рванул бы за ним на край света, лишь бы завернуть в него свою девочку по самую макушку, пообещать ей «все будет хорошо» и непременно выполнить обещание. Но не могу. Я ничего ей пообещать не могу. Ни семьи, ни достатка, я даже не уверен, что доживу до ее дня рождения, чтобы подарить какую-нибудь красивую безделушку.

— А может, ей это не надо? — осторожно предполагает Джен. — Ты бы спросил.

— Я спрашивал. И мне ответ не понравился.

Усталость будто вынула скелет из тела, оставив Джелю лишь обмякшую гору мышц в кожаной оболочке. Но сон все равно не идет. Размазанный по постели, инквизитор глядит в потолок, прислушиваясь к звукам дома, которые днем совсем не замечаешь, а ночью слышишь отчетливо, вроде тонкой трескотни таймера или шума оставленных включенными колонок. Джен всматривается в темноту, глаза уже привыкли и можно различить любую мелочь в знакомой комнате — все, кроме вьедливой занозы, скользкого ощущения чьего-то взгляда. Джен заставил себя встать и подойти к окну, оглядеть прилегающую к дому улицу — ни одной чужой машины, все на своих местах. Как и в комнате.

Паранойя, — уверяет себя Джен. И обходит спальню по периметру, прикидывая, где можно разместить камеры. Впустую.

Вернувшись в постель, он приказывает себе уснуть. Считает овец, вспоминает мирные

дни, из самых дальних стеллажей памяти выдергивает воспоминания о беззаботном детстве, вроде поездки с родителями в Крым — единственной в его жизни вылазке на море. Джен успокаивает разум, надеясь, потушить его как лампочку, вывернутую из плафона. Все без толку. В конец измученный, он берет с тумбочки смартфон и скачивает одно за другим приложения соцсетей.

Виртуальная жизнь Джена сдулась вместе форумками, откуда он вынес свое имя, короткое как клеймо. В те годы мода на американские односложные клички достигла апогея, Жени-Миши-Ани превратились в Джонов-Майклов-Энн, и Джен, парень с несокращаемым именем, вбивая ник в форму регистрации, оставил первый слог от «General». Тогда еще у него были амбиции.

В этот раз Джен поступает еще проще.

Под новой учетной записью с именем ИщуРиту Джен шерстит основные площадки, вспоминая, какие аватары он видел днем на аккаунтах Маргариты Гномовой. Не самое популярное имя, как оказалось. Он оставляет сообщения каждой, с кодовой фразой «Ты просила найти тебя в сети». Мало ли, ребята могли ошибиться, написать не по адресу, потому и не получили ответа. А если ошибся он, примут за неловкую попытку познакомиться.

Ему везет с третьего раза — после Вконтакте и Фейсбука, в Инстаграмме приходит первый ответ: «Оставь номер, я перезвоню завтра, сейчас не могу говорить». Глядя на пестрый аватар — веселую девочку, вооруженную топором — персонаж популярной онлайн-игрушки, Джен колеблется. Номеров у него несколько: один для клиентов, второй, который долгое время был секретным номером для Джа, теперь стоит называть «для тех, кто в теме». Еще одна сим-карта живет в старом кнопочном телефоне на случай, если требуется вызвать скорую к месту нападения и не засветиться. И ни один из номеров нежелательно светить вслепую. Он выбирает номер «для тех, кто в теме», потому что его проще всего сменить.

В комнате душно. Завтра нужно встать пораньше, Джен уговаривает себя уснуть, но в конце концов выбирается из постели и идет к окну. Распахивает настежь обе створки, позволяет легкому теплему ветру облизать себя с головы до ног. В прикроватной тумбочке спрятана «позорная заначка» — ополовиненная пачка крепких вишневых сигарет и зажигалка. Курить Джен бросил давно, но последняя пачка все еще припрятана на «странный день». Называть сложные времена «черными днями» при их подвигах просто смешно, поэтому Джа выдумал «странные дни» — время, когда приходится не только действовать, но и думать, как действовать.

Забравшись на подоконник и свесив ноги на улицу, Джен подкуривает сигарету. Дым едкий, недружелюбный сразу встал пробкой посреди горла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Джен с силой втягивает в себя воздух, задерживает дыхание и тонкой струйкой выпускает дым обратно в атмосферу. Легкий туман заволакивает голову, сделав ее одновременно настолько тяжелой, чтобы пришлось привалиться к оконной раме, и настолько легкой, чтобы разрушить тесный обруч гнетущих мыслей.

Тихий, крадущийся стук заставляет Джена обернуться, дотянуться до выключателя, чтобы зажечь тусклое бра над кроватью. Дверь приоткрылась, Джа заглядывает одним глазом и, убедившись, что Джен не спит, бесшумно просачивается в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

— Думал — показалось, оказалось... ну ты понял, — Джа усаживается рядом, бесцеремонно забрав сигарету из пальцев Джена, делает затяжку. Выдыхает в небо, закрыв

глаза. — Пиздец, как мне страшно, Джен, — произносит, возвращая сигарету другу.

— С чего бы это?

— Мне когда все началось так страшно не было. А сейчас...

— Если ты боишься, значит, идешь в правильном направлении, — философски замечает Джен, глядя в темноту неба, куда не дотягивается свет уличных фонарей. — Вот подумай, что страшного может случиться?

— Нас убьют.

— Ты боишься умереть?

— Не... — Джа спотыкается на полуслове. — Нет, сам не боюсь. Боюсь увидеть, как умираешь ты, Олька, Макс с Птенчиком.

— Мы можем этому помешать? — спрашивает Джен, и уже понятно, что вопросы задаются не только пророку. Джен ставит их перед собой и ищет, ищет ответы, но все еще бегаем по ленте Мебиуса.

— Если найдем мудаков, которые это все творят, конечно.

— И что мы сделаем с ними, когда найдем?

— ... Я не знаю.

— Вот и я не знаю, — инквизитор щелчком выбрасывает в ночь истлевшую до фильтра сигарету. — Не понимаю, кто способен все это устроить. Если тот шарик — приемник, то как они их внедряют? Невозможно же незаметно засунуть что-то человеку в ухо! Я бы точно заметил. Но нет. И эта дрянь все еще внутри, кстати. Как паразит.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что это не помешательство, а вторжение. Уже что-то.

— Этого мало, Джа. Они про нас знают все. Даже как мы их пеленгуем уже поняли. У меня такое чувство, будто нас схватили за яйца.

— Ага, и тянут, проверяют, насколько высокие ноты можем взять. Знаешь, от твоих речей мне как-то не полегчало, стало еще страшней.

— А ты не бойся. Ты злишь. Это закон выживания.

Держась руками за край подоконника, Джа наклоняется вниз, экстремально, будто собирается нырнуть вперед с высоты второго этажа и сломать себе шею. Джен смотрит вверх, стараясь разглядеть в черном городском небе хоть одну маленькую тусклую звездочку.

— Блять, сингулярность какая-то! — восклицает Джа, выпрямляясь.

Выстрел гремит так неожиданно и неуместно в спящем районе, что Джен не сразу понимает, что произошло. На рефлексах он сгребает пророка, перекатывается через подоконник, и они оба кубарем летят на пол. Приземляются под второй выстрел, и в этот раз Джен отчетливо слышит, как пуля входит дверцу шкафа, стоящего напротив окна.

— Ты как? — отстранившись, Джен глядит на пророка. Тот явно цел, только глаза как фары «Триумф Рокет» — во все лицо. И челка дыбом.

— Это в нас что ли?

— В нас, в нас. Не высовывайся.

Запустив в выключатель тапком, Джен гасит свет. Аккуратно, по стене выпрямляется в полный рост. Через распахнутую створку улица просматривается хуже, но фонари немного спасают ситуацию. Дорога, пустая в это время ночи, мирно лежит под окнами, на той стороне в соседских домах вспыхнули и погасли любопытные окна. Где-то совсем близко шумят потревоженные ветви дерева, хрустят под чьими-то ногами мелкие камни (гравий на дорожках лежит на участке с голубым домом, слева, по диагонали через дорогу). Кто-то

бежит. Убегает, потому что бегущих несколько.

Дверь открылась беззвучно.

— Джен? — шепчет Макс. Увидев, Джа под окном, пригибается и на согнутых ногах пересекает комнату. — Что происходит?

— В нас стреляли, — отвечает пророк. — Кто — не знаем. Девчонки спят?

— Не видел.

— Проверь, пожалуйста.

Кивнув, Макс поземкой сдулся из комнаты.

Глаза к темноте привыкли, но Джен все равно не верит тому, что видит. Их трое — две женщины и мужчина. Они бегут друг за другом, наперерез через огороженные участки так, будто нет на пути ни высоких заборов, ни теплиц, ни беседок. У дома напротив в заборе из профлиста молниеносно из одной точки расплзается брешь с человеческий рост. Будто кислотой прожгли дыру. В нее прямо под свет фонарей вылетает блондинка и пулей несется прочь вдоль дороги. Следом за ней показался мужчина. Из-за кепки и натянутого капюшона толстовки лица не видно. Он явно привык к погоням — бежит легко, как доберман взявший след. Они почти исчезли из поля зрения, когда из дыры появляется третья. Оглядевшись, она тормозит у прорехи, поднимает руку, и дыра затягивается, принимает первоначальный вид цельного листа.

— Это что было? — Джа, вопреки опасности, высунулся из-под подоконника и ошарашенно разглядывает опустевшую улицу.

— Ты тоже это видел? Мне не приглючилось?

— Нет, — осев обратно на пол, прижимаясь спиной к батарее, Джа обхватил руками голову. — Это какой-то новый уровень пиздеца. Джен, что вообще происходит?

Звонит телефон. Уже не таясь от уличных снайперов, Джен подходит к кровати, на ощупь рыщет в скомканных простынях дребезжащий смартфон. Принимает вызов.

— Какие цветы...

— Металлические, — отвечает паролем Романову. Джен и не слышал, чтобы часы сигналили, видимо, адреналин делает слух избирательным. — Все нормально. Только пара пуль в шкаф прилетела и с законами физики не все в порядке.

— Кто стрелял? Я еду к вам.

— Не надо, лучше отсыпайся. Завтра твоя голова нужна светлой.

Романов спорит, но Джен выигрывает этот бой. Им и самим лечь бы и забыться, но адреналин разогнал кровь до пятой передачи, дальше только взлет. Нормальные люди, увернувшись от пули, позвонили бы в полицию. Инквизитор достает из простреленного шкафа заряженный чезет. Проверив предохранитель, он по привычке сует его за пояс, но резинка трусов не самый надежный крепеж. Джен ругается сквозь зубы, с ножами гораздо проще.

— Пойдем вниз, зальем в себя остатки вискаря, — предлагает он, закрывая окно и шторы на всякий случай. — Чтоб отпустило.

Джа выбит из колеи. Казалось бы, чем удивить пророка? Однако, нашлось.

С запечатанными окнами в комнате совсем темно. Они выходят в холл второго этажа, стараясь не шуметь. Девчонки так и не проснулись, у них в подкорке звук выстрела записан киношным эпизодом, тренировкой в тире, потому из троих и подорвался только Макс — в его нейронных связях этот звук означает опасность.

В кухне светло от уличных фонарей. Не включая лампы, Джен шарит по шкафам,

достаёт бутылку и стаканы. Виски осталось чуть больше, чем на пол бокала. Джен разливает на две порции, протягивает Джа, у которого заметно дрожат руки.

— Ты смог разглядеть, кто это был? — спрашивает пророк.

— Как там разглядишь? Все трое в кепках, лиц не видно. Еще и капюшоны на головы понатянули, — Джен делает глоток, морщится, виски зашел неприятно. — Что за мода на эти кофты безразмерные? Мужика от бабы издалека не отличишь.

— Они как будто из одной банды были. И еще, мне показалось... У той, которая остановилась, чтобы забор заделать, кофта на спине топорщилась. Как будто коса толстенная запрятана.

— Думаешь, друзья Риты?

— А вдруг?

— Я, вроде, связался с ней. В Инстаграме. Взяла телефон, обещала перезвонить..., — Джен замолк, напрягая слух. — Ты слышишь?

— В калитку стучат что ли? — Джа поставил бокал, на цыпочках выходит в гостиную. Спустя два отчетливых стука возвращается за последним глотком. — Напомни, почему у нас окна выходят на улицу, а не во двор, обнесенный неприступной крепостной стеной?

— Я на заборе сэкономил, — отвечает Джен.

Прихватив со стола чезет, инквизитор выходит во двор. Прислушивается.

— Я знаю, что вы здесь, — раздаётся из-за забора. — Это Рита. Откройте, пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Голос похож. Джен машет рукой пророку, чтобы спрятался в доме, и откликается:

— Ты одна или со своими друзьями?

— С друзьями. Но они здесь, чтобы защитить вас. Пожалуйста, поверьте, я все объясню. Вы же спасли мне жизнь, и я пытаюсь то же самое для вас сделать.

— Послушайте, — перебивает причитания Риты вкрадчивый женский голос. — В вас только что стреляли, и эта дамочка еще вернется. Мы хотим помочь. Кроме того, вы все видели, мы можем войти и без приглашения.

— Не лучшее время, — хмуро отвечает Джен. — Я без штанов и с пистолетом.

— Спасибо, что предупредили, — смешок. — И все же. Сейчас два часа ночи, и лично я предпочла бы сладко спать на выглаженных простынях в Ибисе, после двух бокалов мартини, чем стоять у вас под дверью. Но если мы уйдем, может вернуться ваша подруга и повторить подвиг с тиром уже на вашем доме.

Да чтоб вас! Из двух зол выбрать неизвестное или абсолютное — та еще задача. У Джена мозги за день и без того в кипящий кисель превратились. Любопытная физиономия Джа выглядывает из-за двери, и Джен яростно машет ему, чтобы скрылся с глаз долой. Чем меньше мишеней в зоне видимости, тем проще будет защищаться. Сняв пистолет с предохранителя, Джен делает шаг к калитке, чтобы впустить полуночников.

Грудь болит, будто ужаленная. В глаза бьет свет прикроватной лампы. Джена качнуло. Из-под пальца исчез спусковой крючок. По вытянутой с пистолетом руке спиралью обвивается тонкий стальной пояс, он тянется справа, из ладони Медной, шагнувшей в соседнюю комнату через дыру окна вслед за Денди.

— Джен! — зовет пророк снизу. — Джен, нет! — Он бежит вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Руку дергает вверх, это Медная натянула аркан. Пистолет подлетает к потолку спальни Джа, рассыпается прямо в полете и пеплом сыпется на постель. Олька жметя к изголовью

кровати, целится в Джена из револьвера, но больше не стреляет — из его груди уже торчит несколько дротиков. Вот откуда боль. Тяжелой тенью рядом вырос Макс, краем глаза Джен замечает взведенный кулак. И лампа меркнет.

Мутит. На этот раз топливо перекачивается в голову, как в полупустом бензобаке, от этого не ясно где верх, где низ. Открыть глаза страшно. Джен собирается из бесформенной массы в границы тела. Возвращаются сигналы — правая рука затекла, болит ссадина на ягодице, левая нога болтается в воздухе, свисает с кровати. Джен дышит медленно, куце. Чем больше воздуха забирают легкие, тем тяжелее бензин в голове. Собравшись с мужеством, Джен открывает глаза.

Комната. Его, родная, с икеевской аскетичной мебелью, люстрой без одного плафона и свалкой в углу из книг, рюкзака, пакетов уже и не вспомнить с чем. Из-за задернутых штор прорывается ветер — окно открыто. Или разбито? Джен поднимается на локтях, затем садится, постепенно привыкая к вертикальному положению. События минувшей ночи проявляются в памяти нечетко, будто отголоски кошмара, из которого удалось проснуться. Джен слышит голоса. И сладкие запахи из кухни. Они внушают надежду, что трагедии не случилось.

Наспех умывшись, чтобы только продрать глаза, Джен спускается вниз.

В гостиной никого, но стол заставлен ноутбуками. На экранах всех четырех одна и та же программа с картой города и мельтешащим списком улиц в правой части. Поиск. Саввины штучки.

На кухне остывает внушительная горка жаренных с яйцом гренок. Пророк меланхолично листает на смартфоне ленту соцсети. Спокойный. Расслабленный. Джен с облегчением понимает, что би ни случилось ночью — обошлось.

— Привет, Джанго Освобожденный, — Джа улыбается устало. На лице следы бессонной ночи, на предплечье — лихо брызнувшего масла.

— Привет. А чего «Пантенолом» не намазал? — спрашивает Джен, кивая на ожог.

— Не нашел в аптечке.

— Потому что он в холодильнике, — достав баллончик со спреем, Джен взбалтывает его и аккуратно распыляет пену на подставленную руку.

Джа кривится от холодной шапки, размазывает пальцем по всему предплечью.

— А причем здесь Джанго? — спрашивает Джен.

— Тебя освободили из рабства нашего невидимого врага, — отвечает Джа пафосно. — Ребята смогли выудить передатчик. Или маячок. Мы так и не поняли, что это.

— И кто это мы?

— Дружки Риты. Парня зовут Яном, его напарницу Татьяной. Татьяна с Ритой сейчас во дворе цветочки разглядывают, а Ян подстраховывает наших девчонок. Они у Косы. Юлю сегодня хоронят.

Джен вспомнил. Гренка застряла в горле.

— Блять. Нам тоже там надо быть.

— Не надо, — режет Джа. — Только поставим еще больше народу. Мало нам... Да что ж ты давишься? Налить кофе? Или молока?

Достав из холодильника свежую бутылку, Джа наливает молока в стакан, ставит перед инквизитором, который сжав кулаки, уничтожает гренки с остервенением мстителя.

— Слушай, я даже не знаю, с чего начать-то.

— Начни с того, что я вчера натворил.

— Ничего непоправимого, — успокаивает Джа, садясь за стол рядом. — Для начала спас мне жизнь, как обычно. Когда ты шуганул меня в доме спрятаться, я только шаг сделал и отключился. Ну и узнал нашу лестницу. Судя по всему, план был сначала меня грохнуть, пистолет в руке, как ты понимаешь, очень кстати пришелся. Потом, может, он бы и тебе пулю в висок пустил. В общем, когда он пошел наверх по лестнице, во мне что-то щелкнуло. Обычно я ведь не понимаю, что происходит. Правильно Романов тогда сказал, как в шутере, только управляю тоже не я. То есть мое сознание вообще не задействовано. А туг... Я будто раздвоился. Не как в прошлый раз, когда двое развлекались, а... — Джа задумался, подбирая описание. — Я словно... Это как экран смартфона с защитным стеклом. Под стекло воздух попал, и оно местами отошло, видел же, пузыри такие появляются. Вот то же самое, только в сознании. Будто я-ЗлойДжа иду наверх, чтобы убить, а я-ДжаНормальный понимаю, что убить там наверху я могу только Ольку. То есть, я внезапно осознал, что вот-вот убью свою девочку! И не могу остановиться! Ноги, руки свои остановить не могу! И я начинаю пытаться сорвать с себя само намерение туда идти. Как пленку с экрана. Освободиться. Только бы... — Джа срывается, пережитый страх и ярость фантомными болями накрывают пророка, прорываются дрожью в голосе. Он силится унять ее, уткнувшись ртом в сжатый кулак. Усмиряет, как взбесившегося внутри зверя. Продолжает, после нескольких глубоких вдохов. — И, прикинь, у меня получилось.

— В смысле?

— Джен, я вырвался. Очнулся у дивана, мордой в пол. Он, видимо, в темноте меня не заметил, мимо прошел, лестница-то в другой стороне. Я подскочил, рванул наверх, и тут Оляка закричала. Я закричал тоже. Ребята снаружи услышали, мигом через окно зашли. Правда, у них это слишком быстро вышло, видимо к штурму готовились, хоть и не признаются. Успели раньше Макса. А Оляка к тому моменту тебе уже пяток дротиков зарядила спросонья.

— Она с револьвером под подушкой спит что ли?

— Да, и это не смешно.

— Не смеюсь я, — винится Джен. Вместе с сытостью возвращается ясность рассудка. — Значит, эти гады охоту объявили. Ну ладно, посмотрим. Говоришь, маячок достали?

— Да. И тут, пожалуй, самое интересное. Скажи мне, наша блондинистая подружка из тира тебе насколько была близка?

— Елизавета?

— Ага.

— Нинасколько! В первый раз я ей с похмелья на ногу наступил в магазине. После попойки с Максом. Во второй раз мы вместе ее в тире видели, с Павлом. И все.

— А насколько близко она должна была стоять, чтобы ты наступил ей на ногу? Джен, я к тому, что эта девица тебе маячок и посадила. И Паше. Возможно, и всем, за кем мы гонялись в Икстерске.

— В одиночку? — Джен с сомнением шурится. — Никогда не поверю.

— В городе она одна, и она — дура, — заявляет Джа, откинувшись спиной на стоящий позади кухонный шкаф. — Лизонка на побегушках у тех, кто управляет. И то, что мы до сих пор живы — ее величайший epic fail. Первая попытка была запугать. Когда у тебя из ниоткуда под колесом камень оказался. Помнишь?

— Задница помнит.

— Вот. А потом, в тире, когда они поняли, как мы их выслеживаем, они решили, что проще убрать, чем бороться. И чтоб два раза не вставать, попытались тут же похоронить. Не вышло. Поэтому ночью она приперлась пострелять. И снова облажалась.

— И тогда Верховный Мудак решил все взять в свои руки, в мои руки...

— Именно!

— Складно. Остался один вопрос. Как, блять, одна маленькая тощенькая девочка незаметно от всех огромный тир подорвала?

— А она не простая девочка, — отвечает Джа загадочно. — Она такая же как Рита и ее дружки.

— Какая это такая?

Джа улыбается, словно постигший великое знание старец пред лицом юной праздной толпы, не ведавшей, какая участь ей приготовлена.

— Знаешь, я бы тебе выпить предложил, чтобы переварить.

— Ну уж нет, — Джен скривился. — Алкоголь в меня сейчас не полезет.

— Мое дело — предложить, — пожимает плечами Джа.

Вскочив, он тянется к сушилке за своей кружкой, ставит ее под нос кофе-машины и, сунув трубку капучинатора в горло молочной бутылки, запускает цикл капучино.

— Представь, — говорит пророк, — все вокруг состоит из молекул. Молекулы из атомов. Атомы дальше дробятся. Но в итоге все в нашем мире собрано из элементарных частиц и связей между ними. А теперь представь, что есть люди, которые умеют создавать и разрушать эти связи между частицами.

— И называются эти люди — химики?

— Не ерничай, я серьезно. Рита, Татьяна, Ян и наша Елизавета — конструкторы. Они реально умеют собирать вещи из воздуха. И разрушать в пыль.

Напрягшись, кофе-машина пыхнула вспененным молоком в чашку, тут же выдавила из себя свежеприготовленный эспрессо и, мигнув два раза индикатором, с чувством выполненного долга замолчала.

— После подвала Рите каждую ночь снились кошмары, — рассказывает Джа, приложившись к кофе. — Нервы ни к черту, от любого прикосновения сразу в истерику. Естественно, начались проблемы в универе, с друзьями. В таком состоянии, сам понимаешь, хочется либо убить себя, либо разнести все вокруг. Вот она и разнесла общагу, причем, сама не поняла, как это сделала.

— Хочешь сказать, она реально своими руками кирпич раскрошила?

— Да. А сейчас и взглядом может. Они называют это деструктом. Чуть подучится, сможет собирать материю из воздуха. Точнее, менять связи между частицами, из которых состоит воздух, так, чтобы получилось другое вещество. Я правильно излагаю?

Джен оборачивается, в дверях стоит Татьяна в той же толстовке, под которой прятала косы во время ночного забега. Теперь же они спускаются тугими канатами одна по спине, другая вдоль груди.

— В общем и целом — да, — отвечает она с улыбкой. — Угостите кофе? Мы на запах пришли.

Рита, смущенная присутствием Джена, бесшумно просочилась в кухню, села на край табурета в углу комнаты.

— Значит, ты теперь — опасный человек? — спрашивает Джен девчонку.

Она улыбается сдержанно.

— До вас мне далеко.

От ее слов Джен дернулся, как от удара. Он настолько увлекся лавированием среди ловушек вселенского зла, что забыл, кто есть он сам. Окровавленный призрак вырос рядом с Ритой, в одной руке держит скальпель, второй закрывает рассеченное сюрикеном горло. Их таких много накопилось.

— Мы спасали мир, как могли, — мрачно декламирует Джен. — Джа сказал, вы маячок из меня выдрали?

— Это, скорее, приемник, — отвечает Татьяна, подавая Джа гостевые чашки из сервиза, которые годами служили декором в шкафу со стеклянными дверцами. Любая попытка применить их по назначению пресекалась шипением Джа, однако сейчас пророк даже бровью не повел. — Очень хрупкий и нетривиальный.

— Поясни?

— Я уверена, что материал, из которого он собран, нерукотворный. Он сконструирован. Значит, на той стороне баррикады, кто-то из наших.

— Это хорошо?

— Это очень плохо. — Татьяна садится за стол напротив Джена. Снимает толстовку, оставшись в белой майке, и аккуратно вешает ее на спинку стула. — До недавнего времени мы считали, что знаем и контролируем всех конструкторов. Но Елизаветы в нашей базе нет. Того, кто за ней стоит, скорее всего тоже, — она перебирает пальцами связку тонких браслетов из бисера на левом запястье. — Я надеюсь, в вашем доме найдется место для нас троих, потому что теперь эта история и наша проблема тоже.

Джен переглядывается с Джа, отвечает, получив молчаливое согласие:

— Добро пожаловать в отряд доброй воли. Надувных кроватей больше нет, придется довольствоваться диванами в гостиной.

— Нас устроит.

— А «мы» — это кто? — спрашивает Джен.

Приложив палец к губам, Татьяна встает из-за стола. Она подходит к окну и высовывается на улицу, осматривается, прислушивается к шмыгающим вдоль дворов собакам, шарканью машин по асфальту и разговорам, долетающим с тротуаров на той стороне улицы.

— Мы — это «Константа», — отвечает она, возвращаясь за стол. — Организация, которая ищет и обучает конструкторов по всему миру. Ну и держит их в ежовых рукавицах, чтобы не увлекались. Парни, чтоб вы понимали, сейчас «Константа» поднимает по тревоге все резервные силы. Мы готовимся к войне. Потому что даже один неуправляемый конструктор может быть опаснее ядерной бомбы. Хотя бы тем, что способен ее собрать в подвале своего дома.

Джен следит за пророком. Сосредоточенность, с которой Джа наблюдает за магией кофе-машины выдает злость. Будь они наедине, ярость выплеснулась бы длинной тирадой. Джа бы орал, искал виноватых и пятый угол, проклинал себя и Вселенную, умолял избавить его от ответственности, совести и памяти. Возможно, один из переклеенных вдоль и поперек стульев снова отлетел бы к косяку, развалившись на части. Но сейчас пророк пылал изнутри, наружу вырвалось только ядовитое и горькое:

— Где ж вы раньше-то были?

— Нет, серьезно, где вы были все это время? — Джен, пристально следит за магией, признать физическую природу конструкта он отказывается наотрез.

Для усиления эффекта Татьяна плавно водит руками, хотя без жестов можно было бы обойтись. Перед ней на верстаке лежит чистенький совершенно ровный бензобак Нортон и равномерно покрывается глянцевым черным слоем.

— А это точно не отлетит через месяц? — недоверчиво спрашивает Джа.

— Не должно, — Татьяна закончила с одним боком и тут же переворачивает бак на другой.

— Не высохло же!

— Нечему сохнуть. Джа, я наношу пигмент сразу сцепляя с металлом. Честно говоря, впервые это делаю, не доводилось раньше с мотоциклами работать, знаете ли.

Применения навыкам конструкторов нашли на второй день. Пока Савва с Алекс, отмахиваясь от высокомерного менторства Яна, прочесывают пространство в поисках Елизаветы Кондрацкой, парни взяли в плен Татьяну и Риту, проверяя их способность ремонтировать органы захворавших байков. О брошенной вскользь фразе, что с предметами работать многократно проще, чем с живой тканью, Татьяна пожалела очень быстро. Нарачивание сточенных наконечников штока сцепления, снятие коррозии с восстановлением металла и даже покраска — Джен едва сдерживает скупые слезы зависти, глядя как две девочки наложением рук (и то больше для шоу, чем по надобности) восстанавливают то, на что ушли бы часы сурового мужского труда.

— Если это врожденное, почему мы о конструкторах никогда не слышали? — пыгает Джа. — Или это заговор людей икс? То самое мировое правительство? Масоны? Легион?

— Нет, конечно, — отвечает Татьяна, наблюдая за неуверенной еще работой Риты над серебристой эмблемой «URAL». — Большинство конструкторов — вполне обычные люди. Это как... Вот представь, родился ребенок, учится ходить, говорить, кубики складывать в пирамидки. И при этом у ребенка идеальный слух. Или уникальное восприятие цвета, то есть, глаза так устроены, что он различает не 2,4 миллиона оттенков, а 2,4 миллиарда. Как много таких людей ты знаешь?

— Это нельзя сравнивать.

— Почему? Конструкт — такой же навык, его можно развить. Если знать, как. Сам по себе он прорывается крайне редко. Дети с феноменальным талантом, как правило, сами начинают петь или что-то наигрывать еще в раннем детстве. Смотрели фильм «Август Раш»? Там мальчишка во всех окружающих шумах слышал музыку, а потом воспроизводил ее подручными средствами. Когда его научили нотам, начал писать симфонии. Так же и с конструктом. Можно обладать способностью, но не развить в навык. Конструкты, как правило, в детстве все ломают, не прикладывая усилий. Но это списывают на нервозность или неаккуратность. Ребенок вырастает, адаптируется, приучается к порядку и самоконтролю. То есть, учится подавлять свой деструкт, а не развивать навык. Но иногда способность все же прорывается в сознательном возрасте, чаще всего на фоне стресса. Как у Риты. Таких ребят мы находим и учим. При условии, что он будет соблюдать правила.

— Первое правило бойцовского клуба...

— Типа того.

— А если нет?

— На нет и суда нет.

— Ни суда, ни следствия? — переспрашивает Джа удостовериться, что понял правильно.

Татьяна отвлекается от ученицы, выпрямляется на стуле горделиво. Точь-в-точь хозяйка Медной Горы среди груды металлолома.

— У нас нет ресурсов сюсюкать с разболтанными, самовлюбленными переростками, которые ставят свое эго выше интересов всего общества. Хочешь работать с материей на про-уровне, будь готов охранять свой талант. А посягать на него будут все, кому не лень, от бандитов до правительств и бандитов из правительств. Это не значит, что нельзя пользоваться навыком, даже наоборот, из наших ребят получают классные инженеры, биологи, фармакологи. Кто-то двигает науку. Потихоньку, в безопасном направлении. Кто-то создает уникальные вещи, левша тульский, скорее всего тоже был из наших...

Джен невольно скосил взгляд на лежащие возле Нортонa трубы выхлопной системы, вернувшиеся от мастера. Идеальные, будто заново отлитые.

— ...только не надо постить в Тик-ток видосики о выращивании пулемета из зубочистки. — Татьяна спохватилась, что говорит слишком громко. Сбавила обороты. — Один дурачок похвастался перед начальством, что обойдется без их суперстанков, уж не помню, какие детали они там вытачивали, так мы его еле нашли потом в пустыне, лепил из песка куличики по чертежам ФАУ-2. А где закопали то самое начальство, мы так и не знаем.

— Я понял, — Джа примирительно скидывает руки. — Никому никогда низачто. Блин, реально как настоящая, — схватив законченную эмблему, Джа крутит ее в пальцах, рассматривает на свету под разными углами. — Джен, глянь, нулевочка прям.

Вышло и впрямь неплохо, один в один с эмблемой на сайте ИМЗ.

— Пришпандорим на Хищника? — Джа не терпится. — Где у тебя скотч двусторонний?

— От тебя третий ящик справа.

— Впервые вижу такой идеальный порядок в мастерской, — замечает Татьяна. Выйдя в центр прохода, она оглядывает стройные ряды выдвижных ящиков, полок, подвесов, одобрительно хмыкает, рассмотрев со всех сторон чудо эргономики — передвижную подставку под инструменты. — У тебя, наверное, ничего не теряется и не ломается, да?

— Мы здесь чиним, а не ломаем, — отвечает Джен, затягивая очередную гайку в брюхе Нортонa. Макс тут же подает ему следующую.

— Да... я вижу.

Присутствие посторонних в мастерской Джена напрягает. Макс и Птенчик с Олькой здесь уже как родные. А вот Татьяна вышагивает по проходу инородным телом. Так и хочется попросить ничего не трогать, будто одно прикосновение к байкам может отравить их ее медной коррозией. Но Джен молчит и наблюдает за конструктором как за экзотическим зверем, изучает повадки.

Первое, что бросается в глаза — руки. Чтобы разглядеть даже мелкий предмет, Татьяна скорее наклонится и обойдет его со всех сторон, чем возьмет в руки. Второе — скорость. Она движется резко, будто рывками, фиксируясь в конце каждого отрезка. Даже взгляд замирает на мгновение и вспарывает пространство до следующей точки. Третье — осязаемый, неприкрытый вес опыта. Он проступает в снисходительных интонациях и спокойной уверенности, что любая катастрофа рано или поздно разрешится, вопрос в цене. На вид Татьяне лет тридцать, Джен готов поклясться, что реальный возраст гораздо больше.

И если первые две черты также присущи Яну, то на третью у Татьяны монополия.

Гостиная выглядит как точка сборки дата-центра. Джа разрешил курить в доме, и быстро пожалел об этом, потому что за работой Савва превращается в киборга на никотинокофеиновом топливе. Хорошо хоть небо с утра выжимает из туч мелкий дождик, набивая свежестью сквозняк между распахнутыми окнами.

— Намертво повис, зараза! — Алекс сугулится во главе стола и, глядя в затянутый светлой пеленой экран, от нетерпения грызет крыло дракона, болтающегося на шее.

Вокруг Саввы четыре экрана — на ее ноутбуке окна программ переключаются так быстро, будто она управляет ими не с клавиатуры, а морганием. На планшете со скоростью эскалатора ползет чат, экран даже не успевает потухнуть между сообщениями. Еще два ноута загружены сканирующими программами. Вглядевшись в параметры поиска, Джен видит два женских имени. Одно знакомое, второе — нет.

— Кто такая Ирина Киселева?

— Лизонька наша, — сипит Савва и хватается за кружку с остывшими остатками кофе. После глотка возвращается голос. — Алекс нафотошопила несколько ее портретов с вариациями на тему цвета волос и мимики, мы нашли уже три паспорта на разные имена. Ищем следы, где они засветились. Я разослала инфо по «Эквитас» и Романову закинула. Есть еще несколько рабочих идей, но приходится их аутсорсить, потому что нашему всемогущему создателю слабо собрать еще парочку ноутов.

— Я уже сто раз объяснил, — мрачно оправдывается Ян. На его лэптопе открыт браузер с вереницей ссылок. — Во-первых, я специализируюсь на деструкте, а во вторых, это электроника, она состоит из миллиона деталек, а я не в теме как все они работают. Как я должен собрать то, чего не понимаю?

— Да ниче ты никому не должен, — бурчит Савва. — Ломатель херов.

— Между прочим, чтобы хер сломать, надо постараться.

— Потому что не знаешь, как работает? — прыскает Алекс.

— А вам не рано на такие темы со взрослыми разговаривать? — парирует Ян. Видно, девчонки его уже одолели.

Джен замечает усилие, с которым Рита сохраняет серьезное выражение лица. Сбежав из мастерской вслед за Дженом, она делает вид, что уткнулась в снятую с полки книгу, на деле же следит за перепалкой, наслаждается избиением младенца, которое подруги устраивают второй день Яну. Для них его авторитет и битого стекла не стоит.

— На самом деле, потому что — органика, — объясняет конструктор, пытаюсь выстроить авторитет. — Природа — не дура, подсуетилась, органика для конструкторов — высший пилотаж. Растительная еще куда ни шло, с деревом можно работать, если оно уже мертвое. С живым — очень сложно, там связи на более высоком уровне формируются. У нас в России умельцев с десятков только наберется.

— И чем они занимаются? — спрашивает Джа. Он забрался в свою нишу под лестницей, закинув ноги на спинку дивана.

— Двое в хирургии, один в онкологии, а остальные... — Ян задумался. — Остальные кто где. У кого-то ресторан, у кого-то магазин, один, точно знаю, комиксы рисует.

— У чувака феноменальная способность лечить от геморроя до рака, а он картинки рисует.

— Он не просил эту способность, — Савва оборачивается к Джа, дав передышку

клавишам. — А если медицина не делает его счастливым? Если его воротит копать по локоть в кишках и крови? Почему он должен этим заниматься?

— Потому что на нем ответственность...

— А он ее на себя брал? — перебивает Савва. — Он об этом просил? Джа, нас не спрашивают даже мальчиком родиться или девочкой, тупо рандомайзером всыпают набор хромосом и живи как хочешь с бессмысленным и беспощадным желанием ебаться и дружить. Так с какого хера мы должны нести ответственность за то, что нам навязали?

— Да блин, Тигр, но если не он, то кто?

— Тот, кто от этого ловит кайф!

От возмущения Джа подскакивает на диване и, как часто бывает, когда слова играют в его голове в вышибалы, молчит, беспомощно хватая ртом воздух, как брошенная на прилавок со льдом рыба.

— А мне очень повезло, что вы с Дженем ловите кайф именно от спасения людей, — подает голос Рита, уничтожив разом и защиту, и нападение в назревшей битве.

— Мне, кстати, тоже, — отзывается Птенчик и, поймав изумленный взгляд Риты, спрашивает: — Ты не знала? Меня ребята с заброшенной стройки вытащили. А на Макса вообще возле дома напали. Так что, считай, у нас здесь клуб.

— Скорее — отряд, — улыбается Рита. — Интересно, если собрать всех таких в городе, насколько большая армия получится? Вы не считали?

На вопрос никто не ответил.

— Джа, — зовет Савва, выходя из-за стола, — ты на что смотришь?

Джа смотрит в пустоту. Сидит, вытянувшись струной на диване, ноги спущены на пол, ступни на драных тапках, позвоночник поддерживает спинка дивана, и только пальцы рук конвульсивно цепляют обшарпанную жаккардовую обивку.

— Смотри за ним, — швыряет Джен.

Гепардами они с Максом пересекают гостиную, взлетают на второй этаж каждый в свое логово, встречаются внизу, готовые к марш-броску. Джен — сосредоточенный, упакованный в новые штаны с заломами от долгого лежания в шкафу взамен сточенных об асфальт при падении, обвешанный сталью в многоножках, Макс — в байкерской коже с защитными накладками, в этот раз без пневматики, с тем самым ножом за поясом, которым инквизитор поделился в доме у котлована, готовый защищать голыми руками.

Пророк все еще не в себе. Олька поддерживает его за плечо с одной стороны, с другой сидит Татьяна, вглядываясь во взмокший висок. Джа шевелит губами, изредка наружу прорывается звук, но прочитать, расслышать, что силится сказать пророк, невозможно.

— Ничего не вижу, — Татьяна вытирает о штаны взмокшие ладони, у нее самой на лбу испарина как от тяжелого физического труда. — Не пойму, как и чем он это делает.

— Ты и не увидишь, — отвечает Ян с едкой усмешкой, будто предупреждал Татьяну выше головы не прыгать, а она осмелилась и переломала ноги. — Его в центр везти нужно, там, может, и разберемся.

У Джена щелкает триггер.

— Если попробуешь сделать из него подопытного, я разберусь с тобой, — обещает инквизитор Яну.

— Я знаю. Но если понять, можно избавиться, поэтому пусть Джа сам решает, встречаться ему со спецом по органике или нет.

Ну конечно же. Складно, разумно, не внушает доверия.

Непогода разразилась косым ливнем, барабанная дробь капель по подоконнику уничтожила брошенные сигареты, распахнутые створки окон стучат по широким откосам.

Ох, не вовремя.

Обвешанный ножами как латами Джен чувствует себя голым перед врагом. Будто выбежал с деревянной палкой поперек артиллерии, еще и пророка привел за собой с яблоком на голове в качестве мишени — стреляй-не-хочу. Куда заведут их манипуляторы очередным убийством? Конечно, в ловушку. Поэтому Джа нельзя ехать с ними, Джа нельзя оставлять с конструкторами.

И Джа не позволит бросить умирать увиденного.

Макс кладет ладонь на плечо инквизитора.

— Я справлюсь, — низко шепчет он Джелу в ухо, чтобы никто кроме него не расслышал.

— Нет, — инквизитор отводит Солдата в сторону. — Там будет подстава. Лучше удержи здесь Джа, а я сметаюсь.

— Я им не нужен, — настаивает Макс. — Они меня за случайного чувака примут. Вы-то засветились, так что у меня теперь больше шансов с очередным зомбаком справиться. Не все вам геройствовать, — он бросает короткий взгляд на Алекс, уткнувшуюся в монитор. — Поэтому, будь другом, поделись лаврами.

— Терновым венком, — поправляет Джен, но все же расстегивает ремни многоножен, собираясь передать их как эстафету.

— Не надо, — останавливает Макс. — Только мешать будет. Одного запасного хватит.

Алекс, все это время наблюдавшая за парнями поверх крышки ноутбука, выскальзывает из-за стола и юрким пятном пересекает комнату.

— Ну-ка идите сюда, — схватив Макса за руку, она тащит его на кухню вместе с Дженом. — Вы что задумали?

— Джа нельзя оставлять одного с этими, — Макс кивает в сторону конструкторов, делающих вид, что не заметили зреющего заговора. — Поэтому Джен останется вас защищать...

— А ты один поедешь психов останавливать? Ну нет. Даже не думай.

— Сааньк, — мягко уговаривает Макс. — Посмотри на Джелу, он сколько лет это делает? И ничего, живой-здоровый. Ты ведь сама знаешь, главное — неожиданность. К тому же они обдолбанные. Я их миглом... Все будет хорошо.

— Будет, если ты останешься здесь! Джен мог рисковать, его дома не ждал никто. А у тебя есть я, — она чуть не плачет. — Ты не должен ехать один. И если Джен не поедет, значит, я поеду с тобой!

— Нет, — Макс режет словом девчонке по сердцу, берет за запястья, сжимает в ладонях. — Если ты в меня веришь, если ты считаешь меня сильным, ты успокоишься и дождешься меня здесь, вместе с остальными. А если нет... Если нет — я не знаю... Женщина должна верить в своего мужчину. Без этого не будет семьи. А я хочу семью. С тобой. Поэтому просто поверь. В меня.

Алекс уже не сдерживается, слезы прокладывают по щекам симметричные дорожки. Она кивает и прижимается к Максу всем телом, он обнимает ее крепко, обхватив огромными руками ее всю, спрятав ее лицо на груди в области сердца. Джен тихо просит: «Извини», Макс кивает в ответ. Оставив их наедине, Джен выходит из кухни в гостиную.

Дождь сменил угол и теперь перепрыгивает через подоконник прямо на пол. Возле

лестницы уже скопилась маленькая лужа, тянется тонким ручейком к людям, как рука призрака из японских ужастиков, с каждой каплей отвоеывая миллиметр пола. В гостиной толпа народу и никто не догадался закрыть окна. Джен прижимает створку к раме, она сопротивляется, ветер отчаянно бьет снаружи, еще и утеплитель со стеклопакетов так и не сняли по весне, из-за чего закрываются окна туго, под сильным нажимом. Джен проворачивает ручку замка, опасаясь, как бы не вырвать ее к херам. И слышит надрывное:

— Лети!

Резко раскинув руки, Джа хлещет по девчонкам, сидящим рядом, попав Татьяне локтем поддых, а Савве костяшками в переносицу. На лице пророка то ли гримаса, то ли судорога. Грудь рывками подается вперед, Джа выталкивает из себя звук, крик, обрывистый, но отчетливый. Он захлебывается, вынырнув из глубин чужого сознания будто из омута, и вскочив с дивана, падает на колени, отхаркивает фантомную воду.

— Сколько времени? — спрашивает он сквозь сухой кашель.

— Сколько длился приступ? — уточняет Савва. — Минут десять, пятнадцать.

— Сколько СЕЙЧАС времени? Точно.

— Два сорок три.

— Мраазь, — ревет пророк, уткнувшись лбом в пол, глухо стучит кулаком по мягкому ворсу ковра.

Джен бросился помочь, но Джа отбивает протянутую ему руку.

— Ты слышал? — спрашивает, наконец, подняв горящие бешенством глаза на Джена. — Я передавал, пытался.

— Только слово «Лети». До этого нечленораздельные звуки.

— Херово, — сев на пол, Джа обводит взглядом сгрудившуюся вокруг него толпу. Заметив Макса при параде и зареванную Алекс, говорит: — Отбой тревоги, мы никуда не едем.

— Что значит, не едем?

— А спасать некого. На часах Дома Профсоюзов было четырнадцать сорок два, когда он вниз прыгнул. Часы с моста хорошо просматриваются. Так что парень уже в Энке между третьей и четвертой опорами. Свидетелей много было, но вряд ли его спасут.

— Значит, у нас теперь и при убийствах сорока минут нет.

— Теперь он ебашит в реальном времени. Джен, эта тварь издевается! Знаешь, что он мне сказал? Что мы его РАЗДРАЖАЕМ. Под ногами мешаемся, вредим его «бизнесу». Для него это игрушки. Развлекалово.

— Как он это делает? — спрашивает Татьяна.

— Как его остановить? — спрашивает Ян одновременно с напарницей.

— Да откуда я знаю?! Он вторгся в парнишку, выбросил все из его рюкзака, набил кирпичами и бодрым шагом вышел с моста. И все это время скалился, напевая: «Война со всех сторон, а я опять влюблен, и что ты будешь делать?» А я ничего сделать не могу!

Дурацкая привычка оставлять на смартфоне стандартный рингтон чаще вскрывается в большой компании, когда от звонка все разом хватаются за аппараты проверять, кого именно требует внешний мир. Джен бедром чувствует вибро, достает из кармана мобильник, принимает звонок от Романова.

— На паспорт Ирины Киселевой куплен билет до Петербурга, — без приветствия сообщает адвокат. — Я провел ее как свидетеля по одному из дел, поэтому дальше аэропорта ей не уехать. Охрана уже в курсе, вылет сегодня в пять тридцать вечера. В лучшем случае ее

доставят в участок для дачи показаний, в худшем вам придется ловить ее в аэропорту.

— Понял. Скинь инфо сообщением. Будем ловить. Спасибо.

Романов отключился. Тут же в мессенджер прилетели координаты билета.

Они едва не опоздали.

У здания аэропорта припарковаться невозможно, очередь к шлагбаумам за жетонами платной парковки тянется от перекрестка, на бесплатной таксисты орут друг на друга за слишком плотное соседство, у ближайших домов и один мотоцикл поставить негде, о трех с довеском из арендованного Ауди конструкторов речи вообще не идет. Не глуша мотор, Джен приподнимается в седле, надеясь высмотреть подходящую брешь в автомозаике.

— Вот же ж блядство!

Всюду плотнячком, ногу поставить негде. Джен близоруко щурится, откинув забрало шлема, замечает в третьем ряду знакомый черно-белый паркетник. Таких по городу ездит несколько десятков, номеров он у тира не видел, но задачу с парковкой его присутствие решило.

Отъехав чуть назад и поравнявшись с Ауди, Джен стучит в стекло со стороны Татьяны.

— Видишь вон тот паркетник? Черно-белый.

Вглядевшись, Татьяна кивает.

— Я такой же видел у тира. Заприте его, чтоб не выехал. А мы попытаемся прорваться к терминалам.

Первой Елизавету замечает Алекс. Она так долго работала над чертами лица по фотс блондинки, что черный парик и солнцезащитные очки не сбили ее с толку. Байки ещё буксуют в пробке на парковку, перед ними у шлагбаума два авто, поэтому Джен даёт команду развернуться.

На низких оборотах, стараясь не выдать себя синхронным ревом двигателей и не заглохнуть, мотоциклы выбираются из четырехколёсной толчеи. Растягиваются цепью вдоль ограждения и попадают в поле зрения блондинки. Она была на полпути к паркетнику, но заметив мотоциклы, прыгает в первое же такси.

— Засекла! — кричит Джен, спуская Хищника со сцепления.

Едва замешкавшись у шлагбаума, такси как на реактивной тяге вылетает с парковки и сразу встаёт на курс по автотрассе. Джен выжимает до упора, и уже не смотрит на спидометр, только на приближающийся зад такси. Хищник рычит, скользит на мокром после ливня полотне асфальта. И неожиданно для Джена отдает первенство другому.

Монстер Саввы обходит Хищника справа, прямо по огромной луже, окатив деревья вдоль обочины на высоту человеческого роста. Слева вперёд вырывается Нортон. Теперь они идут параллельно, зажав такси между собой. И в тот момент, когда авто, будто сдаваясь, сбрасывает скорость, Джен вспоминает, за кем они устроили погоню.

Хлопок разорванной шины и истошный вой сигнала за спиной раздаются одновременно. Монстер подпрыгивает как на воздушной подушке, и опускается на оба — целых — колеса.

— Петляйте! — кричит Татьяна, высунувшись из Ауди.

Джен уходит влево, пропуская конструкторов вперёд. Теперь они с Фаером замыкают процессию. С высоты Хищника Джен видит, как трескается совсем свежий асфальт, но остаётся на месте — на скоростях Елизавета не успевает сконцентрироваться в точке,

разрушить его полностью, только цепляет. А то, что удастся выбить из-под колес, тут же латает Татьяна так быстро, что байки не замечают ям.

Осмелев, Савва вырывается вперед, выныривает перед самым носом такси, выписывая зигзаги. Джен занимает ее место справа. Пнув ногой в пассажирскую дверь, Джен требует водителя остановиться. Бедняга напуган до смерти, вцепившись в руль как девочка на первых выездах в автошколе, он мотает головой и удерживает педаль газа.

Да чтоб тебя!

Им везёт, что дорога впереди пуста, до стелы, отмеряющей границы города, осталось всего ничего. Из свидетелей гонки только фуры на встречной и квадрокоптер, патрулирующий над трассой. Дождавшись, когда плотный ряд деревьев вдоль обочины поредет до обособленных стволов, Джен достает из-под куртки сюрикен и запускает его в переднее колесо такси.

С левой руки метать неудобно, диск шаркает о крышку и отскакивает вперед на асфальт. Аккурат под колесо. Зубцы «звездочки» насаживают резину до самого обода. Такси бросает вправо, на Джена, он едва уворачивается от авто, завалив мотоцикл в экстремальный угол. И тормозит рядом, у соседней сосны.

Водитель выкатился из машины скулящим комком и, сложив руки за голову явно привычным жестом, что-то лепечет про «не знаю, не видел», хотя до него никому нет дела.

— Лиза, выходи без фокусов, — требует Татьяна, захлопывая дверь Ауди.

Ян тоже вышел из машины, держится поодаль, на подстраховке. Джен перехватывает нож поудобнее, заводит руку за спину, чтобы лезвие не попадало в поле зрения Елизаветы, и открывает дверь такси.

Выставив вперед ноги в ярко алых босоножках на огромных шпильках, Елизавета выплывает из авто. Укороченные голубые джинсы второй кожей обтягивают идеальные ноги. На груди пауком все тот же ловец снов, отпечатавшийся в памяти Джена с первой встречи. Она окатывает инквизитора презрительным взглядом.

— Один на один с девушкой не сладил бы, ковбой? Целый табун привел.

— А ты, я вижу, новые туфли купила.

— Какой внимательный, — блондинка цокает языком. — Я не люблю, когда мужчины меня запоминают. Потом отбивайся от них, звонки сбрасывай, утомительно.

— Зубы не заговаривай, — Ян протягивает ей черный плотный шарф. — Завязывай глаза.

— А иначе что? — жеманничает она, глядя на шарфик. Поджимает губы с досадой: — Интересная вещица, где купил? Адресок подскажешь?

— Не по зубам, да? На заказ сделана, каких как ты в узде держать.

— Вот что ты к моим зубам привязался? Как будто сам не такой. Слушайте, ребят, вы меня или отпустите уже, или прямо здесь закопайте. Рассказать мне вам нечего, спасти меня никто не придет, у него таких бойскаутов не водится.

— У кого? — подрывается Джа. Бросив мотоцикл Савве на поруки, он обходит машину и встает рядом с Дженом. — Кто он такой? Где его найти?

Елизавета не спешит с ответом, разглядывает Джа с ног до головы с искренним любопытством и улыбается так плотно, что даже Джен почувствовал неловкость.

— А вблизи ты еще симпатичнее.

— Кто он такой и где его найти? — повторяет Джа, едва сдерживая бешенство.

— Милый, если я расскажу тебе хоть что-нибудь, знаешь, что со мной сделают? Мммм?

Ты вообще представляешь, какие искусные извращенные ощущения может доставить человек, способный вылепить из твоего сердца куличик? Или превратить кровь в бренди? Нет, дорогой, я лучше сама себе язык отрежу. Ножом, по старинке.

Она не врет. Джен уверен и в ее искренности, и в ее страхе. Он помнит, как выглядит страх — рациональный, бесспорный, с которым живешь, как с правилом сродни «вода — намочит, огонь — обожжет». Расскажешь, раскроешь — не убьет, сделает живым пластилином из нервных окончаний и разума, чтобы все чувствовала, понимала и не могла сопротивляться. Он так поступал уже, при ней, сделал свидетелем, и теперь от одного упоминания ее зрачки расширяются, будто картина разыграна только что перед глазами.

— Ладно, завязывай глаза и поехали, — командует Джен. — Там видно будет.

Руль Нортон гулко бьется о багажник такси. Выставить подножку на доверенном мотоцикле Савве не с руки, и она просто прислоняет его к машине торопливо, оттого и небрежно.

— Нет, подожди, — обогнув авто, Савва подбегает к Елизавете. — Юлю зачем?

— Что? — переспрашивает Кондрацкая удивленно.

— Девушка в среду на Красном проспекте. Ты ей кирпич на голову сбросила? Зачем?

Задумавшись на миг, Елизавета вспоминает. Она так очевидно колеблется соврать или сознаться, что Джен готовится применить силу, если вздумает играть в невиновность.

— Эксперимент, — отвечает она. — Нужно было понять, на что вы реагируете — на Машину смерти или на убийства вообще.

Тихий щелчок, будто металлическая защелка встала на место. Елизавета вскинула руки, но они безвольно падают, повиснув вдоль тела. Подгибаются колени, она падает лицом вперед прямо на Савву, Оля успевает выставить руки, чтобы подхватить ее как гигантскую пластиковую куклу.

— Что за? — держа Елизавету на вытянутых руках, Савва прислоняет ее к боку такси и делает шаг назад, чтобы разглядеть работу вычурного механизма.

Сквозь расстегнутые пуговицы блузки виден ловец снов. Но обод с причудливым кружевом уже не болтается свободно на тонкой шее, он впивается в грудь Елизаветы микроскопическими зубцами, от которых на белом шелке мелкими точками проступает кровь. Ее глаза, распахнутые от испуга и отчаяния, закатились. Джен успевает подхватить вытянутое бамбуковым стеблем тело до первой судороги и уложить на пыльную насыпь обочины. Агония длится всего пару минут.

Таксист, про которого все почти забыли, пустился бежать, но быстро рухнул на асфальт, связанный бичевкой Татьяны — еще одна проблема вкупе с нарезающим круги квадрокоптером и врагом, сбежавшим на тот свет от допроса. Стоя на коленях перед Елизаветой, Джен расстегивает остальные пуговицы и, распахнув полы рубашки, смотрит на украшение, врезанное в плоть, когда сверху голосом Яна звучит его мысль:

— Ну пиздец. Приплыли.

Конструкторы в команде полезны как отвертка — по принципу «что не выходит подкрутить, всегда можно выломать». На порушенную психику таксиста гипнофокусы Татьяны ложатся как брусчатка в песок — мягко и намертво. Вернувшись в машину, он откидывает до упора водительское кресло и засыпает крепким сном, чтобы проснуться разбитым и уставшим — еще бы, двое суток за баранкой, пробитое колесо, дома жена и вечно ноющие дети, столько проблем на одного работягу, немудрено, что кошмары снятся.

— Послушай, — Макс опускает ладонь как экскаваторный ковш на щуплое плечо Татьяны и, наклонившись к ее уху, обещает: — Сделаешь что-то подобное со мной или с кем-то из наших — прибью. Выберу момент и закопаю.

— Учту, — обернувшись, спокойно отвечает Медная. — Буду бояться.

От квадрокоптера остались только лопасти, рассыпавшиеся по лесополосе. Возвращаться в город полным составом нельзя, но прежде чем разъехаться, Ян с Ритой трудятся над байками, воплощая старый киношный фокус на новый лад. Черный цвет оказался практичным и здесь — конструкторы аккуратно вытравливают из черного покрытия цветные пигменты, это гораздо проще и быстрее полной перекраски. Выходит мерзко. Если для Урала землисто-зеленый цвет почти родной, то Нортон в грязно-красном выглядит облезшим, остальные байки тоже из ярких коней на глазах превращаются в дряхлых кляч, смотреть на это больно физически.

— На выезде постов не было, значит коптер запускали с той стороны, — рассуждает Ян, отряхивая ладони от невидимой глазу пыли. К его белоснежным кроссовкам, оставшимся чистыми и после ночного кросса с препятствиями через соседские участки, грязь вообще не липнет.

— Вы возвращайтесь в город, — предлагает Татьяна. — Мы проедем дальше по трассе. Убедим патруль стереть видео с сервера. Надеюсь, получится. Черт их пойми, все эти новые технологии.

— Ну да, езжайте, — бормочет Джен, оглядывая грубо размалеванный мотопарк. — С трупом-то в багажнике.

Из такси доносится густой храп как вещественное доказательство дара убеждения.

Еще одна фура угловатой гусеницей проносится мимо, следуя в город. За время их стоянки в обе стороны промчались с десятков машин, и ни одна не притормозила полюбопытствовать, что за кипиш на обочине.

У Джена дурное предчувствие.

— Рита? — окликает он. — А давай-ка ты со мной поедешь.

Она бросает тревожный взгляд на наставницу и после кивка Татьяны идет к перекрашенной в грязно-рыжий Ауди, достает из багажника мотоциклетный шлем.

Предусмотрела. Или надеялась?

Мешкать не стоит. Один за другим встают на колеса байки, ворчат недовольно, сверкая на солнце изуродованными баками. Савва первой снимается с места, позволяет Джа догнать себя в ту же минуту. Фаер тоже не торопится. Сотка в час по трассе для мотомотора — улиточья скорость, и камер впереди ни одной. Джен беспокоится, им бы скорее в город, в бункер мастерской и вернуть первоначальный вид мотоциклам, пока не засветились.

Лишь поравнявшись с Саввой, он понимает причину — каким бы ты ни был заядлым

байкером, сложно управлять мотоциклом, рыдая навзрыд.

В левое ребро давит сюрикен, Рита прижимается к его спине, обхватив за талию, цепляется кулаками за куртку в очень неудобном для Джена положении. Хорошо, что кожа у многоножен крепкая, портупейная, сюрикен не прорежет. Девчонка без защиты, случись что, шлем не спасет от переломов, поэтому Джен и сам осторожничает, пристально следит за спидометром, сбавляя скорость, которую на трассе совсем не чувствуешь. Когда Фаер выходит вперед, обогнав Монстера с Нортоном, Джен остается замыкающим. Стараясь не увеличивать разрыв, он следует за тощей спиной Джа, как за компасом.

В один момент Нортон удивленно глотает рык и заваливается набок, едва не подсекая Монстер под переднее колесо. Джа на плече юзом идет по асфальту вслед за байком, по инерции, оцепеневший как манекен. От резкого торможения на дороге остаются жирные полосы. Джен бросает Хищника поперек трассы, несется к Джа и, откинув забрало шлема, видит нервный зум зрачков пророка.

— Не трогай! — останавливает инквизитор Савву. — Не шевели его, вдруг переломался. Лучше скорую вызови.

Это должно было случиться рано или поздно, поэтому экипировку для пророка Джен всегда подбирал сам по отзывам, непременно проверенную отбитыми экстремалами, и обновлял ее вслед за свежайшими разработками. Он следил, чтобы во внутреннем кармане куртки Джа обязательно лежала бумажка с группой крови и номером Джена для связи. Он был готов и, казалось, все предусмотрел. Кроме места.

— Да не знаю я! — кричит Олька в трубку. Вертит головой по сторонам. — Какой здесь километр? Ни одного столба поблизости. Нет, деревню не проезжали. Вы через сколько приедете? Твою мать, — сбросив вызов, она едва сдерживается, чтобы не запустить смартфон в горизонт. — Твою мать, твою мать...

— На аварии быстро выезжают, — робко пытается обнадежить Рита. — И с мигалками.

— Надо ловить машину. — Джен прислушивается, но трасса молчит как зона отчуждения. — И фокусникам позвонить. Рита, у тебя их номер есть? Пусть разворачиваются, может, быстрее приедут.

Джа лежит на боку, поджав ноги. Ему бы шлем снять, но Джен боится потревожить шею. Навернуться с байка на сотке километров в час — не каждый выживет. Пророк дышит, пульс зашкаливает, как обычно во время приступов. Расстегнув осторожно его куртку, Джен осматривает одежду. Крови не видно, хотя Джа так любит кутаться во все черное, что ее не сразу заметишь.

Очнувшись, Джа хватается Джена за руку и, опершись, садится на асфальт. Мотает головой, как оглушенный, срывает шлем, вспотевшие волосы сразу залепили лицо.

— Мы больше никогда не успеем, — говорит пророк.

Ему тяжело дышать, руки дрожат, когда он непослушными пальцами пытается расстегнуть кнопки мотоциклетных перчаток. И стоило Ольке крепко обнять его со спины, Джа вскрикивает от боли.

— Что такое?!

— Ключица, — стонет он, схватившись за надплечье. — Сломал, наверное.

— А все остальное? — спрашивает Джен.

— Вроде, цел. Надо с дороги уйти.

Встать на ноги у Джа не выходит. Боль от лодыжки простреливает до поясницы, охнув, пророк виснет на руках Джена, дышит часто, прикрыв глаза, пока не отпустило. Олька

беспомощной тенью кружит вокруг.

— «Скорая» едет, — говорит она, подбирая с асфальта упавшую перчатку Джа. — Рит, ты ребят развернула? Навстречу поедem, все быстрее...

— Не надо. — Джа, стоя на одной ноге раненной цаплей, отпускает Джена и притягивает девчонку к себе, обнимает крепко, насколько позволяет здоровая половина тела. — Некуда уже торопиться.

— Что ты видел? — спрашивает Джен.

Пророк колеблется. Включил режим замкнутой системы и перемалывает внутри себя доводы, пока не просеет все за и против. Как в первое время после знакомства, тогда Джена злила эта откровенная опасливость, позже она сошла на нет, и вот теперь пророк снова подбирает слова, в одиночку решая, как дальше действовать.

— Он знал, что я сейчас за рулем, — признается Джа. — Точнее, он был уверен, что я неподалеку от блондинки и на колесах. Самое простое решение. Он и воспользовался. Заскочил в какого-то мимокрокодила только, чтобы попрощаться. Так и сказал. А еще сказал, — Джа хмурится, вспоминая дословно: — «Кто ж знал, что вас так вдохновят эти тридцать девять минут».

— Тридцать девять минут? — переспрашивает Алекс. — Мы за блондинкой сегодня дольше гоняемся.

— Он имеет ввиду временной зазор между моей отключкой и убийством.

— Но почему именно тридцать девять?

— Черт бы его знал, — отстранившись от Ольки, Джа пытается наступить на поврежденную ногу и кривится от резкой боли. — Кстати, а чего трасса такая пустая?

В самом деле. Последние фуры проехали мимо, когда они только собирались разъезжаться с конструкторами.

— Очень странно, — говорит Алекс. — Эту трассу же расширяли в прошлом году. Я помню по новостям, добавляли по две полосы в каждое направление, а то народ бился. Здесь лихой поток должен быть.

— Он и был, — замечает Макс, — пока мы сюда летели.

— Что-то не так.

— А мы скорую вообще дождемся? — Джен выходит на дорогу, сложив ладонь козырьком, вглядывается в горизонт, прислушивается к вялому ветру. — Рита, позвони все же друзьям, пусть возвращаются.

— Да не надо никому звонить! — психует Джа. — Они поехали разбираться с гаишниками, вот пусть и разбираются. Сами справимся. Как-нибудь. Нортону сильно досталось? — спрашивает он, пытаясь разглядеть байк, оттащенный Максом на обочину.

— Нормально все, не грейся, — успокаивает Макс, махнув рукой. — Бок поцарапал чуток. У Джена и то страшнее было. Я вот что предлагаю. Мы тебя сейчас ремнями пристегнем к Джену. Рита сядет к Ольке, они с Санькой возьмут Нортон за руль с двух сторон, и мы потихонечку двинем в город.

— Так и сделаем, — поддерживает Джен.

Сесть на Хищника для Джа труда не составило, но крепко держаться за Джена одной рукой он не может. Из дженовой портупей и максовского офицерского ремня вышел надежный обхват, который затянули на уровне ребер.

— Тебе управлять-то удобно? — спрашивает Джа, защелкивая замок шлема.

Джен кивает.

— Нормально. Трасса пустая, вилять не придется. А в городе тачку тормознем, пересядешь.

Хищник рычит матерым волком, вальяжно катит по асфальту, ему полтинник километров в час привычная скорость. В зеркало заднего вида Джен поглядывает на транспортировку Нортон — девчонки молодцы, держат цепко, хотя на вытянутой руке это непросто, байк изредка виляет, но быстро встает на курс. Совсем как Джа. Закон симметричности судеб мотоциклов и их владельцев в действии.

Издешки ради солнце выползло из-за облаков и липко жарит. Но пекло все же лучше, чем дождь, обещанный десяти процентам Икстерска. Джен помнит свое удивление, когда Джа объяснил, что вероятность осадков — это отнюдь не вероятность, а процент от площади населенного пункта, где дождь точно пройдет. Даже математика оказывается не тем, чем кажется. Или это не математика вовсе?

Джен погряз в неопределенности. Как в болоте. В одном из тренингов-подкастов, которые Джа постоянно слушал вместо телека, копошась на грядках сада, ученая дама рассказывала, как помочь мозгу решить проблему, если она выглядит нерешаемой. Нужно изолироваться от людей и информационного шума, задать мозгу вопрос и уйти в релакс самым приятным способом — послушать музыку, устроить киномарафон, поспать, наконец. Книжки подходят плохо, они переключают сознание на свою волну, а для получения эффекта аналитическая часть мозга должна заниматься поиском решения, пока органы чувств впиваются ощущения. И ответ придет. Сам. В виде озарения. От усталости Джен готов перепробовать даже этот способ в купе со схемой Исикавы и шаманскими практиками, но рефлексировать ему попросту не оставляют времени. Он как пожарный пытается потушить вспыхивающее то здесь, то там пламя, не догадываясь, что в брандспойт залита горячая смесь.

Белый кирпич фуры вырос на горизонте неожиданно. Джен не рассчитывал увидеть впереди себя на трассе кого-либо, кроме встречных, поэтому поддал газу, и вскоре смог разглядеть длинное тело кузова, а за ним еще несколько сбившихся в стаю тягачей.

— Зашибись тусовочка, — откинув забрало шлема, Птенчик приподнимается с сиденья, чтобы разглядеть толпу великанов.

Их около десятка, с номерами разных регионов. Кабины пусты, водители рядом, их голоса рваными звуками доносятся из самой гущи.

— Я схожу, посмотрю, — Джен глушит мотор и, убедившись, что Джа твердо стоит на асфальте здоровой ногой, расстегивает ремень.

Макс с девчонками паркуются рядом. Спрыгнув с Фаера, Алекс ставит Нортон на подножку и трясет затекшей рукой. У Риты болит плечо и, воспользовавшись случаем, она разминает мышцы.

— Не оставляй девчонок одних, — просит Джен Макса. Солдат явно намеревался идти вместе с ним на разведку, но спорить не стал.

Обычно фуры по трассе идут караваном. Растягиваются длинной очередью с просветами для легковушек, идущих на обгон пятнашками. И паркуются у придорожных кафе стройными рядами как по линеечке. Здесь же тягачи сгрудились кривой снежинкой, кто куда, один даже выкатил на встречу кабину, круто вывернув передние колеса. Между ними — целый лабиринт. Джен оглядывает сами машины — целые, ни царапины. Кабины пусты, троих дальнобоев Джен замечает в просвет между кузовами, они отошли на обочину,

раскурили по сигарете и каждый молчит о своем. Еще один тихо разговаривает по мобильному — на другой стороне дороги. Остальных не видно. Вырулив из лабиринта к точке сборки, Джен едва просочился между бамперами двух тягачей, и увидел причину скопления.

Все шоссе усыпано битыми тарелками, коробками и паллетами. Разноцветные осколки топорщатся, хрустят под подошвой от неосторожного шага. Ветер лениво пинает разбросанную пупырчатую пленку, и она нехотя переворачивается, шурша по асфальту. Поперек дороги на всю ширину разлеглась фура. От зеленого прицепа уцелела лишь одна боковая стенка, на которую он и завален, остальные смяты гармошкой и торчат, будто картонные. Вторая фура — белая, видимо ставшая причиной аварии, выехала на обочину и тоже улеглась набок. Слева зацепили легковушку, серебристый Форд грустно распахнул в небо покореженный капот в немом крике. То, что когда-то было бампером, а теперь напоминает спираль, валяется далеко на обочине.

— Все хоть живы остались? — спрашивает Джен у стоящего неподалеку сухонького мужика с землистым лицом.

— Одного тяжелого увезли, — отвечает он, не взглянув на Джена. — Хер знает, довезут ли. Эт водила с зеленой. Остальные вроде ничего. Три скорые приехали, одна укатила, а две вон еще стоят.

— Теперь понятно, почему мы ее не дождались.

— А у вас чего? — мужик, наконец, взглянул на Джена, наклонив голову.

— Мы на байках. У товарища что-то клинануло, юзом пошел. Лодыжку повредил и ключицу. Скорую вызвали, но ее ждать — сдохнуть можно. Решили сами до города докатить. А тут...

— Тут надолго, — подтверждает мужик. Достает из нагрудного кармана пачку сигарет, протягивает Джена.

— Нет, спасибо. Бросил только. Держусь.

— Ну держись, — посмеиваясь, мужик закуривает сигарету, затягивается с удовольствием. — Вы-то на мотиках можете с той стороны проехать. По обочине. С этой не пройдете, он кабину прям в кусты загнал. Уйти хотел. А все равно зацепил. Говорят, тормоза.

— Тормоза отказали?

— Вроде того.

— Тормоза с таким весом это страшно. И часто у вашего брата такая беда?

— Я двадцать лет на тягаче, и ни разу, тьфу-тьфу. А вон смари-ка, что делается. По рации мужики говорят, там, чуть дальше, еще одна фура навернулась. Тоже тормоза вроде.

— В смысле, еще одна?

— Туда, дальше, к Веселовке, еще одна авария. Че ты думаешь мы все здесь торчим? Давно развернулись б. Пока эвакуатор приползет. Так я б давно метнулся через Веселовку на южную трассу, уже в городе был бы.

— Нда, совпадение, — бормочет Джен. Отвратительное чувство причастности проступает испариной на висках.

— А, может, теракт? — воодушевленный догадкой мужик пихает Джена локтем. — А? Все может быть! Они вон...

Размышления водилы собирают винегрет из сетевых баек и программ РЕН — ТВ упираясь то в масонов, то в тамплиеров, то в Кадырова. Джен оценивает пути объезда и к

моменту, когда при любом раскладе крайними выходят американцы, коротко прощается с мужиком, пожимая руку.

Пока Джен петляет между застрявших в капкане тягачей, до него доносится жалобный рев мотоцикла.

— Надо валить отсюда. Нам не помогут.

Никто особо и не рассчитывал. Джа сидит на асфальте, прислонившись к Монстеру спиной. Уткнулся в смартфон, чтобы не видеть, как Алекс верхом на Фаере учится не бросать сцепление. Макс взмок то ли от жары, то ли от усердия в прокачке педагогических навыков. И хоть Птенчик старается, ее резвая натура мешает сохранять баланс между скоростью и безопасностью.

— Где девчонки? — спрашивает Джен.

Джа кивает в сторону ближайших кустов.

— Байк на вытянутых руках везти тяжело. Рита пытается что-нибудь сообразить из говна и палок.

— В фигуральном плане?

— Боюсь, уже нет.

— Пойду посмотрю.

— Джен, — окликает пророк в спину. — Ты про вторую аварию уже знаешь?

— Знаю. Что в сети пишут?

— Путин виноват, что дороги хуевые, — отвечает Джа.

В нем не осталось ни упрямства, ни ярости.

Прятаться от посторонних глаз в придорожных кустах Рите нет никакого смысла — дорога пуста, ее конструкторские фокусы никто не заметит. И тем не менее, они с Саввой ушли в заросли. Спустившись в кювет, Джен просачивается в узкую расщелину между кустарниками, ветви норовят исцарапать лицо.

— Нужно выбиратья отсюда, — говорит Джен, выходя на поляну. — Что вы мастерите?

На траве перед Ритой лежит почти готовое сооружение — три прямоугольные рамы (две одинаковые, третья значительно шире) соединены рядами ребер в трапецию. От них с двух сторон выступают метровые оглобли. Под устройством выложен крест из сухих палок, судя по всему, так девчонки обозначили для себя размеры.

— Наденем на Нортон как юбку, — объясняет Савва. — Нижний контур не даст перевернуться. Мы под Урал делаем. Он самый тяжелый и широкий. А Джа лучше ко мне пересадить.

— Это мощно, — присев на корточки, Джен рассматривает конструкцию. — Правда.

— Спасибо, — смущенно отвечает Рита. У нее лицо горит и усталость прочертила две борозды над переносицей. — Лишь бы об асфальт не сточился. Я еще плохо понимаю плотность.

— С виду наоборот, он в нашем асфальте борозды проделать может. Ты молодец. Долго еще?

— Да, вроде, все.

— Вот здесь, — Джен тычет в конец оглобли, — можешь отверстия сделать? Удобнее будет к байку крепить.

— Легко, — Рита намечает пальцем место и материал рассыпается под ним в незримую пыль. — Ломать — это мой главный навык.

— У тебя и строить круто выходит, — Савва встает с травы, отряхивается. Спрашивает у Джена: — Там все совсем плохо? По обочине протиснуться сможем?

— Да, с другой стороны есть просвет. За фурами две кареты скорой стоят. Если повезет, Джа в одну из них определим.

— Готово, — взявшись обеими руками за одну из перекладин, Рита наваливается на нее всем телом. Перекладина даже не прогнулась. — Вроде крепкая. Надеюсь, выдержит.

— Если выберемся — запатентуй, — советует Савва. — Нет, серьезно, офигенный навык. Я б отдала свою левую почку за способность состряпать полезную хелабуду из воздуха. Хрен с ним, с воздухом — покупаешь камаз отборного хлама, вываливаешь на пол в гараже и клепаешь тончайший фарфор с вензелями. Перерабатывающий станок высшего левела...

Прицеп вышел тяжелым. Джен сначала попытался закинуть его на плечо, но в итоге тащит через кусты волоком, проломив широкую плешь. Савва на ходу рисует бизнес-план завоевания мира. Весьма стройный, кстати.

С размерами девчонки промахнулись, Нортон в каркасе гуляет, норовит завалиться на бок. Рита из последних сил наращивает на перекладинах дополнительную массу, чтобы зафиксировать бока мотоцикла. В итоге выходит вполне убедительное устройство для транспортировки.

У Джа распухла нога, Джен практически тащит его на себе по узкой полосе между кюветом и вросшими в асфальт фурами. Они идут впереди, следом ведут мотоциклы Савва, Алекс и Рита, замыкает Макс. Отъезжающую скорую они ловят за хвост, водитель вовремя заметил их в зеркала, второй экипаж уже уехал и провозись Рита чуть дольше с прицепом, дорога в город далась бы трудней.

Утром в доме тихо. Ночевать осталась только Олька, и теперь кажется, что комнаты опустели. Неожиданное спокойствие, обманчивое.

Содранное бедро заживает, покрылось крепкой корочкой и стягивает, зудит невозможно, хочется разодрать заново, выпустить кровь. Джен ворочается в кровати, хватается за сон, который ускользает постепенно: сначала рвется сюжет, Джен вроде бы знает, что должно случиться дальше, но ничего не происходит; затем остывают ощущения, эмоциональный флер, которым обычно покрыты сновидения как хорошее атмосферного кино, истончается и сходит на нет; и вот ты уже в реальности, уже слышишь домашнюю тишину и чувствуешь, как зудит заживающая задница. Разодрав веки, Джен тянется к смартфону.

«Мы все уладили, вас на трассе никогда не было. Основная проблема тоже решена. В Икстерске делать нечего. Мы возвращаемся. С Ритой на связи».

Скорее всего, писала Татьяна. Джен не успел даже внести их номера в телефонную книгу. Свинтили помощнички. Бросив телефон рядом на подушку, Джен уговаривает себя встать с постели, расписывая план на день, который, непременно полетит в черту, как и все за последнюю неделю. Раз руки опускаются, значит, их срочно нужно чем-то занять.

Джа уснул вчера сразу, как вернулись, забился на свой диван под лестницей и до сих пор храпит, хотя уже перевалило за полдень. Олька напротив, будто и не засыпала, сидит на подоконнике в кухне с чашкой кофе и сигаретой.

— Конструкторы свалили обратно, — вместо «доброе утра» сообщает Джен, — в свою волшебную страну.

— Я в курсе. Рита звонила.

— Херово выглядишь.

Олька криво улыбается.

— Следы напряженной умственной деятельности. Замечал, что чем меньше человек думает, тем свежее выглядит?

— Серьезно?

— Вспомни фотки ученых. Эти жуткие бородатые черти у нас в школе в каждом кабинете висели. Один Менделеев чего стоит.

Кофе-машина крякнула и принялась варить кофе. Олька носком пододвинула пустую чашку по подоконнику в сторону Джена. Уставилась в угол кухни, будто зависла. Массивная пепельница из бара Косы забита доверху.

— Вот скажи мне, я понять не могу, — Олька разворачивается, свешивает ноги в комнату. — Он на кой хер за руль садится? Ладно, когда вы летите на приступ и надо дорогу показывать. И то, на машине тоже можно, зимой вы ведь как-то справляетесь без байков, а пробок больше.

— У него спроси, — отмахивается Джен от неприятного вопроса.

— Вот именно, — доносится из гостиной. — Сделайте мне кофе. Сейчас доковыляю.

Джа добирается до кухни азбукой Морзе: стук костыля — шарканье тапка. Взъерошенный, с темными кругами, от которых глаза-фары кажутся еще ярче.

— Доброе утро, — доковыляв до подоконника, клюет поцелуем Ольку в макушку.

— Доброе, — отвечает она, отстраняясь. — Вот, спрашиваю. Зачем? Ты ведь целенаправленно на мотоцикл пересел. Почему?

Отвечать придется. Джен ногой цепляет стул и двигает от стола к Джа.

— Спасибо, — пророк усаживается рядом с подоконником, прислоняет костыль к стене. — Оль, мне все равно нужно ездить по городу, чтобы узнавать места. У меня же навигатор в голову не встроен, что увидел, то и запомнил. Да и вообще. Раньше приступов было меньше. Один в два, а то и в три месяца. Я же не могу сидеть дома и ждать, пока осенит.

— Почему не авто?

— Я один раз уже отключился в жестянке. Больше не хочу. С мотоциклом... — Джа осекается, сболтнув лишнего.

— Что?

— На байке при столкновении гибнет только мотоциклист.

Олька глубоко вдыхает. Тянется за очередной сигаретой, чиркает зажигалкой. Кремень не с первого раза высекает искру, и Олька обжигается о колесико, но все равно добывает пламя.

— Есть еще пешеходы, — напоминает она упрямо.

— Это вряд ли. Только если на красный попрутся. Оль, я тридцать лет живу с этим.

— Но это не значит, что ты живешь с этим правильно!

Он не спорит. Встает, чтобы обнять ее, прошептать в волосы, что все будет хорошо.

Подставив под нос кофе-машины олькину кружку, Джен уходит из кухни, оставляя их вдвоем. Из четырех стадий принятия Джа, они на третьей. Первую стадию — признание — они проскочили. Джен помнит, как сам в первые месяцы настойчиво искал орехи в

видениях Джа, пытался свести к совпадениям, даже вспоминал теорию вероятности из лекций Политеха, в котором он так и не доучился. Но пророк воспроизводил детали с точностью киноплёнки.

На второй стадии в способностях Джа видишь бога. Высшую силу, за которой готов идти в огонь, воду, под пули, ножи в полный рост, не прячась, водрузив его дар как флаг над собой, как плащ супергероя, способный защитить и его самого, и тебя, его воина, его инквизитора. Ведь если Джа видит смерть чужих, то твою-то он точно узнает...

Не узнает. И это — третья стадия. Когда трезво осознаешь, в какой темный омут погружается пророк раз за разом, чтобы вынырнуть с чьей-то смертью в обожженной памяти. Как стачивают стержень его разума эти заплывы. И как хрупок он сам. Он — цепляющийся за реальность невротик с психикой подростка и опытом старика. Пока сознание принадлежит ему, он постоянно доказывает себе, что жив, что способен чувствовать и видеть прекрасное — он сажает цветы, прокачивает сквозь себя музыку и улыбается, иногда одними мышцами лица, будто заставляет их запомнить это состояние.

На этой стадии ты пытаешься его защитить. Джен шел на хитрости и применял силу. Он запирали пророка дома, спускал шины на всем транспорте, кроме своего Нортон и даже накачивал Джа наркотиками разной тяжести в попытке отключить его «связь с космосом» или хотя бы выбить из сил. Но ему удалось лишь запретить Джа встречаться лицом к лицу с убийцей. А еще — научить Джа стрелять.

Что касается четвертой стадии — принятия и смирения — Джен до сих пор через границу лишь одной ногой.

— И когда это началось? — спрашивает Макс, кусая яблоко — хрустящую, брызжущую соком на пальцы ранетку.

— Ты про что? — Джен дожевывает свой огрызок — дурацкая привычка съесть яблоки полностью, вместе с косточками (они, кстати, богаты йодом) привилась с детства, когда ранетки таскались мимоходом из вазы на кухне, а возвращаться, чтобы выбросить огрызок, было лень. Сейчас мусорка на расстоянии щелчка, не промахнешься (а промахнешься — огребешь от Джа за мусор в саду), но Джен все равно в два прикуса оставляет от яблока только веточку и укладывает ее рядом с остальными на стол, собирая геометрический абстрактный узор.

Отсюда, из беседки отлично просматривается и мастерская с распахнутыми настежь обоими воротами — проветрить от случайно пролитого бензина, и входное крыльцо, возле которого задумчиво курит Савва, сбрасывая пепел в переехавшую на улицу пепельницу из бара Косы. Перед Саввой полукругом расставлены вазоны с разногабаритными растениями, ждут своей очереди на место в ландшафтном рисунке.

— Про проект по озеленению вашего дома, — ржет Макс.

— Я и сам не уловил, — признается Джен. — Сначала они приперли какую-то пальму, потому что у Ольки дома ее держать негде. Потом она привезла всякую мелочь, которой нужен свет, а у нас подоконники все свободные. Потом Джа заказал для нее полосатого дикобраза, который в гостиной у шкафа теперь стоит. А дальше все как в тумане.

— Смотри, скоро в туалет будешь продираешься сквозь джунгли.

— Меня больше парит, что в туалет из-за Ольки в трусах не выйти. А джунгли... Пусть растут. Кстати, где Алекс? Давно ее не видел.

— Готовится к какой-то научной конференции. Она объясняла мне суть работы, но я только союзы понял.

— Умная женщина — горе в семье.

— Ага, — обглодав очередное яблоко, Макс точным броском отправляет огрызок в мусорный бак. — Как думаешь, уже выветрилось? — спрашивает у Джена, кивая на мастерскую.

— Давай проверим.

Полностью избавиться от запаха бензина в гараже — утопия, но два часа проветривания и кошачий наполнитель, рассыпанный на всю поверхность лужи, сделали свое дело. Пока Джен совком собирает набухшие гранулы, Макс закрывает «клиентские» ворота. Петли скрипят на всю улицу, смазать никак руки не доходят. За последний месяц работы выдалось много — к осени в мастерскую всегда тянутся недобайкеры, которые за лето убивают мотоциклы в хлам и с первыми холодами спешат избавиться от надоевшей игрушки. У Джена таких пациентов — львиная доля мотопарка.

— Вы когда на четыре колеса пересаживаетесь? — спрашивает Макс. — В октябре?

— Когда на летней резине ездить невозможно становится, — отвечает Джен. — Мы тачку не переобуваем даже. Комплект летней, валяется, конечно, в загашнике. Нулевой до сих пор.

— Ясно. — Макс достает с полки свой комплект инструментов, подсаживается к разобранному Сузуки, который они перебирали пока Макс не навернул случайно плохо

закрытую канистру. — Слушай, я вот что хотел спросить. На счет зимы.

— Если ты про то, будет ли зимой работа, — догадывается Джен, глядит на Макса сквозь обнаженный скелет мотоцикла и уверяет: — будет. Я зимой мотоциклы ближе к стенам уберу под чехлы, места станет больше, можно машину на ремонт загнать, так что если хочешь в долю — не вопрос. Больше рук — больше заказов взять сможем.

— Это круто. Спасибо, брат. Я, честно говоря, хочу вообще свалить из ЧОПа. Надоело охранять барахло и отгонять от него дебилов.

— Ну, если Алекс мне голову не откусит за то, что ты весь бензином провонял, вливайся в полную силу. Научить тебя всему, я научу. Да и будет кому оставить все это хозяйство в случае чего.

— В случае чего? — напрягшись, переспрашивает Макс. — У Джа снова был приступ?

— Нет, — Джен разворачивается к подставке, снимает с нее пару ключей, один кладет рядом. — Сколько с аварии прошло? Месяца полтора? Вообще не помню таких перерывов.

— Так, может, все закончилось?

— Неет, Макс, — отвечает Джен, с усилием откручивая очередной болт. — Такое просто так не заканчивается. У Джа нет приступов, потому что *Он* ушел из Икстерска. И случись это полгода назад, мы бы уже свернули здесь лавочку и колесили по стране. Мы ведь в самом начале ездили по городам, сначала в сторону Тюмени, потом развернулись на юг, до Сочи. Он везде отключался, но в Икстерске хотя бы места узнавал, поэтому мы вернулись. Здесь хоть что-то можно сделать.

— Значит, Джа сидит на месте из-за травмы?

— Из-за Саввы, — отвечает Джен. — В первую очередь из-за нее. Поклялся на крови не лезть на рожон без четкого плана, как мы любим. А плана у нас нет. Да и восстановиться ему надо, остыть немного.

Отреставрированный Нортон Джа припаркован рядом с возвращенным в клетку Хищником, пророк ни разу не сел за руль после аварии.

— Да, круто его Олька приструнила, — усмехается Макс со смесью восхищения и безобидного злорадства. — Когда мы провожали в последний путь ее бывшего... да не, он не помер, был с позором изгнан из теплой конуры на улицу. Мне он всегда побитого щеночка напоминал, Олька любит таких в дом тащить. Так вот, когда мы обмывали ее свободу, она торжественно клялась, что ее следующий мужик будет brutальным мачо на байке и в татухах.

Джена разобрал хохот.

— Я серьезно! Говорит: «Я мужиков по привычке выбираю инфантильных, и если в следующий раз опять поведусь на паппи-айз, ты меня, Макс, отмудохай до кровавых соплей. Разрешаю». Ну я уж не стал, у Джа, вроде, байк есть.

— Осталось татуху набить. Бабочку. На крестце.

— Тогда уж сердечко с именем на запястье, — фантазирует Макс. — Но вообще-то, я в Джа особой инфантильности не заметил. Наоборот, удивляюсь, как он так спокойно дрессировке поддается. Может, Олька навыки танка прокачала? Растет девочка.

— Джа чересчур тихий, — говорит Джен недоверчиво. — Жду, когда прорвет.

Настойчивый стук в «клиентские» ворота разносится по мастерской грохотом. Отложив ключ, Джен поднимается и, прихватив полотенце, вытереть черные от масла и металла ладони, идет отпирать.

— Вывеску привезли, — Джа хватается за вторую створку ворот, распаивает

настежь. — Старую выбросим или нужна тебе?

— Выбрасывай.

Джен выходит из мастерской, чтобы не мешаться под ногами работников. Следом выныривает Макс, с любопытством разглядывает инструмент в аккуратных раскрытых на полу ящиках. Монтажники — крепкие ребята в фирмовых комбинезонах без единого пятнышка и прорехи — выставляют лестницы по обе стороны ворот и, забравшись на верхние ступеньки, слаженно снимают пластиковую полосу с выцветшими буквами, которая служила вывеской. Новая, с объемными буквами из композита уже выгружена из грузовой газели на асфальт перед воротами.

— А нахера с подсветкой? — спрашивает Джен.

— Ты бизнес развивать собираешься? Или как?

Джа доволен. Он критически разглядывает вывеску, сделанную явно по его эскизу — огромные красные буквы «МАСТЕРСКАЯ» на белом фоне и два черных колеса с грубыми протекторами больше похожие на сцепившиеся шестеренки. От вывески идут провода питания, поэтому два прожектора, выложенные рядом вызывают вопрос.

— А это куда? — спрашивает Джен перекатывая носком один из прожекторов.

— Это на крышу. Я нашел офигенный мертвый эндуро. Завтра его привезут. Поставим на крышу, подсветим фонарями, будет чудесно.

«Чудесно...» — бормочет Джен, отходит от дома почти до дорожного полотна, прикидывая насколько далеко будет стрелять в ночное небо прожекторами «байк Саурана». Похоже, Джа решил, что их тактика «не отсвечивать» актуальность потеряла.

К соседскому дому слева, шурша гравием, подкатывает тяжелый и вальяжный как белый кит Рэндж Ровер. Джен не помнит, чтобы видел эту машину раньше, да и соседка — смиренная вдова местного электрика — слабо ассоциируется с такими знакомыми. Разбуженными инстинктами инквизитор фиксирует местоположение Джа, Макса, шуруповерта монтажников, который может сойти как за штык, так и за метательное ядро, прикидывает, сколько шагов до дружелюбно распахнутых ворот. Он готов и атаковать, и защищаться к тому моменту, когда пассажирская дверь авто открывается до упора, и растворяет угрозу.

Издали Джелю кажется, что сидящая в кресле женщина ростом не выше колеса машины. Развернувшись на сидении, она хватается за хромированный поручень в двери, выставляет ноги на подножку и выезжает на ней из Рэндж Ровера как примадонна на сцену — вся в белом — кроссовки, джинсы, кофточка с глубоким вырезом, кудрявые пепельные волосы собраны в высокий хвост. Не оборачиваясь, лишь протянув руку, вынимает из машины зонт-трость и, опираясь на него, оглядывает округу.

— Здравствуйте! — На вид ей лет сорок, но голос молодой и звонкий, как у первокурсницы. — Ребята, вы здесь живете?

— Да, — откликается Джа. — Вы заблудились?

— Нет, — она улыбается и, опираясь на зонт, идет к пророку. Без трости она вряд ли сумела бы сделать и шаг, Джен видит, как неустойчиво ступают толстые подошвы кроссовок на рассыпанный гравий. Ухоженные пальцы с массивным рубиновым перстнем крепко цепляются за рукоять зонта. Но ни в выражении лица, ни в искрящихся глазах нет отражения боли, которую, должно быть, она испытывает.

Не сговариваясь, Джен и Джа срываются ей навстречу, сократить расстояние.

— Ваши соседи дом продают, мы посмотреть приехали, — говорит она, переводит взгляд с Джа на Джелю и обратно, шурясь от слепящего солнца, хотя черные очки со

стразами болтаются на груди, зацепившись дужкой за массивную золотую цепочку. — Как здесь живется? Хулиганов много?

— Главные хулиганы здесь мы, — смеется Джа, — когда музыку врубаем на всю громкость.

— Вот как, — лукаво улыбается незнакомка. — Если купим этот дом, я привезу свою «S-90», и посмотрим, чья музыка громче. А в остальном здесь как?

— Обычно тихо, — заверяет Джен, уточнив про себя: «Если конструкторы по окнам не стреляют». — Но вы дом сначала посмотрите. Он очень старый. Пока хозяин живой был еще как-то следил.

— Этот дом мы снесем, свой построим, — она обернулась к машине, и Джен только сейчас заметил водителя — высокого седого мужчину с военной выправкой. — Мне главное — чтоб помидоры росли, и соседи были хорошие.

— За помидоры не скажу, но если соседи обижать будут — обращайтесь.

— Хорошо, — она кокетливо улыбается и кричит спутнику: — Позвони, пусть открывают. Ладно, ребята, спасибо. Переедем, приходите на шарлотку.

— Договорились, — кивает Джа. — С нас коньяк!

Все еще улыбаясь им, она бросает оценивающий взгляд на расстояние до калитки, словно перед марш-броском.

— Давайте провожу, — предлагает Джа, подставив локоть.

Уголки ее губ дернулись, как от пощечины, но улыбка на лице осталась приклеенной.

— Не надо, спасибо. У вас вон работники сейчас вывеску криво повесят, пока вы со мной болтаете.

Кивнув на прощанье, она разворачивается, переминаясь с ноги на ногу, и медленно, но твердо идет к соседским воротам.

— Хоть бы правда купили, — говорит Джен, провожая ее взглядом. — Крутая будет соседка.

— Да. А я уже напортачил, — вздыхает Джа. Оборачивается к мастерской, приглядывается к почти установленным профилям. — А вешают-то, и правда криво. Эй, парни! Уровни проверьте, криво крепите!

Уйти одним днём из ЧОПа Максиму не дают, приходится отрабатывать две недели, пока начальство ищет новую жертву. Одному возиться с байком Джену уныло, к хорошему привыкаешь быстро — к рукам на подхвате, диким историям из жизни охранника, будто из параллельной вселенной, где самым лютым злодеем предстает алкоголик с заточкой. Джа заходит в мастерскую все реже, находятся занятия поинтереснее, чем разминать пальцы струнами.

Закончилась вода. На днях привозили бутылки для кулера, разгрузили в кухне, до мастерской парочку Джен так и не донес, придется сейчас отвлекаться, мыть руки, шлёпать в дом. Может, сразу поесть? Уже перевалило за три часа, а он и не заметил.

Дверь во внутренний двор нараспашку, то ли сентябрь забыл, что он осень, то ли бабье лето решило отстреляться сразу за августом. В доме душно. Бубнит телевизор. Из кухни доносятся голоса, хотя гостей не ждали.

— Джен, ты здесь? Иди к нам.

В кухне Джа один. Физически. Остальные участники беседы разбросаны лицами по экранам гаджетов, Оля с Алекс помещаются в одной половине окна скайпа на ноутбуке,

Рита — в другой, Романов глядит со смартфона. На разделочном столе вялится недорезанная индейка — собрание явно спонтанное. И Джена приглашать не торопились. Случайно попал на совещание командного штаба.

— У Алекс есть теория, — говорит Джа, разворачивая ноутбук экраном к Джелу.

— Это не теория! — энергия Птенчика хлещет через край. — За авариями и убийствами стоят одни и те же люди. Одна и та же организация. Смотри, охранники на заводах, где битые тормоза делают, как и убийцы, ни черта не помнят. Правильно? Так может ими управляют через одну и ту же Машину смерти? Про которую Кондрацкая говорила, — Алекс переводит дух. — Еще момент. Оль, ты говорила, что колодки рассыпаются. Маячки или передатчики, которые в убийц подсаживают, рассыпаются тоже. Так может это вообще одна и та же субстанция?

— Как бы это проверить? — спрашивает Романов на громкой связи. — Рита, ты помнишь состав маячка Джелу? Если мы найдем битые колодки, сверить сможешь?

— Я попробую, — откликается Рита.

— У меня есть экземпляр, — говорит Савва. — Закину тебе вечером.

— Есть еще один момент, — Алекс переключается с камеры на демонстрацию экрана, выводит в эфир изображение карты с разноцветными флажками. — Синие флажки — это заводы по производству колодок, красные — это география нападений, спасибо нашему адвокату, а зеленые — география аварий от «Эквитас». Картину общую видите?

— Они по всей карте разбросаны, — Джен мысленно прокладывает траекторию от точки к точке, объехать все города месяца не хватит. Размах катастрофы ужасает инквизитора. Пророк и вовсе сидит подавленный, немой.

— Это да. Но главное, что синие флажки везде пересекаются с красными. Подсаживают маячки в одних и тех же городах! Зеленые, они не так коррелируются, это объяснимо — тачки с нашими тормозами могут даже за пределами страны кататься. Но! Авариями точно управляют, потому что одна закономерность все же есть, — от нетерпения Алекс шагает по комнате, ее голос то отдаляется, то снова становится громче. — Видите? Ну?

— Все города мелкие, — замечает Джен.

— Точно! Ни одного крупного центра, все на периферии, — Алекс отключает демонстрацию и на экране снова ее возбужденная физиономия рядом с Саввой. — Спрашивается, почему?

— Потому что в центрах полиция лучше работает? — предполагает Романов. — Боятся, что эксперименты накроют?

— Им пофиг полиция, — говорит Джен. В горле совсем пересохло. Сворачивая крышку с запечатанной бутылки, он проматывает в памяти информацию о конструкторах. — Во всех областных центрах есть наблюдатели-конструкторы. Те, которые заставляют соблюдать правила. Они орудует в слепых зонах. Значит, отщепенцы «Константы» или изгои.

— Отшельник, — подает голос Джа. — Самый главный, он — один, и провинция — его полигон.

— Думаешь, один человек способен навести шорох такого масштаба?

— Его боятся, — Джа пожимает плечами. — Вспомни Лизу. Мы же не знаем, сколько конструкторов ходят с такими же побрякушками. Он сколотил из них маленькую армию, рассредоточил по уютным городкам и дергает за маячки, пока «Константа» не видит.

— Ребят, — встречает Рита. — Меня-то на периферии нашли, значит, Икстерск — не слепая зона, а нападения здесь есть и синий флажок тоже.

— У тебя слишком громкий случай, — спорит Савва. — У «Константы» по-любому есть своя толпа дрессированных аналитиков, которые целыми днями собирают по сети супергеройские подвиги. И девочка, проломившая стену, в их фильтры попадет, а психопат с монтировкой — нет. Хотя с такими ресурсами могли бы и написать алгоритм по поиску повторений и выводу их в аномалии...

За окном на дикой скорости проносится старый грузовик. Грохот стоит на всю округу — то ли груз в кузове гуляет, то ли сам грузовик разболтан и вот-вот рассыплется. На другой стороне улицы старуха-соседка запирает калитку, сколько Джен ее помнит, в жару и холод она всегда выходит из дома в длинном васильковом кардигане летом поверх цветастого платья, зимой он торчит закатанными краями из-под старой дубленки. На дереве неподалеку сидит огромный рыжий кот, болтает пушистым хвостом. Джен подходит вплотную к окну, скользит взглядом по тихой маленькой улице с выгоревшей за лето травой, и спор, ведущийся на его же кухне, в его доме выглядит дикостью.

Горстка отшибленных человечков решила дать отпор Вселенскому Злу.

— Да бесполезно им звонить, — вскочив со стула, Джа разминает ноги. — Рита же пыталась узнать про Кондрацкую, ее послали. Они не дают инфо о конструктах даже своим, если ты не часть их структуры. А чтобы стать частью, нужно сначала пройти подготовку, сдать нормативы и обратной дороги оттуда нет. Я просить об этом не буду!

— Если это поможет, я готова! — говорит Рита.

— Еще чего! Ты мало свою жизнь из-за нас угробила?

— Из-за вас она у меня еще есть, вообще-то...

— Надо встретиться с Падре, — Джен возвращается к столу, садится напротив экранов. — Оль, можешь устроить встречу?

— Я попробую, — неуверенно отвечает Савва. — Его сейчас в городе нет, как вернется. Думаешь, он что-то знает? «Эквитас» были бы в курсе..

— Он в такие норы копает, должен был хоть раз напороться на конструкторов. А если нет, дадим ему координаты и скажем: «Фас».

— Нас при этом не покусуют? — уточняет Романов. — Как я понял, Падре не терпит увиливаний от закона, а мы только этим и занимаемся.

— Посмотрим. Может, наши законы ему понравятся больше.

Индейку Джа пережарил, мясо вышло жестким, безвкусным. Олька ночует у родителей, можно развалиться на диване и нон-стопом смотреть боевики с низким рейтингом Кинопоиска, пока кровь из глаз не хлынет. Раньше они с Джа устраивали такие «ночи ужасов», что-то вроде тренировки — придумаешь ли ты ответный ход на самую тупую или извращенную выходку сценариста. Из Джа получился бы отличный маньяк, не будь он пророком.

— Скажу тебе кое-что, только ты не ори, — Джа щелкает пультом телевизора, выбирая файл на забитой до отказа флешке. — Я на этой неделе до нотариуса прогулялся. У нас здесь в конце улицы. Написал завещание. На тебя. Если что, имей в виду.

— А запасного указал? — спрашивает Джен спокойно. — Я-то могу вместе с тобой скопытиться.

Джа задумался.

— Так можно?

— Ага. Я в свое Ольку добавил. Если ты подкачаешь.

У дивана стоит большая чашка жареного арахиса. Джен пристраивает ее на коленях так, чтобы пророку тоже удобно было нырять лапой.

— А с чего ты взял, что орать буду? — спрашивает он.

Джа морщится, будто приходится объяснять очевидное.

— Ты ж у нас оптимист. Мы всех победим, не смей думать о смерти — вот это все. А я подумал... Случись что, набегут мои родители, отожмут у тебя половину мастерской, нервы попортят, по судам затаскают, а тебе мир спасать в одиночку. Не справедливо.

— С твоей стороны хоть есть кому набежать.

Нежданно подкатывает тоска, щемится вверх по горлу прорваться то ли криком, то ли воем. Царапает изнутри сожалениями и чувством вины — бесполезным и неумным, не поддающимся ни времени, ни здравому смыслу, хоть убейся.

— Не дрейфь, — Джа закидывает руку на плечо Джена, нагоняет картинного пафоса, произносит с апломбом: — У тебя есть я!

И хохочет зловеще. Придурок.

На экране крутой полицейский неправильно держит десерт игл, которым никогда не вооружали силовиков США. При реальной встрече Джен скрутил бы этого умельца в захват одной правой. И любого другого. Если бы в реальной жизни противник стоял лицом к лицу и можно было разглядеть дуло направленного на тебя пистолета.

Нортон урчит довольно, соскучился. Владей Савва пирокинезом, байк расплавился бы в лужицу прямо под пророком. Джа надевает шлем, стянув пальцами в хвост волосы, которые стричь, похоже, вообще не собирается. Зажимает сцепление, проворачивает рукоятку газа, ловит вибрации застоявшегося мотоцикла. И спускает его с поводка. Савва не скрывает досады, у нее почти получилось сдержать Джа, приструнить, усадить на скамью запасных, но ключица восстановилась, лодыжка зажила, и Нортон снова в строю.

У постсоветского офисного здания вообще нет парковки. Вдоль изъеденных лишаям времени стен стелется разбитый тротуар, за ним — плотный ковер золотых листьев с торчащими в хаотичном порядке березами. Среди рощи отсвечивают яркими боками мотоциклы, в основном — японские стриты, и все как один малой кубатуры. Девчачьи. На их фоне даже Монстер Саввы оправдывает свое название, что уж говорить о Фаере, да и Нортон выглядят олдскульными тяжеловесами.

На проходной скупающий охранник следит за сериальными ментами через смартфон пристальнее, чем за мониторами видеокамер. Даже головы не поднял из-за ресепшена.

— Нам на третий этаж, — бросает ему, как в стену, Савва и ведет к лестнице.

Не смотря на относительно свежий ремонт, коридоры пропитаны запахом старых зданий — смесь рассохшегося дерева, красного кирпича и извести. Разноцветные вывески-стрелки вдоль лестницы зазывают в кабинеты за маникюром, разливными духами и турпутевками. Темно. С весны немытые окна забрызганы ливнями и голубями, из-за пышных крон деревьев солнцу внутрь не пробраться. Поднявшись на третий этаж, Савва ведет через длинный узкий коридор до поворота, за которым — второй столь же длинный и узкий. Из его глубины доносятся тихие голоса и запах сигаретного дыма.

Дойдя почти в конец коридора, Савва тормозит у двери с зеленой табличкой.

— погоди, — просит Джа. Останавливается, чтобы прочитать надпись: — «Некоммерческая региональная общественная организация по защите животных и окружающей среды от хомосапиенс».

Пока Джа хохочет, взгляд Джена падает на парочку курящих у окна.

— Вы не представляете, как это красиво, — говорит сидящий на подоконнике персонаж с длинными волосами и идеально подстриженной бородой. Длинный васильковый пиджак и остроносые туфли делают его похожим на хиппи в Гусси.

Собеседница — мягкая полноватая женщина с ямочками на щеках — только делает вид, что курит. Она подносит сигарету к губам, вдыхает совсем чуть-чуть и тут же выпускает дым, не затянувшись.

— Ой, я бы так хотела это увидеть, — мечтательно произносит она.

— Телефон в офисе оставил, позже покажу вам фото, — Хиппи отвлекается от жертвы своего обаяния, машет Савве рукой с сигаретой. — Я сейчас подойду.

— Это и есть ваш Падре? — тихо спрашивает Джен, когда Савва закрывает за ними дверь офиса.

Внутри неожиданно много места и людей. Сквозь жалюзи ножами вспарывает комнату солнце. Помещение разделено на три зоны стеклянными перегородками. Слева в огромном опенспейсе гудит рой молодых девчонок, перед каждой на столе по ноутбуку с двумя-тремя

дополнительными мониторами. Из-под потолка пульсирует негромко музыка. Напротив двери — маленькая зона отдыха с диванами и кофемашиной. Дверь в помещение справа закрыта, но отсутствие теней выдает ее пустоту.

— Чай, кофе, потанцуем? — весело спрашивает юная нимфа, выпорхнув из опенспейса в объятья Саввы.

— А коньяк закончился? — Олька картинно вскидывает брови.

— Магазин недалеко.

— Не беспокойся. Мы к Святейшеству. Подождем в кабинете.

— Ладно, — звонко отвечает нимфа и улыбается так лучезарно, что Джен готов плюнуть на цель визита, чтобы беззаботно поворковать с этим чудом природы. — Может все-таки кофе? Джентльмены?

— А капучино сделаете? — спрашивает Джен.

— Даже латте могу, если пожелаете.

— Ему столько лактозы будет вредно, — смеется Джа и подпихивает Джена в кабинет вслед за Саввой. — Пойдем... кофеман.

В кабинете светло и пусто, из мебели два длинных дивана, обтянутых дерматином с паутинами кракелюра на подлокотниках, да хромированный сервировочный столик на колесиках. Выкрашенные в белый стены испещрены следами канцелярских булавок и запыленными клейкими островками от скотча. На подоконнике неаккуратными стопками разложены фотографии в рамочках, газетные вырезки, распечатки статей новостных порталов и снимков с массовых мероприятий. Джен подходит ближе, чтобы рассмотреть гирлянду из рукопожатий Падре с разными людьми. Ни одного знакомого лица.

— Кто это? — спрашивает у Саввы.

— Адвокаты, прокуроры, меценаты. Все они действительно помогают сделать мир лучше, но их никто не узнает на улице.

— Может, оно и к лучшему, — замечает Джа, рассевшись на диване. — Целее будут.

— И то правда, — раздается за спиной, заставляя Джена обернуться.

Падре появляется в кабинете бесшумно, даже старые деревянные доски не скрипят под линолеумом. Тепло обняв Савву, он опускается на диван рядом с ней и жестом приглашает Джен сесть напротив.

— Не успел представиться, — говорит он, тут же подскакивает, тянет к пророку руку. — Даниил Летов. Можно просто Даниил и на «ты».

— Джа, — отвечает пророк. Спрашивает миролюбиво: — А «Падре» вас только адепты культа называют?

— Члены семьи, — поправляет Летов с улыбкой. — И коль вы — семья нашей Саввы, добро пожаловать. Не считите за напыщенность, кто-то из ребят ляпнул, и приклеилось. У нас, в «Эквитас», псевдонимы как вторая личина.

Он протягивает руку инквизитору, пожимает крепко, двумя ладонями.

— Джен. Рад, наконец, познакомиться.

— Вам предложили кофе?

— Да, спасибо.

— Что ж, — Падре откидывается на диване, закинув ногу на ногу. — Что вас привело? Савва предупредила, что дело чрезвычайно важное и срочное, но никакой информации не дала, поэтому мне пока нечем поделиться.

— Что ты знаешь о конструкторах? — спрашивает Джен в лоб и уточняет, чтобы

избежать ненужных увиливаний и кривотолков: — Я имею ввиду людей, владеющих конструктом.

Лицо Падре застывает гипсовой маской. Сцепив замком пальцы он несколько мгновений разглядывает ладони, будто они исписаны шпиргалками как на школьных экзаменах.

— Немного, — наконец, отвечает он, подняв взгляд. — Особенно, если учесть, что я — один из них.

Короткий стук в дверь и, не дождавшись ответа, она распаивается, впускает нимфу с подносом.

— Ваш кофе, друзья, — поставив поднос на столик, девушка подкатывает его к диванам. — Если понадобится..., — указывает пальчиком на дверь и, в два шага выпорхнув наружу, бесшумно прикрывает ее за собой.

— Один из них? — переспрашивает Джен.

— Да, — подтверждает Падре. — Угощайтесь, пожалуйста, некомфортно разговаривать, пока эта бандура стоит перед глазами.

На подносе единственная чашка с капучино, который теперь не лезет в горло. Джен откатывает столик в сторону, так и не притронувшись к кофе.

— Загвоздка в том, что мне сообщили об этой способности, — рассказывает Падре, — но пользоваться так и не научили. Я себя выдал. Сразу загорелся перспективами, как изменить мир. Оказалось, менять мир конструкторы категорически против.

— Расскажешь, как это было? — просит Савва.

— Не сейчас, — отвечает Падре мягко, обезоруживает ее. — Это не важно, навыком я пользоваться не умею. Стихийно прорывается, на эмоциях, а управлять не получается. Не у кого подучиться. Все потому, что выходить на свет конструкторы не собираются. Наверное, даже боятся. Пресекают любые попытки. Всякий раз, когда всплывает малейшее свидетельство их существования, они откапывают замшелую теорию об устройстве мира, и раздувают эту дичь по технологии Овертона, да простит нас физик за извращение его идеи.

— Например? — в горле пересохло, от глотка кофе еще хуже, но звать нимфу Джен не хочет.

— Мммм... Розуэлльский инцидент. Падение НЛО близ города Розуэлл, секретная база с телом инопланетянина, вы явно слышали об этом. Сам инцидент произошел еще в сорок седьмом и почти тридцать лет никому не было до него дела. Но в семьдесят восьмом уфолог Фридман внезапно берет интервью у майора Марсея, который участвовал в расследовании событий сороковых годов, и инцидент превращается в одну из масштабнейших теорий заговора. Военные скрывают инопланетян, космические корабли бороздят просторы нашей атмосферы, все взоры направлены в телескопы и ищут подтверждений или очередного контакта. А тем временем по всей территории Штатов ловят русского мальчика Сашу Давыдова, который надеялся получить убежище в США в обмен на свои способности создавать сверхпрочные материалы из песка и стекла. Говорят, фальшивые баксы, которыми Давыдов расплачивался в закуточных, до сих пор попадают у коллекционеров. Он им номера красивые присваивал.

— Откуда у вас эта информация? — Джа не усидеть на диване. Иногда Джену кажется, что любой мыслительный процесс требует от пророка движения. Вскочив, он отмеряет шагами мизерный закуток от диванов до окна — два шага к окну, один до левой стены, четыре до правой...

— Сопоставляем факты. «Эквитас» — фасад, за которым прячется колоссальная аналитическая работа. Мы построили алгоритм, который отбирает и сортирует все события, мелькающие в медиа, будь то личные страницы в соцсетях или ролики на ютубе. За последние два года я могу выбрать любое событие и посмотреть по нему дерево связей. Например, в Икстерске в прошлом месяце внезапно обветшали и разрушились два здания — тир и общежитие Института Дизайна и искусств. А еще в одном из тихих спальных районов слышали стрельбу и, что самое интересное, покосились несколько заборов, будто в них кто-то проделал дырку, а затем неумело залатал. Вы, кстати, в каком округе живете? М? — Падре испытующе глядит то на Джена, то на Савву. — Интернет и блогосфера в частности очень помогают. Что до прошлого, здесь я, действительно, могу лишь строить предположения. По мере загрузки архивов в базу данных. Или обнаружения закрытых сведений.

— Значит, никаких доказательств.

— Откуда им взяться, если все либо вычищается, либо списывается на коррупцию и раздолбайство? А согражданам только этого и нужно — обвинить во всем власть. Альтернативные теории нарушают устойчивый порядок пиздеца, потому нежизнеспособны.

— А если действовать их же методами? — спрашивает Савва. — Раскрутить как... саентологию.

— Конструкт — не религия. Конструкт — это ресурс. И те, у кого есть доступ к ресурсу предпочитают оставить его при себе. Как чертежи генератора бесплатной энергии. Они иногда появляются в сети, затем пропадают. Вместе с разработчиками.

— Мы могли бы...

— «Эквитас» может многое, — перебивает ее Падре. — И делает многое. Но бодаться против конструкторов — не наша лига. Я хочу, чтобы ты поняла, — он двигается на диване, чтобы быть к Савве ближе, сократить дистанцию. — Каждый из нас важен, каждый борется с беззаконием доступными ему способами. Вспомни, все свои задачи за последний год. Скольким ты помогла, скольким помог «Эквитас». А теперь представь, что тебя больше нет. Девчонок, которые жужжат в соседней комнате, тоже нет. Вы решили вместо маленьких, но успешных шагов, разбежаться и прыгнуть в обрыв без страховки.

— Это такая же операция, как остальные. Собрать информацию, просчитать риски...

— Савва, я это сделал. Как только узнал о конструкте. Информация собирается постоянно. Если ты хочешь, я открою тебе доступ к своим разработкам. Но только тебе. Раз ты с ними столкнулась. Остальным ребятам знать о конструкте не следует.

— Но почему?

— Потому что они, как и ты, рванут в бой, а это неправильно. Жертвовать ими ради фантомного блага — неправильно! Нашу работу никто кроме нас делать не хочет. Но разве она не важна?

Савва молчит, осажденная. Перемалывает внутри «за» и «против», понимает, что Падре прав.

Падре Джена нравится. Он представлял себе одухотворенного проповедника всеобщего счастья, но наставник «Эквитас» вопреки ожиданиям прост, конкретен и трезво оценивает факты. С таким Джен бы сработался. Если получится. Инквизитор сомневается, что Падре согласится помочь им.

— Один из конструкторов убивает людей, — Джа разрывает повисшее молчание. Прислонившись к подоконнику, он скрестил на груди руки, закрылся. Потрясенные рамки

шуршат, сдвигаясь. — Нам нужно его найти.

— Один? — переспрашивает Падре. — У них по всей стране рассредоточены тренированные карательные отряды.

— Этот — одиночка и убивает не по указке сверху, а потехи ради.

— Не может быть, — твердо заявляет Падре. — Если конструктор используется не в мирных целях, конструктора уничтожают. Это первое, о чем предупреждают перед обучением. И поверьте мне, доводы — более чем красноречивы. С картинками.

— Значит, он вне системы.

— И что именно он делает?

— Провоцирует авткатастрофы, — отвечает Джа. — Выводит из строя тормоза. Те самые колодки с буквой «М». Он может разрушать их, когда захочет.

— Но как? — Падре вскакивает, откатывает столик с уже пустой чашкой подальше от Джена и от двери и принимается ходить по комнате. Теперь они с пророком по обе стороны диванов, как на разных берегах. — Мы проверяли, никаких следов дистанционного управления.

— Их и не будет. Фокус в материале, из которого накладки сделаны. Он рассыпается в пыль, в песок, в воздух, как любое вещество при деструкте. Но главная фишка в том, что на этот материал наш Отшельник может воздействовать удаленно.

— Интересно, интересно... Я считал, что для контроля материи конструкторам нужно хотя бы видеть перед собой...

— Да, но этот материал особенный. Он управляем. Из него сотворены тормозные колодки, маячки, которые позволяют Отшельнику проникать в сознание людей, и блокираторы в смертоносных игрушках, которые носят на себе его приспешники. На наших глазах он убил свою помощницу. Ожерельем. Чтобы не разболтала лишнего.

Джа делает паузу, дает возможность собеседнику уложить в голове услышанное. Падре замер, подбоченившись, глядит в пол, будто узоры имитации дерева на линолеуме ведут его мысль лабиринтом к пониманию законов конструктора. В задумчивости он делает шаг назад, упирается руками в столик за спиной и едва не падает. На столешнице от его ладоней, как от гигантских зубов, остается два следа.

Джа описывает Падре факты о конструкторе, и Джен замечает, как филигранно пророк обходит свою роль в их получении. Будто не было привычки спасать людей, а попадание в самую гущу событий — случайность, нелепица, оплошность, допущенная Отшельником по неосторожности и блестящие дедуктивные способности участников пьесы.

— Ладно полиция, мы-то почему все эти убийства не связали вместе? — спрашивает Падре с сомнением.

— Потому что в материалах дел амнезию четко не указывают, маскируют формулировками типа «находился в состоянии аффекта». Наш адвокат пытался...

— У вас есть адвокат?

— Романов, — подсказывает Савва. — Очень крутой и правильный чел. Ему можно доверять.

— Надо будет познакомиться с ним. Он работает над этими делами?

— Да, — продолжает Джа. — Пытался объединить несколько из них хотя бы на уровне Икстерска, ему не позволили.

— Даже так... Ладно, давайте прикинем варианты, — Падре достает из заднего кармана

мобильный, загружает приложение для заметок и наговаривает на диктофон: — Мы знаем, что конструкторы отслеживают всех своих, так скажем, инициированных. Значит, проще всего вычислить чувака вне системы будет через их систему, — выключив диктофон, он замечает: — Я пытался найти сервера еще тогда, лет шесть прошло уже. Не вышло. Бился несколько месяцев и переключил ресурсы на более злободневную проблему.

— У нас есть мобильные номера двоих, — напоминает Савва.

— Прекрасно! — сигнал диктофона. — Проследить по номерам сети. Но самое главное — наблюдение за всеми охранниками цехов, отследить контакты, вычислить подсадку маячка.

— Бесплезно, — говорит Джен. — Мне подсадили, пока я на кассе в супермаркете рассчитывался.

— Лишним не будет. Савва, определи круг ребят, которых можно подключить к операции с максимальным доступом.

— Умные, свободные, сто раз думающие, прежде чем подставлять жопу под секиру?

— Именно.

— Будет сделано.

— Остальных придется держать в неведении. Испытание доверия. Как я не люблю этого!

Перечитав сконвертированную в текст заметку, Падре стремительно выходит из кабинета. из-за неприкрытой двери доносятся короткие команды, молодые голоса уточняют детали, гудят едва различимо кулеры ноутбуков.

Ищейка берет след. Теперь остается только ждать.

Осень вспомнила, что должна быть холодной и нагнала туч. Шарахнула сразу снегом. Белая пудра на желтых листьях, черная жижа на асфальте, в руках снежинки тают так быстро, что не успеваешь заметить узор. Но намек понят.

— Пора загонять байки на зимовку? — спрашивает Алекс, когда Джен выходит из мастерской передохнуть. Она сидит на корточках перед измятым мотоциклетным крылом и пытается словить на его черном глянце в объектив снежные кружева. Холод металла дает ей пару секунд форы прежде чем модель растает.

— Нет, это все к вечеру уже высохнет, — отвечает Джен, прислонившись к воротам. В футболке зябко, волоски на руках встали дыбом, но прохлада приятная для разгоряченного работой тела. — До конца октября можно смело гонять. Так что, еще недели три есть в запасе.

— Все равно страшно. Мог бы и подыграть, — она повышает голос, чтобы Макс в мастерской наверняка услышал: — А то придется мне теперь постоянно одной на такси ездить.

— Трусиха! — доносится изнутри мастерской.

— Зато жить буду дольше! А это, между прочим, нечестно с твоей стороны!

В кармане вибрирует мобильник. Сообщения от Аристократа всегда лаконичны как лозунги.

— Я к Косе, — сообщает Джен. Нужно переодеться, но Алекс расположилась, заблокировав ворота — не прикрыть и не спрятаться. Придется нести грязь в дом. — Вы идете?

— А надо? — спрашивает Алекс. — Олька точно не пойдет, и мне не хочется.

— Оставайтесь. Вроде ничего критичного, — Джен сомневается в своих же словах, но сообщение Романова действительно выглядит как предложение выпить в пятницу вечером.

В баре сумрачно и неуютно. Одинокие посетители серфят в экранах смартфонов, на столах не хватает салфеток, витражные окна давно не мыты и, что резануло Джена сильнее всего — нет музыки. Будто вместе с Юлей из бара ушла душа.

Долговязая фигура Аристократа скучает за дальним столиком. Он уже принял пару бокалов, галстук распушен, волосы взъерошены, пиджак висит на спинке соседнего стула.

— Привет, парни, — привстав, он здоровается с каждым за руку. — Так странно видеть, как вы по улице пешком гуляете. Непогода?

— У меня в планах напиться, — говорит Джа, плюхнувшись на стул. — Раньше на Юльку байки можно было оставить, сейчас эта опция недоступна. Ты что-то хреново выглядишь, дружище.

— Соколов, которого вы Хирургом прозвали, вчера сдался. Сам пришел в участок, накатал признание, — Романов опрокидывает в себя виски, кубики льда звенят об толстые стенки бокала. — И ведь позвонил мне только после того, как его оформили, попросил скостить срок, насколько смогу. У самого денег даже на проезд в последнее время не было — жена ушла, сам он спать от вины не может, работать тоже. Дошел совсем, я его не узнал в участке — кожа и кости.

— Он и так не особо упитанный был, — вспоминает Джа.

Джен глядит в сторону бара, за стойкой отирается татуированный малый с окладистой бородой и выбритыми висками. На рельефе оголенных рук можно разглядеть шрамы вздувшихся вен. Он прошивает периметр бара короткими взглядами исподлобья, но покидать пост не спешит, поэтому Джен отправляется за алкоголем сам.

— Бутылку «Джека», ведро льда и два бокала, — заказывает, взобравшись на высокий барный стул, и кладет перед барменом депозитную карту. — Коса здесь?

— Наверху, — настороженно отвечает малый. Проверяет карту по терминалу и, успокоенный результатом, достает со стеклянной полки бутылку. — Он редко спускается.

— Передай ему, что если бар загнетса, Юля ему этого не простит.

Малый усмехается горько, теплеет тоном.

— Каждый день ему это говорю. Девчонок приводил, чтобы за залом следили, он отказывается нанимать. Все ему не подходят, то стол не так вытирает, то музыку не ту слушает. Задолбал, — нырнув под стойку, он шумно набирает лед в алюминиевое ведро. — Так что, если есть кто на примете, приводите. Может, хоть старых друзей послушает.

— Поспрашиваю, — обещает Джен, тут же отстукивая Савве сигнал тревоги, может из ее знакомых подберется достойная хранительница наследия.

За стол он возвращается угрюмым. Первые порции «Джека» заходят как вода, хотя лед не успевает подтаять, чтобы разбавить терпкость виски. Беседа не клеится, на поминках и то оживленнее, есть что сказать об усопшем, что вспомнить. Здесь же горло запечатано беспомощностью. Отвратительное чувство, которое Джен всю жизнь травит в себе тренировками силы, воли и тела. И все равно не выдернуть с корнем эту заразу, не выжечь.

— Парни, дайте мне хоть что-нибудь, — просит Аристократ. — Хоть маленькую зацепку, чтобы этого дурака вытащить.

Дать нечего. Кроме второй бутылки, которую бармен молча ставит перед ними, хотя никто не заказывал. Все же молодец парень, умеет считывать желание гостей.

За окном вечер градиентом уходит в ночь. Вроде, приносили еду, вроде, мелькала возле кухни тень Косы, кто-то подал дурацкую идею выйти покурить (вроде, Романов). После первой сигареты мутит и «Джеку» надо выйти, но единственное, на что хватило сил — вернуться за стол, и теперь Джен тупо пялится в окно на веселую светомузыку светофоров.

Через открытую форточку белыми клубами вползает холодный воздух, треплет по загривку, растворяется в жарком зале. Разговоры за столами негромкие, поэтому истошный вой автосигнала слышен издалека. Он несется к перекрестку по двухполосной дороге, виляя дальним светом по синусоиде.

— Зеленый, — произносит Джа, вскочив с места.

Джен не сразу догадывается, о чем пророк, только когда первое авто — темный Лексус — стартует с перекрестка, наперерез несущейся неуправляемой коробке. От столкновения Лексус подбрасывает, разворачивает носом к перекрестку. Въехавший в него серебристый японец юлой крутится по дороге, разбрасывая ошметки бампера, выскакивает на тротуар и входит капотом в стену между окнами бара. Осколки лобового стекла сыпаются на карниз. Надутые подушки безопасности забрызганы красным. Из Лексуса вываливается водитель. Живой, хватается за голову, кроет отборным матом, бежит к развороченной японке. Из бара народ потоком льется на улицу. Джен с Романовым расталкивают зевак на пороге, подбегают к водительской двери. Стекло разбито. Намотав на предплечье куртку, Джен расчищает проем от торчащих осколков. Гул голосов перекачивается в голове как в тумане, глухой и далекий. Мазанув взглядом по окну, Джен видит Джа, он так и стоит у стола, вперившись взглядом в возню у разбитой машины.

— Не смотри, — одними губами шепчет Джен. — Не надо.

Пророк молча берет со стола бутылку и, свернув крышку, прикладывается к горлышку на два глубоких глотка. Сирены спецслужб орут совсем близко в три голоса. Развернувшись, Джа хватается за край стола, чтобы не упасть и плетется вглубь бара по той же синусоиде, которой шла к смерти японка с растаявшими тормозами.

Когда рослые парни из МЧС пристраивают гидравлические ножницы к кузову, Джен возвращается в бар. Пророка не видно, Джен идет к туалету, стучит в дверь и, услышав оттуда невнятные звуки, остается ждать снаружи. Сначала на ногах, затем сползает по стене на пол. Выкрашенные в черный кирпичи сливаются и кажется, что с потолка по стене хлещет густая маслянистая патока нефти. Чиркни спичкой, и взлетишь выше крыши, выше города, в другую дружелюбную Галактику. Но спички есть только у Аристократа, нужно попросить после. Стоя на четвереньках, Джен долбит в дверь, зовет пророка безуспешно. Сначала кулаком, затем плечом. Тишина Джена пугает. Из последних сил он поднимается, цепляясь пальцами за выступы деревянной двери как альпинист. Наваливается всем телом раз, два и выбивает крепкую (Коса на совесть прикрутил) щеколду. Вваливается внутрь туалета.

Пророк лежит на полу, скорчившись, видимо, как стоял на коленях перед унитазом, так и завалился на бок. Джен треплет его за плечо, хлещет по щекам, Джа дышит, но не реагирует. В уголках губ застывает то ли рвота, то ли пена. Откинув с лица пророка мокрые волосы, Джен пальцами размыкает его веки, боясь и надеясь увидеть дьявольский зум, но зрачки спокойны, они застыли, один сужен, второй расширен. Лопнувшие капилляры покрыли глазные яблоки кровавой сеткой.

Джен кричит. Зовет на помощь. В голове шум и муть от опьянения, приправленного ужасом. Ему бы протрезветь, чтобы суметь ясно мыслить, чтобы не напортачить. Но он

может только кричать и звать на помощь любого, кто откликнется.

Солнце с похмелья невыносимо громкое. Громче сирен скорой, на которой их доставили из бара в олькины руки. Поднять на второй этаж три невменяемых тела (одно под капельницей) проблематично, поэтому их уложили штабелями на разложенный в гостиной диван, и теперь солнце лазером прожигает Джелу череп насквозь. В правое ухо люто храпит Романов. На периферию взгляда Джелена попадают всклокоченная русая прядь и манжета белой рубашки. Со стоном Джелен поворачивает голову — заткнуть раскаты нет сил, так пусть хоть бьют в затылок, а не в висок — и встречается с пророком взглядами.

Джелено больно. Джелен видел боль пророка много раз, но никогда — такую. Злые скупые слезы стоят в красных глазах Джелена, на отеком лице гримаса отчаяния.

— Я не могу так больше, — шепчет Джелено посиневшими губами. — Не могу бездействовать.

Нащупав ладонью холодные пальцы пророка Джелен сжимает их. И моргает медленно, вместо кивка головой.

Казалось бы, что нужно двум мужикам в дороге? Комплект сменного белья, несколько теплых вещей и упаковка носков. Джа забил багажник машины под завязку, еще две сумки «первой необходимости» разлеглись на заднем сидении. Джен вовремя заметил размах, успел пристроить запаску, инструменты и дополнительную канистру.

— Сколько ему лет? — спрашивает Алекс, проводя ладонью по идеально отполированному серебристому боку. Во дворе под навесом авто выглядит захватчиком, вытеснившим мотоциклы из их ореола обитания.

— Ей, — поправляет Джен, показывает на черный молдинг вдоль двери с игривой надписью «Lady Lada». — Нашей Леди уже за двадцать, — Джен проверяет давление в колесах, подкачивал вчера, шины порадовали, держат идеально. Откинув сиденье водительского кресла, под которым пристроена ниша для экипировки, проверяет, на месте ли патроны. Сюда же нужно упаковать чезеты. Пусть под рукой будут только ножи и шокер, если уж спялят, обойдется без последствий. — Алекс, напомни потом показать Максу, где запасной компрессор лежит, а то я рабочий забрал.

— Вы как будто на край света сваливаете. Связь же будет, позвонишь.

— Может и не быть, а инструмент срочно понадобится.

— Ты при Ольке таких фраз не произноси, ладно? — Алекс хмурится, насупилась, машинально наглаживает драконьи крылья своего кулона большим пальцем. — Для нее ваша затея — самоубийство чистой воды.

Джен не спорит, не оправдывается, не бросается шаблонным «так надо». Может, девчонки и правы, все трое подняли истерики разной интенсивности: Савва орала, досталось даже Максусу за «бесхребетность и потакательство», Алекс расписала миллион доводов против от бесполезной потери времени до угрозы войны между конструкторами, в которой пророк и инквизитор будут только под ногами мешаться, Рита скрошила свой телефон прямо во время разговора, ей пришлось перезванивать с автомата, чтобы пообещать парням помочь «Эквитас» найти сервера конструкторов, где бы они ни были. Джен уверен только в одном — если ничего не делать, ничего не изменится. Поэтому чем сидеть на жопе ровно, ковыряясь в моторах, и заливать тревогу вискарем, лучше сорваться с места, объехать всю страну и попытаться снова ухватить волну, на которой Джа ловит Машину смерти, выйти на ее создателя. Сейчас они знают, что ищут. Джа будет внимательнее.

За забором сиреной гудит подъехавший грузовик. Джен гостей не ждет, поэтому к воротам идет, прихватив охотничий нож. Оказалось, машина к соседям.

— Уезжаете? — спрашивает Джен старушку-соседку, пока та зорко следит бережно ли грузят в машину ее драгоценные коробки.

— Да, сынок. Хватит, нажилась я на земле. Уже тяжело и поливать, и копать тяжело, руки болят, ноги болят, про спину вообще молчу. Поеду к дочке, она мне в соседнем доме квартирку однокомнатную справила, с ремонтом, даже мебель вся есть. Красивая. Мне хватит. Зато рядом будем. А тут и покупатели хорошие нашлись.

— Кто купил-то?

— Пара семейная. Хорошие люди такие. Мужчина импозантный, наверное, военный бывший, молчаливый такой, серьезный. А жена у него... у нее с ногами что-то, но красивая, как актриса! И такая болтушка. Хорошие люди. Вы с ними подружитесь.

Джен не сомневается. Вернувшись в дом, он достает из запасов бутылку четырехлетнего «Реми Мартин», которая еще столько же пролежала в его шкафу, и оставляет Ольке с запиской: «Передать Анжелике на новоселье». Слово нужно держать.

Из города выехали ранним утром. Небо ещё серое, заспанное. Далеко на горизонте выползает из-под земли раздражённое до красноты солнце. Джа молчит всю дорогу, устроил локоть на выступе пассажирской двери, подпёр голову и пялится вдаль как герой нудного музыкального клипа. Флешку с собранным в дорогу плей-листом доставать не собирается. И Джен не настаивает. У него самого настроение паршивое, а хорохориться нет резона.

Сначала собирались прокладывать маршрут случайно, но Романов предложил в первую очередь проехать по городам, где выпускают меченные тормозные колодки. На том и порешили.

На заправку заезжают не столько ради топлива, Джен накануне залил полный бак и канистру, сколько заправиться кофе. Пока Джен расплачивается, Джа выжимает из кофемашины два средних капучино, себе — миндальный сироп, Джелу — два сахара, не спрашивая, на автомате. Прихватывает для стаканов трубочки, с ними пить удобнее.

В прошлый раз выезжали в самую жару. Пекло нещадно, в машине с наглухо закупоренными окнами качал кондиционер, и любая остановка была вылазкой в Ад. Они забегали на заправки, покупали горячий кофе и ныряли обратно, в прохладу салона. Джа болтал без пауз. Нервно озирался на незнакомые пейзажи и вглядывался во все машины, идущие на обгон. Джен следил за дорогой, и за пророком, как хладнокровный телохранитель, пристреливаясь как в тире к каждому подозрительному персонажу взглядом через желтые стекла очков. Они только узнавали друг друга, и разговоры больше походили на байки из склепа — пророк описывал кошмары видений, инквизитор — ужасы службы. Они собирались спасти весь мир.

Сейчас они ищут след.

— Когда ты в последний раз говорил с родителями? — спрашивает Джен. Они только что проехали очередную деревню из тех, что нанизаны как бусины на нить трассы — мелкие и одинаковые, с деревянными прилавками для грибов, солений и банных веников вдоль дороги, с домами, гниющими под сайдингом или краской, сходящей ошметками с уставших брусьев. Веселые ухоженные палисадники чередуются с трупобами, которые едва держатся, уткнувшись в землю по самые окна.

— Не помню, — отвечает Джа. Его взгляд бороздит по заросшим камышами берегам мелких озер, рассыпанных между деревнями как битые стекла. — Им лучше думать, что я умер.

— Зря ты так.

— Ой ли! — Джа оборачивается. Улыбается невинно. — Джен, а ты каким был ребенком?

— Я? — Джен смеется, вспомнив. — Невыносимым, честно говоря! Мне нужно было везде залезть, все разобрать, дошло до того, что от меня все шкафы на ключ запирали. Даже стекла в серванте! У нас в зале стоял такой лакированный сервант, ну, знаешь, на высоких ножках, и в нем на стеклянных полках стояли всякие сервизы и хрусталь. Горы хрусталя просто! Салатницы одна в одну составлялись, чтобы поместиться.

— Да-да, у моих тоже такой алтарь мещанству имелся. Там за стеклянными полками еще зеркальные задники были.

— Точно. Чтобы казалось, что хрустала еще больше, — смеется Джен. — Так вот, я пока мелкий был, любил доставать из серванта хрустальные стопки. Их было два или три комплекта, на тонких ножках, чем-то они мне нравились.

— Сколько из них уцелело?

— Три. У всех остальных я обломал те самые ножки. Причем, добраться до них не так-то просто было, мама рассказывала, что я из подушек городил курган и взбирался на него. В итоге сервант закрыли. Потом я добрался до маминой косметики и сожрал половину губных помад... Чего ты ржешь?

— Джен — принцесска.

— Они реально вкусно пахли! Ягодами какими-то. Еще игрушки ломал. Родители потом Тимке начали отдельные покупать, потому что, если я машинку взял, значит, у нее скоро колеса будут в одной стороне, кузов — в другой, кабина — в третьей. Ну а когда немного подрос, начал технику разбирать. Огребал нещадно. Особенно когда разобрал магнитофон. Кассетную «Вегу». Отец его только принес, включил послушать. Ну я на следующий же день его и разобрал посмотреть, что там поет.

— Нашел? — хохочет Джа.

— Нет, конечно. Мне лет восемь было, что я там мог найти? Зато любовь к порядку впитал. С ремнем отца.

— Чувак, как тебя не прибили еще в младенчестве?

— Сам не знаю.

— Да уж.... А вот я был идеальным ребенком, — говорит Джа, подтягивает под себя одну ногу, чтобы сесть поудобнее. — Послушный. Ласковый. Если родители ругались, мама рассказывала, подходил к каждому из них, целовал и говорил, что они хорошие. Когда к бабушке в деревню привозили, говорят, хохотал так, что вся улица слышала. На меня и ругались-то редко.

— Конечно, представляю, как посветишь своими синими фарами... орать невозможно было, поди.

— Да и не за что орать было. Говорю ж, идеальный сын. И учился хорошо. Школа, пианинка, бокс...

— Ты на бокс ходил? Seriously?

— Недолго, — морщится Джа. — Я там быстро отхватил по башке, и меня забрали. Хотели на танцы отдать, уж не помню, как отмазался.

— Ну-ну. И кто из нас принцесска?

— Иди нахрен. А потом все изменилось. Когда приступы пошли. И планы родителей на мое светлое будущее накрылись медным тазом. Однажды мне мать даже выдала: «Ты можешь хоть один день побыть нормальным?» Как будто я специально.

— Она это не всерьез, Джа.

— Да знаю я. Но какая разница?

— Это было давно. Им тоже было хреново. Джа, это не повод игнорировать их существование. Родители не вечные.

— А что я им скажу, Джен? Что мне за тридцать, а я все еще верю в чудовищ и гоняюсь за ними с другом-гопником? Ты как себе представляешь их реакцию?

— А тебе больше рассказать не о чем, что ли? У тебя есть девушка, ты совладелец мастерской. Вернемся, поженитесь, ипотеку возьмете, спиногрызов нарожаете. Что не так-то?

— Если вернемся... И у нас слишком нервная работа, чтобы рожать детей.

— Не говори херни. Вернемся, — настаивает Джен. — Родителям важно знать, что с тобой все хорошо. Они заслужили. Еще раз говорю, они не вечные. Потом винить себя будешь.

— За что?

— Когда умирают родные, ты всегда найдешь, за что себя винить.

Джа насупился. Отвернулся, отказываясь продолжать разговор. Чтобы наверняка — достал из бардачка приготовленную флешку и воткнул в магнитолау.

Стоит съехать с федеральной трассы, у Джена сердце кровью обливается, гнать машину по разбитому асфальту на приличной скорости жалко, ползти на восьмидесяти в час по пустой дороге — сущее издевательство. Они в пути второй день, до очередного города осталось совсем чуть-чуть, фонари становятся ярче, появилась разметка, вот-вот покажутся из-за лесного островка первые частные дома, или промзона вынырнет бетонными исполинами. Откинув спинку кресла, Джа развалился, вытянул ноги на панель, подвывает под нос вслед за Дэном Рэйнольдсом про опасную любовь.

— Джен, — пророк не произносит, выхаркивает имя и замирает, запрокинув голову.

Включив аварийку, Джен съезжает на обочину и останавливает авто. Они нашли, они поймали сигнал. Сердце колотится, отстукивает метрономом ритм. Раз-два-три-четыре. Выскочить из машины, открыть заднюю дверь, выбросить из сумки приготовленные берцы, подняв облачко пыли. Пять-шесть-семь-восемь. Переобуться. Забросить дорожные тапки под заднее сиденье. Вернуться в кресло водителя. Девять-десять-одиннадцать. Нащупать нож под рукой. И ждать. Ждать команды.

Джа дышит тяжело, отрывисто, выталкивает из груди воздух с хрипом. Шевелит губами. Заглушив мотор, Джен нависает над пророком, прислушивается и не может разобрать то ли кашель, то ли карканье.

— Караван, — произносит Джа неожиданно громко, прямо в ухо. Джен дергается. — Караван одежды. Караван одежды, — повторяет пророк отчетливей с каждым словом.

Загрузив онлайн-карту, Джен вбивает название в строку поиска и сразу находит адрес. Далеко, на другом конце города, в который они еще даже не въехали. Ждать смысла нет. Сорвавшись с места, инквизитор летит по построенному навигатором маршруту на максимально допустимой скорости, чтобы не попасть в радары — привлечь к себе внимание на чужой территории опасно.

Джа приходит в себя за пару километров до места назначения. Стонет, схватившись за голову. Оглядывается на мелькающие за окном вывески, замечает маршрут навигатора.

— Мы близко? — спрашивает.

— Да, — отвечает Джен. — Что ты видел?

— Две девчонки, они работают в этом магазине. Заперли кассу, одна прихватила ножницы со стола. Поставили на охрану, закрыли магазин, спустились на улице под лестницу покурить, и одна вторую этими ножницами изрешетила. Что я смог тебе сказать?

— Только название «Караван одежды». Несколько раз повторил.

— Ага, — Джа задумался. — Понятно. Значит, в следующий раз можно сказать больше. Я просто хотел убедиться, что передам главное. Джен, мы обычно едем быстрее?

— Нет, — отвечает, глянув на спидометр. — В машине скорость иначе чувствуется. Подай куртку.

Джа тянется на заднее сиденье, достает теплую куртку и помогает Джену в нее укутаться. В футболке больше шансов получить ножницами по ребрам, будет отвлекать. А вот оружие Джену не понадобится, девчонку можно скрутить и голыми руками. Если она, конечно, не чемпион по крав-мага.

Успеть шансов не было. У магазина уже припаркована карета скорой помощи, две машины полиции перекрыли полосу движения, отовсюду вспыхивают подсветки видеокамер. Немного притормозив, Джен проезжает мимо. Просит пророка найти на карте ближайшую гостиницу.

Сегодня они уже никому не помогут.

На ресепшене миловидная девица с россыпью браслетов по обеим запястьям интересуется, сколько они пробудут, и Джа без колебаний заявляет «неделю».

— Зачем так долго? — спрашивает Джен тихо, пока хостесс оформляет им номер.

Джа крутит в руках брошюру-путеводитель. Достопримечательности городка поместились на одной странице, на второй отпечатан кусок карты с разноцветными флажками, куда податься туристам.

— Раз поймали, лучше задержаться. Подождем дня три, если не объявится, двинемся дальше.

— У нас перерывы по несколько месяцев были, — напоминает Джен.

— Все изменилось, — бросив брошюрку обратно в лоток, Джа оглядывает компактный холл. Пейзажи в золоченых рамах над маленьким диваном, который недавно перетягивали не слишком умелые мебельщики (это видно по заломам дерматина и неровно вогнутым гвоздям с никелированными шляпками), помпезный торшер с хрустальным веревочным выключателем сдвинут от угла, чтобы скрыть оборванный кусок бордовых обоев, икеевский мохнатый половик под стеклянным журнальным столиком с глянец трехлетней давности. — Роскошное место, — ехидно улыбается пророк. — Растем в сравнении с прошлым забегом, правда?

На фоне придорожных гостиниц с уличными умывальниками и деревянными сортирами прям квантовый скачок. Джен нервно дергает губой, вспомнив серую простынь, которая когда-то была белой в голубой цветочек.

— Седьмой номер, — хостесс возвращает паспорта вместе с магнитным ключом от номера.

— Счастливый, — подмигивает ей Джа. — Спасибо.

В номере чисто и тепло, хоть и тесно — между кроватями едва помещается узкая тумбочка с пузатым светильником. Откинув белоснежный тюль, Джен выглядывает в окно. Второй этаж, невысоко, справа стена примыкает к высокому забору из профнастила, в принципе, можно дотянуться ногой. Если придется, но лучше бы обошлось.

Первым делом Джа оккупировал душ, даже сумку не разобрал. Вышел оттуда расслабленный, просветленный, как тибетский монах, завернутый в полотенце вместо саронга.

— Олька не звонила? — спрашивает, ища глазами телефон, брошенный на кровать.

— Вроде нет. Макс написал, сегодня первую машину на ремонт пригнали. Говорит, сам без меня с ней справится.

— Пассивный доход — мечта пенсионера, — издевается Джа. Забирается на кровать, пятками сдвигает раскиданные вещи к краю, чтобы не мешали вытянуть ноги. — Иди давай,

мне с Тигром поболтать надо.

Долго торчать под струями воды Джен не любитель, особенно за пределами дома, вне защищенного периметра. Даже в кровати человек не так уязвим, как в душе. Но ради интимности вечернего перезвона Джа и Саввы, Джен не торопится. Некоторое время он просто стоит под душем, чувствуя, как бьются о плечи тугие струи и стекают теплым потоком по коже, огибая рубцы шрамов, оставленные клинками, осколками стекол, пульей, мазнувшей по предплечью на третий год службы. Человек все же очень крепкая машина.

В стаканчике над раковиной заботливо приготовлены одноразовые наборы для бритья. Джен густо намыливает щеки воздушной дешевой пеной и соскабливает дорожную щетину. Станок скользит по щекам неровно, запинается, но вода в слив течет белая, без кровавых примесей. Лосьона под рукой нет, и Джен по старинке прыскает на ладони одеколоном, прижимает их к щекам, поздно вспомнив, что Джа терпеть не может спать при запахе парфюма.

— Наболтались? — спрашивает Джен, выходя из ванной.

Вещи с кровати уже убраны, пророк в тишине листает на смартфоне короткие ролики.

— Она ночует у мамы, поэтому мы быстро. У нее новостей нет, наши я не рассказывал.

— Чего так? — удивляется Джен.

— Это бы затянулось надолго. Пусть с мамой побудет. Джен, до меня тут дошло, — сев на кровати, Джа отложил смартфон. — Отшельник за последнее время очень круто прокачал свои навыки. Я сначала думал, что этот зазор в тридцать девять минут, ему был нужен, чтобы его не поймали. Вроде как к тому моменту он уже отключился и не при делах. Вроде алиби. Но на самом деле, в будущем ему убивать проще.

— Это как? За контроль времени ему бы нобелевку дали, а ты говоришь «проще».

— Я без понятия, как он это делает. Не важно. Вспомни, как себя ведут убийцы, когда ты на них нападаешь? Хоть один защищался по-настоящему? Реагировал на твои выпады так, как реагировал бы реальный маньяк?

— Я им шанса не даю реагировать, — мрачно отвечает Джен. Задумывается. — Тот парень, который ребенка уволок, он как в трансе был.

— Он не сопротивлялся, — Джа качает головой. — Именно поэтому в будущее вторгаться проще, оно не сопротивляется. А в настоящем есть риск, что что-то пойдет не так. Связь между машиной и человеком, к которому она подключается, слабее, потому что у человека не подавлена воля. Вспомни, — Джа соскакивает с кровати, шагает к двери и обратно, — иногда мы опаздывали, даже если рядом были. И пару раз жертва была полудохлая, но живая. Может, они выжили, потому что коннект прервался. А опаздывали мы из-за подключения в настоящем.

— Ну не знаю...

— Есть еще один момент. Когда Отшельник подключается в настоящем, мне удастся вырваться. Джен, вспомни, когда он пришел к нам в дом, когда пацана с моста скинул, сегодня... каждый раз я пробиваюсь именно в настоящем.

— А когда он в Павла залез?

— Я не успел тогда. Это не так-то просто, знаешь ли.

— Может, ты и прав, — соглашается Джен неохотно. — Как нам это поможет его найти?

— Я не знаю.

Идеи у Джа иссякли, он молчит, и Джен, воспользовавшись передышкой, закрывает

глаза. Он пытается представить, нарисовать себе портрет человека, конструктора, гения, который в темном подвале своего крепкого, защищенного как бункер, дома строит Машину смерти. Огромную, на манер первых компьютеров двадцатого века, со сложной панелью управления (сотня кнопок, десятки рычагов и индикаторов), с запутанной корневой системой проводов, уходящих в соседнее помещение, непременно к генераторам, потому что на централизованном электроснабжении его давно накрыли бы как крипто-ферму. Джен хочет представить его лицо. Далеко за пятьдесят, он ведь уже лет шестнадцать тестирует машину, если не больше. У него тонкие, резкие черты лица. Глубокий залом над переносицей. Мешки под глазами. И ямочка на подбородке, как у многих маньяков. Уже засыпая, Джен ловит на подлете последнюю мысль — если конструктор умеет работать с органикой, может ли он изменить свою внешность?

Они только выехали из очередного городка, где останавливались на ночлег, когда Савва позвонила сообщить, что «Эквитас» взяли одного из конструкторов Отшельника.

— Его накачали наркотиками, чтобы конструктором не пользовался, — говорит она по громкой связи. — Падре с Ритой уже вылетели. Вы далеко сейчас?

Джен прикидывает расстояние, этот завод планировался одним из последних, придется сделать крюк.

— Больше суток, при средней скорости в сотку и без остановок.

— Тогда не дергайтесь. Елизавету Отшельник быстро из уравнения выпилил, и этот вас вряд ли дождет. Хоть бы Падре успел. Напишите, что выяснить в первую очередь.

— Хорошо, — Джа хмурится, спрашивает подозрительно: — А ты не с ними? Точно?

— Точно. Меня Падре оставил за главного. С сегодняшнего дня я вроде заместителя. Нырью с макушкой в дела. Дикий темп, дикие события, дикие люди.

— И ты от этого кайфуешь, — улыбается Джа.

— Сейчас мне кажется, что я теряю рассудок, — Савва глубоко и шумно вздыхает. — Но нахожу что-то еще! Приведу в порядок внутреннюю сторону головы и опишу происходящее максимально подробно.

— Договорились.

Смартфон жалобно пищит и гаснет, разговор съел остатки заряда. Подключив его к внешнему аккумулятору, Джа откидывает спинку кресла и укладывается, вытягивает ноги в дорожных шлепках до упора. Напряженный, взвинченный как часовой механизм, вынужденный размеренно вытикать завод пружины. Ему бы сейчас за ударную установку. Или хотя бы гитару в руки, чтобы отвлечься.

Местами по трассе едешь, как по туннелю, стволы почерневших от наготы деревьев тянутся в графитовое небо, стремясь сомкнуться. Снаружи холод собачий, на открытых участках ветер такой, что машину сдувает, хоть она и встает на курс как корабль. Джа рвется за руль, ему осточертело тупо пялиться в окно, и доводы приводит вполне логичные — чем дальше от городов, тем ниже вероятность словить волну. Но Джен непреклонен.

— Интересно, что значит символ «М»? — Джа достает из бардачка истрепанный блокнот с карандашом, пролистывает до чистого листа и рисует во всю страницу отметку с тормозных колодок. Крутит во все стороны, разглядывая под разными углами. — Или это «W»? На знак суммы тоже походит. Может, все-таки, имя? Морфеус... Мобиус....

— «М» — значит «мудак».

— Тоже вариант. Но не думаю, что он так самокритичен. А что ты бы поставил на его месте?

Джен задумался.

— Ничего, — отвечает уверенно. — Если бы я решил устроить диверсию, я бы просто ее устроил. Без вот этого позерства. Мне же важно задуманное реализовать, а не в грудь кулаком бить.

— Значит, нашему Отшельнику важно, чтобы кто-то понял, что это именно его рук дело.

— Значит, он работает на публику.

Джа грызет кончик карандаша, выстраивая в уме из догадок стройные линии. Спрашивает:

— Когда началась история с тормозами?

— Этой весной первые засекли, — вспоминает Джен по рассказам Саввы. — Но делать их раньше начали. Я у себя в загашнике такие целые нашел, явно от Вадимыча, потому что без упаковки.

— То есть, он поставил производство на поток и только сейчас начал использовать. И убивать чаще начал. В настоящем времени. Джен, может, он к чему-то готовится?

— Думаю, он уже готов, — признает Джен и непроизвольно газует сильнее, выжимает из Леди сначала сто двадцать, затем выше и выше, пока не спохватывается, заметив на спидометре почти сто восемьдесят.

— Взлететь решил? — осторожно спрашивает Джа.

Если бы это помогло телепортироваться прямо в логово Отшельника, Джен бы выжал максимум, не раздумывая.

Новости пришли спустя восемь с половиной часов. Джен съезжает на обочину, чтобы спокойно посмотреть присланное Падре видео. Если верить навигатору, до ближайшей заправки ехать минут двадцать, там можно сделать полноценный привал, но нетерпение сжирает. И они оба несколько минут молча пялятся в пустой экран пока мобильный интернет прогружает видео.

— Можем начинать, — голос Падре на фоне темноты.

Он отходит от объектива и видно, что камера стоит на штативе посреди пустого гаража. Напротив, на стуле, со связанными за спиной руками сидит парень лет двадцати пяти, наголо выбритый, с ясным, Джен даже сказал бы — дружелюбным взглядом. Ему холодно в одной футболке, порванной подмышками. Справа от него, прислонившись к стене, стоит Рита. Девчонка напряжена, старается следить одновременно за его руками и взглядом.

— А чего они ему руки впереди не связали? — спрашивает Джа. — Ритке так проще было б.

— Ему тоже, — Джен подается вперед, чтобы лучше видеть детали на маленьком экране.

Парень опускает взгляд на пол, и Падре реагирует молниеносно:

— Пожалуйста, смотри на нас. Так будет безопаснее для всех. Приступим.

— Скажу сразу, нас не интересуешь ты...

— Это Романов что ли? — шепчет Джа. — Он что там делает?

— ... я даже возьмусь тебя защищать, если дойдет до этого. Нас интересует Отшельник.

— Кто? — тупо переспрашивает лысый.

— Тот, кто дает тебе инструкции. Ты встречался с ним?

— А-а-а, вот вы о ком, — лысый криво усмехается. — Нет, его никто не видел. В этом вся фишка.

— Как он коммуницирует с вами?

Парень задумчиво поджал губы.

— Наверное, уже можно, — он ерзает на стуле, выгнув затекшую поясницу. — Он управляет разумом, расстоянием и временем. Он говорит с нами устами прохожих и управляет нами во сне. Он — Бог, и мы подобны ему!

— Да неужели, — тихо, у самой камеры произносит Падре. Спрашивает громко: — И

как он отбирает вас в свое воинство?

— Нашими руками создает он зерно истины и указывает, в ком его прорастить.

— Это пророченное зерно заставляет вас убивать? — спрашивает Романов без тени издевки.

— Убивать? Нет! Зачем? — удивляется пацан искренне.

— Вот и мне интересно, зачем ваш «Бог» внедряется в людей и заставляет их убивать первого, кто под руку попадет?

Парень молчит, глядит спокойно поверх камеры.

— А этот фокус с тормозными колодками? — Романова понесло, он сыплет вопросы скороговорками. — Как он их выбирает? По какому-то признаку или рандомом? Кому повезет? Что вообще вашему «Богу» дают смерти этих людей? Он так развлекается?

Парень сдавленно хихикает, морща нос.

— Привлекаю внимание, — произносит он и, извернувшись ужом, вскакивает со стула.

Его руки свободны. За камерой слышен щелчок предохранителя, короткий мат и шорох осыпающегося на бетонный пол песка. Рита в панике пытается что-то сотворить, парень поворачивается к ней, глядит почти ласково.

— Успокойся уже, я сильнее, — в доказательство он возводит вокруг себя прозрачный купол.

— Маргарита, — зовет Падре. И девчонка послушно отступает за камеру.

Джен от души ему за это благодарен. Не дожидаясь конца видео, он звонит Рите. После сброшенного звонка набирает Аристократу, затем самому Падре, но оба вне зоны действия сети.

На экране молодой парнишка разглядывает оппонентов из своего убежища очень взрослыми глазами.

— Как тебя зовут? — спрашивает Падре.

— Ой, мое имя тебе ничего не скажет, его стерли с лица Земли. Как вы думаете, — говорит он, заведя руки за спину, раскачивается с пятки на носок, — что случится, если конструкторы явят себя миру?

— Война? — предполагает Падре. — Эпидемия? Снежный буран?

— Космоса черные дыры, — радостно подхватывает Отшельник. — Пятерка за цитату. Но ты не прав. Если конструкторы станут общеизвестны, наука совершит массовый скачок. Сразу в экзосферу. Такой, что попытки нынешних энтузиастов допрыгнуть до орбиты станут не серьезнее прыжков на скакалочке. Да, я слежу за новостями, — он машет рукой на камеру, будто передает привет. — А кому это надо? Вот! Ты меня понимаешь. По глазам вижу, знаешь, о чем я. Уже повоевал с системой, да? Молодец. Ты мне нравишься. Тебя не убью. Шутка.

— Давай ближе к делу, — зло встречает Романов.

— А ты, как я посмотрю, бессмертный? — он хихикает, оглаживая рукой гладкий подбородок, будто густую бороду.

— Ты его друзьям навредил, — примирительно говорит Падре. — Ему сложно себя в руках держать.

— Ну извините, — пожимает плечами Отшельник. — На войне потери неизбежны.

— Кому ты объявил войну и зачем?

— Я лишь хочу, чтобы человечество развивалось! Чтобы научились мысли читать, по времени путешествовать, изобрели наконец-то бессмертие. Я один не справлюсь. Я же не

могу все знать! Нужна синергия. А откуда ей взяться, если самый мощный навык блокируется и большинство конструкторов вообще не знают, на что способны?

— Так покажи свои способности. Устрой онлайн-шоу на весь мир, зачем людей-то убивать?

— Потому что если никто не умрет, это примут за фокус! Как думаешь, что заставит поверить в силу конструктора быстрее — если по всей земле сотни людей будут левитировать или если умрут?

— Ты такую демонстрацию планируешь? — спрашивает Падре. — Массовое убийство?

— Я вынужден, — Отшельник разводит руками. — По-хорошему мне не позволили, придется вот так. Поэтому прошу вас по-человечески, уймись. И пацана, — он тычет в грудь пальцем, — отпустите. Он новенький и глупый. В планы не посвящен.

Сев на стул, он машет рукой. Пошатнувшись, глядит на ладони, будто впервые видит, облизывает губы и дышит часто, борется с тошнотой. Знакомые Джелу ощущения. Видео обрывается. Мимо с грохотом проносится грузовик, габариты светят в глаза.

— Думаешь, они пацана отпустили? — спрашивает Джа.

— Не знаю, — отвечает Джен, включая зажигание и снимаясь с ручника. — Сейчас доедем до кофе, подумаю.

— И что делать-то теперь?

На улице холодно, но пророк не собирается прятаться в машине. Сидит, дверь нараспашку, ноги снаружи, зажал бумажный стаканчик ладонями и коленями, сам трясется, хоть и куртка на плечи наброшена. Высасывает кофе через трубочку, из-за нависшей челки лица не видно.

Джелу жарко. Дозвониться сумел только до Алекс, она уверила, что с Ритой все в порядке, та звонила из аэропорта, видимо, летят назад, раз телефоны выключены. Договорились с этого момента каждый час отмечаться в чате, что все в порядке. Так спокойнее.

— Черт его знает, — Джен подходит к торчащему из машины Джа. — Если поедем дальше, может, найдем его. Если успеем, а времени мало. Времени вообще нет, скорее всего. Если вернемся в Икстерск, может, удастся спасти кого-нибудь.

— Это каким образом?

— Когда он начнет шоу, он же не сможет одновременно подключиться ко всем подсаженным маячкам, значит, убивать будет с временным сдвигом. К кому-нибудь да успеем.

— Думаешь, он вернется в Икстерск? — спрашивает Джа.

— А почему нет? Ты мертв, ему никто не помешает. Зря что ли Елизавета старалась.

— Мда, отличный выбор, — Джа трясет стаканчик, сбивая остатки пены, высасывает последние капли.

— Легко быть героем, когда выбора нет, — замечает Джен.

— Выбор есть всегда.

— Когда один из вариантов противоречит инстинктам или совести, это — не выбор. Это хрень собачья.

Забрав у пророка опустевший стакан, Джен идет к мусорке. Еще восьми нет, а темень стоит непроглядная. От смены часовых поясов организм вообще сдурел, бросает в сон рано, зато к полуночи хоть снотворным закидывайся. На принятой дозе кофеина до города доехать

бы. А там видно будет, что дальше делать. Выбрасывая стаканы в забитый доверху контейнер, Джен замечает, что скомкал их в один плотный комок.

***

На обратном маршруте решено срезать путь и заодно заскочить в города, которые огибали по федеральной трассе. После утреннего разговора с Олькой Джа мрачнее тучи.

— Да помиритесь вы, — пытается подбодрить Джен, — еще сто раз. И поругаетесь столько же.

— Нет, — Джа мотает головой, вертит смартфон в пальцах. За последние три часа от нее ни одного сообщения. — Она ж идейная. Не простит. Сначала дулась, что мы уехали приключений на жопу искать, теперь возвращаться нельзя, потому что мир в опасности. Как будто я нанимался быть последней надеждой человечества! И вообще, обычно женщины мужиков грызут, что им работа важнее семьи, а тут... все бросаешь, только чтобы рядом быть, когда пиздец накроет, а с тобой расстаются. Где, блин, логика?

— Логика-то есть, справедливости нету.

Джа глядит волком. За две недели пути он зарос и осунулся. Синяки под глазами прижились, оттеняют впалые щеки. Джен и сам в постоянном напряжении, как высоковольтный провод — только тронь, обуглит. Тело скушает по спортзалу сильнее обычного, будто скопившийся кортизол разъедает мышечные волокна.

— Садись за руль.

Джа ошарашенно глядит на друга. Припарковавшись на обочине, Джен выходит из машины, распахивает заднюю дверь и шарится в сумках. Выбрасывает на дорогу спортивные кроссовки, стянув с себя лонгслив, переодевается в футболку и спортивную куртку.

— Езжай впереди потихоньку.

— А ты как собака за машиной бежать будешь? — издевается Джа.

— Рядом, — бросает Джен и, хлопнув дверью, выбегает на встречную полосу.

Первые десять минут Джен еле топчется, разминает отвыкшие ноги. Несущиеся навстречу машины через одну приветственно сигналият, стгоняя его на обочину. Джа на Леди жметя к правому краю, идет на аварийке, извиняясь сразу перед водителями за жалкую скорость. Ветра нет и сухая трава вдоль трассы мягкая, будто под ногами беговая дорожка.

Постепенно Джен разгоняется. Чувствует, как легкие прокачивают воздух. Пролетающие мимо фуры обдают мощным потоком, и могли бы сбить ног, прижавшись к обочине. Поэтому Джен бежит по кривой, то отдаляясь от асфальтового полотна, то возвращаясь к нему. Джен чувствует себя ядром в тоннеле — остальная Вселенная живет и искрится снаружи, бьется в припадках, а он катится на инерции, защищенный толстыми глухими стенами. И траектория движения — единственное, что занимает его мысли. Единственное, что существует здесь и сейчас.

— Полегчало? — спрашивает Джа, уступая водительское кресло.

С Джена пот льет градом. Он залпом выпивает полбутылки воды, остальным умывает лицо, вытирается пропотевшей футболкой.

— Ага. Советую попробовать.

Джа ухмыляется, бег никогда не был его любимым видом спорта.

— Нет, спасибо. По пересеченной местности мало удовольствия.

— Зря, — искренне говорит Джен. Сбросив кроссовки, переобувается в дорожные

тапочки. Натягивает чистую футболку. Его немного знобит от соприкосновения голых распаренных плеч с октябрём, но в мыслях ясно и хочется улыбаться. Вопреки всему.

Звонок Макса застаёт их на въезде в сумерки.

— Привет, парни, — глаза у Солдата пьяные, интерьер за плечами незнакомый. — С вами тут поздороваться хотят.

Камера скачет в сторону мимо улыбающейся мордашки Алекс, останавливается на точеном профиле, подчеркнутом пепельными кудрями.

— Привет, соседи, — обернувшись в камеру, Анжелика машет им. На длинных пальцах играет гранями рубиновый перстень. — Спасибо за гостинец. Я такой вкусный коньяк в жизни не пила. Жаль, что вас здесь нет, конечно. Но друзья у вас высший класс.

— Скоро вернемся, свидимся, — обещает Джен. — Вы как, устроились?

— Да как сказать, — Анжелика морщит нос. — В такой халупе я еще не жила, — смеется так, что лучики расходятся от глаз. — Но ничего, завтра приедет архитектор, наметит фундамент. Будем дом строить.

— С башенками?! — восклицает Птенчик.

— Нет, без башенок, но розовый как у Барби. И сад посажу. Всю жизнь мечтала выйти утром из дома и свежих роз нарезать. Красота!

— А вы желтые розы любите? — встречает Джа.

— Очень! Как узнал?

— Догадался, — пророк воодушевился, увидел возможность загладить косяк при знакомстве. — У меня куст один неприлично разросся, красивые желтые розы, я вам его выкопаю. Должен прижиться.

— Класс! Я садила на даче кустов пять, никто не выжил, все померли, — машет рукой Анжелика, в глазах печаль вселенская, которая столь же быстро рассеивается, как и накатила. — Но если аккуратно подкопать, может получиться.

— Договорились! Вы, главное, место определите. И весной высадим. Там посмотрим, может, еще что приглянется. Алекс, покажешь фотки? Ты ж много снимала.

— Спасибо, сынок, — улыбается Анжелика.

Джа смутился.

— Староват я вам в сыновья, — замечает осторожно, опасаясь, как бы снова не ляпнуть мимо кассы. — Мне-то за тридцать уже.

— Так и мне пятьдесят пять в июле стукнуло.

— Да ладно! — Джа наклоняется к смартфону, разглядеть поближе собеседницу. — Ну неправда же! Джен, скажи.

— Максимум сорок, — подтверждает Джен. — Уж извините, возраст женщины обсуждать неприлично, но правда верится с трудом.

— Да нас разыгрывают, — Макс откидывается на стуле и, неуклюже шаркнув рукой по столу, смахивает на пол коньячный бокал.

Камера ловит звон хрупкого стекла, рассыпаются осколки. Макс вскакивает с виноватым «блин, простите», Алекс исчезает из кадра, возвращается с веником и совком и останавливается в дверях, молча глядит под стол. Наконец, произносит ошарашенно:

— Вы так умеете?

— Пройдись веником, пожалуйста, я не все собрала, — Анжелика наклоняется к полу, поднимает и возвращает на стол невредимый бокал. — А чего вы такие удивленные? Самим-

то окно на втором этаже явно не стекольщики вставляли. Я заметила. Конструкт по бликам на солнце хорошо видно.

У Джена неприятно сосет под ложечкой. Неожиданные совпадения очень часто оказываются хорошо продуманной подставой.

— Вас послали следить за нами? — спрашивает Джа на удивление спокойно.

Анжелика вздернула брови.

— Посылать могу только я, — отвечает она со смешком. — У остальных посылалка не выросла. Макс, плесни коньяку, пожалуйста, — выставив перед ним все три бокала, она наблюдает, как Солдат разливает остатки. Дождидается, пока Алекс вернется к столу. — Мальчики, мне так надоело прятаться. Вы бы знали. Первый муж случайно увидел, как я ногти себе без лака накарсила. Ну зачем тратиться на всю эту химию, если раз-раз и готово? У нас в воздухе сейчас столько гадости всякой, что только из нее можно дом выстроить. И атмосферу почистить заодно. А этот увидел, заявил, что я ведьма, что я его приворожила. Было бы там что привораживать, ей-богу. И так со всеми. Кто не пугается, тот норовит сразу попользовать. А я это очень не люблю. Вот и получается, полтинник уже пережила, а ни подруг, ни друзей, муж — одно название: неделю дома, три месяца на северах командует. Вас увидела, даже обрадовалась, хоть перед кем-то байки сочинять не придется.

— Но вас ведь кто-то научил всему, — говорит Джа. — Неужели с учителем не подружились?

— Бабушка. Она всему научила — и конструктом пользоваться, и от «Константы» подальше держаться.

— Почему? — не понял Джен.

— Они те еще учителя, — отвечает, будто озвучила общеизвестный факт. — Прилипнут как банный лист, и не отделаться, и толку ноль. Зато гонору — выше крыши, шагу без них не ступи. Вас кто из них курирует?

— Татьяна и Ян. Только они не нас курируют, а нашу подругу. Она новообращенная, так сказать. А мы... — Джен подбирает слова, чтобы выразиться точнее, и следит за реакцией, чтобы не спугнуть, а обрести союзника, — ...мы с ними друг другу поперек горла встали.

— Они нас кинули, — заявляет Джа. — Давай будем называть вещи своими именами. Анжелика, вы много о них знаете? Может такое быть, что сильный, очень продвинутый конструктор окопался где-то в ебнях и, к примеру, клепает оружие в промышленных масштабах?

— С подачи «Константы»? — переспрашивает она. — Или без их ведома?

— Без ведома.

Задумавшись, Анжелика делает глоток, изящно закусывает долькой лимона.

— Нет. Они настолько четко всех отслеживают. Ребят, я проработала с ними пять лет и вот что скажу. Если кто-то из конструкторов зарвется, он — не жилец.

— Вы с ними работали? — переспрашивает Джен. Холодок ползет по загривку. — Я думал, бывших сотрудников не бывает.

Анжелика хмурится.

— Залетела еще по юности. Хотела двух зайцев убить — и бабуле назло сделать и... — она с досадой махнула рукой, — ...надеялась, позвоночник мой поправят. Кому ж в двадцать лет с тростью ковылять хочется.

— Не смогли? — осторожно спрашивает Джа.

— Да все бы они смогли. Если б к своим же нормально относились. Время было

неспокойное, Союз по швам трещал, многие тогда в Америку сбежали, кто уехать не смог — здесь бунтовал. Начальство всего боялось — и власти, и что свои штурмом на контору пойдут. Ничего лучше не придумали, как отправить по домам всех, у кого хоть какое-то ранение или дефект, чтобы балластом не мешались. Мужик один был, прослужил лет двадцать, ему на задании руку оторвало. Его тоже списали. Хотя он и без руки такие конструкты строил. Дождались, пока он камеру достроит, у него с напарником лучше всех интерклюд выходил. Быстрее всех.

— Интерклюд? Это вещество какое-то? — спрашивает Алекс.

— Да, из него делают наручники, веревки для конструкторов.

Джен вспоминает черный шарф Яна, которым он собирался связать Кондрацкую после поимки. Уточняет:

— Он неразрушаем?

— Все можно разобрать, если постараться. Но его сложно, да. В нем связей очень много, он накладывается микроскопическими слоями толщиной в молекулу. Тонкую ниточку всю жизнь как Золушка разбирать будешь.

— Значит, камера из интерклюда — это тюрьма для конструктора? — догадывается Джен. Кровь стучит в висках, ладони вспотели, липкая и хрупкая как паутина надежда путает разум. — А где она находится?

Анжелика вздыхает устало. Допивает остатки коньяка и, подцепив последнюю дольку лимона в сахаре, посыпает ее тонким слоем молотого кофе.

— Алекс, деточка, в спальне, в большом зеленом контейнере лежит коньяк. Выбери там бутылку на свой вкус. Макс, достань еще лимончик из холодильника, пожалуйста. А вы, ребятки, давайте-ка, рассказывайте, во что вы вляпались.

Он такой один.

Человек-миф, конструктор-легенда.

— Говорю тебе, по документам «Константы» база на Валдае! — Савва подносит смартфон к ноутбуку, экран полосит через камеру, но отчетливо видны и координаты, и само пятно заброшенного военного городка на карте новгородской области.

— Тигр, валдайское Логово Сатаны уже раскурочили на металл, туда даже диггеры ездить перестали. Нам нужен именно кингисеппский объект.

— Да твою ж... Джа, я однажды тебя точно задушу во сне. Подушкой.

Спор продолжается километров двадцать. Джен не имеет ничего против заехать сначала на Валдай, и если запечатанный тюремный бункер там не отыщется, двинуть в направлении Питера, но пророк торопится, даже на ночлег они теперь останавливаются посреди трассы, спят прямо в машине часа четыре и летят дальше.

Джа уверен, времени осталось очень мало.

— Оль, камера ведь обнесена интерклюдом, который Отшельником и изобретен, — рассуждает Джен. — Наверное, он его разрушает быстрее любого конструктора и за двадцать лет...

— Думаешь, они должны были обновлять слой? — девчонка на лету ловит мысль. — Сейчас посмотрим, есть ли записи. Лишь бы нас не засекли. Мне кажется, сервак «Константы» никогда такой активности не видел. Кстати, я все думаю, что он там ест?

— Сервак?

— Отшельник. Если, как говорит Анжелика, его замуровали и бросили, должен ведь он чем-то питаться.

— Эта мразь Машину Смерти соорудила, — бурчит Джа. — Уж котлетку себе найдет из чего сострять.

Таких противников у Джена еще не было. На Валдае они будут завтра к вечеру, до Кингисеппа еще день пути, если остановиться и полноценно отдохнуть (а отдых Джелу нужен), и с каждым километром сокращенной дистанции растет тревога. Они идут на дикого зверя с пустыми руками. Нет, не на зверя, Отшельник превосходит их даже в интеллекте. Что противопоставить такому врагу, кроме слабоумия и отваги?

— Джа, почитай про Логово Сатаны. Что там вообще?

— На валдайском уже ничего нет, а в Кингисеппе сохранился подземный командный пункт с лабиринтами и четыре пусковые шахты. В шестидесятых там базировалась ракетная часть, которую расформировали, кажется, в восьмидесятых.

— Шестидесятые? Рановато для «Сатаны».

— Ее там не было. Это комплекс «Двина», «Сатаной» обозвали первые диггеры. Ошиблись и прилипло. Сейчас там... — Джа скользит взглядом по строчкам, проматывает фотографии в блоге какого-то сталкера, — ...шахты на две трети затоплены грунтовыми водами, коридоры завалены мусором. Судя по комментариям, туда много туристов ездит пошариться. Я думал, будет глушь непролазная. Ха, народ пишет, что дорогу к шахтам охраняет злобный дед. Машины за шлагбаум пропускает только за плату, поэтому многие добираются пешком окольными тропами. Джен, он может быть из «Константы».

— Несерьезно как-то. Они построили бункер, запечатали там чувака, которого вопреки

своим же правилам почему-то не стерли в порошок, и поставили его охранять деда с дробовиком?

— Дед, может, и не в курсе, что охраняет. Объект три-один-пять-что-то там. Они даже имя его из всех документов вычеркнули, — Джа гасит смартфон, берет с панели бутылку воды, скручивает крышку. — Но в живых оставили. Странно, да. Может, они его убивать не хотят из-за интеллекта? Все равно, что Эйнштейна замочить.

Джен пожимает плечами. За бортом подморозило. Дорога скользкая, на горизонте лежит зеркалом, не различить ни рытвин, ни камней под шинами. Будто взлетная полоса в серую муть неба.

— Помнишь, когда ты с байка слетел, мы тебя пару часов в скорой ждали.

— Ну.

— У меня Рита тогда спросила, почему чтобы остановить человека, его обязательно убивать?

— И что ты ответил?

— Что иногда нет другого выхода. Или времени на его поиск, — отвечает Джен неуверенно. — Я мужику, который на нее напал, сюрикеном горло перебил. Девчонке до сих пор снятся кошмары, а после того, как узнала, что сам мужик ни при чем, стало еще хуже. Из-за нее человека убили, понимаешь?

— Не из-за нее вообще-то, — подсказывает Джа, шкрябает пальцами по заросшим щекам. — Люди бывают феноменально настойчивы в достижении гадких целей. И откуда только упорство берется?

Прислонившись плечом к холодному стеклу пассажирской двери, пророк внимательно глядит на Джена. Будто череп просверлить пытается и вынуть наружу самые мрачные мысли, которые своими хоровами сводят инквизитора с ума.

— А знаешь, что предшествовало появлению инквизиции? — спрашивает он и продолжает, не дождавшись ответа. — Погромы, самосуд над еретиками со стороны «истинно верующих». И наоборот, конечно. А ересь плодилась с дикой скоростью, мало того, что крестоносцы повезли двоебожие, так еще и внутри христианства каждый священник трактовал писание по-своему. Инквизиторы должны были навести порядок в пастве. Привести к общему учению пока соседи друг друга не перебили.

— Да, во имя порядка и справедливости столько всего хорошего понаделано.

— Джен, твое ритуальное самосожжение не оправдано.

— Я мог все сделать по-другому.

— Не мог! — раздраженно орет Джа. — Не мог ты поступить иначе! Считаешь себя виноватым? Отлично! Для меня костерок сложи рядом. Это ведь я нарек тебя инквизитором и пустил по следу. Я настоял, чтобы ты не шел безоружным. Вспомни. Ты ведь первого с голыми руками останавливать помчался и отхватил порез на полспины. Кстати, — Джа подобрался, — если они действуют по инерции, как он мог на тебя напасть?

Джен молчит.

— Ты подставился, да? Жертву собой закрыл? Камикадзе хренов.

— Варианта другого не увидел, — огрызается Джен.

— Не делай так больше, — произносит Джа, откинувшись на спинку кресла. — Никто, включая меня, твоей смерти не стоит.

«Это уже не тебе решать», — хочет ответить Джен, но загодя знает, какая реакция последует, поэтому сглатывает слова и концентрируется на дороге. Ему до смерти надоело

упражняться в софистике.

В этот раз Джа отключается посреди перекрестка. Город маленький, они только въехали в частный сектор и тут же проскочили к центральной улице, застряли на главной развилке. Светофор отсчитывает красными цифрами шестьдесят минут. Пророк притих. И пока Джа не прохрипел сдавленно «под мост», Джен был уверен, что он задремал.

Мост через мелкую речку они пролетели только что и представить его местом нападения сложно — вылизанная набережная с расческой фонарей, аккуратные шапки кустарников между скамейками и подсвеченный разноцветными софитами фонтан, рядом с которым устроена детская площадка.

«Мост большой, — настаивает пророк, — внизу, под мост. Он душит. Без оружия».

Джен масштабирует карту на навигаторе, следит за течением реки и замечает вторую, которая жирной змеей огибает бок города, впитывая в себя мелкие речки. Мост неподалеку, извинившись аварией, Джен перестраивается прямо на перекрестке, и под фанфары недовольных авто, уходит вправо.

Под этим мостом, явно, и раньше находили трупы. Плотная завеса деревьев скрывает крутой склон от просмотра сверху. На противоположном берегу — убогая трасса в пригород, на «городской» стороне — бедный район нелегалов. Судя по отметкам, по весне вода поднимается до середины древесных стволов, и добавляет утопленников к жертвам местных маньяков.

Джен удивлялся, как им до сих пор удавалось избегать таких гиблых мест, но всегда надеялся, что ехать к ним не придется, потому что успеть — нереально.

Спускаться к воде уже — риск. Глина в таких местах специфическая, одежду придется сжигать вместе с обувью — без вариантов. Джен скользит вниз, цепляясь за ветки. Хорошо, что прихватил кожаные перчатки, латекс давно прорвался бы. Сквозь балаклаву пробивается резкий запах тины и звук глухих ударов. Кустарник хрустит под подошвами, когда Джен пробирается сквозь него, стараясь не соскользнуть в воду.

Опоздал. Девчонка сидит на ветвях старого раскидистого дерева, прислонившись спиной к кривому стволу, запрокинутая голова уставилась в небо. Рядом — мальчишка лет пятнадцати. Он глядит на подругу сквозь слезы и не может сдвинуться с места, только колотит кулаком по стволу. Заметив Джена, он хватается за толстую ветку, встает в полный рост, просит: помогите мне ее снять.

Прости, парень.

Он кричит Джену в спину, что не виноват, что не понимает, как это случилось, что они здесь встречались каждый вечер и он любил ее.

Когда Джен возвращается к машине, Джа уже пришел в себя. Впервые пророк привел на место, не возвращаясь в сознание. Значит, есть шанс остановить, схватить за руку. Уберечь обоих: одного от смерти, второго от вины. И в ожидании Джа мечется, выглядывает инквизитора, прислушивается к долетающим с берега звукам.

— Успели? — спрашивает пророк.

— Нет, — Джен на ходу стягивает куртку. Следов глины не видно, куртку еще можно спасти, в отличие от штанов и кроссовок.

Дотянувшись до заднего сиденья, Джа достает мусорный пакет, складывает сброшенную Дженом второпях одежду, пока инквизитор натягивает чистое.

— Кстати, — сев за руль, Джен прячет в карман на кресле походный шокер, — если мы

успеем, а он в настоящем орудует, мы спалимся, что ты жив.

— И что? — отзывается пророк. — Это не повод...

— Нет, конечно.

Машина рычит, двигаясь с места, выбрасывает из-под колес мелкий гравий, разбросанный на утрамбованной колее. Джен прислушивается к приглушенному стуку, непривычному для мотора, пока не догадывается — откинувшись в кресле и закрыв глаза Джа долбит кулаком по обшивке двери, вымещая злость. Джен и сам пометелил бы грушу, выгнал адреналин из мышц, но маленький город уже расступился, мигает им вслед первыми вечерними огнями, а впереди — ночь. И им очень повезет, если она будет спокойной.

Обычно, оказавшись правым в споре, Джа фонтанирует, напевает песенки и острит. Сейчас, выслушав Савву, он соглашается, уточняет детали и спокойно кладет трубку.

— Валдай — пустышка для отвода глаз, — сообщает, перетыкая зарядку из смартфона Джена в свой. — Идем сразу на Кингисепп. «Эквитас» перехватили документы, чтс «Константа» подтянула стройтехнику в ленинградскую область, сейчас посмотрю по карте координаты. Они почти месяц на разведку туда катались, а сейчас, видимо, решили окопаться. Да работай ты! — ругается он на смартфон, постоянно теряющий сеть в лесополосе. — Ну? Грузись, родной, грузись. Да, Джен, это четко Логово.

Джа подносит экран ближе к Джелу. На карте рельефа отчетливо просматривается пятно военной базы, мощные дорожки огибают петлей заросший вход в командный пункт, за ними — по углам — четыре бетонные шляпы брошенных шахт.

— А пункт в самом центре находится? — уточняет Джен, возвращая внимание на дорогу.

Джа переключает приложение, опять проматывает шлейф фотографий, находит планировку пусковой установки.

— Почти, — вглядываясь, он поворачивает смартфон на девяносто градусов, затем еще раз, фото упрямо разворачивается вслед за экраном, и Джа, плюнув, наклоняет голову, рассматривает схему под углом. — Думаешь, это и есть наша буква «М»? — спрашивает, прочертив пальцем траекторию через все шахты с командным пунктом почти в центре.

— Может быть.

Оставив позади Москву, Джен запрещает Джа читать вслух новости. Каждую вторую аварию пророк засчитывает Отшельнику и каждое третье убийство, хотя объективных причин связывать их с конструктором и, тем более, полагать, что они могли спасти всех — нет. Джен невольно поддается общей нервозности, замечает, что мир сместил положение оси, начал вращаться вокруг Отшельника, и от его скорости мутит как в самолетах на воздушных ямах. Маленькие передышки — звонки Макса с вопросами, где лежат запасные катушки и стоит ли браться за переспицовку — как приветы из прошлой жизни. Джен скучает по предсказуемости техники. И смертельно устал от людей. От Джа в том числе.

Перед самым Петербургом пророк снова проваливается в смерть. В маленьком городке, где и спрятаться-то негде — одна главная улица и та выходит в шоссе. Припарковавшись у обочины, Джен ждет ориентиры, следит за губами, но Джа не произносит ни слова. Очнувшись, пророк тяжело дышит, оглядывается по сторонам хмуро.

— Я видел ночь, — заявляет Джа. — Точнее — поздний вечер, очень много людей идут

от остановки в супермаркет, как после работы. Он вышел из автобуса, вслед за жертвой, зашел за ней в магазин, купил пачку сигарет. Когда она вышла, пошел следом. Узкая тропинка до дома. Мусорные баки. Гаражи. Она собиралась пройти мимо, он напал сзади, утащил в щель между гаражами и баками. Джен, на улице реально темно было.

— Значит, у нас больше, чем тридцать девять минут, — говорит Джен. Яркое солнце бьет в лобовое стекло. — Долго ждать. Может, у «Эквитас» здесь есть кто на подхвате?

— Это не самое интересное, — пророк вытирает со лба испарину, прибирает мощность у печки. — Жертва вышла из автобуса с билетиком в руках. И рассыпала билет в ладони, а потом просто стряхнула.

— Деструкт?

— Ага. А потом в магазине чувак расплатился на кассе, отъехал с тележкой в сторонку, взял со стойки бесплатную газету и спокойно у всех на глазах принялся лепить из нее пакет.

— Прямо в открытую?

— Как-будто так и надо. И всем пофиг, увидели и дальше пошли.

— Город победившего конструктора? — Джен озирается по сторонам. Обычный глухой городишко, дым над крышами, запах затопленной бани. Вокруг дома на два хозяина, кое-где одна половина отремонтирована и обшита бежевым сайдингом, а вторая кренится к земле брусовыми стенами, вот-вот рухнет. — Не похоже.

— А может — параллельная Вселенная?

— Я уже ничему не удивлюсь, — вздыхает Джен, заводя мотор.

Для вечерней облавы Падре на всякий случай снарядил отряд из Петербурга.

— Джен, тормозни.

Они только выехали из одной деревни, следующая виднеется неподалеку, между ними километра два-три. Джен выезжает с дорожного полотна на обочину, мнет колесами ковер прелых листьев с чудом уцелевшими островками зеленой травы. Выйдя из машины, Джа глядит через дорогу, подставив ладонь козырьком. Напротив него — за куцей лесополосой — поля.

— Оно там, — Джа показывает рукой вдаль.

— Ты его чувствуешь, что ли? — спрашивает Джен, становясь рядом. Разглядеть за деревьями можно только черную пустошь, вспаханную перед зимовкой. Дальше — серая полоска леса, съедающая горизонт.

— По карте посмотрел, — Джа собирает руками волосы в хвост, глядит в черноту далекого леса и мелко дрожит то ли от близости к Логову, то ли от холода. — Это странно. Если оно здесь, я ведь должен ловить сигнал лучше. Видеть не только город, в котором нахожусь, а вообще все. Разве нет?

— Нет, если ты коннектишься к приемнику, — рассуждает Джен. — У машины сигнал точечный, направленный. Как вектор. Что-то внутри твоей черепашки синхронизируется с приемником, и ты получаешь ту же инфу, которая идет в Машину. Для тебя именно приемник является источником.

— Значит, есть надежда, что я не отрублюсь рядом с машиной.

— Джа, — инквизитор разворачивает его лицом к себе, — ты со мной туда не пойдешь.

— Пойду, — спокойно отвечает Джа и улыбается Джелу той самой улыбкой, от которой у одних подкашиваются колени, а других пробирает страх. Так улыбаются невинные дети и

серийные убийцы. — Мы же команда. Я втянул тебя в эту ересь, мне тебя и прикрывать.

Джен собирается спорить яростно, у него сто-пятьсот причин и разумных доводов, почему пророку следует остаться на скамье запасных, но картинка из почти забытого и очень яркого сна всплывает перед глазами — горящий город, скамейка в поле и холодное неподвижное тело с застывшим на лице ужасом.

Джен возвращается в машину, заводит мотор и сигналист, подгоняя пророка. Вместе так вместе. Авось, выживут.

Дымное небо Кингисеппа плитой висит над городом, заметно издалека. Ни солнце, ни облака, которые становятся все тяжелее и тяжелее, не рискуют пересечь границу, опасно кружат на периферии, словно соблюдают безопасное расстояние. В памяти Джена размытыми эскизами проявляются картины детства. Маленький ядерный городок, кирпичные пятиэтажки квадратными кварталами, железные рамы с бельевыми веревками во дворе, об которые постоянно разбивали лбы и обжигали прилипшие на морозе языки, прыщи трансформаторных будок, исписанных мелом, и мокрый песок, обнесенный в круг досками — источником вечных заноз. Джен настолько мал, что не различает времена года, для него есть только зима, когда его, обернув в одеяло, на санках катят по скрипучему снегу (иногда полозья заезжают на асфальт, и раздается противный скрип-лязг), и не зима — серая взвесь, вечно висящая в воздухе, от которой кажется, будто те ранние годы покрыты туманом. От этих картин в солнечном сплетении что-то давит изнутри и печет. Будто цикл замкнулся, и город, из которого родители вывезли Джена в солнечный Икстерск, возродился у него на пути, встречает его и зовет в объятья, распахнув полы серого плаща и потрясая оголенными достопримечательностями.

На часах два пятнадцать, у них есть полдня отдохнуть.

В маленьком кафе неподалеку от гостиницы ни одного посетителя кроме них, и, отпустив официанта с заказом, можно говорить без опаски.

— Отдохнули немного? — интересуется Падре. Сложив руки домиком перед собой, он оглядывает зал, будто вопрос вежливости задан желтым стенам в старомодных вензелях и стульям с высокими спинками. Ненавязчиво бормочет радио.

— Нормальный душ за три дня — уже счастье, — отвечает Джен. — А вы как добрались?

— В целом — неплохо. Лететь, правда, пришлось с пересадкой в Москве. А из Петербурга добирались уже на машине. Я взял Патфайндер третьего поколения, чтобы наверняка через любые тернии...

Рита устала. Помимо встречного «привет» в холле гостиницы она не проронила ни слова, ужин заказала, просто ткнув пальцем в меню. Затянутая в водолазку с джинсами, смилив волосы в тугий конский хвост, она совсем не похожа на яркую модную девчонку, которую Джен вытащил из сырого подвала.

— ... предлагаю выдвинуться завтра в ночь.

— Почему не днем? — удивляется Джа. — Место незнакомое. Вентиляционные люки на каждом шагу.

Падре разводит руками.

— Днем там ведутся работы. Мои ребята сегодня запускали дроны над Логовом. С минуты на минуту пришлют видео местности. Сможем сориентироваться и разработать план

действий.

— А целый день что делать будем? — спрашивает Джен. — Столько времени впустую.

— Алекс завтра на конференции выступает, — сообщает Рита, не поднимая взгляд, мнет в пальцах салфетку. — Можно послушать трансляцию. Если вам интересно, конечно, — добавляет она и, вывернув бумажный уголок, откладывает в сторону салфеточную лягушку.

— Рит, — Джа берет ее за руку, — ты в порядке?

— Да, — она кивает, отнимает ладонь и прячет руки под столом на коленях. Кивает в сторону кухонной двери: — Ужин несут.

В гостинице Падре выкуплены три соседних номера, пришлось заплатить сверх прайса, чтобы расселить постояльцев из уже занятых, поскольку сразу трех свободных подряд на этаже не нашлось. Сам Падре занял средний номер, обозначив его как импровизированный штаб. Рите и Джа с Дженом достались крайние.

— Будем надеяться, что полы и потолки толще, чем стены, и нас никто не расслышит.

Освещение в номере слабое, оба окна задернуты плотными синими шторами, свет фонаря над гостиничной вывеской пробивается в комнату тонкой иглой через мелкую щель. Две кровати-одиночки прижаты к стенам. Джен садится рядом с Джа, Рита — напротив. Она случайно задевает в проходе коленями Джена и, смутившись, заползает на кровать с ногами. Установив ноутбук на низкую тумбочку, Падре собирает конференцию. Пока подключаются Савва и ребята, окопавшиеся неподалеку от Логова в деревне Лялицы, Падре разворачивает на весь экран схематичное древо иерархии.

— Для общего развития. Это — руководство «Константы», мы составили их структуру по подписанным документам и вскрытым перепискам, поэтому в субординации могут быть ошибки, но зато можем увидеть в лицо главных героев. Итак, — он кликает по первой ссылке в самом низу схемы, на весь экран разворачиваются фотографии двух знакомых конструкторов. — Ваши друзья Татьяна и Ян. Работают в паре больше шести лет. Татьяна специализируется на конструкторе, Ян отвечает за деструкт. Они кураторы Сибирского региона. Всего мы насчитали восемь макрорегиональных центров: Сибирь, Забайкалье, Поволжье, Татарстан, который и здесь практически отдельная республика, как и Башкирия, южные республики объединены вместе с краснодарским и ставропольским краями, но это не точно. За центральные регионы отвечает Москва, за Северо-Запад, соответственно, Петербург. Северные регионы, похоже, конструкторам не интересны, там следов их присутствия не обнаружили.

— На всю Сибирь два куратора? — удивляется Джа.

— Конечно, нет. Гораздо больше. Но эти двое, они из высшей лиги, — Падре пересаживается с кровати на пол перед тумбочкой, чтобы Рите было лучше видно, да и самому управлять показом удобнее, — и как правило не выезжают инициировать новичков. Твой случай уникален, считай, ты обучалась у лучших.

— Вот повезло-то, — усмехается Рита.

— Кстати, судя по командировочным листам, Татьяна и Ян из Икстерска прямиком вылетели в Москву, а две недели назад сменили дислокацию на Санкт-Петербург. Согласитесь, наводит на мысли. Идем дальше. В Петербурге команда у конструкторов очень сильная и многочисленная, — на экран парами выплывают фотографии сотрудников. — Отличительная черта региона — объяснений этому мы не нашли, но факт — большинство

деструкторов — девушки. В отличии от команд других территорий. Мне это кажется интересным. Северные воительницы. Велика вероятность, что мы с ними познакомимся. А это, — Падре проматывает структуру на самый верх и кликает по фото, — руководитель «Константы». Самый главный конструктор, заметьте, без пары. Подозреваю, что и конструктором, и деструктором он владеет в одинаковой степени блестяще. Сохранились записи его участия в экспериментах с органикой.

С экрана глядит зрелый мачо. Ни в густой вьющейся шевелюре, ни в небрежной щетине нет намека на седину, но глубокие складки на лбу выдают возраст. Он улыбается взглядом уверенного, защищенного со всех тылов человека. Из расстегнутого ворота белой рубашки виднеется черный шнурок, вроде тех, на которых носят массивные медальоны. Под фото Джен читает имя — Александр Строговский.

— Значит, он тоже умеет из сердец куличики лепить, — вспоминает Джа страх Елизаветы перед Отшельником.

— Не только он, — Падре переключает страницу на экране, вбивает запрос в строку поиска, и ноутбук выдает плитку из фотографий мужчин и женщин, отмеченных разными городами. — Таких в России несколько десятков.

— И ни одного в Питере, — замечает Рита.

— Верно. Почему-то «биологи» стараются держаться подальше от столиц.

Молодые голоса врываются неожиданно, иконка открытой конференции мигает внизу экрана.

— Привет, парни, — отзывается Падре, переключается на плитку живых лиц. Четверо молодых энтузиастов наперебой здороваются с наставником. — Савва тоже здесь? Не вижу ее.

Одно из черных окошек пульсирует, сквозь темноту пробивается Олькино лицо на фоне стены с огромной картой, покрытой оспинами красных флажков. Поймав взгляд Джа, она машет рукой.

— Отлично. Парни, покажите нам, что смогли заснять. Параллельно я попрошу вас составить карту Логова и отмечать на ней объекты, которые мы включим в план действий. После конференции карту нужно прислать мне мессенджером, чтобы завтра у всех нас под рукой были ориентиры, — сделав паузу Падре дожидается от ребят готовности к работе. Как только каждый из его команды отозвался и озвучил, за что берется, Падре устраивается удобнее, двигает ноутбук ближе к стене, чтоб не загораживать обзор сидящим на кроватях и разворачивает на весь экран окно конференции. — Итак, друзья, нам нужен план. Давайте посмотрим, с чем нам придется работать.

По ощущениям глубокая ночь. Перевернувшись на другой бок, Джен сквозь сомкнутые веки замечает проблески света.

— Ты чего не спишь? — спрашивает он, открыв один глаз. Голос спросонья непослушный, весь в хрипах.

Озаренное экраном смартфона лицо Джа отливает синим, одеяло курганом вздыблено на согнутых коленях.

— Уже выпался, — признается Джа. — А ты поспи еще, всего полшестого.

Джен переворачивается на спину. Зевает, трет глаза и честно пытается снова погрузиться в мягкую дремоту, но сон упрямо не идет, зато мысли каскадом проносятся в голове. Нестерпимо долгие минуты Джен пялится в потолок и, наконец, сдается.

— Может, кофе заварим? — спрашивает он, вспомнив про пакетики три-в-одном, замеченные днем на столе возле графина с водой.

— Давай, — соглашается Джа. Тушит смартфон, опрокидывая комнату в темноту, и тут же включает фонарик. — В коридоре, вроде, кулер стоит. Я принесу кипятка.

Выбравшись из постели, Джа натягивает «домашние» штаны — старые спортивки с лампасами и вытянутыми коленями, которые давно пора бы выбросить, но нежные чувства пророка (сродни тем, что он испытывает к дырявым домашним шлепкам) не позволяют расстаться с ними. В коридоре тишина, поэтому шарканье тряпочных гостиничных тапочек до кулера у лестницы и обратно отчетливо слышно даже в номере.

— Вот что им мешает держать в номерах кружки? — возмущается Джа, хватаясь за мочки ушей обожженными пальцами. — Неудобно же в стаканах заваривать.

— Тихо. Слышишь?

В коридоре робко скрипит пол, кто-то повторяет маршрут Джа, возвращается и скребется в дверь их номера. Остановив пророка за локоть, Джен сам идет к двери, взяв за ручку, прислушивается, навалившись на нее плечом, и отпирает замок.

— Закройся сам, — говорит Джен, впуская Падре, — я хоть штаны надену.

— Не парься, — небрежно машет гость. Сам-то он в шелковой темно-синей пижаме семенит к столу со своим стаканом кипятка, накрытым кофейным пакетиком. — Вам, как я посмотрю, тоже не спится?

— Кровати неудобные, — отбрехивается Джа. Стул в номере только один, уступив его Падре, Джа садится прямо на край стола, протягивает Джене его стакан с заваренным кофе, заботливо обернутый салфетками. — Мне послышалось или..?

Не послышалось. Тихий стук в дверь заставил Джена снова прогуляться до двери и впустить Риту. Девчонка смущенно поздоровалась с остальными, присела на край кровати Джа.

— Заседание клуба полуночников объявляю открытым, — смеется Падре. — Кстати, мне питерский десант до двенадцати отчитывался, нападения на остановке так и не состоялось. Ты не мог ошибиться?

— Все может быть, — задумчиво отвечает Джа. Дует на кофе, не решаясь сделать первый глоток. — Может, это наоборот утро было? Сейчас ведь черт его разберет, такая темень на улице.

— Ребята дежурят на посту, о любых телодвижениях сообщат. Рита, а ты чего без кофе?

— Меня и без кофеина тарашит, как только подумаю о завтрашней ночи, — она передергивает плечами, забирается с ногами на кровать, кутает голые ступни в одеяло Джа, чтобы не мерзли. Сейчас, без косметики на кукольном лице, в шелковом пеньюаре, поверх которого рассыпаны тяжелые волны волос, ей бы Рафаэлю позировать, а не вот это все. — Не, поймите меня правильно, я в восторге от возможности идти тараном на самого крутого конструктора в мире, но бывают моменты, когда... когда хочется начать жизнь с чистого листа. Честное слово! Сесть на диету, научиться гонять на байке и укатить отсюда к ебеням.

— Аминь! — Джен салютует ей стаканом со своей кровати. — А я все думаю, кого у нас Ниндзя два года дожидается?

— Двести пятидесятый? — встрепенулся Джа. — Он клевый! Такой ядрено-зеленого цвета, даже скорее салатового. Ты должна была его видеть. Очень легкий, маневренный, для новичка — самое то.

— Спасибо, конечно, но мне б сначала выжить, — Рита улыбается и подтягивает одеяло все выше, будто мерзнет в комнате с раскаленными батареями.

— Прорвемся, — подбадривает Джа. — Если не мы, то кто? «Константа» про Машину явно знает и уничтожать ее не собирается. Копают бульдозерами, хотя можно было подорвать стену интерклюдя и навалиться толпой. Нет, они боятся. Так можно случайно зацепить Машину, а восстановить ее мозгов вряд ли у кого хватит.

Падре кивает, уставившись в одну точку на узор прикроватного паласа.

— А еще, — Джен протягивает пророку пустую кружку, просит жестом поставить на стол, — они никуда не спешат. Зачем шуметь, если можно выковыривать Отшельника потихому. То, что люди пачками мрут, пока они возятся, им параллельно.

— Всем параллельно, — вздыхает Рита. — Кроме нас.

— Тем и сильны, — Падре обхватил стакан обеими ладонями, будто сложил их в молитве. — Ничего, прорвемся. Ночью в Логове сторожей будет пара человек, а нас четверо. Два отличных стрелка, Джен еще и превосходный боец, мастер ближнего боя...

— С метанием острых предметов у него тоже порядок, — напоминает Рита, искоса глянув на инквизитора.

— Прекрасно! Сам Отшельник, конечно, сюрпризов подкинет, но на всех его внимания не хватит. Нам, главное, не растеряться, подстраховывать друг друга. Я хоть и самое слабое звено в нашем тандеме, но в панике много чего проломить могу. Да и стреляю неплохо. А ты, Рита, ты — феноменально талантлива, поверь мне, я видел твои способности, за столь короткий срок обучиться конструктору на таком уровне не многим под силу.

— Надеюсь, я вас не подведу, — вздыхает девчонка.

Джен допивает кофе, смотрит, как кристаллы не растворившегося сахара толкаются в карамельного цвета луже с осадком кофе и признает:

— А без тебя мы вообще не справимся.

Завтрак принесли в номер. Пока расселись по кроватям, расставили тарелки с едой и кружки кофе-чая-сока так, чтобы не опрокинуть случайно друг на друга, пока загрузили трансляцию, конференция началась.

В университетском зале народу битком набито — чопорный монохром профессуры ближе к сцене, вольное разноцветие студентов на верхних ярусах. В проходах между рядами операторы в огромных наушниках смотрят на кафедру сквозь экраны установленных на штативы камер. За кафедрой седовласый джентльмен (опознанный Ритой как ректор

Гос Университета Икстерска) читает напутственную речь по бумажке, постоянно поправляя очки. Внизу экрана веб-трансляции идет синхронный перевод на английский и французский.

— Зачем они переводом треть экрана заняли? — спрашивает Джен. На удивление приличный кофе после растворимой бурды возвращает веру в человечество и свои силы. Джен разделяется с английским завтраком молниеносно, хрустит пережаренными полосками бекона на тостах под снобистское замечание Джа «ну кто так ест». Джелу вкусно. И сытно. — Не проще ли потом на ютуб с субтитрами выложить?

— Это — международная конференция, — объясняет Рита. — К трансляции по очереди будут подключаться двадцать три университета из пятнадцати стран.

— Нормальный такой размах. Нет, я знал, что Алекс очень умная, но чтобы международную конференцию открывать. Это мощно.

— А то, что она на четырех языках говорит, ты знал? — улыбается Рита. — И в Британию три года назад по программе обмена опытом ездила на месяц.

— Дааа, не о том за вискарем мы болтали.

— И что она изучает? — встревает Падре.

Рита задумалась.

— Что-то про цифровизацию и социологию. Она когда о работе говорит, быстро скатывается в терминологию, и я перестаю ее понимать. Олька тоже. Макс, тот даже не пытается, только тычет пальцем и говорит: «Жена у меня умная». Так, все, ее объявили, давайте слушать.

Одна из камер находит Алекс среди сидящих в первом ряду и провожает к кафедре.

— Когда она в синий перекрасилась? — шепотом спрашивает Джа.

— На прошлой неделе, — Рита тоже шепчет. — А как тебе Макс в бабочке? Умора такая. Кстати, он рвался с нами и даже смотрел билеты на наш рейс. Подозреваю, Савва пристегнула его велосипедным тросом к верстаку в мастерской.

— Спасибо ей за это, — Джен искренен, хотя навыки Солдата им ночьюгодились бы, Джен рад, что в тылу остался верный человек.

Поднявшись по ступенькам к кафедре, где уже мельтешит ассистентка, настраивая показ презентации, Алекс достает из кармана флешку и просит запустить показ именно с нее.

— Как-будто совсем не волнуется, — замечает Падре.

На лице Алекс полуулыбка, она с любопытством оглядывает собравшихся, крутит в пальцах смартфон. Джен помнит, как долго привыкал к фонтану эмоций и беспокойному нраву Птенчика, видеть ее расслабленной непривычно.

— Она как будто под кайфом, — озвучивает его мысли Джа. — С седативными переборщила что ли? Или чего посерьезнее для храбрости закинула?

Проектор вывел на экран за спиной Алекс первый слайд с двумя цитатами.

«Где высоко стоит наука, стоит высоко человек»

А.И. Полежаев

«Мир не кончается на нашем горизонте»

А. Лемьер.

Поблагодарив ассистентку кивком головы, Алекс подходит к кафедре и, положив смартфон перед глазами, проверяет микрофон легким постукиванием.

— Добрый день, дорогие друзья, — произносит она громко и, отпрянув, понижает голос, — извините, я впервые говорю в микрофон. Еще и на столь обширную аудиторию.

— Что она несет? — Рите и смешно, и волнительно за подругу.

— Для меня большая честь выступать сегодня перед вами. Сбывается моя мечта. Подготовить выступление было непросто. Мои верные соратники сейчас наблюдают за трансляцией во всех уголках нашей необъятной Родины и следят, чтобы показ не прервался, ибо все, о чем я хочу рассказать вам, крайне важно. А чтобы и в зале никто не помешал вам узреть истину... — Алекс разводит руки в стороны, — ... придется поставить небольшой заслон.

Вокруг кафедры поднимается прозрачный цилиндр, отрезая ее от зала, от сцены, заключая оратора с микрофоном в непроницаемый кокон.

— Это что за... — произносит Падре. В номере стало холодно.

Камера показывает, как Макс, рванувшись с места, плечом вперед летит на кокон, бьется всем весом будто в бетонную стену. С двух сторон зала бегут к нему охранники.

— То, что вы видите вокруг меня, — продолжает Отшельник голосом Алекс, — этот заслон создан мной из химически активных неметаллов, дрейфующих между азотом и кислородом, и прочего дерьма, которым вы дышите, клеток рассохшегося дерева, которым покрыта сцена, из микроскопической взвеси извести, осыпавшейся с потолка, из вашей кожи, одежды и косметики. Все это мельтешит вокруг вас незаметными частицами, и самое чудесное, что многие из вас тоже способны создавать предметы из воздуха, но пока не знаете, как. Дорогие друзья, сегодня я расскажу вам о конструкторе.

Трансляция прерывается, но восстанавливается вновь. Связь тут же рвется, но Отшельник снова в эфире. Он показывает на слайдах в ярких иллюстрациях возможности конструктора и тут же подкрепляет сказанное делом, на глазах всего научного мира Отшельник рассыпает в труху ряд кресел и на их месте водружает каменный столб, расписывает его хохломскими узорами.

— Конструктор позволит нам латать или лепить заново человеческие органы, обеспечить едой и водой каждого землянина, и каждому дать крышу над головой. Разве это не прекрасно?! Разве человечество не заслуживает реализовать свой потенциал полностью? — Отшельник делает паузу, но зал молчит. Один из операторов разворачивает камеру на зрителей и показывает пораженные, полные недоверия лица. — Кое-то считает, что не заслуживает, — продолжает Отшельник. — Более тридцати лет отдельные личности, возомнившие себя в праве решать за всех, лишили меня свободы лишь за желание открыть глаза миру. Что ж, у меня было время подготовиться. Вы забрали мои исследования, уничтожили мою лабораторию, но мой ум... мой ум!.. вам никогда не отнять. За это время мне удалось изучить законы времени и пространства. И сейчас... сейчас вы видите перед собой юную девочку, но говорит с вами семидесятилетний ученый, который находится за тысячи километров от Икстерска! Как? — спросите вы. Наука, друзья мои. Наука, позволившая мне воспользоваться навыками этой девочки — ее зрением, ее слухом, голосом и всем остальным. Наука, которая стала мне доступна, благодаря владению конструктором. Той самой уникальной способности человека работать с материей на уровне частиц. Этому можно научиться, уверяю вас! И та же наука дает мне страховку, — он широко улыбается, трансформируя лицо Алекс выражением, совсем ему не свойственным, источающим яд. — Дело в том, друзья мои, что пока я провожу для вас ликбез, мою тюрьму, мое убежище пытаются разрушить. Этого делать не надо. СЛЫШИШЬ, СТРОГОВСКИЙ, ПОШЕЛ ВОН МОЕГО ДОМА! Потому что, если со мной что-нибудь случится... Я хорошо подготовился.

Телефон Падре разрывается на беззвучном режиме. Сбросив несколько звонков, Летов

открывает окно мессенджера. Сообщения летят со скоростью чата, Падре не читает их полностью, только держит перед глазами заголовки.

— Моя Машина смерти, — говорит Отшельник, и у Джена сбивается дыхание, — мой дом терпимости для самых агрессивных мудаков планеты, я потрудился приобщить к нему видных членов всех скопищ, имеющих хоть какой-то вес. От Интерпола до Балтийской ассамблеи, от федерации профсоюзов до ОПЕК, везде есть мои преданные клиенты, которые не захотят увидеть свои подвиги на экране Нового Арбата. О, это было бы незабываемое зрелище! Человек, если убедить его в безнаказанности, очень изобретателен в попытках себе подобных. Даже если предупредить, что перед ним пульт управления жизнью реальных людей, а не аттракцион, в котором все понарошку. Так даже интереснее. Добавляет остроты переживаний. На такой адреналин легко подсесть, как на иглу. Как думаешь, Строговский, надо устроить демонстрацию извращенной кровожадности? У меня прекрасные записи, в порядке узнаваемости действующих лиц. Надо, да? А именно это произойдет, если ты не прекратишь долбить мои стены, сукин ты сын!

У Джена стучит под ребрами, хочется обратить кофе водкой и орать во все горло, сорваться прямо сейчас с места, но он молчит. Как и все, собравшиеся в номере, он молча переваривает ярость, чтобы не упустить ни слова.

— У людей, — продолжает Отшельник, немного остыв, — причем, почти у всех, есть поразительная черта. Любые перемены, трагедии, даже катаклизмы вызывают в нас отрицание и иногда осуждение, пока не коснутся нас лично. Война поблизости? Ужас, кошмар, но в целом — не наше дело. Пока не пристрелят, может, даже случайно, нашего друга или родственника. Другой пример. Эпидемия? Ерунда, нас просто запугивают. Пока не умрет друг или родственник. Власть совсем оборзела, сажает кого ни попадя? Ну? Какие ваши мысли на этот счет? Только не врите себе, это низко. Поэтому я позаботился о вас, я постарался сделать так, чтобы сегодняшней день коснулся каждого. Ваша любовь к автомобилям, этим чадящим жоповозкам, вытеснившим из городов деревья и пешеходные проспекты, есть лучший способ достучаться до каждого. Будьте осторожны, потому что тормоза неисправны в каждой третьей консервной банке. Мне в самом деле жаль всех, кто погибнет сегодня в авариях, но я вынужден...

Молча Падре разворачивает экран своего смартфона к Джелу. С разных номеров всех регионов сообщения начинаются одинаково «авария», «столкнулись», «дорога перекрыта».

— ... я вынужден обратить на себя ваше внимание таким жестоким способом. И я прошу у вас прощения. Но такова цена знаний!

Он умолкает, следит за реакцией притихшего зала. Крупный план позволяет заметить, как дергается веко на лице Алекс.

— Каждый, кто захочет узнать, обладает ли он способностями к конструкту, может написать об этом в социальных сетях. Хвала Вселенной, у человечества хватило мозгов не тормозить развитие Интернета! Просто напишите, и мои верные соратники найдут вас. И обучат. Вместе мы построим новый мир. Без границ. Друзья мои! Мы с вами достойны лучшей жизни. Она близко, я это видел! Не мешкайте. Обратный отсчет пошел!

Воздев руки к потолку, он торжествующе улыбается, разворачиваясь по очереди к каждой из камер, как старлетка на премьере кинофильма. От входящего звонка микрофон на кафедре фонит, Отшельник кривится, схватив смартфон, смотрит на экран, удивленно поднимает брови.

— Знакомые все лица, — говорит он, приняв вызов.

За спиной Джена раздается голос пророка.

— Слушай сюда... ты, гнида, — яростно выплевывает слова Джа. — Я задавлю тебя собственными руками. Понял? Я разорву тебя на куски!

Первый порыв — подскочить, отнять у Джа смартфон и разбить, выбросить, переломить об колено, чтобы прервать связь пророка с Отшельником, но Джен останавливается на втором шаге, застывает скалой над сидящим на кровати пророком. В уши бьет из динамика ноутбука насмешливый ответ:

— Рад слышать тебя в полном здравии. Джа, верно? Живучий особенный мальчик, — он скрипуче смеется, будто Алекс царапает изнутри ему горло. — А знаешь, с тобой я хотел бы увидеться лично. Приходи в гости!

— Я приду, — обещает Джа и подходит вплотную к ноутбуку, глядит на экран, будто wifi способен передать его гнев адресату напрямую. — Я разнесу твою удобную комнатку вместе со всеми твоими машинками, со всеми твоими игрушками. Мне плевать на твою страховку, ублюдок.

— О, не сомневаюсь, — хохочет Отшельник. — До скорой встречи!

Передняя стенка цилиндра осыпается битым стеклом. Пошатнувшись, Алекс делает шаг назад и, вовремя схватившись за край кафедры, восстанавливает равновесие. Глядит испуганно в зал пока ее не заслоняет от камеры широкая спина подлетевшего Макса. Он сгребает ее в охапку, в эфир долетают обрывочные «все хорошо», «я здесь», «ты со мной», наконец, связь прерывается заставкой белой ряби с надписью «трансляция завершена».

— Ты уверен, что на нем нормальные колодки?

— Нет, конечно! Он же арендованный!

Джен про себя сыплет проклятиями, мощность Патфайндера была бы очень кстати, но ехать на нем нельзя. Не сегодня.

— Джа, открывай багажник.

Машины стоят рядом. Пока Джа с Ритой перекидывают из Леди вещи на заднее сиденье Ниссана, Джен и Падре перегружают сумки из багажника кроссовера в одиннадцатую, стараясь случайно не взорвать парковку вместе с соседними домами. О том, где «Эквитас» раздобыли столько взрывчатки, Джен не спрашивает.

— Пусти Риту вперед, — командует Джен, когда Джа распахивает пассажирскую дверь. — Рит, все, что попробует нас остановить...

— Я поняла, — перехватывает девчонка. В ней нет и следа недавних сомнений, будто включился боевой режим, когда раздумывать и решать нет времени, и вся энергия уходит в действие.

Как и у Джена. Сев за руль, инквизитор заводит машину, пробегает взглядом по зеркалам, проверяя готовность на триста шестьдесят градусов, и снимается со сцепления.

E20 чистая, подозрительно пустая. Джа мониторит пробки и аварии сразу в нескольких приложениях, сообщений о них нет до Алексеевской развязки, а дальше карты отказываются грузиться.

— Над Логовом будто пятно километров в пятнадцать диаметром, — говорит Джа. — Ни на одних картах четкой картинки нет, все размазано.

— Мои парни пишут, работы остановили. Техника вся встала.

— Твои шпионы с квадрокоптерами? — уточняет Джен у Падре. — Они еще в Ополе?

— Конечно. Как вчера окопались, так и ведут съемку. Коптеры вроде полицейских, поэтому конструкторы их не трогают.

— Отлично. Раз работы остановлены, пусть уходят оттуда и прозондируют дорогу. А еще лучше, пусть ведут нас. До Алексеевки дотянутся?

— Должны.

Благодаря поддержке с воздуха, избежали столпотворения перевернутых маршруток, ушли в поворот на Ямсковицы. Джен не был уверен, что Леди сможет пройти по просеке за деревней, но делать крюк через Брюмбель его отговорили. Каждый населенный пункт превратился в риск застрять колесами посреди перекрытой улицы. Тем более просека выходит почти напрямую к шахтам Логова в обход шлагбаума со сторожем.

Леди дорога не нравится. Вырубленная под линию электропередач, она совсем не предназначена для авто. Выбирая места поровнее, приходится объезжать железные исполины опор и выросшие не к месту кусты. Леди болтает из стороны в сторону на ухабах, которые скрывает подмороженная прелая трава. Джен уговаривает девочку продержаться, она огрызается на пониженной передаче, но прет вперед как бывалый внедорожник.

— Не бойтесь, не застрянем, — бодрит Джа. Рита с Падре вцепились в потолочные ручки. — Мы на ней из такой жопы выезжали. Один раз к реке спустились, уклон градусов сорок пять был, и ничего — выбрались. Правда, что-то там пожгли к херам. А на озеро как ездили, Джен, помнишь? Туда нормально добрались, а обратно дождь зарядил на всю ночь.

Вместо дороги — сплошное болото, сплошная жижа. Это надо было видеть! Полноприводные сидят на пузе, трактор ждут, и мы мимо них херачим, на машине даже крыша ровным слоем грязи покрыта, лобовое кое-как дворники чистят, но идем почти вслепую. Главное — держать ровно обороты, да, Джен? Так есть шанс. Нам мужики из своих увязших внедорожников вдогонку сигналили. Дааа, было дело.

Просеку перерезает заросшая бетонка. Джен сворачивает на нее, Леди выдыхает с облегчением и резво мчится по плитам. Краем глаза инквизитор замечает, как подобралась на пассажирском сиденье Рита, Джен готов поклясться, что деструкт как магический пасс уже на изготовке, только покажись цель. Судя по карте, останки военного городка остались на другой стороне просеки, впереди — шахты и командный пункт. Там, где дорога выходит на открытую площадку, поперек прохода стоит жёлтый экскаватор. Джен снижает скорость, жалея, что мотор Лады работает слишком громко. Доехав до краснокирпичных останков контрольно-пропускного пункта, Джен сворачивает влево и, объехав затянутый тиной пруд, паркуется у бетонного ангара. Вокруг слишком тихо, слышен лишь гул линий электропередач.

Перезарядив чезет, Джен прячет его в кобуру на поясе. Под курткой ребра стягивают многоножны, и хотя холодное оружие инквизитору привычнее, против конструкторов стальной обвес сослужит скорее защитой — при деструкте переключаться между материалами молниеносно сложно, хоть какая-то заминка выйдет. У Джа пистолет наготове, в каждом кармане по дополнительной обойме. Пророк спокоен на удивление. Еще один ствол у Падре. Он вопросительно кивает на багажник, Джен мотает головой, тащить сумки со взрывчатками сейчас не с руки.

— Что у тебя там? — спрашивает Джен, глядя на вместительный рюкзак за плечами пророка.

— Подарки Отшельнику.

Вереницей — Джен впереди, Падре завершающий — они перебегают к брошенному экскаватору и прячутся за гусеницами. Изуродованные временем и вандалами бетонные обелиски с лозунгами выглядывают из зарослей как древние надгробия. Пробегая мимо одного из них, Рита мажет деструктом по краю, оставляет неровный скол. Маленькая разминка перед боем. По обе стороны от их укрытия сквозь решетку молодых деревьев виднеются громадные железобетонные грибы — крышки ракетных шахт. Привстав, через щель между гусеницами и поворотной платформой экскаватора, Джен видит происходящее на поле.

Друг против друга, стена на стену, конструкторов человек двадцать, не меньше. Они выстроились вдоль края вырытого котлована между дальними пусковыми шахтами, навскидку, именно там проходит граница командного пункта. До уха Джена не доносится ни слова, только шорохи, будто перекасти-поле снует между рядами. Лиц не разглядеть. Присмотревшись, Джен замечает резкие движения рук, отрывочные, незаконченные пассы. Один из конструкторов дергается с коротким криком, отклоняется назад, и Джен замечает штырь, торчащий из его плеча, который тут же рассыпается под взглядом стоящего рядом напарника. Еще один прут появляется перед грудью другого конструктора, вздрагивает и застывает, увязший в молочном блоке, падает вместе с ним на землю.

— Это что?.. — шепчет Джа над плечом Джена.

— Драка, — отвечают из-за спины.

На полусогнутых Джен разворачивает корпус, снимает предохранитель и,

выпрямившись, целится незнакомцу в грудь.

— Убери, иначе сломаю, — требует чужак. Достает из кармана кожаной куртки сигареты и зажигалку, подкуривает, следит за руками Джена исподлобья. Он весь в черном, кроме ботинок из рыжей дубленой кожи, густая отросшая щетина скрывает истинный возраст. — Вам привет от Анжелики. Ты Джен?

— А ты? — спрашивает инквизитор, опуская ствол.

— Ворон. Если хотите повидаться со стариком, идемте. Я почти закончил.

Не дожидаясь ответа, он разворачивается и идет назад по дороге как по воздуху, без единого шороха, не поднимая пыли. На полпути к машине Ворон сворачивает в лес.

— Старайтесь не шуметь, — предупреждает он, не оборачиваясь. — Они хоть и заняты, могут отвлечься, если заподозрят свидетелей.

— Что происходит там? — спрашивает Джен.

— Сначала был приказ вскрыть камеру и вытащить оттуда все оборудование, которое найдут, — пробираясь сквозь густые заросли, Ворон ловко уклоняется от ветвей. — Оказалось, что старик забаррикадировался изнутри, коридор к камере задраен интерклюдом. Сняли четыре слоя, края не увидели, коридор метров десять, поэтому решили, быстрее будет откопать сверху и подорвать. Сегодня пришел другой приказ, старика не трогать, Логово охранять. Половина гарнизона восприняла приказ в штыки.

— А мы куда идем?

Ворон глубоко затягивается, стряхивает пепел в отсыревшие листья.

— Самый тонкий слой интерклюда — под камерой. Час-полтора, и я к нему подберусь. С вами быстрее.

— Мы подкоп роем? — уточняет Падре скептически.

— Есть другие идеи?

— У нас в машине четыре сумки взрывчатки.

— Удачи, — отвечает Ворон, продолжая лавировать меж деревьев.

Извилистая тропа приводит к Стоунхэнджу из заброшенных хозпостроек. Железобетонные каркасы торчат над землей разинутой пастью с выбитыми зубами, изъеденные ржавчиной и плесенью. В центре — темная плотка — вход в туннель. Джен ожидал увидеть яму или пещеру с осыпающимися стенками, вместо этого перед ними аккуратный квадратный проем со спускающимися во тьму ступенями.

Подкурив очередную сигарету, Ворон шагает в тоннель. Внутри темень непроглядная, кончик сигареты качается оранжевым маяком, сзади кто-то включил фонарик на смартфоне, и Джен вспоминает про свой налобный, припрятанный в одном из карманов штанов.

— А твой где? — спрашивает он Джа, натягивая фонарь на голову. Голос гулко уносится вглубь земли, в свете диодов стена бликует гематитовым гляncем.

— В сумке, в машине, — откликается пророк. Ведет ладонью по гладкой влажной стене. — Из чего стены?

— Из земли, — отвечает Ворон. Снисходит до объяснения: — Все, что было внутри сжато раз в десять и утрамбовано.

— Я смогу так сделать, — радуется Рита. — Нужно связи усилить...

— Класс, — обрывает Ворон. — Займешься потолком.

С каждым метром влажность поднимается, шея покрывается испариной.

— Сколько времени у вас ушло на этот туннель? — спрашивает Рита, с восхищением разглядывая рукотворную пещеру, огонек ее смартфона летает по стенам и потолку.

— Две недели, — отвечает Ворон неохотно. — Восемь лет назад. Сейчас быстрее.

— Вы уже пытались пробиться к Отшельнику? И остановились?

— Стало незачем, — бурчит Ворон, одергивает девчонку: — Смотри под ноги.

В конце туннеля их встречает земляной тупик, мохнатый от тонких корней сорняков.

— Кто может помочь, выходим вперед, кто бесполезен — светите, — командует Ворон.

Рита просачивается в авангард, глядит на Падре с вопросом, тот лишь пожимает плечами.

— Если научите, я весь ваш.

— Светить сюда, — ударив пальцем по смартфону Падре, Ворон смещает луч фонаря ниже. Подходит вплотную к земле и, не оборачиваясь, говорит Рите: — Подхватывай то, что будет сыпаться вниз и прессуй в потолок.

В его конструкторе совсем нет магического флера, Ворон мнет почву как пластилин, выплавляя минералам иную структуру. Он раздвигает стену как титан — грубой силой, не касаясь ее поверхности. Рита справляется отлично. Ее пласт выходит волнистым и местами пористым, но лежит устойчиво на выставленных Вороном опорах.

В установившемся молчании слышен шорох. Мрачно-знакомый, струящийся по возведенным стенам как прорва бегущих муравьев. Шорох конструктора. Тогда, в тире, Джен так и не вспомнил, где слышал раньше этот звук, но сейчас узнал.

Они делили с Тимкой спальню на двоих. Кровати-полупорки, письменные столы (его у стенки, Тимкин у окна), подвесные железные полки во всю стену, заваленные аудиокассетами, красивыми машинками и сувенирами. Плакаты с музыкантами на пестрых обоях. Сломанный велотренажер в углу. И подростковая злость. По любому поводу — заставили мыть посуду, отправили внезапно за хлебом, «сына, отключи интернет, позвонить надо». А у него новый клип флэшгетом третий день тянется. Его злость существовала отдельно от Джена, обвивалась вокруг ребер стальным троссом, душила. Казалось, его никогда не оставят в покое. Не дадут собраться с мыслями, прийти в равновесие. Каждую секунду нужно что-то делать, куда-то идти, кому-то отвечать. Джен чувствовал себя Машиной Голдберга, запущенной на потеху публике. И хотелось сбежать, но некуда. И хотелось обрушить к херам стены спальни, и они откликнулись странным шорохом, но стояли на месте. А ведь могли бы...

— А ведь Кондрацкая была тогда в тире, — догадывается Джен. — Внутри. Вместе с нами.

— Вы ее все равно не остановили бы, — уверяет Рита. — И мы опоздали...

— Поднимай выше, — подсказывает Ворон, заметив крен в сформированной крыше.

Рита вглядывается в черноту, Джа подсвечивает смартфоном кусок, по которому она шарит взглядом.

— Не могу, — Рита сжимает пальцы, пытаясь мысленно пробить неподатливый грунт. — Что-то мешает. Может, там минерал какой-нибудь плотный?

— Алмазные прииски, — подмигивает Джелу Падре.

Ворон делает шаг назад. Оставшись без его внимания, стена осыпается рыхлой горкой под ноги. Рита осторожно уступает место, передает кусок окаменелого пласта Ворону. Конструктор силой давит его вверх, вминает в потолок, пока, предупредив: «Разойдись», не раскидывает его по сторонам мелкой крошкой. В пятаке разреженного поднятой пылью света черная гладь пробоины в потолке отливает красным.

— Интерклюд, — сообщает Ворон. — Мы под клеткой.

Соорудив по-быстрому ступени к потолку, Ворон усаживается сверху как царь горы и, достав из кармана металлический шар размером с кубик сахара, перекачивает его в ладонях. Конструктор постепенно наращивает темп, из ладоней доносится сухой треск. Ворон одергивает руку, будто обжегшись, шар в его руке красный, раскаленный. Он прикладывает его в угол пробоины, вжимает большим пальцем в черную гладь и шар присасывается, выпускает тонкие щупальца, вибрирует с противным ультразвуковым пискком.

— Это что такое? — спрашивает Рита, задрав голову.

— Жужа. Деструктор.

— Он может разрушить интерклюд?

— ... Расшатать, — отвечает Ворон после заминки. — Вручную мы этот слой будем год снимать. С жужей уложимся в час.

— Всего за час, — задумчиво повторяет Падре. — Отшельник мог собрать такую жужу много лет назад и спокойно покинуть клетку.

— Мог, — кивает Ворон. — Но я до нее всего полгода как додумался.

— Так вы ее сами создали? — спрашивает Рита с восторгом. — Вы тоже ученый?

— Нет. Я деструктор. Я знаю, как разрушить что угодно. Лучше отойди подальше, верх будет сыпаться.

Прессованный грунт и в самом деле мелкими струйками осыпается под ноги. Ворон отклонился немного в сторону и, потирая ладони, гипнотизирует багровую преграду. Время от времени он достает из кармана мятую пачку с жуткой картинкой изъеденного черной плесенью мозга и надписью «ИНСУЛЬТ», выуживает из нее сигарету. Он отводит взгляд только чтобы подкурить, и снова медитирует в одну точку.

Рита следит за конструктором пристально, устроившись рядом у ступенек, иногда она жмурится, когда глаза устают или очередная порция подсохшего грунта пикирует с потолка. Падре чувствует себя лишним и бесполезным, слоняется вдоль туннеля. В конце концов, он пристраивает мобильный на земле так, чтобы фонарик светил в одну точку и, усевшись на корточки, вглядывается в маленький кружок света.

Под землей мобильный почти не ловит. Джен набирает сообщение, не особо рассчитывая на быстрый ответ: «Кто такой Ворон?»

Собственная бесполезность изводит. Усевшись на холодный пол Джен наблюдает за Вороном, пытается представить, какие резервы мозга активируются для конструктора. Если конструктор есть одно из чувств, значит, то самое звериное чутье задницей неприятностей уже является не шестым, а — седьмым? Восьмым? Одиннадцатым? Что еще скрывается в ящике Пандоры из человеческого черепа?

Память услужливо подбрасывает новостные сводки будней человеческой цивилизации. Война за ресурсы, споры за территорию, деньги, которых всегда не хватает. Двумя метрами выше за багровым сверхматериалом прячется человек, построивший собственную империю без ресурсов, территорий и денег.

«А что сделал бы я?»

Из мастерской можно вывезти два грузовика с металлоломом — на кой хер складировать хлам, если любую деталь легко выточить из куска глины? Время. Да, время — ценная валюта. Отшельник и к ее законам подбирается, вот-вот обесценит. Джен замечает червя, вальяжно ползущего по земляному полу, стоит посветить на него фонарем, он шугается, отползает в темноту, которая больше похожа на привычный почвенный дом. Ему

Отшельник не мешал спокойно жить, пока не приперлась толпа, разворотившая его подземные лабиринты ради своего туннеля.

Джа слоняется по туннелю, размахивая мобильником будто сачком для сети. Безуспешно.

— От Ольки есть вести? — спрашивает Джен. В погоне за Отшельником он так выпал из реальности, что даже не написал Максусу справиться о Птенчике.

— Алекс в порядке. Макс в бешенстве, — засунув бесполезный смартфон в карман, Джа впери́л тяжелый взгляд в висок Ворона. — Алекс долго успокоить не могли, — рассказывает он поникшим тоном. — Сначала врачи понаехали, им же все «изучить» надо. Во все дыры залезть, посмотреть, как оно устроено. Ясен пень нихера не нашли, только успокоительным обкололи, чтобы не брыкалась. Макс с Романовым ее через черный ход вывезли, медсестру подкупили. Алекс даже под наркотой успокоиться не могла. Все просила вытащить из нее это. Хорошо, что додумались к нам ее привезти, а не домой. Анжелика в окно увидела, пришла. А так про нее и не вспомнил никто в этом хаосе.

— Она вытащила приемник? — спрашивает Джен с надеждой.

— Да, — пророк кивает. — Сейчас отпаивает Алекс коньяком под байки о бурной юности, — Джа умолкает, дышит тяжело, зло. — Гандон, блять! — вспыхивает. — Мир он поменять вздумал!

— А что с авариями? — отвлекает Джен, пока берсерк пророка не набрал обороты.

— Большие города отрезаны от трасс, — отвечает Падре. Джен замечает, что перед ним на земле аккуратная ямка с кулак, похоже, прокачка навыков деструкта на стрессовом адреналине дает свои плоды. — Почти на каждом выезде из-за аварий перекрыто движение, пробки километровые, как на въезде в Москву в семь утра, — отлепившись от стены, Падре наклонами из стороны в сторону разминает спину. Восклицает, выпрямившись: — Это ж сколько нужно было перепортить колодок, чтобы устроить коллапс такого размаха!

— У него было тридцать лет, — напоминает Джен. — Тридцать лет ярости. И цель.

Глубоко внутри просыпается голод. Ворочается от безделья, переключает на себя внимание. Чтобы отвлечься, Джен фокусируется на куске интерклюд, застывшем как монолит горной породы, отполированный миллионами лет катаклизмов. Гладкий. Цельный. Прозрачной дымкой проходит по поверхности рябь, едва заметная, только короткий блик света выдал.

Ворон выдыхает шумно. Хрустит костяшками пальцев.

— Я поняла, — вскрикивает Рита, слишком громко для глухого тоннеля. — Я поняла структуру!

— Тогда помогай, — отзывается Ворон. — Добивай этот слой со своей стороны, я следующий подцеплю.

— А вы что-то уже сняли? — спрашивает Джа. Подходит ближе, вглядывается в потолок.

Джен двигается, луч его налобного фонаря пляшет, чтобы пророк смог поймать в фокус тончайшую пленку, которая болтается на середине пробоины и изредка бликует от света. Если интерклюд уложен такими пластами, даже с помощью Риты и жужи Ворон разбирать его будет очень долго.

— Ничерта не вижу, — Джа озвучивает опасения Джена: — Похоже, мы здесь застряли надолго.

— Можешь сбегать за взрывчаткой, — предлагает Ворон. — Заодно приведешь константов, которые хотят приказ начальства выполнить.

Пока не разразилась буря, Джен хватается пророка за запястье. Гасит вспышку его гнева, будто через себя пропускает разряд. Джа одергивает руку, отходит подальше, прислоняется к стене спиной и затылком. Молчит, спрятав руки в карманы, судя по едва слышным щелчкам, играет с затаившимся в куртке складным ножом. Щелк — штифт освобождает клинок, пружина выбрасывает лезвие, оно бьется обухом о пальцы и возвращается назад неохотно, щелк — штифт снова запирает клинок. Джен понимает, чего хочет пророк. Он хочет, чтобы все закончилось. Уже неважно — чем, лишь бы поставить точку.

Кажется, на поверхности наступила ночь, но смартфон показывает всего пять часов вечера. Очередной пласт инерклода мелькает бликом. Ворон поднимается на ноги, согнувшись в три погибели, запускает пальцы в темноту пробоины и, навалившись всем весом, дергает, обрывает кусок мутно-багровой завесы. Мелкой крошкой сверху осыпается спрятанный за интерклодом бетон. Бьет сверху голубой луч света. Обогнув Риту, Джен запрыгивает сразу на третью ступень, поднимается к проделанной бреши. Он пойдет первым.

Негромкий, но навязчивый многоголосый гул сверлит перепонки. Кажется, он идет отовсюду, будто стоишь на мосту посреди города в час пик, на перекрестке звуковых, световых и радиоволн, как огромная распределительная антенна.

Для подземного бункера здесь неожиданно много стекла. Вскоре Джен понимает почему — одна яркая лампочка пронизывает насквозь три комнаты холодным голубым светом, весьма экономно, учитывая тюремный характер клетки. Прозрачные перегородки местами заклеены неровными белыми кусками чего-то, напоминающего бумагу, но совершенно непрозрачного, нет даже просвета. Спертым сухим воздухом сложно дышать.

В угловом отсеке, куда вывел туннель, стоит запах подпаленной древесины. Вдоль самой длинной глухой стены тянется черная, с виду — пластиковая, столешница. Абсолютно пустая и чистая как в только что отремонтированной квартире. У соседней стены пристроены два чугунных чана на железных каркасах, над одним из них длинношейным гусем высовывается водопроводная труба. Мельком заглянув во второй, Джен находит наполовину прогоревшие бруски дерева.

— Коммуникации? — шепотом спрашивает Джен, кивнув на кран.

Ворон оборачивается. Кивает.

— Минимум.

Джен еще раз оглядывает аскетичную кухню. Представляет здесь Отшельника сухопарым старцем, склонившимся над девственной столешницей. Перебирая воздух жилистыми пальцами больше для разминки нежели для дела, конструктор лепит волокна говядины, сплетает их в скромный стейк. Затем из обедневшей за годы земли выуживает молекулы натрия и хлора (наверное, их проще выделить, чем составить) и связывает в прозрачные кубики соли, посыпает стейк сверху. Чтобы разжечь огонь ему достаточно щелкнуть пальцами. Дрова никогда не закончатся, зола воскресает аккуратной поленницей (заодно и воздух от углекислоты чистится). Из столовых приборов достаточно зубочистки — нанизать тонкие кусочки жареного мяса, только чтобы пальцы не испачкать. А после ужина из капнувшего на стол сока или рассыпанных крошек обогатить кислородом воздух. Чтобы ночью легче дышалось. Закон сохранения частиц в природе. Прощайте зверофермы и

озоновые дыры. Здравствуй, четвёртая промышленная революция, тебя представляли иначе.

Падре поднимается последним. Положив пистолет на столешницу, отряхивает колени.

— Знатные хоромы, — шепчет он, озираясь.

— По планам — двадцать четыре квадрата, — отвечает Ворон. Присев, он разглядывает что-то в глухой стене кухни, почти уткнувшись в нее носом. Конструктор скользит взглядом вдоль угла, поднимается вверх до черного матового потолка. Оборачивается к Джену: — В этой стене интерклюд.

Но быть его там не должно. Клетка — ровный прямоугольник без выступов и коридоров, опоясанный как ремнями ходами для восстановления защитного слоя. Значит, Отшельник либо возвел эту стену, либо...

— Интерклюд ведь обновляют каждый год? — уточняет Джен. Мысль о том, что сверхпрочную стену проще разрезать по шву и перенести, чем воздвигнуть, накрепко засела в голове. И если так, ни о каком заключении речи быть не может. Расширенные границ этот ход тоже объясняет.

— По бумагам — да, — Ворон жестом показывает Джену следить за перспективой в стеклянных перегородках, а сам заходит за угол, в узкий коридор. Джен тоже высовывается, оценить обстановку.

— Здесь зеркала, — удивленно произносит инквизитор, увидев отражение Ворона в конце коридора. Насколько хватает взгляда Отшельника не видно, зато они для него — как на ладони. Джен чувствует себя безоружным и голым посреди открытого минного поля.

— Может, пространство не такое большое, каким кажется, — пророк тоже вышел в коридор и озирается по сторонам.

— Джа, не высовывайся, держись за мной, пожалуйста, — сквозь зубы цедит Джен. С недовольным видом пророк послушно возвращается в кухню.

Рита молодец, держится по левую руку, достаточно близко, чтобы Джен мог ее прикрыть и в то же время весь периметр перед ней как на ладони. Вот только угрозы не видно.

Ворон движется вдоль стены, едва касаясь курткой гладкого серого покрытия, похожего на отполированный мрамор. Правой рукой он прощупывает стену прежде чем сделать шаг, вторую держит перед собой как щит. На периферии зрения Джен ловит едва заметное преломление, будто воздух у ладони конструктора и впрямь колеблется сгустком. Остановившись почти на середине пути, Ворон неожиданно поворачивается к стене, подставляя пространству спину, защищенную только вниманием Джена. Коротким жестом зовет к себе.

— Стойте здесь, — командует инквизитор. Рита, кивнув, замещает его на посту смотрящего. Еще чуть-чуть, и с ней можно будет идти в разведку.

Бесшумно Джен подбирается к Ворону. Чезет на предохранителе оттягивает пояс, но в ладони инквизитора греется рукоять стилета, большой палец гладит выступ штифта.

— Дверь, — Ворон проводит ребром ладони вдоль едва заметной линии стыка в стене, начиненной интерклюдом. — Проверь периметр, я останусь. Заделанный выход наружу должен быть на противоположной стороне.

Джен кивает, собравшись идти, Ворон хватается за правый локоть, останавливает.

— Пулю остановить сложнее, чем нож, — предупреждает он, будто видит сквозь полы куртки, что держит Джен наизготовку. И он прав.

Отпустив клинок, Джен достает услужливый чезет. Рукоять лежит в ладони как влитая.

Встретившись со своим отражением в конце коридора, инквизитор сворачивает вглубь клетки. Стеклянные перегородки идут параллельно друг другу со смещением на манер лабиринта так, что каждая ячейка-комната является проходной. В первой на полу возле батареи устроена лежанка — посеревший от времени матрас без простыней и одеяла, вместо подушки скрученный из тряпки валик. По второй комнате разбросаны книги, старые, с рассыпавшимися переплетами, из некоторых страницы выдраны целыми блоками и валяются здесь же. В углу — сложенное в форме кресла одеяло. Белые наклейки на стеклах стен оказались основой для коллажей, собранных из иллюстраций к древнегреческим мифам. Джен узнал медузу Горгону, которую трахает Минотавр, пока Тесей камерой, занесенной над человекобыком вместо меча, снимает происходящее. Фантазии у великого ученого, оказывается, на уровне пятиклассника.

Свернув в третью комнату, Джен сталкивается лицом к лицу со своим отражением. Фокус застает врасплох. Стоило сделать шаг внутрь комнаты, как образ размножился, обернувшись, Джен едва не теряется в двойной рекурсии — вторая стена, прозрачная со стороны «библиотеки», отсюда задержана зеркалом и мириады инквизиторов держат Джена на мушке с обеих сторон.

Мать твою. Понятно, почему тесная клетка кажется огромной и пустой.

Сняв чезет с предохранителя, Джен осматривает черноту потолка и отступает за перегородку. Ворон на посту, Рита наизготовку, Джа и Падре с оружием в руках настороже. Джен показывает, что собирается сделать, Ворон кивает молча. Натянув куртку за ворот на голову, прикрывая лицо, инквизитор со всего размаху лупит рукоятью пистолета по зеркальной стене.

Ни осколков, ни звона. От удара, который вышел глухим и упругим, словно по металлу, по стене ползет глубокая трещина. Подцепив стволом рваный край, Джен отдирает кусок покрытия, затем еще и еще, освобождает влажную от сырости бетонную стену до наглухо запечатанной двери. Чугун дверного полотна проржавел, зазора между ним и косяком почти не осталось, черная плесень законопатилла щели. Через эту дверь давно никто не выбирался наружу.

На обратной дороге через лабиринт Джен методично разбивает все зеркальные поверхности больше для разрядки, нежели желая убедиться, что за ними глухие стены, а не потайные комнаты.

— Он здесь, — говорит Ворон, когда Джен возвращается, и кивает на спрятанную в стене с интерлюдом дверь. — Видимо, санузел. Открывается внутрь.

Нет там уже санузла. Джен и рад бы в лучших традициях боевиков девяностых выбить дверь пинком, наставить пушку промеж глаз сидящему на толчке Отшельнику и проорать что-то в духе «руки вверх мазафака». Но сейчас не тот случай.

— Заходим в той же очередности, — отступив на пару шагов, Джен берет на мушку центр дверного проема. — Открывай.

Прижавшись спиной к стене и вытянув руку, Ворон осторожно толкает дверь внутрь. Легкая, она поддается сразу, послушно распаивается настезь. Внутри — никого. Черные глухие стены, развороченные канализационные трубы аккуратно сложены в углу. Посреди пола идеально квадратный спуск с земляными ступеньками к недрам Логова, откуда и доносится навязчивый многоголосый гул.

Джен спускается первым.

Колючий холод просачивается под теплую куртку, под пропотевшую футболку. В горле першит. Изнуряющий гул и запах старых елочных игрушек, принесенных с мороза, Джелу не к месту лезет в душу черная тоска по семье. Видел бы его сейчас отец, так и не ставшего законопослушным гражданином. В полутемном подвале из-за угла льется яркий свет и половиком ложится под ноги. Дождавшись, пока все спустятся, Джен выглядывает за поворот, часто моргает, привыкая к ярким лампам, и, выставив перед собой пушку, шагает в зарево.

Нужно совсем одуреть от изоляции, чтобы жить в зазеркалье. Логика пространства пасует перед бесконечной рекурсией, редкие гематитовые стены вырастают и переходят сами в себя, замыкаются коридорами с картин Эшера. Стоит сделать шаг, как оказываешься в толпе допельгангеров, и каждый из них целится тебе в грудь. Мозг путается, подступает тошнота.

— У меня уже эйсоптрофобия на подходе, — Джа кладет руку на плечо инквизитора, шурится от скачущего по отражениям света. — Воистину, одиночество — одна из худших пыток. И не имеет ничего общего с уединением.

— Как его здесь найти? — спрашивает Рита растеряно.

— Ты, — обращается Ворон к замыкающему процессию Падре, — борозду в бетоне сделать можешь? Нужен трек. Иначе заблудимся.

Падре опускает глаза, тонкая, но заметная линия змеей ползет по полу. Ворон удовлетворенно кивает.

Выбрав направление, они движутся по коридору, стараясь касаться одежды друг друга, чтобы не потеряться — иногда прямо посередине коридора возникают зеркальные перегородки, из-за них легко разминуться. По уговору Джен следит за периметром, Ворон — за траекторией их движения и задает вектор. На одном из поворотов Джен спохватывается, перестав чувствовать локоть пророка рядом.

— Джа? — все сто тысяч отражений инквизитора крутятся на месте. — Джа, где ты?

Пророка нет ни в одной из плоскостей. Кровь стучит в висках, горячий пот стекает за ворот, Джен разбивает одно из зеркал, будто Джа может оказаться за ним, но видит лишь глухую стену.

— Он только что был здесь, — уверяет Падре. — Я об него запинался постоянно.

— Идем назад до первой развилки, — предлагает Ворон. — Он далеко уйти не мог.

Они возвращаются к перегородке, разрезавшей коридор на две ленты, и идут другим путем, Падре рисует вилку на полу, отметив перекресток цифрой «один», как точку отсчета. Бесконечные повороты петляют без логики, мобильный Джелена непрерывно ищет сеть, чтобы позвониться пророку, выкрикнутое имя эхом возвращается назад, притянув за собой шлейф нарастающего гула. Глаза слезятся, высматривая в отражениях любое движение, инквизитор забывает моргать. От отчаянья Джен бьет зеркала, сопровождающие их путь. Плевать на эффект неожиданности, на самого Отшельника тоже, сначала нужно найти Джа, а потом, если попадется, свернуть башку зарвавшемуся старикану.

Очередная амальгама ссыпается крупными обломками к ногам, краем глаза Джен замечает кровь — на одной руке костяшки сбиты, на другой порез во все ребро ладони, но боли он не чувствует. Стены идут рябью, пол качается, под испуганный возглас Риты Джен

приваливается к шершавой стене, оседает по ней с противным шорохом. Риски перед глазами мелькают блеснами. В голове стоит шум, он усиливается, меняет тональность, группируется в знакомый голос.

«Где я?»

Оглушительное шипение бьет в слуховой центр мозга.

«Где я?»

«Где я?!»

«Раз, раз» — плевком сквозь какофонию помех механический голос.

«Где ты, тварь?!»

«Извини, дружок, — натужно хрипит, — систему коммуникаций я не настраивал. Не с кем болтать было. Хорошо, что вообще динамик встроил на всякий случай. Сиди смиренно и не дергайся, больно не будет».

«Где ты? И где я?!»

«Вот заладил. Мы на пороге исторического прорыва, а он как попугай — где я, где я. В мою юность тебе бы в рифму ответили. Не дергайся, я сказал! Электроды сдвинешь. Эх, надо было собрать аппаратуру посерьезнее. Если б я знал, что в лабораторию такой образец заглянет».

«Где я?»

«Сейчас будет чуток ярко, потом чуток громко. Зато мы пойдем, как работает твоя голова. О, как... диффузная вспышка, а тут смещение... так-так... любопыыытно».

«Где я?»

Серая рябь перед глазами сливается в молочную пелену, на которой проступают блеклые пятна. Они сжимаются в силуэты, как в плохом фотоаппарате медленно настраивается резкость, пока, наконец, Джен не оказывается в просторной комнате перед нагромождением аппаратуры.

«Ты — новая ступень эволюции, мой мальчик. Мне приходилось подсаживать стимулятор в объект, чтобы разбудить волны, которые ты сам воспроизводишь. Интересно, как?»

Руки пристегнуты к подлокотникам жесткого кресла плотными перемычками, такая же опоясывает грудь, из головы тянутся белые провода к разъемам, встроенным в массивный стол. На столе — экран с пляшущими ломаными линиями биоритмов и нагромождение печатных плат, соединенных между собой, обвешанных индикаторами и вентиляцией, будто скелет киборга, лишённого корпуса, разложен на столе и подключен к питанию. Над столом широкий экран, разбитый на сектора. На одной половине — видео камер слежения, разбросанных по лабиринту и клетке, на второй — две карты с движущимися точками. Красные сверху, синие снизу.

Маяки Машины смерти.

«Ты убивал людей»

«Я никого не убивал! Я только пустил поиграться с игрушкой. Хотел посмотреть, сможет ли неподготовленный среднестатистический идиот управлять сознанием дистанционно. Кто ж знал, что эти гомункулы будут фредикрюгерить?! Кровожадные безнаказанные лизоблюды».

«Они знали, что это не игра? Не имитация?»

«Ахахахаха. Для них — все имитация, что дальше собственной задницы! И знаешь, что? Ведь так и есть! Все ваше существование — сплошная имитация жизни, эмоций, совести.

Все эти разговоры буквами, богатства циферками. Человек упал на улице, они сначала фото сделают, потом скорую вызовут и сразу видео снимают, какие они заботливые и сочувствующие. Одни подделки. Слепят модельку, обточат напильником, лишь бы хорошо смотрелась. Вам этого достаточно. Нет чтобы разобраться, как все работает на самом деле, докопаться до сути. Умеете только пользоваться вещами, не представляя, что они такое. Ты вот тоже пришел меня грохнуть, а как твоя собственная башка работает, так и не понял. Почему? Неужели не интересно? Или и так сойдет?»

«Где я?»

«Даже попытки меня отсюда выковырять — показуха позорная. Надо было бы, давно бы зашли, но нет, копаются что-то там сверху, возятся, жуки навозные. Вы-то нашли лазейку! Смогли, когда захотели! Правда, петлять по моему лабиринту твои друзья будут очень долго. Я-то его строил для прогулок, с детства люблю физкультуру, а по камере моей особо не побегаешь».

«Где я?»

«Да уймись уже. Давай лучше поговорим. Мне редко представляется такая возможность. Расскажи лучше, как это происходит, когда ты подключаешься к Машине? Правильнее будет сказать, что Машина к тебе подключается. Если еще правильнее, то ты вклиниваешься в коммуникационный канал между Машиной и объектом. Как паразит! Ты — паразит, мой мальчик. Очень любопытный, к слову. Так как оно происходит? Ты просто видишь картинки?»

«Расскажу, если скажешь, где я».

«Да божьей! Пятнадцать метров под землей, где-то возле второй шахты, если я ничего не путаю».

«Как я попал сюда из лабиринта?»

«Через тайную дверь в шкафу! Ахахахаха. Своими ногами ты пришел, мальчик. Чтобы к тебе подключиться, как оказалось, мне не нужен даже стимулятор, а твои координаты... Погляди вот сюда... Глаза подними. Видишь, твои друзья спешат на помощь, ооо, даже весьма близко. Они вот тут, видишь, точку мигающую? А мы здесь. Стены со звукопоглощением, еще и генераторы в подсобке гудят, кричать бесполезно. Скучковались, обсуждают, наверное, в какой стороне тебя искать. Я вот что подумал...»

Джен выныривает из морока в жуткую головную боль.

— Стойте как стоите, он нас видит, — предупреждает инквизитор надсадно, сухой воздух дерет горло. — Пусть думает, что мы что-то обсуждаем. Джа у Отшельника. Я видел на камерах. Счас ориентируюсь.

— Ты видел как...

Джен обрывает Риту на полуслове.

— Тихо. Он может нас слышать. Но ты правильно поняла.

Осторожно отстранившись от разбитой стены, Джен восстанавливает дыхание, голова идет кругом. Как Джа после приступов за руль садится? Ударив кулаком по черной поверхности стены, инквизитор проверяет ее на прочность.

— Можете пробить? — спрашивает Джен у конструкторов.

Падре вскидывает руки, Рита разворачивает ладони, Ворон лишь переводит взгляд. В полотне как разъеденная кислотой расходится вертикальная дыра, рядом проходят две большие трещины.

— На этом месте поставьте на полу крест. Рита, прорубайся дальше в этом

направлении, Падре — в обратную сторону, а мы с тобой идем сюда. Никто никуда не сворачивает, даже если стены уводят. Прорубитесь до земляной стены, возвращайтесь назад и идите в противоположную, помогать. В одиночку не геройствуем. Подаем сигнал одиночным выстрелом и возвращаемся сюда. Как только услышали выстрел, возвращаемся к точке сборки, понятно?

— Я не умею, — испуганно протестует Рита, когда Джен протягивает ей один из чезетов.

— Правило первое, — Джен перезаряжает ствол, сразу поставив на предохранитель, — держи палец подальше от спускового крючка. Вдоль ствола, вот так, — вложив чезет в горячие ладони Риты, Джен наводит его на стену, которая кажется дальней, — переводишь палец на крючок только когда собралась его нажать. Поняла? — Девчонка кивает. — Нажимаешь плавно, не дергаешь. Держишь крепко, потому что будет отдача. Так. Правило второе, направляешь ствол только туда, куда собираешься стрелять. Ни под ноги, ни над головой, ни на себя тем более, выбери точку подальше и лучше не напротив тебя, чтобы рикошет не словить. Поняла? Правило третье — пистолет заряжен. Даже если ты только что выстрелила, даже если он еще на предохранителе, он заряжен! Никаких случайных движений. Поняла?

Рита кивает, и в ее глазах Джен разборчиво читает опрометчивость своей затеи.

— Нет, так не пойдет, — отобрав чезет у девчонки, Джен отдает его Падре, но Лето отказывается, показав рукоять заткнутого за пояс пистолета. — Идите в одну сторону. Не отпускайте друг друга ни на шаг.

— А если... — жалобно начинает Рита.

— Все будет хорошо, — отвечает Джен, взяв ее за плечи и пристально заглядывая в глаза. У пророка этот метод успокоения действует безотказно. В руках инквизитора же девчонка сжалась, будто попала в капкан, парализующий волю, и не дышит. Джен отстранился немного. — Ты же конструктор. Тебе никто навредить не сможет.

Развернув Риту за плечи, он легонько подтолкнул ее в направлении пробитой стены, кивнул Падре.

— Идем, — зовет Ворон.

Перехватив чезет наизготовку Джен следует за ним.

Чтобы прорубить проход в стене Ворону достаточно короткой остановки. Они идут напролом в направлении, Джен уверен, лаборатории Отшельника. Фоновый гул становится громче. Натянув высокий ворот свитера до носа на манер балаклавы, Ворон спрашивает:

— Опиши, что видел.

Последовав его примеру, Джен прячет от камер пол лица в наглухо застегнутом воротнике куртки.

— Джа в кресле перед Машиной, подключен к ней. Вокруг стены со звукопоглощением. Светло. Отшельник... Я уверен, он в другом помещении.

— То есть?

— Он общался через динамик машины, значит, сам где-то в другом месте.

— Если те двое на него выйдут, они не выживут, — Ворон говорит уверенно, не сомневаясь.

— Они не успеют, — отвечает Джен, стараясь убедить себя самого, что рассчитал правильно. — Мы быстрее и как минимум отвлечем его, добравшись до Джа. Если бы все пошло в одну сторону, Отшельник бы понял, что я его увидел, кто знает, что он сделает с

Джа в спешке.

Ворон кивает согласно.

— Как ты увидел? — спрашивает Ворон после паузы.

— Я не знаю, как это работает, — признается Джен, протискиваясь в очередную пробоину. — Видимо, Джа научился показывать то, что видит сам. Раньше он проваливался в такие видения, когда Отшельник запускал Машину на кого-то поблизости. Ты как опытный конструктор можешь объяснить принцип работы Машины смерти? Ты о ней вообще слышал?

— Слышал, — Ворон замирает, пробивая в новой стене сначала зеркальный, затем основной слой. — Есть теория, что Вселенная — это большая нейросеть, и все нейроны нашего мозга к ней подключены.

Джен силится представить глобальную рыболовную сеть, в которой узлами связаны сознания миллиардов живых существ от людей и дельфинов до комаров и пчел, великий разум, хранящий и обрабатывающий электронные сигналы, до которых упрощаются желания и страхи, зашитые в нас эволюцией и приобретенные опытом. И если так, никому не выбраться из сетей, бесполезно изолироваться в лесах и рыть ходы под землей, ты навсегда в системе, ты никогда не принимаешь решения сам.

Однако им удавалось спасать людей.

От центра в разные стороны расползается пробоина в очередной преграде, достаточно быстро и бесшумно в гудящем лабиринте. Ворон шагает первым, правой рукой выхватив из кобуры пистолет, левую выставив вперед то ли щитом, то ли базуккой. Джен успевает крикнуть: «Стой!», пока конструктор не пустил пулю в висок пророку. Стекло перегородки идет трещинами и со звоном рассыпается под ноги. Хрустит под подошвой. Джа разворачивается в кресле, освобождает руки из рассыпающихся браслетов и поднимается навстречу с улыбкой.

— Добрый вечер.

Его движения уверенные и четкие, но чужие — не тот наклон головы, слишком плавные жесты, скуднее мимика.

— Должен предупредить, — говорит он, глядя на Ворона, — повреждение моей Машины, замкнет нейронные связи в этой чудесной голове, — постучав пальцем по лбу, он переводит взгляд на Джена. — Твое тренированное тело мне тоже понравилось, но устройство твоего друга просто окрыляет.

— Что, у собственной тушки уже песок из задницы сыплется? — кривится инквизитор.

— Можно сказать и так, — Отшельник улыбается, шагнув в сторону показывает рукой на угол комнаты, спрятанный за широкими боками стола. Только теперь Джен замечает небрежно сложенные горкой мумифицированные останки. Обтянутый тонкой и желтой, как пергамент, кожей череп завален набок и щерится в потолок разинутой пастью. — Неприглядное бессмертие, — вздыхает Отшельник. — Что ж, я слишком стеснен в ресурсах, чтобы рассчитывать на большее.

— Отпусти его, — просит Джен. — Иначе твое бессмертие накроется медным тазом.

— Ой ли, — отмахивается Отшельник. Он щелкает пальцами и стволы направленных на него пистолетов мнутя как бумажные. — Какое сильное ресурсное тело, — он довольно разглядывает ладони, и прозрачная стена между ним и противниками вырастает снова, гибкая, толстая, похожая на силиконовый пласт. — Ты не причинишь ему вреда, — уверенно заявляет Отшельник, кивает на Ворона, — и этому не позволишь. Вы двое скованы какой-то патологической болезненной связью, хотя, казалось бы, что между вами общего?

Сдержанный конкретный бульдог «иди-стреляй» и малохольный истерик, который со своим телом совладать не может.

— Ты плохо знаешь Джа, — усмехается инквизитор. Беспольный чезет отправлен за пояс, усилием воли Джен расслабляет все мышцы и концентрирует внимание на внешнем мире. Почувствовать затхлый запах пыли, услышать, как лопасти вентиляторов рассекают воздух, разглядеть блики на поверхности бесцветной преграды. — Он моя семья.

— Семья?! Ну да, семья. Меня семья замуровала заживо! В гробу видал я таких родственничков. Люби себя, чихай на всех! Помнишь, был такой мультик про чертят?

— Так Строговский твой брат? — удивляется, догадавшись, Ворон.

— Младший, — ядовито. — Разница в тридцать девять минут ему всю жизнь не давала покоя.

— Зато ты жив, — замечает Джен. — В каком-то смысле.

Удивительно, но инквизитор чувствует, как воздушные потоки, очень слабые в замкнутом пространстве, гладят его пальцы.

— Это не жизнь! — восклицает Отшельник, вскинув руки. — Это гниение в тюрьме собственного разума! Теоретическое мышлеблудие, лишённое практических опытов. В то время, как за стенами играют с выращиванием химер внутри человека и управлением внутренними органами на расстоянии, я не способен полноценно исследовать даже сенсорное тело, не говоря уж об экспериментах с волнами в эфире, до которых никому почему-то нет дела!

— Хочешь сказать, твои исследования стоят жизней людей, которых ты сегодня угробил? — Джен издевается, выводит Отшельника из себя под выжидающим взглядом Ворона.

— Я никого не хотел убивать, — он злится. — Но меня вынуждают. Вот вы, например. Я просил вас, предупреждал, уйдите с дороги. Я пожертвовал невинным пареньком, чтобы поговорить с твоим другом. Я обещал найти вас потом, когда все закончится, помочь исследовать способности твоего друга. И что сделали вы? Полезли на рожон, поймали Лизу. Мне пришлось защищаться!

Джен замечает под креслом рюкзак пророка.

— Открой рюкзак, — велит инквизитор Отшельнику.

— Внимание отвлекаешь?

— Я ничего тебе сделаю, пока Джа не отпустишь. Просто открой рюкзак.

Наклонившись, Отшельник поднимает рюкзак с пола, дергает широкую двойную молнию.

— И что я тут должен увидеть?

— Доставай, — командует Джен.

Поставив рюкзак в кресло, Отшельник выкладывает из него на стол дополнительную обойму, упаковку патронов, балаклаву, перчатки. Запустив обе руки, вынимает брнчащую коробку из-под кроссовок.

— Это что? — спрашивает он, сняв крышку. Запустив в коробку руку, Отшельник ворошит содержимое, крутит в пальцах, разглядывая, то кольцо-сережку, то разноцветный брелок в виде девочки с косичками. Он достаёт из коробки жёлтый пластмассовый трактор, прокатывает его по столу, мелкие колеса шуршат, игрушечный ковш царапает неровную поверхность.

— Это вещи убитых Машиной людей, — говорит Джен. — Тех, кого мы спасти не

успели.

— Не я убил их, — Отшельник кривит лицо пророка в гримасе. — Не надо на меня всех собак вешать.

Он бросает трактор в коробку и смотрит в нее с ненавистью, пока картонные бока не тают под натиском деструкта, исчезают без следа вместе со всем содержимым подарка. Джа долго готовил его, чтобы вручить виновнику торжества. Жаль, пророк не видит произведенного презентом эффекта. Отшельник стряхивает с ладоней остатки, вытирает руки о штанины.

— Я создал Машину, чтобы жить, не выбираясь на поверхность, — Отшельник тяжело опускается в кресло. — Одну мою лабораторию брат разрушил, с остальными сделал бы то же самое. Здесь, в Логове, он меня не достанет. А потом... — он осекается, берет паузу. — Потом мне пришла в голову идея попросить защиты у меценатов, толстосумов, которые спонсируют развитие технологий. Я нашел парочку одержимых, продемонстрировал возможности Машины, но... как вы понимаете, они нашли ей другое применение. Угрожать начали. Мне пришлось выкручиваться самому.

— Думаешь, это тебя оправдывает?

— А разве нет? — возмущается он. Захлебывается последним звуком, давится им как вставшей поперек горла костью и, глубоко вдохнув, зовет пробившейся интонацией пророка: — Джен!

Ворону дополнительных команд не нужно. Развернувшись, он рвет стеклянную преграду грубо, пробиваясь деструктом сквозь материю как ледокол по северному морскому пути. Джен видит не глазами — внутренним зрением — как лопаются связи между частицами и они, ускоряясь, сталкиваются с соседями, усиливают вибрации, разрушая кристаллическую решетку. Дернув молнию куртки вниз, Джен выхватывает из многоножен два сюррикена и отправляет их в тонкую прорезь стены, в солнечное сплетение Машины, где сходятся в одной точке толстые разноцветные провода.

Первыми гаснут экраны. Японские звездочки, искромсав тонкожилые шлейфы, втыкаются в стену над столом. Обрывки радужной изоляции сыпаются на пол. С протяжным выдохом тормозят по инерции лопасти отключенных кулеров.

— Подожди! — кричит Джа. Рванув к Машине, он выдирает из пазов печатные платы, разбрасывает их вокруг, пока не добирается до маленькой квадратной, усеянной плотными рядами микрочипов. — Это его память, — объясняет пророк, пряча плату за ворот, под кожаный жилет. И, встретившись взглядом с инквизитором, добавляет: — Металлические цветы, Джен. Это правда я.

Возможно, многие составные части Машины представляют научный интерес, но решено не оставлять ее разбросанной по комнате. Пока Джен и Джа переламывают одну за другой печатные платы, Ворон методично изводит микросхемы в труху, сметая ее на пол рядом с прахом создателя. Заметив под столешницей тугую связку проводов, уходящих в стену, Джен не без труда перерезает ее ножом. Гул за стеной снижает тон, в нем выделяются глухие звуки ударов, будто раскрученный центробежной силой огромный металлический шар внутри цилиндра, теряя скорость, бьется о стенки.

— Мне это не нравится, — с опаской произносит Джа, приложив ладонь к стене, из-за которой доносится нарастающий грохот. Джен тоже чувствует вибрации.

— Уходим, — командует Ворон, шагая из комнаты.

Бесполезный чезет болтается за поясом, из него уже не выстрелить, Джен достает

пистолет из кобуры пророка и пускает пулю в дальний угол.

— Сигнал для Риты с Падре, — объясняет он Джа, возвращая ствол.

К точке сбора они приходят одновременно. Падре без куртки, с закатанными рукавами, будто физически долбил стены, Рита тоже потухшая от усталости. Увидев Джа, она вспыхивает радостью, но быстро гаснет, прижимает ладони к стенам. От грохота, кажется, дрожат зеркала.

— Бегом, бегом!

Прочерченный Падре путь петляет, Ворон бежит по следу во главе, перехватив изуродованный пистолет за ствол, как метательный снаряд, держит наготове, изредка бьет рукоятью зеркала, сбивающие с толку. Схватив Риту за руку, Джен тащит ее за собой, чтобы не отставала, он дышит Джа в спину, не спуская глаз с висящего полупустым мешком рюкзака.

Лестница вверх. В стеклянной тюрьме к грохоту из лабиринта примешивается жужжание.

— Они снимают интерклюд, — говорит Ворон, показывая на потолок. — Торопитесь.

Пока Джа и Падре с Ритой спускаются в тоннель, Джен с Вороном снимают с петель дверь в лабиринт, бросают на пол рядом с выходом.

— Иди, — Ворон пропускает Джена вперед. Спустившись сам, закрывает проход полотном двери.

Погони не слышно. В темноте туннеля сыро и холодно, топот ног раскатами гуляет по гематитовым стенам. Выскочив под звездное небо, они тяжело переводят дух.

— Сети нет, — Падре поднимает мобильный выше, крутится по сторонам, пытается поймать сигнал.

— У меня тоже, — говорит Рита, прислонившись спиной к кирпичному остову.

— Спутник есть, мобильная, похоже, заблокирована, — Ворон затягивается сигаретным дымом, вглядывается в ночной лес туда, где конструкторы стояли стенка на стенку. — Слишком тихо. Поспешите.

— Ты не с нами? — спрашивает Джа.

— Встретимся у шлагбаума. Имейте ввиду, сейчас там не металлическая палка, а серьезный антивандальный распашной с бетонным основанием.

— «Константа» подсуетилась?

— Да.

Продираться сквозь заросли среди ночи занятие не из легких. Светить мобильными — все равно, что мишень прицепить на спину. Чахлый месяц тоже не помощник. Крючковатыми ветками деревья лезут в лицо, норвят исцарапать, сухостой хрустит под натиском как дешевые чипсы. Если конструкторы обратят внимание — не убежать.

Леди послушно ждет под прикрытием бетонных сводов ангара. Джен пикает сигнализацией, машина откликается щелчком разблокированных дверей.

— Грузимся быстро. Джа вперед, Рита назад, страхуй от погони, если вдруг.

Как только открывается первая дверь, зажигается свет в салоне. Тусклая лампочка в лесной темноте маячит фонарем. По-быстрому упаковавшись, Джен включает зажигание, про себя ругая машину за раскатистое приветствие, и сразу срывается с места, не позволив Леди прогреться.

Вслепую, без фонарей и навигатора на голых инстинктах Джен выводит машину в объезд заросшего пруда, к дороге. Набирая скорость, Джен гонит по плитам через

позиционный район баллистических ракет. Проскочив просеку — по ней в темноте добраться шансов мизер — мчит к останкам войсковой части.

Луч дальнего света прошивает заднее стекло, бьет в зеркала. Проступившие на горизонте габариты выдают внедорожник. Он приближается. В сторону не уйти, капкан черных стволов сжимает дорогу. Джен наращивает скорость, включает свет — что уж теперь прятаться?

Забравшись на сиденье с ногами, Рита смахивает с полки багажника мелочь — бутылки с водой, упаковки печенья — пристально вглядывается в слепящее зарево.

— Падре, сбоку! — кричит она, размахивая руками. Машина подпрыгивает, наехав на что-то задним колесом. — Они швыряют в колеса что-то, не вижу.

— Ребята, не дайте пробить шины! На ободах далеко не уедем.

Стрелка спидометра уже тянется к ста семидесяти, Джен виляет по дороге, понимая, что сбивает этим не только преследователей, но и Риту с Падре. Леди мотает из стороны в сторону, она привыкла встать на трассе как корабль и идти четким курсом, пируэты на скорости вообще не ее стихия, но Джен справляется. Впереди приближаются силуэты воинской части.

— Джен, там шагбаум! — вспоминает пророк. Хватается за поручень, рефлекторно поджимает ноги. — Джен, твою мать!

Он видит. Стальная рыжая стрела, укрепленная перекрестиями, висит поперек дороги. Возможно, постсоветский автопром делал достаточно крепкие машины, чтобы выбить плечо шагбаума кузовом, но Джен надеется спасти машину, он пытается, прожигает вниманием преграду, зря что ли мир катится в тартарары, зря что ли в теле его катался сильнейший, теперь, вроде — мертвый — конструктор, зря что ли все эти годы и руки в крови. Он сжимает руль пальцами так, что вот-вот вырвет с корнем, прекращает вилять, и на расстоянии вытянутой руки стрела шагбаума, надломившись, падает под колеса. Леди подпрыгивает, ее тянет влево, но Джен выводит машину на ровное полотно асфальта.

— Ты..? — Джа почти кричит, облизывает пересохшие губы. — Как ты..?

— Потом.

Впереди поперек дороги из леса выкатывает мотоцикл, останавливается у обочины. В свете фар Джен различает плотную завесу, растущую над плитами как взведенный нож гильотины, и дает газу. Леди едва успевает проскочить под парящим в темноте полотном прежде, чем оно с грохотом падает на дорогу, войдя в бетонные плиты, как в масло с брызгами каменной крошки, отрезая Леди от преследователей.

— Ебическая сила коммунизма! — орет Падре. — Вы видели?

Хорошо бы притормозить, поблагодарить лихача на байке, но конструкторов стеной надолго не удержишь, и Джен мчит дальше, сворачивает на разбитый асфальт А41–002. Поглядывает в зеркала, чтобы убедиться, Ворон (а сомнений, что это именно новый друг, у инквизитора нет) следует за ними как черный ангел-хранитель.

Связи нет ни за городом, ни в его пределах. Припарковавшись у отеля, Джен медлит покинуть машину. Покой спящего города транквилизатором растворяется в крови, хочется застыть статуей в неудобной позе и провести так ближайšie пару часов. Хотя бы — пару.

— Нам точно стоит останавливаться? — робко спрашивает Рита. Девчонка с ног валится от усталости, но ради иллюзии безопасности готова бежать дальше.

— Если нас достанут здесь, то достанут везде, — говорит Джен. — Нужно отдохнуть. А

далее каждый возвращается домой как приехал. Мы засветили машину, но вы с Падре можете спокойно добраться до Питера и завтра к вечеру будете в Икстерске.

Ворон курит рядом с мотоциклом. В свете фонаря поблескивают толстые металлические шипы на покрышках. Марку Джен определить не может — обвесы байка делают его больше похожим на утепленную двухколесную телегу, чем на мотоцикл.

— Кастом? — спрашивает Джен, подходя ближе.

— Самодел, — кивает Ворон.

— Мощно.

В другой ситуации Джен непременно рассмотрел бы машину вдоль и поперек, и надеется, что случай представится.

— Спасибо, что выручил на дороге. И вообще.

Отправив окурок щелчком в щетку кустов, Ворон кивает. Лаконичность его реакций подкупила Джена с первых минут знакомства, такой яркий контраст с окружением.

— До Питера вас доведу, дальше — сами, — Ворон достает из кармана смартфон, с досадой глядит на экран. — У вас тоже нет связи?

Сеть отключили несколько часов назад. Сначала замолчали соцсети, пропала связь с банками, перестали отвечать мессенджеры. Вскоре Интернет по всем каналам стал недоступен. Последней исчезла мобильная связь. Городские телефоны, сохраненные в домах больше из привычки, чем по необходимости, остались единственным средством передачи паники.

Номер Ворону нашелся, пришлось расплатиться наличкой. Собранной кое-как по карманам, ее едва хватило на несколько бутербродов и пакетиков чая. Всерьез накормить уставшую команду хостесс отказалась.

Когда Джен выходит из душа, Джа уже спит, отвернувшись к стенке, поджав под себя ноги. В комнате темно, но глаза быстро привыкают. Сидя на кровати, Джен глядит на пророка. Память перемальывает мясорубкой события слишком долгого дня, разбавляет обрывками картинок из детства, вытягивает из Джена последние соки самообладания. Блуждание по лабиринту цепочкой — новогодние подарки, родители всегда дарили сыновьям одинаковые, но Тимка съедал свои конфеты быстрее, и Джен неизменно делился своими, пока не иссякнут — чужой взгляд из-под челки пророка — окончание летних каникул, Джен часто гостил у бабушки и, возвращаясь домой, первым встречал у порога Тимку, тот бросался в объятия и шептал на ухо, чтобы родители не услышали: «А что ты мне привез?» В горле ком. Джен неосознанно мнет мягкое одеяло, сжимает его, едва удерживаясь от того, чтобы подойти к кровати друга, разбудить и сгрести его в охапку, прижать со всей силы, чтобы удостовериться, что сегодня ему удалось — удалось его уберечь, спасти, вытащить живым из передраги.

Ведь все закончилось. Джен надеется — закончилось. Машина разрушена, Отшельник если не мертв, то нейтрализован. Банда конструкторов, конечно, маячит за плечами, дышит в спину, но с этими они как-нибудь справятся. Главное — Джа жив. Они вернутся в Икстерск, раскрутят свою мастерскую, Джа с Олькой, наверное, поженятся и нарожают Джелу племянников.

Словно почувствовав макушкой взгляд, пророк поднимает от подушки голову, оборачивается к Джелу:

— Ты чего?

— Все нормально, спи.

Джен забирается под одеяло, натягивает его до подбородка и, глядя в потолок, смаргивает с ресниц подступающие слезы. Просто глаза устали. Режет.

ЧАСТЬ 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ. Глава 24

Обратная дорога кажется бесконечной. Хочется — вжух — и припарковаться в родном гараже, где тепло, светло и пахнет бензином вопреки вентиляции и коллекции отдушек, которые Джа перетаскал в невероятных количествах. Вместо этого — объездные дороги, в города соваться боязно, повсюду постовые с табельным оружием.

Денег нет. Питерские ребята Падре, делегированные в Кингисепп с последними новостями и запасами для босса, подкинули немного налички. Ее должно хватить на топливо для Леди и газпромковский кофе, что уже неплохо.

До Икстерска сорок с лишним часов пути. Джа настойчиво рвется за руль, гнать без остановок.

— Управлять самому такой кайф! — признается пророк, выходя из крутого поворота. Он позволил машине легкий занос, ребячества ради на пустой трассе.

— Ты сейчас про Леди или про свои мозги? — подтрунивает Джен.

Джа лукаво лыбится в тускнеющие сумерки.

— А как ты понял, что у меня получится? — спрашивает он, искоса глядя на Джена. — Вытеснить Отшельника. Машина была совсем рядом, сигнал мог быть сильнее, к тому же, я не просто подглядывал, он управлял мной.

— Ты ведь уже вырывался, — напоминает Джен. — И в Логове стал сильнее. Черт, да ты в мои мозги влез! Как?

— Это странное ощущение. Как будто... Я когда в себя пришел в его комнате, очень внезапно, голова раскалывалась дико и в висках стучало так, будто надо мной кто-то лупит в барабаны. И этот стук... этот ритм... я как-то по телеку нарвался на передачу про астральные проекции, путешествия к тотему, всю эту эзотерическую дребедень...

— Дребедень оказалась не дребедень?

— Типа того. Там шаман рассказывал, как звуки бубна — сами вибрации — влияют на работу сердца и кровообращение и помогают входить в транс. И я попытался на этот ритм настроиться что ли. Это похоже на полудрему, ты вроде не спишь и все видишь, все слышишь, даже говорить можешь, но одной ногой, виртуальной, ты уже в другом месте. И я попытался построить мост. Найти тебя и перебросить к тебе. Не мост даже — бревно через пропасть. Как-то так.

— Интересно, как быстро теперь физика сможет объяснить этот опыт.

— Вопрос, скорее, в том, захочет ли, — Джа усмехнулся. — И это, наверное, не физика, а какая-нибудь нейробиология. Отшельник сказал, что приемники подсаживал, чтобы разбудить какие-то волны. Я надеялся, что у всех, к кому он внедрялся, они разбужены и могут работать без приемника. Как видишь, получилось. Не совсем так, как у него, но нам с тобой хватило. Кстати, про шлагбаум расскажешь? Я уж подумал, ты Леди в расход решил пустить, а ты в деструкте тренировался. Когда освоил?

— Да прям там.

— То есть, ты не знал, сможешь ли? И летел под двести на железную дуру, которая способна остановить поезд?

— А были варианты?

— Риту попросить. Или Падре.

— Они от конструкторов отбивались. Пришлось самому.

— Ну ты красава!

— Стоило рискнуть.

Опустив спинку сиденья, Джен устраивается поудобнее, жаль ноги не вытянуть.

— Он говорил, что использует возможности человека, — объясняет Джен, глядя на черную полосу трассы, — глаза, руки, ноги, голос. Конструкт — такая врожденная способность, которую надо развивать, если она есть. Он пользовался конструктом, внедряясь в меня, в тебя и в Алекс, значит...

— Мы все конструкторы.

— Выходит, так. Я наблюдал за Вороном, когда мы шли за тобой, и начал различать структуру материалов. Я был уверен, что получится.

— Это круто. В самом деле. Прикинь, чего мы наворотить сможем! Какие байки построить.

— И не только мы...

— У нас будут самые лучшие! Да!

Легкий редкий снег узорной пылью швыряется в лобовое стекло. От печки в салоне жарко даже без обуви. Джен прибирает температуру. Больше из вредности, чем всерьез надеясь, включает радио, щелкает по станциям, насилуя старенькие динамики разночастотным белым шумом. Придется спать в тишине.

— Джен, я хотел сказать тебе спасибо. Спасибо, что ты со мной.

— Всегда пожалуйста, — отвечает инквизитор, закрывая глаза.

Над Икстерском всюду резвится солнце, скачет по мелким шустрям облакам. Сразу за въездом в город — военный патруль, останавливают всех подряд, проверяют документы. Машины, проехавшие перед ними, вроде, не досматривали, но нервы Джена натянуты тормозным тросом. Подъехав к шлагбауму — хлипкой переносной конструкции, газ в топку, и полетит кубарем — Джен останавливается, протягивает постовому через окно бумаги на машину и икстерские права.

— Домой возвращаетесь? — подтянутый сержант, неуловимо похожий на инструктора Пашу, оглядывает покрытый слоем грязи бок Леди.

— Так точно, — отвечает Джен. — В деревню к родителям мотались, дрова разгрузить, да в бане поддув подлатать — чадить начала. Зараза, не могла летом выпендриться?

— Бывает, — сочувствует сержант. Изучает внимательно документы и лица. — Вы бы отдохнули у родителей еще пару дней. В городе неспокойно.

— У нас подруги в городе, — Джа высовывается из-за Джена, умоляюще глядит на постового. — Его сестра — моя... вы поняли. Связи нет. Они одни, мать ревет второй день, на корвалолу сидит.

— Ясно, — сержант машет рукой, чтобы подняли шлагбаум, возвращает документы. — Проезжайте.

Первое, чем встречает Икстерск — два перевернутых автобуса, растянувшиеся по обочинам, как туши мертвых китов. Их даже не эвакуировали в город.

На тихих улицах частного сектора ни души, хотя выходной. Пустой городской троллейбус плетется мимо остановки, не притормозив, в маленьких продуктовых магазинах закрыты двери и выключен свет. Ближе к спальным челоуейникам на перекрестках стали встречаться пешеходы. Синими маяками раскиданы по парковочным карманам машины ДПС. Со стороны центральной площади в небе висит сизая шапка дыма.

— Сайлент-Хилл какой-то, — нервничает Джа. — Давай сразу в офис к Ольке заедем?

— Сначала домой, — говорит Джен. — Во-первых, выходной, она может быть там, во-вторых, надо сначала машину разгрузить, ты же видишь, патрули кругом, а мы обвешаны как оружейка. Хорошо хоть взрывчатку Падре забрал.

За поворотом под колеса Леди бросается мужик. Джен тормозит резко, машина юзом идет по щербатому асфальту, тыкается носом в живот самоубийце. Он ложится на капот, вытянув руки, но тут же поднимается, орет: «Простите» и топит через дорогу, не оглядываясь. За ним — два гвардейца, тяжелые как набитые мешки, неповоротливые в утепленной форме. Они гонят мужика как зверя, а он вопит: «Это не я, отстаньте, это был не я».

— Это что сейчас было? — Джа ошарашенно оглядывается.

— Дивный новый мир, — бормочет Джен и стартует, быстро набирая скорость.

Ближе к центру город меняется. На тротуарах то здесь, то там попадаются обломки всех цветов и размеров от пластика до искореженного металла — следы недавних аварий. Бордюры, асфальт и плиты ближайших домов выкрашены черными всполохами сажи от пожаров. На бетонном заборе теннисного клуба, где обычно пестрят афиши заезжих гастролеров, теперь красуется небрежная громадная надпись: «ПРОЧЬ ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!». На углах кирпичных пятиэтажек неровные сколы. Местами в магазинных витринах зияют дыры с лучами трещин, закрытые изнутри фанерными листами. Издалека доносятся хлопки.

Джен быстро жалеет, что не повел сразу объездными путями. Вдоль всего центрального проспекта пестрит новогодней гирляндой красно-синяя иллюминация. Путь перекрыт. Потасовки с полицией очагами разбросаны по проезжей части и тротуарам. Прямо перед ограждением двое гражданских подбегают к патрульной машине, дергают за ручку заблокированной двери и, недовольные отпором, распыляют стекло в ней, не прикасаясь. Подоспевший патрульный успевает только замахнуться резиновой дубинкой, она рассыпается в его руке, следом пылью на плечи ложатся останки шлема. Он, безоружный, бросается на шпану с кулаками.

— Тормозни!

— Даже не вздумай, — схватив Джа за локоть, Джен заставляет его захлопнуть дверь. Набирает скорость, сворачивая на объездную. — Здесь нам не справиться.

— И что? Просто уедем? Они ж поубивают всех!

— А надо, чтобы поубивали еще и тебя? Джа, города просто так не закрывают патрулями, — Джен сосредоточенно пялится на ухабистую стрелу асфальта и заставляет себя добавить: — Мы уже сделали все, что могли.

Наконец, показались крыши родного района. В баре Косы задернуты рольставнями и двери, и окна. Повернув на свою улицу, Джен читает на трансформаторной будке нехитрое граффити «КОНСТРУКТ — ОТ ДЬЯВОЛА».

— А вот и пресвятая инквизиция подъехала, — комментирует Джа. — Надо дать тебе другое прозвище. Вырисовывается конфликт интересов.

Джен хмурится.

— Да уж не в темные века живем, вроде.

— Ты уверен?

Спящий дом встречает слепыми окнами — шторы везде задернуты, из почтового ящика торчит рекламная газета. Распахнув «клиентские» ворота, Джа впускает Леди домой и запечатывает сразу гараж на все замки. От усталости хочется завалиться на диван и проспать

до завтрашнего вечера.

— Давай хоть чаю попьем, — просит Джен, выгребая из салона в шуршащий пакет дорожный мусор. — Да переоденемся. Я устал как собака.

Пророк молча достает из багажника сумки с вещами и тащит их в дом.

Двери встречают хозяина скрипом петель. Растений в доме как будто прибавилось. А может, Олька спустила все горшки на первый этаж, чтобы по лестнице лишний раз поливать не бегать. Или с улицы занесла тех, кто зимой не выживет.

Джа орудует на кухне. Сумки бросил посреди гостиной, разбирать их сейчас нет настроения. Для начала хорошо бы в душ. И побриться. В идеале — поспать.

Незнакомый резкий тренькающий звук застает врасплох на последней ступеньке лестницы. Джен разворачивается на месте, спускается вниз, к порогу у главного входа. На полке для обуви находит детский телефон — красный корпус, желтая трубка, одна черная кнопка посередине. Они с Тимкой через такие аппараты переговаривались из разных комнат. Скрученный двужильный провод уходит под дверь на улицу. Джен снимает трубку.

— Алло?

— Ой, Джен? — яркий голос Анжелики звучит еще моложе. — Вы правда приехали? Заходите ко мне, я вас накормлю, пока Оля едет.

— Ну хорошо, — ошарашено тянет Джен. Услышав короткие гудки, кладет трубку. Объясняет стоящему в проеме кухни Джа: — Соседка наша. Предлагает покормить, пока Олька сюда едет.

— Получилось! — пророк сияет. — Я смог подключиться к Ольке! Показал ей, что дома. А что? Мобильники не работают, городского у нас нет, вот тебе новый канал экстренной связи. Круто же!

— Не то слово...

И все же быстрый душ Джен себе позволил и пророка заставил привести себя в порядок, прежде чем осквернить жилище Анжелики своим вымотанным присутствием.

— Детские телефоны Саша привезла, — рассказывает она, уставляя тарелками круглый деревянный стол с белоснежной ажурной скатертью. Анжелика и сама при макияже, с прической, рубин в массивном перстне то и дело вспыхивает от солнечных стрел из окна. — Попросили вас позванивать, проверять не приехали ли. Свои городские номера оставили, Оля в последние дни у родителей живет. До этого за домом присматривала.

Добравшись до еды, Джа хрустит соленым огурцом в прикуску с хлебом. Джен разливает по стаканам компот, помогая хозяйке по мере сил, у самого от голода даже руки трясутся — жесткая кофеиновая диета последних дней и бессонная ночь берут свое.

— Сядь уже, я сама все достану, — одергивает Анжелика, выставляет перед парнями по тарелке жареной с мясом картошки. — Сейчас банда явится в полном составе, расскажете, как съездили, а пока — жуйте, не отвлекаясь.

Поймав момент, Джен спрашивает о неожиданном и ценном помощнике.

— Вороном, значит, представился? — улыбается Анжелика с какой-то теплой грустью. — Из-за ваших прозвищ, видимо. Вороном его Маришка называла, напарница. Сильный тандем был.

— А что случилось? — спрашивает Джа.

— Лейкемия. Она очень быстро сгорела. Всех биологов «Константы» на уши подняли, сам Строговский пытался, но не спасли. Ворон в запой ушел, а я его вытаскивала, как могла.

До белой горячки допивался, спьяну рассказывал, что рыл подкоп, пытался добраться до клетки, надеялся, старик сможет ее вылечить. И не успел. Я, честно говоря, ему не верила. А когда вы туда рванули, вспомнила.

— Спасибо! — говорит Джен с набитым ртом. — Без него мы бы не справились.

Под окнами сигналит авто. Не вставая со стула, Анжелика тростью тянется к подоконнику, откидывает белоснежный тюль, открывая тонкий монитор, прикрепленный к стене на подвижном кронштейне. Зацепив кронштейн ручкой трости, она подтягивает монитор ближе, переключает на изображение с камеры, висящей над воротами.

— Ваша банда приехала, — говорит она. — Ешьте, я открою.

К кронштейну магнитом крепится миниатюрный пульт. Нажав кнопку, Анжелика ждет, когда гости прикроют за собой калитку, чтобы снова запереть замок. Джа все равно срывается из-за стола, летит в прихожую, навстречу.

— Все прелести умного дома? — замечает Джен, кивая на пульт.

— Так, днем побаловаться можно. На ночь запираюсь на вот такенный засов из арматуры. Вся эта электроника все равно ненадежная защита. Особенно в последние дни. А у вас на окнах даже ставен нет. Вы чем думаете?

— Да, надо бы поставить, — пристыженно отвечает Джен, чувствуя себя как в детстве отчитанным за проступок лоботрясом.

Шумной толпой в облаке холодного воздуха с запахом снега гости вваливаются в дом, разуваяются у порога, скидывают куртки, едва не обрушив полки в прихожей, и просачиваются по одному в кухню.

— Привет, Птенчик! Как ты?

Повиснув на шее Джена, Алекс бубнит ему в плечо: «Все нормально» и не отпускает даже для рукопожатия с Максом.

— Вы его грохнули? — требовательно спрашивает она, отстранившись, буравит взглядом как победитовым сверлом.

— Точнее сказать — мозги вынесли.

Она снова прижимается к Джелу, обхватывает его крепко-крепко, даже неловко перед Максом, но Солдат только махнул рукой, улыбнувшись как усталый родитель и, шепнув что-то на ухо Анжелике, по-хозяйски лезет в верхние шкафы, достает оттуда хрустальные стопки на тонких ножках.

Романов как всегда при костюме, хоть и с распушенным галстуком. Пожав Джелу руку, Аристократ представляется Анжелике и присаживается за стол в самый дальний угол.

— Я заезжал по пути к Рите, думал забрать ее, — говорит он, принимая от Макса десертные тарелки. — Ее нет в общаге.

— Я думала она с вами, — появившись на кухне, Савва машет Анжелике и обнимает Джелу, шепчет на ухо благодарности, что вернул пророка целым и невредимым.

— Мы в Кингисеппе разъехались, — говорит Джа. — Они собирались самолетом лететь. Неужели в Питере застряли?

Савва пожимает плечами.

— Падре тоже на связь не выходил. Мы думали, они с вами вернутся.

— Наверное, рейсы все отменили, — успокаивает Джа. — С таким-то кипишем. Ничего, доберутся.

Усадив гостей и проверив, всем ли хватает посуды, Анжелика подает Максиму запечатанную бутылку Hennessy.

— Ну, парни, рассказывайте уже! — просит Савва.

Джен уступает пророку право описать в красках поездку к Отшельнику. И Джа рассказывает. Во всех подробностях прозванный «черным» день от старта с парковки кингисеппской гостиницы до возвращения к ней же, упустив лишь один нюанс — трофей, припрятанный теперь среди инструментов в мастерской, где его вряд ли будут искать.

— Жаль, меня там не было, — Макс зло опрокидывает в себя стопку и морщится от хорошего коньяка как от самогона. — Я бы этому гондону все слоты повыдергивал!

— Хорошо, что ты был не там, а со мной, — осаждает его Алекс, насупившись. — Вам, мужикам, лишь бы шашкой на передовой махать, а ты тут защищайся сама как можешь. Мне до сих пор кошмары снятся, что я иду по улице и каждому встречному бью ножом под ребра. И меня никто остановить не может. А самое жуткое, что я все понимаю, все вижу, как в той серии «Черного зеркала», где сознание матери в плюшевого медведя закачали и для общения с дочерью оставили только две кнопки со смайликами. Так у меня даже кнопок этих нет!

— Тиш, тиш, — обняв Алекс, Макс целует ее в макушку, успокаивая.

— Ты просто не знаешь, каково это...

— Это на самом деле страшно, — вздыхает Романов, откинувшись на стуле, — отвечать за поступки других. Как только бунт уляжется, я подниму все дела, — обещает он, — и вытащу из-за решетки всех, кого смогу.

— Вчера утром ввели чрезвычайное положение, — сообщает Савва. — Ходят слухи, связи не будет еще неделю. Центральные телеканалы между собой материалами через спутник обмениваются, у нас есть человек среди местных вещателей, он рассказал, что все отснятое проходит через цензуру, что отправлять в центр, а что нет. Интернета очень не хватает, конечно.

— Во времена цветных революций связь обрезали, чтобы повстанцы скоординироваться не могли, — вспоминает Анжелика. — А сейчас-то что? Разве этим bestiарием кто-то управляет?

— Связь отключили часа через два после конфы. Думаю, это «Константа» подсуетилась, когда отряд в Логове на два фронта разделился. Побоялись, что свои же Отшельника грохнут, и он сольет в сеть компромат. Но для меня необъяснимо вообще, что улицы вспыхнули. С чего? Откуда среднестатистический упоротый быдлан узнал о научной конференции? Кто ее смотрел? Саньк, без обид. Но машины не интеллигенция жжет.

— Как раз она, — встречает Романов. — Революции всегда начинают именно интеллигенты.

— А у нас — революция?

— А разве нет?

— Уймитесь уже, фаталисты! — Анжелика недовольно хмурится. — Макс, наливай. Отпразднуем выход конструкта из тени, а уж к чему он приведет нас, к светлому будущему или темным временам, скоро увидим.

Извинившись, Джен встает из-за стола, просачивается между стеной и высокими спинками стульев в маленький коридор, находит спрятанную у самого порога дверь в уборную.

Пить уже не хочется. Вести беседы тоже, хотя Джен искренне рад вернуться и снова увидеть людей, ставших за прошедшее лето ему семьей. Вымыв руки, инквизитор выходит в коридор, откапывает в ворохе одежды свою куртку и, накинув ее на плечи, идет на улицу.

Почти стемнело. В сизое небо от соседских крыш то здесь, то там поднимаются столпы

дыма — люди топят бани. Джен и сам с удовольствием погрелся бы на липовых полках, разрешая жару выкачать из себя вьевшуюся грязь. Вот уляжется смута, он обязательно построит баню. Если отвоюет у Джа кусок земли, конечно.

Ступни мерзнут в домашних шлепках, стоило переобуться, прежде чем выходить на крыльцо, но возвращаться в дом Джен не хочет. Спустившись в огород, черный от оголенной земли, Джен находит грубо сколоченную скамейку, слишком низкую для его высокого роста, приходится вытянуть ноги, чтобы колени не торчали вверх как у лягушки.

Тишина.

Темнота обернулась бы пустотой, если б глаза не привыкли. Организм иногда ошибается в своих лучших побуждениях.

Джен дышит холодным воздухом с запахом близкой зимы и закрывает глаза.

Тихо хлопает входная дверь. Легкие, едва различимые шаги доносятся с крыльца и приближаются по утопанной дорожке вдоль стены.

— Ноги решил отморозить? — Джа бросает на землю рядом дженовы ботинки. — Подвинься.

— Конец пьянке уже виден? — спрашивает Джен и сует ногу в ботинок, подерживая пальцем пятку.

— Если бы. Там решается судьба геополитики и будущее научного мира. А я спать хочу зверски. Уже забыл, когда нормально высыпался. Без нервяка.

— Это не скоро, — усмехается инквизитор.

— Знаю. Всегда кажется, что решишь проблему и сразу — щелк — счастье, радость, печенюшки. А на деле шлейфом кроет еще неделю. Джен, у тебя нет ощущения, что мы где-то напортачили? Может, не надо было его останавливать? Просто поставить круглосуточный контроль над тем, что он делает Машиной. Он мог быть полезным. Может, он и правда мог бы лейкемию лечить, подрубить к врачу, который рядом с пациентом, и вылечить. А мы с тобой как коммунисты — «До основания разрушить».

— И что ты предлагаешь? Посыпать голову пеплом? Не буду. Он навредил моей семье. И куче другого народа.

— Ты прав. Но я не об этом, я о том, что дальше делать, — Джа прячет в карманы озябшие руки. — Ты доверяешь Анжелике? Ворону? Они сильные конструкторы.

— Хочешь отдать им память Отшельника? — догадывается Джен.

— Мне кажется, они смогут правильно ею распорядиться.

— А что есть «правильно»?

— Я не знаю, — вскочив со скамьи, Джа трусит ногами. — «Константе» отдавать нельзя, они похоронят или, еще хуже, воплотят его план по завоеванию мира. С их-то ресурсами. Сейчас удобное время переобуться во взглядах на легализацию конструктора, всю грязную работу Отшельник сделал.

— Это разве плохо?

— Нет, но мне не нравятся их методы! Они в своем подполье исповедовали сталинский принцип «нет человека — нет проблемы»...

— Вообще-то он не сталинский, это фраза из книги «Дети Арбата».

— Да? Не важно. С машиной они и вовсе геноцид могут устроить, не напрягаясь.

— Джа, — останавливает Джен тираду. — Давай обсудим это позже, на трезвую спокойную голову.

Пророк уступает неохотно. Понуро плетется за Дженом к крыльцу, но на пороге все же останавливается, не позволив инквизитору открыть дверь.

— Как думаешь, каким образом Отшельник подсадил самый первый приемник? — спрашивает Джа тихо, из окна кухни с приоткрытой створкой доносится шум застолья. — Понятно, как он их тиражировал, подключился к одному конструктору, слепил партию, передал своим прихвостням типа Елизаветы. Но первый-то из клетки как наружу попал?

Джен задумался.

— Либо первый был посажен до клетки, либо... либо где-то есть второй ты.

— Вот именно!

Широким жестом Джа распахивает входную дверь, пропуская Джена внутрь. Уснуть сегодня будет сложно.

Утром неожиданно очнулась связь, скинула на смартфон ворох запоздалых сообщений и снова слегла. Хорошего понемногу.

В холодильнике шаром покати: бутылочки с уксусами и соусами бряцают в кармашках двери, на полках плесневелая колбаса, задубевший кусок сыра и два яйца. Выхлебав впустую чашку кофе, Джен одевается, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Джа с Олькой, и выбирается из дома в промозглый мокрый город.

Подожвы ботинок чавкают по битому тротуару. Все, что летом было пылью, в предзимовье обращается грязью. Машин нет, но Джен дисциплинированно доходит до пешеходной зебры, пересекает пустую молчаливую дорогу. Удивляется безлюдному тротуару вдоль опечатанных заборами домов. Остановившись возле одного из них, Джен нагибается затянуть развязавшийся шнурок, и тут же звонко облаян мелкой шавкой. Захлебываясь лаем, она пытается просунуть морду под забором, чтобы схватить Джена за пятку, прыгает на лист из профнастила с подтеками ржавчины.

— Слышь, ты, а ну пошел отсюда, — грубит мужской голос из-за забора. — Иначе стрелять буду!

— Чем? — от неожиданности спрашивает Джен. Сделав шаг назад, в щель между петлями калитки пытается разглядеть угрожающего.

— Дробью! Ты только сунься, мало не покажется.

— Да нафиг надо! — искренне отвечает Джен и идет прочь от истеричного мужика.

Совсем озверел народ.

Супермаркет, в котором жизнь назад Джен неосторожно раздавил пряжку на туфле Елизаветы, встречает темнотой и запертой дверью. Решетки из арматуры проглядывают через заклеенные красочной рекламой стекла витрин. Облицовочная плитка на ступенях сбита кусками, массивные бетонные клумбы вывернуты с корнем, валяются брюхом кверху посреди газона. Джен в растерянности оглядывается по сторонам, достает смартфон, сверить время, но экран упрямо показывает одиннадцатый час — не такое уж и раннее утро.

— Че, закрыто? — спрашивают из-за спины.

Джен обернулся.

Мужчине лет сорок с лишним, умные глаза за узкими очками с притемненными стеклами, спортивная куртка, рабочие, в мозолях руки. Он похож на инженера, способного разобрать и собрать любой механизм.

— Видимо, выходной, — отвечает Джен.

— Ну да.

Подойдя к двери, Инженер наклоняется к замку, подняв очки на лоб, разглядывает замочную скважину, затем щель между дверью и косяком. Присев на корточки, он сверлит щель взглядом, смахивает большим пальцем закрывающие обзор крошки.

— Ты что делаешь? — спрашивает Джен, сжимая кулаки. Он не хочет драться, но если придется...

— Если ко мне домой так заходить можно, значит, и сюда тоже, — он даже не обернулся, продолжая расщеплять засов замка.

— Мужик, я не хочу...

— Я тоже, — искренне отвечает Инженер, поднимаясь. Дверь магазина, скрипнув,

послушно открывается. — Но все магазины в городе закрыты, а мне нужно чем-то накормить девчонок.

— Прямо-таки все?

— Ты из бункера что ли вылез?

— С деревни приехал ночью. Там все спокойно.

— Повезло. Я сюда с Ипподромной пришел, по дороге все или заколочено, или разворочено. Третий день хлеба купить негде, мародеры по квартирам с обрезками ходят. А мои сейчас дома одни, поэтому или иди своей дорогой, или... закрой за собой дверь, пока другие не набежали.

Он скрывается в темноте магазина. Замешкавшись, Джен все же идет за ним.

Полки магазина пусты. Владельцы подсустились, убрали товар. Джен ловит себя на обиде за старания Инженера.

— Ты идешь? — доносится из-за стеллажей.

Джен следует за голосом в подсобку, оттуда по лестнице спускается в подвал, останавливается перед массивной дверью. Инженер уже пристроился к замку, налобный фонарик бьет ярким лучом по пятнистому полотну двери.

— Давай помогу.

Притвор двери скрывает засов, поэтому Джен берется за него. Деструкт дается сложнее, чем в логове, то ли дело в настрое, то ли в опасности, но все же Джен справляется и общими усилиями они проникают в складскую подсобку.

— Через петли было б быстрее, — запоздало предполагает Джен, помогая Инженеру заполнить полотняные сумки консервами.

— Да, наверное. Ты давно научился?

— Когда началась вся заварушка, — честно отвечает Джен. — А ты?

— Лет пять назад. Но не пользовался.

— Почему?

— А зачем? — недоумевает Инженер, укладывая в пакет пачки с рисом, горохом и гречкой аккуратными кирпичиками. — Работа есть, деньги платят, мне проще купить, чем разбираться как что устроено, чтобы правильно собрать. Так, по мелочи, интереса ради. Тарелку для жены или микросхемку для металлоискателя, которую можно найти только в Китае и еще ждать придется полгода.

Джену нечего возразить. Он набирает в сумку продукты, убеждая совесть, что его семья теперь состоит не только из тощего пророка, который мог бы перебиться сухим пайком, обещает угрюмым стенам регулярно возвращаться, когда магазин откроется, и платить наличкой, оставляя кассирам сдачу. Джену тошно быть здесь и быть причиной коллапса.

Он чувствует себя виноватым за то, что не предотвратил.

— Мы должны магазину пять тыщ рублей, — хмуро сообщает Джен, водрузив пакеты на разделочный стол перед Ольгой. Через край шуршащего бока на столешницу сразу вывалилась палка «докторской».

— У вас супермаркет открылся?!

— Нет.

Голод червем точит изнутри. Если адреналин провоцирует способности к деструкту, то перспектива положить зубы на полку должна стимулировать конструкт. Перед Дженом на

столе пласт ржаного хлеба и лист бумаги. Казалось, если иметь перед глазами оригинал, видеть его структуру, строение кристаллической решетки и количество связей, слепить копию труда не составит, но лист крошится несъедобной трухой и даже обратно в бумагу собираться не желает.

— Да что я делаю не так?!

— Ломать — не строить, а? — с доброй насмешкой доносится из-за плеча.

Джен настолько сконцентрировался, что не слышал прихода Анжелики. Отстучав тростью несколько шагов, она садится на соседний стул и, прищурившись, возвращает бумажному листу целостность.

— Представь, что это немножко магия, — говорит Анжелика, скрестив на столе длинные пальцы с бордовым, в тон гранатовому перстню, маникюром. — Ты пытаешься задействовать способности мозга, которые не понимаешь, не можешь рационально объяснить. Отбрось. Если будешь ходить, постоянно думая, когда ногу поднять, куда опустить, ты далеко не уйдешь. С конструктом то же самое. Расслабься.

Джен удрученно пялится на несъедобный лист, соображая какой ахалай-махалай необходимо повернуть, чтобы превратить его хотя бы в жвачку.

— Так! — Анжелика за локоть разворачивает Джена к себе. — Простое упражнение. Сложи ладони вместе и интенсивно потри друг о друга. Сильнее. Еще. Вот так. А теперь разведи их в стороны. Что чувствуешь?

Джен прислушивается к нервным окончаниям.

— Тепло. И... — он подбирает слова, аккуратно приближая-отдаляя ладони, — ... как будто что-то есть между ними. Упругое.

Анжелика улыбается.

— Сенсорное тело. Ты его не понимаешь, не видишь, но чувствуешь. А теперь, не сбивая настройки, потрогай сначала хлеб... теперь бумагу... Сконцентрируйся.

Джен кладет хлеб поверх листа, убирает руки и глядит на инсталляцию пристально. Он видит только серую губку теста и гладкую белизну бумаги. Джен щурится, наклоняется к ним, меняет угол зрения. Глаза устают. Раздражение закипает, сбивает дыхание и еще одна пористая крошка сыпается на бумагу. Может, он способен только губить? Ведь неспроста конструкторы работают в парах — созидатель/разрушитель. Может, некоторым просто не дано создавать? Только ломать все, к чему прикасаешься.

— Представь, что это сломанный байк, — раздается над ухом. Джа стоит за спиной, упираясь ладонями в спинку стула, на котором Джен сидит. — Как ты понимаешь, что с ним?

— По звуку.

— Ну. Сначала общий гул, потом он распадается на голоса каждой детали, и ты уже знаешь, куда подкрутить и что с ней не так. Твое чутье, вспомни, как оно...

Джен закрывает глаза, прислушивается к звукам дома, раскладывает их на шум холодильника, свист птицы, пробивающийся через закрытые стеклопакеты, шипение автомата-освежителя из гостиной, собственное дыхание, которое выравнивается, успокаивается. Открыв глаза, Джен глядит на чудаковатый натюрморт спокойно, без напряжения и концентрации, от которой вены на висках готовы лопнуть. И видит. Материя, как картинка, проявляющаяся если расфокусировать взгляд. Джен распускает спутанные волокна бумаги, лист вспухает, раздается пористой массой, темнеет. Он повторяет рисунок хлебного мякиша, который тут же отпечатывается в памяти Джена, на тех же глубоких

полках, где хранится умение дышать, ходить и различать запахи.

Оторвав от новоиспеченного хлеба бумажные хвосты, Джен отламывает кусочек себе, остальное отдает Джа и Анжелике. Пробует на вкус.

— Та же бумага, — Джен морщится разочарованно.

— А ты думал, с первого раза получится? — смеется Анжелика. — Но, вроде, съедобно.

— Терпение и труд... — Джа хлопает его по плечу.

— А сам не хочешь попробовать?

— Я? Неее. Это ты у нас кормилец. У меня мозги под другое заточены.

Джен не спорит, знает, если Джа припечет, он быстро научится, а пока именно Джену следует быстрее приспособиться к новому миру сверхъестественных способностей. И перестать их считать сверхъестественными.

Все дело в контроле. Чтобы собрать воедино нужно выстроить четкую последовательность, потрудиться. Чтобы разрушить, достаточно захотеть. На уровне конструкта материя податлива как песок, чуть толкни и распадается. Как игрушки в детстве, которые Джен научился беречь. Как упрямый тополиный ствол, который выскользнул из-под руки.

Если б только знать о конструкте раньше!

— Кто дал им право решать? — негодует Джен, кроша сконструированный хлеб по старинке — пальцами.

Анжелика, явно позабавленная наивностью, отвечает:

— Думаю, Джордано Бруно и салемские ведьмы задавались тем же вопросом.

Перед дверями ванной комнаты висят черно-синие кучи. Пока дом пуст от гостей, Джа не заморачивается, вывалил содержимое дорожных сумок прямо на пол и с прытью бывалой прачки сортирует по простому принципу: носки отдельно, белье отдельно, мембранные вещи отдельно — их можно стирать только специальным гелем, это Джа уяснил, еще год назад за счет демонстративно выброшенной «любимой кофты».

— Есть что в стирку? — спрашивает Джа, когда Джен, вытягивая по-страусиному ноги, пытается просочиться в свою комнату через завалы.

— Неа.

— Ты, блин, сначала в шкафах посмотри, а потом отвечай.

Джен послушно открывает шкаф, пялится на скомканные вещи, которые как ни раскладывай все равно превращаются в беспорядочную массу, будто по ночам развлечения ради завязываются узлами. Вытащив несколько футболок, которые проще заново постирать, чем отгладить, Джен прицельно пробрасывает их в открытую дверь, аккуратно на стопку белья.

— Слушай, я тут подумал, — доносится из ванной, — конструкт — это, конечно, круто, но нифига не панацея. Вот, например, теоретически можно отдеструктить грязь от одежды, но сколько времени на это уйдет? Задолбаешься ведь. Значит, и стиральные машинки, и порошки со всеми приблудами все равно нужны. Или мебель. Проще из досок сколотить, чем собирать. Хотя, Ритка посреди трассы вон какой крутой транспортировщик соорудила. Но все равно в промышленных масштабах трудозатраты несоизмеримы вообще.

— Может быть, — откликается Джен, не задумываясь особо, только чтобы голос подать.

На искореженный чезет больно смотреть, Джен не особо рассчитывает восстановить поникший ствол, может, в мирные времена, когда Анжелике будет нечем заняться, или когда

сам сумеет дорасти хотя бы до уровня Риты. В тайник под подоконником уже переключено все запасное оружие, сумки с похода пусты. Устроившись на кровати, Джен распаковывает ноутбук, вводит на числовой клавиатуре мудреный пароль от операционки.

— Джа? — зовет он, задумавшись.

Пророк появляется в комнате под звук набирающей воду стиральной машины.

— Ты не помнишь, номер Отшельника? Как его в документах обозначали — объект, а дальше цифры.

— Сейчас гляну, — Джа достает из кармана мобильник, елозит пальцем по экрану. — Хвала ватсапу за сохранение истории сообщений. Мне Олька отправляла или Падре? Так. Объект... объект... тридцать один — пятьдесят семь — девять — эл-эс-ка.

— О как.

— Чего?

— Открой цифровую клавиатуру и набери три-один-пять-семь-девять.

Пророк послушно повторяет манипуляции, хмыкает удивленно:

— Так просто? Даже как-то неловко за этот креатив. Гений все-таки.

— Все гениальное, как ты помнишь...

Звук подъезжающей машины для пустынной улицы стал чуждым и потому заметен. Джен подходит к окну, выглядывает на дорогу перед «клиентскими» воротами, где паркуется тонированный в круг внедорожник. Олька ездит на отцовском Форде, у Макса подержанная Тойота, Романов еще вчера приезжал на БМВ. А клиентам вряд ли есть дело до мотоциклов в разгар волнений. Рука сама тянется к прикроватной тумбочке, в которой с недавних пор обжился очередной огнестрел.

— Что там? — спрашивает Джа, напрягшись. Идет к окну, но Джен останавливает его жестом.

— Не высовывайся. Пока.

Внедорожник становится боком аккуратно напротив калитки, параллельно к забору. Очень удобная позиция, если собираешься расстрелять встречающих хозяев и быстро смыться. С высоты второго этажа Джен видит, как открывается передняя дверь, водитель выходит, огибают массивный корпус авто и, остановившись перед домом, запрокидывают голову, всматриваясь в окна его спальни.

— Даебтвою! Это Ян.

Бросив пистолет на кровать, Джен кидается к шкафу за многоножками.

— Джа, где твой ствол?

— Мы, вроде, с ними не ссорились, — неуверенно припоминает пророк, но ныряет в свою комнату за оружием.

— А мы ни с кем не ссоримся. Это с нами все ссорятся.

Хорошо, что окна зашторены, Джен спускается по лестнице, накидывает поверх многоножен теплую куртку, застегивается только на две кнопки. Сует голые ступни в трековые ботинки. У Джа экипировка тоже так себе — куртка поверх футболки, домашние штаны, кроссы на босу ногу — прям гопота районная. Пистолет в кармане наготове, Джен слышал, как пророк взводил чезет.

— Держись в стороне, — требует инквизитор. — Не лезь на рожон, ладно?

— Как скажешь, — отвечает Джа неубедительно, стягивает тугой резинкой волосы. Постригся бы уже.

Настойчивый звонок застаёт Джена на улице. Отворив калитку, он выходит за ворота.

Ян весь в черной коже не по погоде ждет у самой калитки, с пассажирского сиденья внедорожника строго следит Татьяна.

— Каким судьбами? — спрашивает Джен, дружелюбно протягивая руку для пожатия.

— Есть разговор, — Ян улыбается, но угроза, исходящая от него, ощущается физически. — Сначала я хочу кое-что тебе показать.

Грациозно соскользнув с высокого кресла, Татьяна открывает заднюю дверь авто. Лампочка в салоне тусклая, но Джен сразу узнает кудрявые волосы Риты и ее хрупкие, подростковые плечи. Лица почти не видно, голова лежит на плече Падре, руки обоих стянуты черными жгутами, ноги Риты тоже в оковах. Дернувшись к машине, Джен останавливается как вкопанный — у горла Риты, блеснув, подвис клинок.

— Стой, где стоишь, — предупреждает Татьяна, прозрачный как хрусталь клинок замер вертикально в воздухе, уткнувшись острием в сонную артерию девочки. — Они под сильными медикаментами. Пока что. Мы поговорим, потом вы их заберете. Если мы договоримся, конечно. Поэтому давай без глупостей, я учеников убивать не люблю.

Ярость разгоняет пульс, но Джен сдерживается, отступает к калитке. Дверь авто захлопнулась, пискнула сигнализация. Ян первым заходит во двор, бодро здоровается с примерзшим к крыльцу пророком. Джен временит, не желая поворачиваться к Татьяне спиной, пропускает ее вперед и оставляет калитку открытой, чтобы держать на виду внедорожник.

— Чаю не предложишь? — ухмыляется Ян загородившему входную дверь Джа.

Пророк не сдвинулся с места, руки в карманах.

— Вы поговорить хотели. Я слышал. Говорите.

Во дворе просторно, под навесом пусто, хоть танцуй. Чистая забетонированная площадка перед домом, только цветной провод детского телефона тянется от крыльца через забор к Анжелике. Пока их не было, ребята прибрали и огород, и двор, видимо, Олька так гнала тревогу вечерами, когда от работы уже ехала крыша, и забитая до краев пепельница на крыльце — тому подтверждение.

— Вы были в Кингисеппе, — говорит Татьяна. Отстучав шпильками несколько шагов к дому, она останавливается на внушительной дистанции как от Джена, так и от Джа. — Я могу понять, что вы там делали, я даже видела, как вы туда попали и могу предположить, кто вам помог. Честно говоря, мы все считали туннель байкой. Дорогая оплошность вышла, — Татьяна хмурится. — Чего я не знаю, это того, кто забрал Его память — вы или Ворон?

— Не помню, чтобы мы что-то оттуда забирали, — Джа убедительно изображает неведение. — Мы только раздолбали электронный городок и свалили.

— Не строй из себя идиота.

— Я и не строю. Мы крушили все, что под руку попадется, а память это или нет — нам откуда знать?

— Вы не настолько тупые.

— Видимо, настолько.

— Рита видела плату в вашем номере. И я очень сомневаюсь, что она бы соврала нам при таких обстоятельствах.

— Что ты ей сделала? — вскипает Джен. Держать себя в руках становится все труднее. Надежда договориться и разойтись миром висит на волоске.

— Язык развязала! Мальчики, мне очень нужна эта плата. Если она у вас, отдайте похорошему. А если у Ворона — свяжитесь с ним. Я не знаю, как, но вам лучше это сделать. И

побыстрее.

— Интересные вы люди, — Джа заводится, быстро набирая обороты. — Вы где были, пока он людей мочил направо и налево? Когда нам нужна была помощь, вы свалили, не попрощавшись, и нам пришлось решать проблему самим. Даже не зная, с чем мы имеем дело. А теперь вы заявляетесь к нам с угрозами? Требуете что-то вам отдать. Да с какой стати?

— Вы не понимаете, — качает головой Татьяна как благодетель, спустившийся с небес помочь неразумным. И если бы не запертые во внедорожнике друзья, Джен бы поверил в чистоту ее намерений. — В Его памяти лежат исследования, способные оспорить фундаментальные законы мира. И сделать очевидным существование конструктора.

— Так поздно уже.

— Еще нет, с истерией мы справимся. Но если Его разработки обнародовать — обратного пути не будет.

— А что в этом плохого?! — спрашивает инквизитор.

— Всё! Джен, конструктор хуже ядерной бомбы, потому что вездесущ и бесконтролен. Только представь, если каждый третий не в стране — на планете — осознает свои способности. К чему это приведет? А я тебе расскажу! Сначала конструкторы на правах сильных начнут причинять вокруг добро...

— Как вы сейчас? — усмехается Джа, но Татьяна игнорирует выпад.

— ... после они примутся перекраивать мир под себя. Тогда остальные — лишенная конструктора, большая часть человечества — завопят, что их права ущемляют, и конструкторы станут гонимыми. Официально. На всех уровнях. На нас объявят охоту, мы снова забьемся в свои норы, пока не найдется очередной Джен, который вылезет из своей берлоги, размахивая ярким флагом с пламенным призывом явить миру прекрасное. Этот сценарий уже повторялся и не раз. Черт, да мы с начала двадцать первого века боремся за одинаковость, а вы спрашиваете, почему нельзя показывать людям, чем они отличаются друг от друга! Это приводит только к распрям. Поэтому все, что было в Логове, должно остаться в Логове. Не надо будить зверя.

— А мне кажется, все несколько иначе, — говорит Джен. — Не будить зверя? Да он всю ходит по улицам! Оглянись! Но в этот раз остановить его у вас не получается. Для того и память нужна, как козырь в рукаве, чтобы толпа вашу шайку не затоптала. Хотите, чтобы к вам на поклон ходили за разъяснениями.

— Что б ты понимал в политике, бестолочь пещерная!

— Может, и ничего. Но достаточно, чтобы будь у нас Его память, зарыть ее подальше от ваших загребущих рук. А теперь открой машину, я заберу ребят, и валите отсюда нахрен.

— Нет памяти — нет ребят. Ян?

Джен рассчитывал на защиту забора, но кирпичная стена песком осыпается на подмерзшую землю, открывает взгляду конструктора внедорожник.

— Только тронь! — Джен бросается к Татьяне, хватая ее за горло, мешая повернуть голову.

— С кого начать? — выплевывает она Джелу в лицо.

Тонкая спица, собранная чуть выше плеча, пикирует вниз, пробивает острым носом куртку инквизитора. В руке Татьяны нож — одно лезвие без рукояти, Джен хватая ее за запястье, выворачивает, заставив закричать.

Рядом выстрел. Джа прячет пистолет в кармане, стреляет через куртку. Пуля входит в

собранный на ее пути белесый куб, он пролетает мимо Татьяны, не задев Медную. Вторую пулю Ян отбивает в стену дома как ракеткой собранным в руке бруском. Ухмыляется самодовольно, неуязвимый сукин сын.

Над Дженом дождь, мелкая острая дробь сыпется на голову, за воротник, царапает шею. Татьяна вырывается, и дождь становится гуще, будто само небо рассыпается осколками. Не закрыться.

— Может, хватит строить из себя героя?

Рванув кнопки, Джен расстегивает куртку, натягивает на голову. У Джа закончились патроны, Ян победно подкидывает в руке оружие и, метнув его в пророка, едва не задевает голову, Джа чудом успел отпрыгнуть. Дернув из многоножен сюрикен, Джен запускает его в руку Татьяны, не убить — отвлечь, выиграть мгновение. Но сюрикен ссыпается на бетон под взглядом Яна.

Конструктор быстр, у Джена не хватает скорости переключать внимание, чтобы пустить в ход свои зачаточные навыки конструктора, а Ян успевает защищать Татьяну с обеих сторон, пока она нападает. Идеальный тандем. Непобедимый.

В поле зрения сквозь дыру в заборе мелькает внедорожник. Внутри заперта Рита, девчонка, которую Джен спас однажды, но уберег ли? Или наоборот, втянул в свою войну? Стоит ли победа ее долгой счастливой жизни? В чем вообще победа, если на весах призрачное всеобщее благо против жизни его — Джена — семьи?

Инквизитор вытягивает руку, собираясь крикнуть «хватит» и тут же падает на одно колено, хватаясь за бедро, в которое наполовину зашло лезвие Татьяны.

— Ссука, — шипит Джен.

Медная со скоростью жонглера собирает в руках мелкие острые диски и метает их сюрикенами, не особо целясь. Один пропарывает Джена щеку, прежде чем инквизитор подставляет защищенную курткой спину. Выхватив из многоножен клинок, Джен разворачивается, чтобы прицелиться, но Татьяна оседает на бетон, устремив невидящий взгляд поверх дженова плеча. В ее зрачках — знакомый зум. На крыльце, привалившись спиной к перилам, забился в угол пророк.

Дотянувшись до одного из брошенных Татьяной дисков, Ян замахивается, чтобы пустить его в Джа, но Джен успевает выбить диск из его рук. Ян пытается встать. Рвется к крыльцу. Схватив конструктора за полу куртки, Джен рывком бросает его на бетон снова и снова. Уже возле ступенек ему удастся прижать Яна коленом, как жука, перевернутого на спину.

— Вот что вам... неймется... ссуки, — с каждым словом кулак инквизитора впечатывается в лицо Яна, смешивая его кровь со своей на костяшках. — Отключайся... давай...

По груди стекает то ли пот, то ли кровь от пробитого плеча. Не убивать, не убивать, не убивать, — повторяет про себя Джен как мантру, чтоб не выпустить берсерка. Ян дергается, выхватывает из-под куртки Джена стилет, метит в ребра, но промахивается, режет по предплечью. Взвыв, Джен хватается с крыльца что-то холодное и очень тяжелое, замахивается, чтобы вырубить сознание конструктора последним ударом.

— А ну хватит!

Резкий голос встряхивает, рассеивает кровавый туман в глазах. Джен опускает руку, которую свинцовой тяжестью наливает пепельница из бара Косы. У нее действительно удобный хват.

— Джен, оставь его, не надо марать руки.

Анжелика в ярко-рыжей пушистой шубке входит во двор, за ее спиной двое незнакомцев, рядом — друг, которому позволено подставить ей локоть. Она останавливается посередине, оглядывает строгим взглядом приходящую в себя четверку.

— «Константа» совсем оборзела в методах?

— У них Рита и Падре, — хрипит Джен, сплевывая кровь на бетон рядом с Яном. — Е машине.

Татьяна приподнимается на локтях, моргает часто, дышит отрывисто. Она оборачивается на пророка, который, морщась от боли, трет виски.

— Что это было? — спрашивает она. Нервно дергается уголок рта.

Джа в ответ молча показывает средний палец.

Пошатываясь, Джен поднимается, напоследок придавив коленом грудную клетку Яна так, что конструктор надсадно кашляет, пытаясь перевернуться набок.

— Машину открой, — бросает инквизитор Татьяне.

Сигнализация пискнула, щелкнули блокираторы, и Джен хромает, подволакивая больную ногу, к машине. Он уже не обращает внимания, не фиксирует, где и что у него болит. Распахнув заднюю дверь внедорожника, он пытается срезать путы на руках Риты. Догадывается запоздало, что ножом интерклюд не взять, и силится разобрать чертовы стяжки, пока Ворон не отстраняет его, прислонив спиной к забрызганным грязью бортам машины.

Ножницы дрожат в руке. Пока Джен, сидя на стуле в кухне, силится разрезать штанину, Джа шарит по аптечке в поисках перекиси, попутно сам закидывается аспирином.

— Бинты не надо, — просит Джен. — Там пластыри бактерицидные должны быть. Посмотри, большие такие.

— Промывать ты тоже пластырем предлагаешь?

Лезвие так и торчит в бедре маяком, адреналин схлынул, и теперь от боли мутнеет в глазах, но инквизитор держится из последних сил, ему нельзя отключаться, пока в доме толпа конструкторов и пара непонятно чем вырубленных коматозников.

Пропитавшийся кровью хлопок поддается плохо. Отбросив ножницы, Джен хватает со стола мясной нож и вспарывает штанину, обнажая рану.

— Давайте помогу, — предлагает Анжелика, появившись в кухне. От вида окровавленных лохмотьев она морщится сочувственно.

— Спасибо, не беспокойтесь. — Джа усмехается: — Не впервой.

Вообще-то в такое мясо Джена еще не размальывало, но Джа справляется. Свернутый плотной салфеткой бинт наготове, Джа берется за торчащий из бедра Джена тупой конец лезвия и на счет «два» вынимает из раны, зажимает ее салфеткой, которая моментально багровеет, пропитывается кровью, как промокашка чернилами. Брошенное в раковину лезвие бьется о нержавейку с металлическим звоном. Джа с прытью фокусника меняет салфетку, затем вторую. Он зажимает рану сосредоточенно, и Дженау отчего-то стыдно за свое состояние, за пропущенные удары, он ведь должен стоять скалой, броней, а сам рассыпался как трухлявый пенек, теперь ухаживай за ним, латай со всех сторон.

Не выдержав зрелища, Анжелика поднимается и, опираясь на спинки стула, идет к Дженау. Она разрезает футболку на поврежденном плече, осматривает неглубокую — почти царапина — рану с уже запекшейся кровью и, свернув из бинтов салфетку, промачивает ее

перекисью.

— Вы всерьез думали, что у вас есть шансы? — Анжелика бережно обрабатывает края раны. — Они же дрессированные.

— Дрессированные, а по жопе получили, — отвечает Джа, меняя очередную салфетку. Кровь почти остановилась. Критично осмотрев рану, Джа накладывает чистую повязку и обматывает ногу Джена бинтами. — Пластырь мне, пластырь... ты вот на это пластырь предлагал наклеить?

— Простите, был не прав.

Кисловатый запах перекиси щекочет ноздри. Джен старается не думать о боли и жалеет, что не умеет покидать тело астральной проекцией. Впрочем, резкая, «свежая» боль его волнует мало — перетерпеть час-другой, завалиться на диван и заснуть под «мыльную» серию телека. Джена беспокоит боль вдолгую, тягучая, ноющая, которая станет его ярмом на ближайшие недели, которая будет мешать ему работать и драться (не дай бог, придется). Даже в собственную спальню без нее Джена теперь не подняться.

— Анжелика, научите меня конструкту, — просит инквизитор.

— А мы с тобой вчера чем занимались тут, на кухне?

— Фокусами, — Джен морщится, когда Анжелика прикладывает пластырь к плечу и бережно разглаживает края.

— Боевой конструкт мало чем отличается. Нужно только наработать реакцию на практике. Сначала научись просто собирать предметы, а потом можно будет и спарринг устроить.

— С вами? — задрал голову Джа, затянув узел на повязке.

Несколько мягких, небрежно слепленных мячиков пикируют на него сверху и, простучав по спине, отскакивают к окну.

— Женщине нужно уметь защищаться. Так, покажи мне руку.

Порез на предплечье совсем шуточный, просто очень тонкий и оттого болючий, как на щеке. Руку Джен обрабатывает сам, пока Анжелика аккуратно стирает кровь с его лица и шеи.

— Мне показалось, — говорит Джен, — что Ян испугался, когда вас увидел.

— Не меня, а их, — Анжелика кивает в сторону гостиной, где трое конструкторов освобождают пленников от интерклюдных пут.

— Почему? — спрашивает Джа, отмывая руки. Сквозь сильный напор воды его голос едва можно разобрать. — Кто они?

— Их учителя. Петр тренировал Яна, Марк — Таню. Причем, это редкость, когда пару собирают тренера, обычно ребята сами выбирают себе партнеров, многие влюбляются, что очень приветствуется. А этих двоих подружили. У них способности равносильные, с более слабым в паре каждому пришлось бы нелегко.

— То есть, учителя приехали приструнить питомцев?

— Просто так совпало, — Анжелика выбрасывает последнюю салфетку, наскоро полощет пальцы под струей воды. — Их Ворон захватил в подмогу. Как задницей чувствовал. А Петр и Марк — тоже старая гвардия, как он сам, считайте, последняя совесть «Константы», которую постоянно затыкают. Но они до сих пор в штате. Были, по крайней мере.

— А сейчас?

— Кто знает. Если молодежь к вам по приказу «Константы» приехала, то выпнуть их —

плевок в лицо Строговскому лично. Он такого не прощает. Вы хоть расскажите, из-за чего сыр-бор весь, а то Ворон мне с порога вместо «здрасьти» гаркнул: «Где парней найти», я и расспросить не успела.

— Он обещал проводить ребят до Питера, — вспоминает Джа, вытирая полотенцем руки. — Наверное, что-то заметил. И ведь приехал же! Через всю страну, не забил, не поленился. В такое-то время. Выходит, им можно доверять? Всем троим?

— Я им доверяю как себе, — отвечает соседка. Переминается с ноги на ногу, будто ищет менее болезненную опору, и шагает к стулу, на котором оставила трость. — По крайней мере в трудные времена они меня ни разу не подводили.

Редкое свойство. Устало откинувшись на спинку стула, Джен замечает для себя, какой ценой обретается вера в человечество.

Ночью они с Джа пьют виски с колой вдвоем на кухне в компании инопланетянина Киану Ривза. Джа откопал в залежах своего старья ноутбук с сидиромом — древнюю лошадку Асус, которая работает теперь только от сети и тянет со скрипом прозрачные красоты Висты. Запасы дисков без царапин скудны, на ночь должно хватить, а днем придется тарашиться в телек с единственным работающим каналом, где новости легко спутать с очередной экранизацией Филипа Дика.

Сна ни в одном глазу.

Все тело ноет, как брошенка без самоуважения, требует внимания, пытается, за что Джен так с ним обходится. Джен не знает, как развернуться, куда вытянуть ногу, чтобы заткнуть нытье хоть на минуту, ищет удобную позу и, в конце концов, встает из-за стола, ковыляет по кухне.

Пророк тупо пялится в экран. А может, транслирует Ольке кино, раз родители упростили ее остаться с ночевкой в отчем доме. Удивительно, но до ее сознания Джа дотягивается с легкостью, почти без усилий, тогда как дезориентировать Татьяну оказалось тестом на выносливость. Еще одна задачка для досуга.

У Джена свои испытания — каждый глоток виски должен миновать рану на щеке, иначе остроты ощущений прибавится. Он запоздало вспоминает про заначку коктейльных трубочек, сделанную Джа на заре кофейного бума — не в каждой дорожной кофейне бывали трубочки, а пить через дырку в крышке он терпеть не может, потому и таскал отовсюду сразу по две или три — про запас. Вот, пригодилось. Осталось найти их на полках.

Рита появляется в кухне как призрак, бесшумно и неожиданно. В тусклом свете спотов над столом ее бледность и спутанные волосы выглядят жутко. Она скользит испуганным взглядом по Джелу от раны до раны. Плечи подрагивают. Неуверенными шагами девчонка приближается к инквизитору и падает ему на грудь, прижимается крепко, до боли.

— Я не хотела говорить, — рыдает она в футболку Джена. — Прости, я не хотела им говорить. Они заставили. Прости меня.

— Все хорошо, — шепчет Джен ей в макушку, гладит по волосам, успокаивая. — Все хорошо.

Он обещает ей, что больше не даст ее в обиду. Что все плохое закончилось, и жизнь обязательно наладится. Он просит прощения, что не смог ее защитить. Но теперь он будет рядом. Теперь она в безопасности.

Поставив фильм на паузу, Джа тощей тенью выскользывает во двор. Порыв холодного воздуха обдаёт до мурашек, и Джен прижимает Риту к себе еще сильнее, не позволяя

замерзнуть.

ЭПИЛОГ

Наконец-то снег выпал по-взрослому, лег ровной шапкой — ступишь на тротуар, и подошвы проваливаются. К обеду снегоочистительные машины добираются до их улицы, тархтят так, что за два квартала слышно. Еще бы во дворе почистили, чтобы не махать лопатой, расчищая одну дорожку к калитке, вторую — к мастерской.

У Косы по-воскресному шумно. Из динамиков долбит синтипоп времен дженовой юности. Официантка слегла с гриппом, и бармен в одиночку не справляется, только одному пива принес, второй свое допил и требует повтора. Джа по-свойски заходит за стойку, достает из-под прилавка поллитровую бутылку «Джека», пишет на стикере записку бармену и лепит ее рядом с кассой, когда будет минута, учет в их баланс.

— Зачастили вы в наши края, — поддевает Джен, разливая виски на три бокала.

Ворон улыбается джокондой, никогда не поймешь, что у него на уме — обнять тебя или дать по роже. Ни того, ни другого Джен пока еще не заслуживал, но попытки прочитать настроение конструктора его развлекают.

— Неподалеку смышленный паренек в деревне окопался. Командирую его в Питер.

— Романов навел? — догадывается Джен, вспомнив про часы, которые отправлены на покой в прикроватную тумбочку.

— Да. Поможет с технологией. Мы и четверти данных разобрать не можем. Старый хрен как будто свою систему координат придумал и в ней действовал.

— Много народу уже привлекли?

Ворон задумывается, подсчитывает в уме.

— Четырнадцать.

От грохота за спиной Джен резко оборачивается, и нога тут же напоминает о себе. Рана хоть и зажила, но временами одергивает, умиряет бойцовские инстинкты инквизитора. К счастью, поводов их использовать нет. Пока.

Бармен стоит между столиков и сквозь зубы матерится на съехавшую с подноса пивную кружку. Лужи рядом нет, видимо, была пустая, но осколки во все стороны, а ему уборка при полном зале вообще не к месту. Он сгребает ботинком особенно крупные куски стекла в кучу, чтобы никто не напоролся, пока он унесет поднос и возьмет веник.

— Погоди, дай попробую, — предлагает девчонка с соседнего столика, наклоняется над осколками и аккуратно собирает в кружку. Выходит местами неровно и с прорехами, потому она, подняв кружку, латает ее, лепит, как скульптор, до совершенства. И водружает на поднос бармена под аплодисменты всего зала.

— Помню, видел похожий фокус от Анжелики, — замечает Джа. — Только быстрее. И без доработок.

— Анжелика большой мастер, а эта девочка только учится, — Джен прикладывает к трубочке. Дурные привычки приживаются быстро. — Кстати, расскажи, как там наш Птенчик? Уже стала большим ученым?

— Она молодец, — кивает Ворон, и с его уст это — высшая похвала.

— Значит, своего напарника по мастерской я уже не дождусь. Жалко.

— Ой, да ладно тебе, — машет Джа, — может, к сезону они с Максом вернутся. Ну, или мы к ним съездим. В отпуск. Хоть раз в нормальный человеческий отпуск с Эрмитажами, Большими театрами и пьянками на каналах.

— Большой театр, вообще-то, в Москве.

— По пути заедем. Девчонок с собой возьмем, устроим роуд-трип в лучших традициях Керуака. Только без наркоты.

Словно подслушав их разговор, смартфон кого-то из посетителей долбит на весь бар ритмом Never Let Me Down Again.

— Это знак! — у Джа глаза блестят. — Матьтвою, это точно знак. Ты мне, кстати, обещал отпуск, когда все закончится.

— А все закончилось? — Джен наклоняется к трубочке за очередным глотком. Спрашивает у Ворона: — Вы так и не нашли вторую Машину?

Конструктор мотает головой.

— Вы уверены, что она есть?

— Абсолютно.

— «Константа» утверждает, что никакой рассылки компромата не было. Они бы перехватили. Старик блефовал. Из Логова нет выхода даже в сеть.

— Он не врал, — спорит Джа. — Я серьезно. И компромат существует, и вторая Машина. Мне кажется, все они перехватили и ищут ее сами, и по ушам ездят, что никакого видео нет, потому что на нем должны быть подсказки, где Машину найти. Толку-то от того, что мы забрали память, если они Машину получают?

— Иметь ее и уметь ею пользоваться — разные вещи, — замечает Джен.

— Научатся. Было бы желание.

— Почему ты так уверен? — спрашивает Ворон, нахмурившись. — Предположим, видео есть. Предположим, к Машине подключались за пределами Логова. Это может быть периферийное устройство, работающее по протоколам, которые нам неизвестны. Управлял же он разрушением приемников и тормозов.

— Нет, — упрямится Джа. — Это не дополнительное устройство, а вторая полноценная Машина. Для секса нужны двое! Я видел. Двоих одновременно. Машина не может работать параллельно на четыре сознания, сигнал смажется, сольется. Там один... как сказать?... канал. Он как луч. В одну сторону, либо передает, либо принимает. Сложно объяснить технически, просто поверь, я был к ней подключен, она так не умеет. А их было двое. У меня мозг чуть не взорвался!

Ворон угрюмо перекачивает льдинки в бокале.

Джа прав. Вторая Машина существует и искать ее нужно быстро, тихо, чтобы не спугнуть помощника, который, Джен уверен, к ней приставлен. Иначе растворится во времени и пространстве как вся пирамида Отшельника, заляжет на дно глубоко и проспит еще тридцать лет, накапливая силы, выстраивая новый замысел.

Но лезть в новую бойню Джен не намерен (и Джа не позволит). «Константа» проржавела, развалилась на два лагеря, и хотя Джелу один из них близок, это уже их война, их наследие (или наследственность?), их обязанность следить за соблюдением конструкторами принципа «не навреди». Они взяли ее на себя, когда посчитали конструктором достойным лишь избранных, когда заточили в интерклюдную клетку лучший ум поколения. Теперь пусть разгребают. У Ворона и его «Гнезда» хватит сил и возможностей. Джен не станет вмешиваться.

Но если Машина снова выжжет мозги пророку, если затронет хоть кого-то из его друзей, Джен снова встанет под ружье, ножи и любое оружие, до которого дотянется. Потому что хоть основы фундаментальных наук и пошатнулись от столкновения с конструктором, закон

защиты семьи никто не отменял.

Больше книг на сайте - Knigoed.net